

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВТУ имени П.М. Машерова

ТОМ 31

ВИТЕБСК 2020

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВГУ имени П.М. Машерова

Сборник научных трудов

2020 • Том 31

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 30.12.2019 г.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, П.А. Водопьянов, Е.В. Давлатова, А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов,
Е.В. Крикливец, И.В. Мандрик, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, Е.Ю. Муратова, В.И. Нестерович,
И.В. Николаева, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсон (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки ВГУ имени П.М. Машерова»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки ВГУ имени П.М. Машерова : сборник научных трудов. — Витебск : ВГУ
имени П.М. Машерова, 2020. — Т. 31. — 210 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Белозорович В.А.</i> Разработка концепции отечественной истории в 1948–1958 гг.	7
<i>Войцеховская Т.В.</i> Казацкие летописи как источники в современных исторических исследованиях	14
<i>Володькин А.А.</i> Формирование внешнеполитических приоритетов государств Балтии в период становления основ их суверенитета (первая половина 1990-х гг.)	20
<i>Генина Ю.А.</i> Создание Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга и его задачи на оккупированных восточных территориях	27
<i>Гребень Е.А.</i> Специфика оккупационной повседневности Беларуси 1941–1944 годов	34
<i>Дулов А.Н.</i> Женщины в промышленном производстве БССР (1920-е гг.)	38
<i>Капліёў А.А.</i> Арганізацыя сістэмы кіравання аховай здароўя ў перыяд станаўлення беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове (канец 1917 – пачатак 1919 г.)	46
<i>Косов А.П.</i> Развитие российско-американских отношений после прихода к власти в США Д. Трампа: надежды и ожидания Москвы	52
<i>Крюковский В.Д.</i> Выучка младшего начальствующего состава в волостных пунктах всеобщего ССРБ	60
<i>Мандрик И.В.</i> Исторические судьбы белорусской государственности накануне и в период Великой Отечественной войны	66
<i>Николаева И.В.</i> Материнство в государственной политике и повседневной практике женщин БССР в 1944 – начале 1950-х гг.	75
<i>Юрчак Д.В.</i> Эволюция базовых понятий, характеризующих археологическое наследие, в законодательствах БССР и Республики Беларусь	80
<i>Шевкун П.В.</i> Трансформация социальной роли белорусско-литовских православных епархий: от маргинального вероисповедания к доминирующему (последняя треть XVIII – XIX в.)	87

Философия

<i>Адуло Т.И.</i> Социальная философия и ее дисциплинарный статус в современной гуманитарной науке	97
<i>Бородуля А.А.</i> Финансовая сфера как база современных социальных кризисов	106
<i>Давлатова Е.В., Рудковский Э.И., Слемнев М.А.</i> Аксиологические основания духовного мира и образа жизни современной молодежи	111

Филология

<i>Аверьянова В.В.</i> Гипонимия в семантической структуре многозначного слова	117
<i>Азевич И.П.</i> Заголовки публицистических произведений как отражение характерных тенденций языкового функционирования	122
<i>Бордюгова Л.</i> Паремии словацкого языка в разноаспектном осмыслении	127

<i>Волк Е.А.</i> Неомифологическая эсхатология в романе «Укус ангела» П. Крусанова	131
<i>Гербик Л.Ф., Ху Цзядун.</i> Язык и культура: новые научные направления исследований в современной китайской филологии и их прикладные аспекты	136
<i>Голяк Ю.Д.</i> Принципиальная схема решения задачи автодополнения пользовательских поисковых запросов на русском языке и ее анализ	142
<i>Дорофеенко М.Л.</i> Городское ономастическое пространство: основные компоненты (на материале внутригородских названий белорусского и французского городов)	148
<i>Кабылкова А.А.</i> Творчество Владимира Крупина в контексте почвеннической прозы	152
<i>Крикливец Е.В., Дыдо А.Р.</i> Жанровое своеобразие сказочной повести в прозе Т. Янссон	157
<i>Ма Лун.</i> Фразеологизмы семантического микрополя «праздничная пища» в русском и китайском языках	162
<i>Мезенка Г.М.</i> Рэнамінацыя ўнутрыпаселішчніх аб’ектаў: сутнасць, фактары, тыпы, прычыны, перыяды	168
<i>Никитенко Т.В.</i> Определение и особенности лексикографирования негативно-оценочной лексики	172
<i>Сабуни И.Э.</i> Национально-культурная специфика некоторых фразеологизмов арабского языка с зоонимическим компонентом в сопоставлении с русскими	176
<i>Святощик М.И.</i> Перевод многообъектной семантики в однообъектную как способ минимизации семантических вычислений	180
<i>Солодовникова Т.В.</i> Концепция рекламной коммуникации Л. де Соссюра: ключевые понятия и взаимосвязи	185
<i>Степаненко С.М.</i> Семантическая структура и сочетаемостные возможности слов с латинским корнем <i>doctor-</i> и его синонимов в германских и восточнославянских языках	192
<i>Храбан Т.Е., Степаненко Е.А.</i> Феномен одиночества сквозь призму черного юмора социальных сетей	196
<i>Чекулаева А.С.</i> Темпорально-пространственная симметрия китайского языка: способы выражения	202
Персоналии	207

CONTENTS

History

<i>Belazarovich V.A.</i> Development of the Concept of National History in 1948–1958	7
<i>Voitsekhovska T.V.</i> The Cossack Chronicles as Sources in Modern Historical Researches	14
<i>Valodzkin A.A.</i> Shaping Baltic States' Foreign Policy Priorities during Maturation of the Bases of their Sovereignty (First Half of the 1990s)	20
<i>Henina Y.A.</i> Creation of Reichsleiter Rosenberg Taskforce and its Tasks in the Occupied Eastern Territories	27
<i>Greben E.A.</i> The Specifics of Everyday Life in Belarus during the 1941–1944 Occupation	34
<i>Dulov A.N.</i> Women in the BSSR Industrial Manufacture (the 1920-s)	38
<i>Kapliyev A.A.</i> Organization of Healthcare Management System during the Formation of Belarusian Soviet Statehood (the late 1917 – the early 1919)	46
<i>Kosov A.P.</i> Development of the Russian-American Relations after D. Trump Rose to Power in the USA: Moscow's Hopes and Expectations	52
<i>Krukovski V.D.</i> Training Junior Commanding Personnel at Volost (District) Military Training Stations of the SSRB	60
<i>Mandrik I.V.</i> Historical Destinies of Belarusian Statehood on the Eve and during the Great Patriotic War	66
<i>Nikolayeva I.V.</i> Maternity in the State Policy and Women Everyday Practice in the BSSR in 1944 – the Early 1950-s	75
<i>Yurchak D.V.</i> The Evolution of the Basic Concepts that Characterize the Archaeological Heritage in the Legislation of the BSSR and the Republic of Belarus	80
<i>Shevkun P.V.</i> Transformation of the Social Role of Belarusian-Lithuanian Orthodox Dioceses: from the Marginal Worship to the Dominating One (the Late XVIII – XIX Centuries)	87

Philosophy

<i>Adoulo T.I.</i> Social Philosophy and its Disciplinary Status in the Contemporary Humanities	97
<i>Borodulya A.A.</i> Financial Sphere as the Base of the Contemporary Social Crises	106
<i>Davlatova E.V., Rudkovski E.I., Slemnev M.A.</i> Axiological Bases of the Contemporary Youth Spiritual World and Way of Life	111

Philology

<i>Averyanova V.V.</i> Hyponymy in the Semantic Structure of a Polysemantic Word	117
<i>Azevich I.P.</i> Headings of Journalistic Works as a Reflection of Characteristic Trends in Linguistic Functioning	122
<i>Bordygova L.</i> Paremiology of the Slovak Language in a Multidimensional Interpretation	127

<i>Volk E.A.</i> Neo-mythological Eschatology in the Tovel “Bite of an Angel” by P. Krusanov	131
<i>Herbik L.F., Khu Tszriadun.</i> Language and Culture: New Scientific Research Trends in the Contemporary Chinese Philology and their Applied Aspects	136
<i>Goliak J.D.</i> Conceptual Scheme of the Solution for the Problem of User Search Query Autocompletion in Russian and its Analysis	142
<i>Darafeyenka M.L.</i> City Onomastic Space: Main Components (on the Material of Intracity Names of Belarusian and French Cities)	148
<i>Kabylkova A.A.</i> The Works of Vladimir Krupin in the Context of Modern Soil Prose	152
<i>Kriklivets E.V., Dydo A.R.</i> Genre Originality of the Fairy Tale Narrative in Prose by T. Yansson	157
<i>Ma Lun.</i> Phraseological Units of the Semantic Micro-Field “Holiday Food” in Russian and Chinese	162
<i>Mezenka H.M.</i> Renomination of Intra-Settlement Objects: Essence, Factors, Types, Causes, Periods	168
<i>Nikitenko T.V.</i> Qualifying and Lexicographic Features of Pejorative Words	172
<i>Saboune I.E.</i> National and Cultural Specificity of Some Phraseological Units of the Arabic Language with a Zoonymous Component in Comparison with the Russian Ones	176
<i>Svyatoshchik M.I.</i> Translating Multi-Object Semantics into Single-Object Semantics as a Method of Minimizing Semantic Calculations	180
<i>Solodovnikova T.V.</i> L. de Saussure’s Concept of Advertising Communication: Key Concepts and Relationships	185
<i>Stepanenko S.M.</i> Semantic Structure and Composition Possibilities of Words with the Latin Root <i>doctor-</i> and its Synonyms in Germanic and Eastern Slavic Languages	192
<i>Khraban T.E., Stepanenko E.A.</i> The Phenomenon of Loneliness through the Prism of Black Humor of Social Networks	196
<i>Chekulayeva A.S.</i> The Temporal-Spatial Symmetry of the Chinese Language: Ways of Expression	202
Personalities	207

ИСТОРИЯ

Разработка концепции отечественной истории в 1948–1958 гг.

Белозорович В.А.

*Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно*

В статье анализируется процесс формирования концепции истории Беларуси, представленный в двухтомной «Истории Белорусской ССР». Раскрыты этапы разработки синтетической истории Беларуси в 1948–1958 гг. Отмечается, что развитие научного знания зависело от общественно-политических процессов, определяемых решениями Коммунистической партии Беларуси. Подробно характеризуются ход и направление дискуссий по ключевым аспектам отечественной истории.

Цель статьи – раскрыть формирование основных концептуальных подходов историков по основным периодам истории Беларуси с древнейших времен по современность.

Материал и методы. *Использован корпус неопубликованных источников Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси и Национального архива Республики Беларусь, включающий в себя документы распорядительного и отчетного характера о проведенных научных исследованиях (стенограммы совещаний, отчеты, докладные записки, постановления и др.). Отдельную группу источников составляют обобщающие исследования по отечественной истории, материалы периодической печати 1940–1950-х гг. При этом применялись специальные методы исторического познания: историко-сравнительный, историко-генетический, ретроспективный анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Выявлены направления развития исторической научной мысли в контексте формирования синтетического знания о прошлом Беларуси и белорусского народа. Акцентирована роль историографической науки в осмыслении процесса развития отечественной исторической науки. Показана актуальность изучения концепции истории Беларуси на различных этапах функционирования науки. После «неудачных» с точки зрения методологии обобщающих работ 1930-х гг. «История Белорусской ССР», изданная в двух томах в 1954–1958 гг., стала первой публикацией концепции отечественной истории, удовлетворяющей требованиям Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии. Этому изданию предшествовали две «синтетические» работы: «Краткая история БССР» (1946 г.) и «История БССР» в трех томах (1948 г.). Научно-исследовательская деятельность ученых контролировалась партийными структурами. По решению Бюро Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии были подготовлены «Тезисы по основным вопросам истории БССР». Институт истории Академии наук БССР проводил общереспубликанские совещания с представителями исторической науки по вопросам организации исследований, неукоснительного следования марксистско-ленинской методологии. Текстовый материал проходил обязательное рецензирование сотрудниками Академии наук СССР. На общую ситуацию, сложившуюся в исторической науке БССР, деформирующее влияние оказали общественно-политические кампании второй половины 1940-х гг.*

Заключение. *Выявление степени научной разработки проблемы, определение кадрового потенциала науки, оценка характера авторских подходов и представлений позволяют актуализировать проблему формирования концепции истории Беларуси. Решение этой задачи поможет проанализировать движение и итоги исторической науки, обозначить постановку новых исследовательских задач.*

Ключевые слова: *историография, историография Беларуси, историческая наука, концепция истории Беларуси, обобщающие исследования.*

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 7–13)

Development of the Concept of National History in 1948–1958

Belazarovich V.A.

Educational Establishment “Yanka Kupala State University of Grodno”, Grodno

The article analyzes the process of forming the concept of the history of Belarus, presented in the two-volume “History of the Belarusian SSR”. The stages of the development of the synthetic history of Belarus in 1948–1958 are revealed. The author notes the decisive influence of social and political processes on the development of scientific knowledge presented by the Communist Party of Belarus. The course and direction of discussions on key aspects of domestic history are described in detail.

The purpose of the article is to reveal the formation of the main conceptual approaches of historians to the main periods of the history of Belarus from ancient times to the present.

Material and methods. *The corpus of unpublished sources of the Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus and the National Archive of the Republic of Belarus is used, which includes administrative and reporting documents on research (transcripts of meetings, reports, memos, resolutions, etc.). A separate group of sources consists of generalizing research on domestic history, materials of the periodical press of the 1940–1950s. Special methods of historical knowledge were used: historical-comparative, historical-genetic, and retrospective analysis.*

Findings and their discussion. *The directions of development of historical scientific thought in the context of the formation of synthetic knowledge about the past of Belarus and the Belarusian people are revealed. The role of historiography science in understanding the process of development of national historical science is emphasized. The relevance of studying the concept of the history of Belarus at various stages of the functioning of science is shown. After the “unsuccessful” generalizing, in terms of methodology, works of the 1930s, “History of the Belarusian SSR”, published in two volumes in 1954–1958, was the first publication of the concept of national history that meets the requirements of the Central Committee of the Communist Party of Belarus. This edition was preceded by two “synthetic” works: “Brief History of the BSSR” (1946) and “History of the BSSR” in three volumes (1948). Research activities of scientists were controlled by Party structures. According to the decision of the Bureau of the Central Committee of the Communist Party of Belarus, “Theses on the main issues of the history of the BSSR” were prepared. The Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR held Republican meetings with representatives of historical science on the organization of research, strict adherence to the Marxist-Leninist methodology. The text material was reviewed by the staff of the USSR Academy of Sciences. The general situation in the historical science of the BSSR was distorted by the social and political campaigns of the second half of the 1940s.*

Conclusion. *Identifying the degree of scientific development of the problem, determining the human potential of science, evaluating the nature of the author’s approaches and ideas allows us to actualize the problem of forming the concept of the history of Belarus. The solution of this problem will help to analyze the movement and results of historical science, identify the setting of new research tasks.*

Key words: *historiography, historiography of Belarus, historical science, concept of the history of Belarus, generalizing research.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 7–13)

В 1948–1958 гг. историки республики приступили к решающей фазе подготовки концепции истории Белорусской ССР, которая была воплощена в двухтомной «Истории Белорусской ССР» 1954–1958 гг. издания. После выхода «Тезисов об основных вопросах истории БССР» работа в данном направлении значительно активизировалась. Ученые получили оценочную «матрицу», своего рода указания, как правильно освещать историю белорусского народа в досоветский период. Концепция истории Беларуси разрабатывалась академическим сообществом под контролем ЦК КПБ. Поэтому дискуссии, организованные в исторической науке, преследовали одну задачу – обеспечить соответствие концепции истории БССР концепции истории СССР.

Цель статьи – раскрыть основные подходы историков к формированию концепции истории Беларуси с древнейших времен по конец 1980-х гг.

Материал и методы. В процессе разработки проблемы были использованы, прежде всего, неопубликованные источники, хранящиеся в Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси (фонд 1 «Президиум НАНБ», фонд 2 «Личные дела», фонд 3 «Институт истории НАНБ») и Национальном архиве Республики Беларусь (фонд 4п «Центральный комитет КПБ»). Важную группу источников составили синтетические издания по истории Беларуси, например, макет трехтомника «История БССР» (1948 г.). Процесс исследования предусматривал

изучение материалов периодической печати 1940–1950-х гг., что позволило раскрыть официальную оценку деятельности историков со стороны партийно-советских структур. Применялись специальные методы исторического познания: историко-сравнительный, историко-генетический, ретроспективного анализа.

Результаты и их обсуждение. Разработка концепции истории БССР в 1943–1948 гг. оказалась сложной задачей для сотрудников Института истории Академии наук Белорусской ССР. Повлияли недостаток квалифицированных научных кадров, наличие неразработанных сюжетов отечественной истории, последствия военного времени, но самое главное – отсутствие единых подходов в трактовке исторических событий. Исследовательская деятельность определялась не потребностями научного познания, а идеологической практикой. Проявлением политизации исторической науки БССР можно считать «Тезисы об основных вопросах истории БССР», разработанные в 1948 г. по указанию ЦК КП(б)Б [1]. Тезисы на основе марксистско-ленинской методологии излагали историю Беларуси с древнейших времен до образования БССР. Тем самым историки должны были руководствоваться ими, чтобы избежать «антинаучных и вредных концепций» [1, с. 89–90].

Следуя «Тезисам об основных вопросах истории БССР», сотрудники Института истории к концу 1948 г. подготовили макет «Истории Белорусской ССР»

в трех томах. Первый том охватывал период с древнейших времен до конца XVIII в., второй том – с начала XIX в. до 1917 г., третий том – от Великой Октябрьской социалистической революции до современности. Макет вышел в издательстве АН БССР тиражом в 150 экземпляров.

В процессе разработки концепции в обобщающее издание были внесены существенные изменения. Чтобы подчеркнуть единство восточных славян в Киевской Руси, белорусские земли называли «западными областями Руси», например, «западные области Руси в составе Киевского государства», «феодальные княжества западных областей Руси» [2, с. 45, 75]. Исследователи четко обозначили переход восточнославянских племен от первобытнообщинного строя к феодальной формации, минуя рабовладение. Туровское княжество они считали Турово-Пинским и включили в состав западных земель Руси Смоленское княжество [2, с. 94–97]. Образование Великого Княжества Литовского обуславливалось захватом литовцами белорусских земель [2, с. 115]. Однако в изложении внутривосточной истории прослеживалось влияние национальной историографии 1920-х гг., в частности, «Витовт и его политика в Белоруссии», а гражданская война 1432–1439 гг. была представлена как «борьба белорусских земель против литовско-польского владычества» [2, с. 190]. Войны XVII в. названы в духе российской традиции – «русско-польская война 1654–1667 гг.», «русско-шведская война 1656–1661 гг.» [2, с. 365–366]. Новым сюжетом можно назвать период правления Павла I (1796–1801). Ранее белорусские историки этот феномен не рассматривали. История Беларуси периода XIX – начала XX столетия в целом соответствовала исторической концепции, данной московскими исследователями в обобщающих изданиях по истории СССР: в выработанную схему включили белорусский материал. Исключением являлось восстание 1863–1864 гг. на белорусских землях [3, с. 107–129]. Предложенная периодизация советского периода включала исследованные еще к 1940-м гг. информационные «блоки»: Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и установление советской власти в Беларуси, борьба белорусского народа против немецких захватчиков в 1918 г., образование БССР, борьба белорусского народа против белопольских захватчиков (1919–1920 гг.), период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.), период борьбы за социалистическую индустриализацию (1926–1929 гг.), период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). К новым наработкам белорусских историков следует отнести исследования, посвященные нахождению Западной Беларуси в составе буржуазно-помещичьей Польши, Великой Отечественной войне, восстановлению и развитию народного хозяйства и культуры Беларуси после освобождения от немецко-фашистских захватчиков (июль 1944 – 1947 гг.) [4].

Однако предложенный вариант отечественной истории вновь не устроил ЦК КП(б)Б, и причину от-

каза следовало искать в низком уровне научной партийно-политической работы в Институте истории АН БССР. По поручению Центрального комитета В.А. Томашевич и Е.И. Корнейчик в декабре 1948 г. проверили состояние идейно-политической работы в институте. Представленный ими отчет содержал информацию об обнаруженных недостатках – указывалось на срыв сроков подготовки школьного учебника по истории БССР, сборника документов по истории Беларуси, очерка истории белорусского крестьянства. Проверяющие зафиксировали «нездоровую моральную атмосферу», сложившуюся в институте [5, л. 134–135].

Критические замечания в адрес ученых-историков прозвучали в отчетном докладе первого секретаря ЦК КП(б)Б Н.И. Гусарова на XIX съезде КП(б)Б в феврале 1949 г. Было отмечено, что в Беларуси выявлены серьезные ошибки националистического порядка в работах по истории БССР, по истории белорусской литературы, в школьных хрестоматиях. Докладчик назвал антиленинскими и националистическими теории «единого потока» и «золотого века». Н.И. Гусаров обратил внимание на то, что идея о преобладании феноменов западноевропейской культуры в белорусской культуре также является националистическим измышлением [6, с. 289]. Съезд предложил ЦК КП(б)Б далее разрабатывать марксистские научные труды по истории БССР, истории КП(б)Б, истории белорусской культуры, литературы и искусства [6, с. 290]. Таким образом, историческая наука была поставлена в ограниченные рамки, отход от которых угрожал определенными политическими выводами.

После съезда президент АН БССР Н.И. Гращенков, выступая 5 марта 1949 г. перед трудовым коллективом на юбилейном заседании, посвященном 20-летию академии, обозначил главную задачу деятельности ученых как борьбу с проявлениями буржуазного национализма. Под этим феноменом понимали т.н. «агентов международной реакции, питающихся и поддерживаемых капиталистическим окружением и прежде всего американским империализмом» [7, л. 145]. Н.И. Гращенков обвинил историков в допущении националистических ошибок («теоретик») о преобладающем влиянии западной культуры, о «золотом веке» в истории Беларуси. Президент Академии наук БССР заявил, что историческая наука в идеологической сфере отстает от задач, поставленных перед ней партией. Подтверждением этого вывода являлось отсутствие «марксистского курса по истории БССР» [7, л. 176].

Новый вариант концепции отечественной истории сотрудники Института истории АН БССР совместно с учеными БГУ подготовили в двух томах. Первый том охватывал период с древнейших времен до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., второй том – от «Апрельских тезисов» В.И. Ленина до 1948 г. После высказанных замечаний рукопись к началу 1951 г. была переработана. Однако наместились три спорных момента: роль и значение принятия христианства на Руси, Брестская церковная

уния и реформационное движение, оценка деятельности В. Тяпинского и С. Будного. Руководитель редакционной коллегии, директор института, академик Н.М. Никольский отвергал прогрессивность христианства, утверждал о преобладании язычества на белорусских землях до XVII в., приписывал белорусам косность и невосприимчивость к новой культуре. Его оппонентами выступили В.Н. Перцев и К.И. Шабуня. Их активно поддержал Л.С. Абецдарский.

Обсуждение макета первого тома «Истории Белорусской ССР» состоялось на ученом совете Института истории 14 сентября 1951 г. под председательством Н.М. Никольского. Компромисс по спорным вопросам между членами редакционной коллегии (Н.М. Никольский, В.Н. Перцев, К.И. Шабуня) достигнут не был. Решили провести новое обсуждение с приглашением сотрудников Института философии и Института языка и литературы АН БССР [8, л. 15–16]. Расширенное заседание ученого совета Института истории АН БССР состоялось 4 октября 1951 г. без Н.М. Никольского, который из-за болезни находился в больнице. Вел заседание заместитель директора института И.С. Кравченко. Присутствовали академики В.Н. Перцев, К.К. Крапива, главный ученый секретарь Президиума Академии наук БССР, кандидат юридических наук С.П. Маргунский, ученый секретарь Отделения общественных наук АН БССР, кандидат исторических наук Э.М. Поздняк, кандидаты исторических наук К.И. Шабуня, Л.С. Абецдарский, А.П. Скуман, Е.П. Лукьянов, К.М. Поликарпович, Н.В. Каменская, М.Я. Гринблат, А.И. Воронова, В.Р. Тарасенко, Е.И. Корнейчик, Е.М. Карпачев, А.И. Горбков, кандидаты юридических наук И.Н. Лушинский, Д.И. Серко, семь младших научных сотрудников, пять аспирантов.

Итоги дискуссии подвел И.С. Кравченко. Он заявил, что взгляды Н.М. Никольского по обозначенным вопросам неприемлемы для современной исторической науки: «Как могло быть, что господствующий класс белорусских феодалов держался одной религии – православия, а эксплуатируемый класс крестьян – другой, формально православия, а по существу язычества?» [9, л. 60]. Н.М. Никольского обвинили в том, что он «ставит на одну доску православие и католичество». Необходимо ярче показать реакционную роль Ватикана, который пытался навязать православным белорусским крестьянам католичество. Расширять информацию об ересь и о реформационном движении, чего добивался В.Н. Перцов, И.С. Кравченко посчитал ненужным делом, далеко стоящим от истории народа [9, л. 61]. Заместитель директора института высказал идею о необходимости более широкой информации о деятельности В. Тяпинского и С. Будного за их стремление просветить народ [9, л. 62]. Логика его мысли отталкивалась от положения, что в белорусской истории феодального периода очень мало личностей, и причина сложившейся ситуации заключалась не в их отсутствии, а в том, что историю писали «не патриоты народа, а враги-иноземцы, которые душили все русское в истории». Историк не соглашался с употреблением

в тексте выражения «попы – это агенты», считая его модернизацией прошлого [9, л. 63].

Ученый совет Института истории АН БССР постановил учесть итоги прошедшей дискуссии и предоставить в издательство исправленный текст двухтомника к 15 октября 1951 г. Однако в ЦК КП(б)Б хотели видеть максимально «правильную» с точки зрения концепции истории СССР обобщающую работу по истории Белорусской ССР. Для этого Институт истории АН БССР обратился за помощью в Институт истории АН СССР.

Обсуждение третьего варианта макета «Истории Белорусской ССР» состоялось 26–27 декабря 1952 г. под руководством секретаря ЦК КПБ Т.С. Горбунова. Планировалось участие 132-х человек [8, л. 69]. От Академии наук СССР в Минск прибыли академик А.М. Панкратова, член-корреспондент М.Н. Тихомиров, профессора М.В. Нечкина, А.И. Баранович, Э.Н. Бурджалов, А.В. Митрофанова, В.К. Яцунский, В.Т. Пашуто. Перед организаторами дискуссии стояла задача не допустить в тексте ошибок методологического и исторического характера, опираясь на «указания тов. Сталина по вопросам истории с учетом его гениальных трудов и особенно таких работ, как “Марксизм и вопросы языкознания”, “Экономические проблемы социализма в СССР”» [10, л. 1–2].

С основным докладом по предмету дискуссии выступил заместитель директора Института истории АН БССР И.С. Кравченко, поскольку директор института академик Н.М. Никольский по состоянию здоровья был освобожден от занимаемой должности в сентябре 1952 г. [10, л. 60]. В начале своего выступления ученый подчеркнул значение критики как фактора развития науки и отметил ведущую роль Коммунистической партии в проведении исторических исследований. И.С. Кравченко отметил, что «в результате вмешательства ЦК партии во многих областях науки были вскрыты чуждые советским людям нравы и традиции, выявились факты кастовой замкнутости и нетерпимого отношения к критике, разоблачены и разбиты различные проявления буржуазной идеологии, всякого рода вульгаризаторские извращения, разгромлен аракчеевский режим, существовавший на отдельных участках научного фронта» [10, л. 3].

И.С. Кравченко обратил внимание на «уже очевидные огрехи»: не выдержан научный принцип периодизации эпохи феодализма, способ производства завуалирован внешними политическими признаками, не раскрыта в достаточной степени проблема формирования белорусской народности, связи белорусского и русского народов. Одновременно докладчик констатировал «успешное» освещение истории Великой Октябрьской социалистической революции в Беларуси. В доказательство он привел следующие доводы: революционные события 1917 г. рассмотрены на общероссийском фоне, представлена связь большевиков Минска с Петроградом и Москвой, белорусские события соответствуют оценкам И.В. Сталина и В.И. Ленина.

Однако следовало более полно сформулировать тезис о характере советской власти как одной из форм диктатуры пролетариата [10, л. 12–14].

Выступление М.Н. Тихомирова было посвящено оценкам феноменов феодального периода. Ученый обратил внимание на отсутствие внутренней периодизации феодального способа производства, на необходимость изложения истории славян в контексте общей линии древнерусской истории, усиления в тексте антинорманизма, на слабую разработку проблемы белорусского летописания и связи с русской культурой XVI–XVII вв. Историк не нашел ответа на ряд заинтересовавших его вопросов. Почему немецкие рыцари не захватили Литовское княжество? Как жили крестьяне и ремесленники? Почему белорусский народ стал угнетаемым после Кревской унии 1385 г.? [10, л. 19–29].

Замечания профессора М.В. Нечкиной затрагивали три важных аспекта истории Беларуси. Во-первых, требовалось усилить антинорманскую теорию и отказаться от т.н. «рюриковской» концепции. Во-вторых, решить проблему происхождения белорусов. Историк задала вопрос: если белорусы произошли от кривичей, дреговичей, радимичей, украинцы – от полян, русские – от вятичей, то где – Русь? В-третьих, следовало акцентировать внимание на фактах, раскрывающих революционные, экономические и культурные связи белорусского и русского народов [10, л. 73–89].

На вечернем заседании 26 декабря 1952 г. дискуссия была продолжена. Заведующий кафедрой истории СССР Гомельского педагогического института И.А. Ильиных указал на слабую проработку проблемы этногенеза белорусов, исторической периодизации, подробно остановился на процессе развития капитализма [10, л. 91–102]. Замечания В.Т. Пашуто относились к феодальному периоду. Ученый поставил вопрос о более глубокой проработке летописей как важного типа письменных источников. Также оказалась не проанализированной общинная собственность на Руси, была дана нечеткая трактовка феодализма, не показано место Полоцко-Минской Руси среди княжеств периода раздробленности [10, л. 103–108].

Затем состоялось обсуждение макета книги «История Белорусской ССР» на совместном заседании сотрудников Института истории АН БССР и Института истории АН СССР [10, л. 4]. Прежде всего, было отмечено, что освещение первобытнообщинного строя на территории Беларуси «перегружено» археологическим материалом, недостаточно раскрыты социально-экономические процессы. Заведующий сектором истории СССР Института истории АН СССР Л.В. Черепнин внес замечание о том, что после прочтения текста, посвященного древнерусскому периоду, можно сделать вывод о преобладании в Киевской Руси рабства, хотя приведен тезис об отсутствии рабовладельческой формации. К тому же следовало глубже разработать вопрос о причинах феодальной раздробленности.

Академик А.М. Панкратова и доцент Н.В. Устюгов обратили внимание на необходимость пересмо-

треть вопрос о включении белорусских земель в состав Великого Княжества Литовского, так как в тексте рукописи завоевания литовских князей сопоставимы с монголо-татарским нашествием. Также, по мнению московских коллег, следовало бы добавить больше фактического материала о положении белорусских земель в составе Речи Посполитой, усилить аспект о стремлении народных масс Беларуси к воссоединению с русским народом, более четко обозначить капиталистические элементы в народном хозяйстве первой половины XIX в., характер реформы 1861 г., участие рабочих в революционном движении второй половины XIX – начала XX столетия. В отношении периода Российской империи рецензенты потребовали показать глубокую взаимосвязь между русским и белорусским народами, подчеркнуть «ту огромную поддержку, которую белорусские трудящиеся народные массы всегда получали от великого русского народа» [10, л. 5–6].

В освещении советского периода истории Беларуси авторский коллектив допустил ряд ошибок, в частности, неверно изложен раздел о политике сплошной коллективизации в БССР, а периодизация не соответствует «Истории ВКП(б). Краткий курс». При этом слабо освещены активность народных масс в борьбе за образование БССР, формирование социалистической культуры БССР, роль Коммунистической партии как защитницы народных интересов. Текст перегружен цифровым и документальным материалом. Отдельное внимание московские ученые обратили на главу «Воссоединение народа в едином социалистическом государстве», посчитав ее принципиально важной для советского периода истории Беларуси. Изучение процесса воссоединения Западной Беларуси с БССР и СССР в исторической науке зависело от политической оценки данного явления, исходившей от ЦК КПБ [10, л. 6–8].

В целом были сформулированы основные замечания к концепции истории Беларуси, представленной в рукописи «Истории Белорусской ССР». В ней не прослеживалась идея общности исторического развития восточных славян, Киевской Руси как колыбели трех народов (русского, украинского и белорусского), недостаточно была разоблачена норманская теория, неясно изложен вопрос образования белорусской народности, слабо показана история трудящихся масс.

Значительным недостатком посчитали тот факт, что не освещено место Беларуси в мировой истории. Связь с историей русского народа представили формально – путем увеличения объема за счет использования общерусского материала. Авторы не показали различия между собственно белорусской культурой и культурой Смоленского княжества. Из текста главы «выпал» XVIII в.

Авторам первого тома предложили пересмотреть главы, посвященные экономическому развитию Беларуси в периоды феодализма и капитализма, поскольку ученые не раскрыли внутренние закономерности развития феодальной и капиталистической формаций. В частности, следовало осветить проблему

феодальной зависимости, положения отдельных групп зависимого населения и класса феодалов, рост закрепощения государственных крестьян, увеличение повинностей в пользу государства и отдельных феодалов, рост феодалной ренты. Вопросы развития городов Беларуси, ремесла и торговли не были поставлены в контекст процесса закрепощения крестьян, что противоречило указаниям классиков марксизма-ленинизма. Требовали дополнения и уточнения вопросы соотношения отработочной, натуральной и денежной ренты в XIV–XV вв., развития товарности сельского хозяйства, эксплуатации крестьян в XVIII в., возвышения шляхетского сословия [11, л. 1–3].

Период капитализма нуждался в существенной переработке. Авторы макета не раскрыли связь между социально-экономической историей и политическими событиями. Недостаточно была показана зависимость форм революционного движения от уровня развития капитализма. Не полностью использован материал о стачках, не разграничены оборонительные и наступательные стачки. Не установлены причины экономической отсталости Беларуси в составе Российской империи, слабо отражено участие белорусов в хозяйственных и общественно-политических событиях России. Но самое главное замечание касалось ведущего положения историографии 1920–1930-х гг. о колониальном статусе Беларуси. Советская историческая наука отрицала подобное утверждение [11, л. 4–7].

Концепция истории Беларуси советского периода содержала большое количество фактов при недостаточном их теоретическом обобщении. Замечания со стороны рецензентов затрагивали ряд важных исторических проблем, актуальных для советской историографии. Это формирование белорусской нации, социалистического базиса и социалистической надстройки, роль союза рабочего класса и крестьянства в борьбе за победу социализма, две фазы развития советского государства (согласно И.В. Сталину), ликвидация хозяйственной, политической и культурной отсталости Беларуси за годы советской власти, руководящая роль КПСС в социалистическом строительстве, укрепление связи партии с массами, передовая роль «культуры великого русского народа», дружба народов СССР, братская помощь белорусскому народу всех народов Советского Союза и др. Однако следовало материал о деятельности т.н. «белорусских националистов» сократить до минимума, сделав упор на их враждебную идеологию. Слабо раскрыта связь истории Беларуси с мировой историей: «Не показано, как США, Англия, Франция санкционировали расчленение БССР, как американо-английские империалисты готовили и подготовили Вторую мировую войну» [11, л. 16]. В целом второй том макета предложили переработать в свете трудов И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР», речи И.В. Сталина на XIX съезде КПСС [11, л. 15–17].

После дискуссии состоялось совещание авторского коллектива, на котором были утверждены график работы авторов и редколлегий, планы переработки

каждой главы, новые названия глав [12, л. 89–90]. Научно-исследовательский план работы Института истории АН БССР и индивидуальные планы сотрудников подвергли корректировке. Президиум Академии наук обязал дирекцию Института истории сдать в печать макет двухтомника «История Белорусской ССР» до 1 июля 1953 г. [12, л. 96]. Однако к указанному сроку полностью подготовить рукопись не удалось. Решение об издании первого тома «Истории Белорусской ССР» Бюро ЦК КП(б)Б утвердило только 16 марта 1954 г. Тираж книги был определен в 30 тыс. экземпляров на русском и белорусском языках.

Рецензию на макет книги подготовили академик Н.М. Дружинин, кандидаты исторических наук А.В. Иванов, В.Д. Королук, А.Н. Мальцев. Сотрудники Института истории АН СССР отметили особенности издания. Это «книга об истории народных масс», классовая борьба, борьбе белорусского народа против немецких, шведских, польских и иных феодалов-захватчиков. История Беларуси представлена в контексте истории России, Украины, Польши и Литвы, однако в первую очередь раскрыта общая историческая судьба русского, украинского и белорусского народов. Авторы тома «разоблачили реакционную роль националистических партий», которые, по мнению рецензентов, сеяли межнациональную вражду [13, л. 116–117]. Московские историки не обнаружили исторических ошибок, но нашли недочеты, которые объяснили «слабой изученностью ряда проблем» [13, л. 119].

Работа над вторым томом растянулась на четыре года. Временная разбежка между выходом первого и второго томов объясняется изменениями, которые произошли в общественно-политической жизни СССР после смерти И.В. Сталина. Институт истории должен был доработать макет книги с учетом решений XX съезда КПСС. 16 октября 1956 г. ЦК КПБ принял решение об издании второго тома «Истории Белорусской ССР» к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому сотрудники сектора истории Беларуси советского периода активно включились в выполнение поставленной задачи. Дирекция института под руководством И.С. Кравченко осуществила ряд организационных мер по обеспечению успешной работы членов авторского коллектива. Им были предоставлены необходимые командировки в исторические архивы для сбора неопубликованных документов, цифровые данные из Статистического управления БССР. К тому же авторы второго тома получили возможность работать в «удобных» для них местах: будь то служебное помещение, личная квартира, библиотека, архив и т.д. [14, л. 2].

Разработка концепции белорусской истории для второго тома «Истории Белорусской ССР» имела под собой уже сформированную теоретическую и фактическую основу. К концу 1950-х гг. по ряду важных вопросов истории социалистического строительства в БССР были написаны и защищены кандидатские диссертации С.И. Сацункевичем, И.И. Саладковым, Г.А. Гречкиным, Н.Е. Завалеевым, В.А. Миловано-

вым, И.Е. Марченко, появились первые исследования монографического характера по истории Великой Отечественной войны, подготовленные И.С. Кравченко, П.П. Липило, А.И. Залесским. В результате политической «оттепели» историки получили возможность большего доступа к архивным материалам. Как результат, расширилась источниковая база исторической науки.

Со стороны научного сообщества стали поступать замечания по содержанию концепции истории Беларуси советского периода. Прежде всего, рецензенты обратили внимание на необходимость усилить аспект, раскрывающий подготовку Октябрьской революции 1917 г. в Беларуси, чтобы определить значение этого региона в общероссийском революционном движении. Недостаточно полно была освещена деятельность М.В. Фрунзе по организации минской милиции и борьбе с политической оппозицией. Появилось требование более подробно раскрыть «контрреволюционное лицо белорусских националистов» в период строительства социализма как врагов народа и пособников иностранного империализма. Авторы недостаточно глубоко показали процесс формирования белорусской социалистической нации в период формирования основ социализма: индустриализации республики, массовой коллективизации сельского хозяйства, культурной революции. Также слабо была представлена связь партизан Беларуси с партизанским движением в других республиках СССР, с частями Красной Армии. Требовалось подробное освещение деятельности подпольных организаций на территории Беларуси в период немецко-фашистской оккупации, роли советского тыла в победе над врагом [15, л. 77–79].

Много критических замечаний было сделано по послевоенному периоду отечественной истории. Рецензенты указывали на необходимость более широкого освещения роли партийных, комсомольских, профсоюзных органов в развертывании социалистического соревнования, организации масс на борьбу за технический прогресс и рационализацию производства. Кроме того, обращено внимание на многочисленные неточности, повторы в тексте, нелогичное изложение материала, недостаточно продуманную структуру работы. Это касалось формулировки новой экономической политики; определения роли кооперации в деревне. Трижды упоминалось открытие БГУ, цифровые данные в ряде случаев не доказывали исторических явлений. Вызвала критику периодизация послевоенной истории БССР по пятилетним планам. Тем самым не прослеживалась специфика изменений, наступивших в советском обществе после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. История культуры белорусского народа за сорок лет была изложена в одной главе [15, л. 81–86, 92–93].

В июле 1957 г. текст второго тома «Истории Белорусской ССР» в объеме сорока печатных листов был сдан в издательство. В его написании, редактировании, оформлении и подготовке к изданию приняли участие 28 сотрудников Института истории АН БССР и других научных учреждений республики. Второй том «Истории Белорусской ССР» вышел в 1958 г. шеститысячным тиражом на белорусском языке.

Заключение. «История Белорусской ССР» в двух томах стала первым обобщающим изданием отечественной истории, концепция которой базировалась на марксистской методологической основе и соответствовала концепции истории Советского Союза. Разработка концепции осуществлялась в три этапа подготовки: «Краткой истории БССР», «Истории БССР» в трех томах, «Истории БССР» в двух томах. Исследовательскую деятельность ученых контролировал и регулировал ЦК КПБ. С его подачи были подготовлены «Тезисы по основным вопросам истории БССР», проведены республиканские совещания историков, организованы консультации со специалистами АН СССР. Большое влияние на изучение отечественной истории оказали массовые общественно-политические кампании второй половины 1940-х гг., решения партийных пленумов и съездов.

Литература

1. Тэзісы аб асноўных пытаннях гісторыі БССР (матэрыял для выкладчыкаў, лектараў і дакладчыкаў) // Бальшавік Беларусі. – 1948. – № 3. – С. 89–144.
2. История БССР: в 3 ч. / АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Изд-во АН БССР, 1948. – Ч. I: с древнейших времен до конца XVIII века. – 457 с.
3. История БССР: в 3 ч. / АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Изд-во АН БССР, 1948. – Ч. II: с начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции. – 501 с.
4. История БССР: в 3 ч. / АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Изд-во АН БССР, 1948. – Ч. III: с Великой Октябрьской социалистической революции до 1948 г. – 482 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 245. Тезисы об основных вопросах истории БССР и сведения об аспирантах вузов БССР. 1 декабря 1948 г. – 30 декабря 1948 г. – 367 л.
6. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК: в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под ред. Г.Г. Бартошевича [и др.]. – Минск: Беларусь, 1983–1987. – Т. 4: 1945–1955. – 1983. – 527 с.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 241. Отчеты, докладные и справки директоров институтов и Академии наук БССР о научно-исследовательской работе. 17 марта 1949 г. – 23 октября 1949 г. – 385 л.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 73. Д. 15. Справки, заявления и материалы о дискуссии по макету книги «История БССР» и замечания по III разделу по книге «История» Института истории Академии наук. 1 января 1952 г. – 30 декабря 1952 г. – 75 л.
9. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 463. Протокол № 12 (стенограмма) заседания ученого совета Института истории АН БССР. 4 октября 1951 г. – 65 л.
10. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 458. Стенограмма по обсуждению макета «История Белоруссии». 26–27 декабря 1952 г. – 325 л.
11. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 464. Основные замечания по макету «История БССР» в 2-х томах, сделанные на дискуссии 26–27 декабря 1952 г. – 24 л.
12. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 693. Протоколы ученого совета. 1975 г. – 231 л.
13. ЦНА НАНБ. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 1918. Личное дело К.И. Шабуня. 1 июля 1956 г. – 13 октября 1984 г. – 224 л.
14. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 262. Отчет о научно-исследовательской работе секторов и научных сотрудников. 01 января – 01 декабря 1956 г. – 71 л.
15. ЦНА НАНБ. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 3748. Личное дело Н.В. Каменской. 27 сентября 1944 г. – 22 марта 1986 г. – 206 л.

Поступила в редакцию 08.05.2020

Казацкие летописи как источники в современных исторических исследованиях

Войцеховская Т.В.

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Днепр (Украина)

Казацкие летописи Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко – важные историко-литературные произведения конца XVII – начала XVIII ст. Долгое время в исторической науке казацкие летописи рассматривались как субъективные и недостоверные источники, которые имеют скорее литературный характер, нежели исторический.

Цель статьи – проанализировать исторические статьи и монографии 1991 г. – 2020-х гг., в которых летописи Самовидца, Грабянки и Величко использованы как источниковая база.

Материал и методы. Работа осуществлялась на основе казацких летописей Самовидца, Грабянки, Величко, а также статей и монографий нынешних украинских ученых. Методология исследования построена на принципах историзма и научности, применены методы анализа и обобщения, а также историко-типологический и историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. Летописи военных канцеляристов определяются современной исторической наукой как литературно обработанные хроники, которые, несмотря на недостоверный фактаж, все же остаются ценным источником социально-политических представлений и общественного мнения Гетманщины. Произведения Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко допустимо назвать историографическими источниками, поскольку на их материале можно изучать эволюцию украинского историописания и развитие исторического сознания. Ряд ученых, используя казацкое летописание, исследует историю идей и представлений, историю повседневности, историю понятий, историческую топонимику, вопросы гендера в XVII–XVIII вв.

Заключение. Казацкое историописание в современной историографии является важным источником для изучения интеллектуальной истории, общественной мысли и развития исторической науки.

Ключевые слова: казацкие летописи, источник, история представлений, Самовидец, Г. Грабянка, С. Величко.

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 14–19)

The Cossack Chronicles as Sources in Modern Historical Researches

Voitsekhovskaya T.V.

Oles Honchar Dnipro National University, Dnipro (Ukraine)

The Cossack Chronicles of Eyewitness by G. Hrabianka and S. Velychko are important historical and literary works of the late XVII – early XVIII centuries. For a long time in historical science, Cossack chronicles were considered as subjective and unreliable sources, which are more literary than historical.

The purpose of the study is to analyze historical articles and monographs of the 1991 – 2020s, in which the Cossack Chronicles G. Hrabianka and S. Velychko were used as a source.

Material and methods. The work was carried out on the basis of the Cossack Chronicles of Eyewitness by G. Hrabianka and S. Velychko and articles and monographs of modern Ukrainian scientists. The research methodology is based on the principles of historicism and scientificity. Methods of analysis and generalization, historical-typological and historical-system methods are applied.

Findings and their discussion. The Cossack Chronicles are defined by modern historical science as literary-processed chronicles, which, despite unreliable facts, nevertheless remain a valuable source for social and political representations and public opinion of the Hetmanate. The works of Eyewitness, G. Hrabianka and S. Velychko can be called historiographic sources, since they can be used to study the evolution of Ukrainian historiography and the development of historical consciousness. A number of scientists who use the Cossack chronicles study the history of ideas, the history of everyday life, the history of concepts, historical toponymy, gender issues in the XVII–XVIII centuries.

Conclusion. The Cossack Chronicles in modern historiography is an important source for the study of intellectual history, social opinion and the development of historical science.

Key words: Cossack Chronicles, sources, history of ideas, Eyewitness, H. Hrabianka, S. Velychko.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 14–19)

Адрес для корреспонденции: e-mail: tvoitsekhovska@yahoo.com – Т.В. Войцеховская

Казацкие летописи Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко (или так называемая «литература военных канцеляристов») являются важной частью изучения истории украинской исторической мысли XVIII века современными исследователями. Из всего массива казачьего летописания именно эти три произведения привлекают наибольшее внимание ученых, прежде всего, благодаря своей художественной образности, литературной обработке текста, раскрытию общественно-политических представлений Гетманщины и влиянию, которое летописи оказывали на историческое сознание еще как минимум 200 лет после их создания.

Долгое время в научных исследованиях преобладало мнение, что казацкие летописи содержат чрезвычайно ценную информацию по истории XVII–XVIII вв. и важные документы – письма, грамоты, привилегии, а также речи, которые записаны со слов исторических фигур. Однако уже в конце XIX в. рядом ученых были высказаны сомнения в подлинности документов, включенных в текст казачьих хроник, и в целом достоверности фактографических свидетельств, представленных военными канцеляристами.

В нынешней украинской историографии восприятие и использование казачьих летописей освещалось не многими исследователями. В статьях И. Дзыры рассмотрено изучение летописей Самовидца, Грабянки и Величко в XIX веке [1; 2]. Вопрос исторических произведений казачьей старшины в работах советских ученых также охарактеризован И. Дзырой [3]. Несмотря на основательный обзор хроник военных канцеляристов и ценные наблюдения историка, казацкие летописи анализируются в общем контексте украинской исторической мысли XV–XVIII вв. Такой широкий объект исследования не охватил всех особенностей восприятия учеными исторических произведений казачьей старшины. Хронология историографического обзора научных публикаций советских исследователей ограничивается лишь серединой 30-х годов XX века. В современной исторической науке отсутствует работа, которая бы характеризовала описание и оценку важных источников украинской общественно-политической мысли – казачьих летописей на протяжении XVIII–XXI вв. Не представлена и работа по применению литературы канцеляристов в сегодняшней историографии, где учитывается фактографическая недостоверность летописей Самовидца, Грабянки и Величко.

Цель статьи – проанализировать исторические статьи и монографии 1991 г. – 2020-х гг., в которых летописи Самовидца, Грабянки и Величко использованы как источниковая база.

Материал и методы. Для написания работы исследовались следующие источники: летописи Самовидца, Г. Грабянки, С. Величко, а также статьи и монографии современных украинских ученых.

Методология данной научной публикации построена на принципах историзма и научности. Принцип

историзма позволил проследить эволюцию в восприятии казачьих летописей – от сугубо исторических источников, какими их видели первые издатели и исследователи, до барокковых историко-литературных конструкций. Принцип научности помог на основе проанализированных работ охарактеризовать распространенные темы исследования казачьих летописей, а также раскрыть широкие возможности летописей Самовидца, Грабянки и Величко как исторических источников в современной исторической науке. Применены методы анализа и обобщения, а также историко-типологический и историко-системный методы. Анализ исторических работ построен согласно тематическому, а не хронологическому принципу.

Результаты и их обсуждение. Начиная с момента археографических публикаций летописей и до начала XX в. исследователи высказывали различные мнения относительно источниковедческой ценности казачьих летописей. Первое издание летописи Самовидца (1846 г.) О. Бодянским сопровождалось вступлением П. Кулиша об источниковедческой ценности и актуальности работы Самовидца. И. Самчевский, который подготовил вторую публикацию «Действий презельной брани» Г. Грабянки (1854 г.), а также издал 3-й и 4-й тома произведения С. Величко (1855 и 1864 гг.), подчеркивал достоверность исторического нарратива работ казачьих канцеляристов. О. Левицкий при издании летописи Самовидца в 1878 году отмечал крайне высокую источниковедческую ценность данного текста, несмотря на фактические ошибки, которые были допущены или автором, или переписчиками. Такие историки, как Н. Костомаров и В. Антонович, активно использовали представленные канцеляристами факты для своих научных работ и романов. В противоположность восприятию произведений казачьей старшины как фактографических исторических источников выступали исследователи Г. Карпов, М. Максимович, И. Франко и М. Грушевский. Они более скептически относились к научному наследию канцеляристов, говорили о литературном и даже беллетристическом характере казачьих летописей. Благодаря таким исследованиям уже в начале XX века казачьи хроники начали воспринимать как литературно обработанную историю.

Правда, в конце XX – начале XXI в. литература канцеляристов снова активно используется как исторический источник в научных трудах, однако в них существенно изменяется предмет исследования.

Н. Яковенко рассматривает казацкие летописи Самовидца, Грабянки и Величко как источники по истории общественной мысли, источники по истории идей и представлений Украины XVIII века. Довольно часто в ее научных трудах можно встретить толкование понятия отечества, вопрос этногенеза казачества, политические предпочтения старшины Гетманщины в текстах «шедевров литературы канцеляристов». В «Очерке истории Украины» исследователь подчеркивает, что «казачья публицистика, одетая в одежду историописания (так как должна была на драматично

монументальных примерах показать действия казачества), имела генеральную цель обосновать правомерность точки зрения старшины на Украину как законную отчину казаков» [4, с. 290]. Н. Яковенко в текстах казачьих летописей анализирует, как применялось понятие «отечество» и по отношению к украинским землям. Также Н. Яковенко изучала на материалах текстов Самовидца, Грабянки и Величко вопрос легитимности казачьих завоеваний. По мнению ученого, казачья концепция истории опиралась на три основных тезиса: законность казачьего владения вытекала из рыцарской службы благородных казаков разным династиям и продолжалась до тех пор, пока властелины уважали их права; казаки представляли интересы всего народа, поскольку защищали благочестивую веру; казачий народ имел естественное и Богом данное право на свои вольности [4, с. 292–293].

Кроме того, Н. Яковенко обратила внимание, что именно С. Величко создал образ Запорожской Сечи как своеобразный мессианский символ в истории украинского народа и квинтэссенцию народовластия [4, с. 293].

В монографии «Зеркала идентичности» [5] автор использует казачье летописание как источник для исследования истории идей. Прежде всего, речь идет о представлении казачьей элиты относительно природы репрезентации и обязанностей власти (раздел «Хозяева отечества»). По словам ученого, с 1649 года «фиксируются попытки придать гетманству сакрализованное содержание с помощью риторических, идеологических и дипломатических средств, что превращало гетманское правление, добытое “през саблю”, во власть, дарованную от Бога» [5, с. 405]. По заключению Н. Яковенко, одним из создателей этой идеи, бесспорно, был Г. Грабянка. Концепция принятия Гетманщины в подданство к русскому царю изучалась на материалах текстов Грабянки и Величко. Проанализировавшая летописи исследователь считает, что это соглашение расценивалось как военный союз и опека, но не полноценное подданство или рабство [5, с. 412]. Ученый также освещает вопрос отождествления гетмана и народа как единого целого, преимущественно в тексте С. Величко, и сравнения шляхетской и казачьей модели «народовластия». Н. Яковенко подчеркивает, что «довольно частыми у “летописца” являются апелляции к “народу” как суверену, которому принадлежит *summa potestas* в государстве, что также совпадает с речепосполитской доктриной власти» [5, с. 417].

Исследование понятия «отечество» было весьма актуальным среди исторических публикаций конца XX – начала XXI в. Одним из них явилась статья Ф. Сысина, посвященная анализу «отчизны» в политической культуре начала XVIII века, а источником для этого выступила летопись С. Величко. Работа Ф. Сысина показывает: польская концепция «отчизны» как государства, с его территорией и населением, была адаптирована к Гетманщине. Несмотря

на то, что этот термин имел и отдельное альтернативное применение, понятие «отчизна» трансформировалось из речепосполитского в казачье. По словам исследователя, «текст Величко показывает сдвиг в концептуализации родины от старой Речи Посполитой к Украине и ее политических структур» [6, с. 11], а составляющие данной концептуализации адаптированы к украинской политической культуре в период после гетманства Хмельницкого. Ведь время Руины было достаточно нестабильным и границы государства часто менялись [6, с. 13].

Ф. Сысин отмечает, что С. Величко называл отечеством или родиной Украину, Малую Россию и Украину Малороссийскую. Главная цель «летописца» – это призыв к заботе и сохранению целостности своей родины, ведь ее интересы всегда должны быть, прежде всего, а верность ей легитимизирует даже сопротивление существующему политическому строю. По заключению исследователя, такое важное значение «отчизна» приобрела именно в XVIII веке во время правления гетмана И. Мазепы, а собственно идея «отчизны» и сформировала измененную украинскую идентичность.

Еще одной статьей Ф. Сысина, где казачье летописание использовалось как источник для истории представлений и истории политических идей, является «Образ России и украино-российских отношений в украинской историографии конца XVII – начала XVIII века» [7]. При анализе употребления терминов «Московия», «Россия», «Малороссия», общих черт и противопоставления украинского исторического сознания с российским исследователь применял в качестве источника украинские летописи, написанные в течение 1670–1720 гг. К ним относятся «Кройника» Софоновича, Густинская летопись, «Синописис» и летописи Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко. Ф. Сысин обращает внимание, что проблемой данного исследования является то, что эти термины не имели четко выраженного значения в эпоху раннего модерна и в период эволюции употребления термина «Малороссия». «Кройнику», Густинскую летопись и «Синописис» ученый называет монашеской историографией и описывает влияние, которое она оказала на становление российского исторического сознания. По мнению исследователя, эти памятники подготовили историческую основу для взгляда на украинцев и русских как на часть «славянорусского народа» периода Киевской Руси. Историческое прошлое Киевской Руси в этих текстах использовалось для идеологических потребностей российского самодержца. В итоге украинское монашеское историописание национализировало русскую историографию и сделало невозможным возведение русской идентичности только к отождествлению с династией или государством, а попытка слияния украинской и русской истории в этих текстах выглядела неубедительной.

Другую группу отечественной историографии раннего модерна представляют казачьи летописи,

которые демонстрируют противоположное видение московского/российского государства и их правителей. Летопись Самовидца, несмотря на значительное внимание к описанию событий в России и деятельности русской администрации в Гетманщине, особенно после Переяславского соглашения, достаточно редко рассказывает об украинско-российских отношениях. Однако, по словам Ф. Сысина, автор летописи показывает свое негативное отношение к Петру I в рассказах о его жестокости и военных поражениях, а также часто вспоминает Сибирь как место ссылки украинцев. Самовидец подчеркивает обособленность московского и казачьего народов и отмечает, что военное соглашение с русским царем не стало поводом для единения с Россией.

Вторая часть произведения Г. Грабянки сосредотачивается именно на истории украинско-российских отношений, участниками которых выступают две страны и два разных народа. Основная цель «летописца» – легитимизировать казачьи права и привилегии путем описания Переяславского соглашения как добровольного военного союза, а правления Б. Хмельницкого как идеальной модели отношений между Гетманщиной и Россией [7, с. 449]. По заключению Ф. Сысина, Грабянка акцентирует внимание на разнице общественно-политического устройства украинцев и русских, несмотря на подданство единому царю, а критика гадяцким полковником царской политики иногда была настолько острой, что ее даже не допустили к печати при публикации летописи. По наблюдению исследователя, у «Величко находим еще больше, чем у Грабянки, свидетельств того, что политика царя и российских чиновников часто была губительной и натывалась на сопротивление различных групп украинского общества» [7, с. 458]. «Он подал широкие сведения об интеграции Украины в Россию и нарушении Россией политической и религиозной автономии Украины... Но он придерживался мнения, что Малороссия и малороссийский народ находились в отношениях с самодержцем, который связал себя в Переяславе присягой уважать их вольности» [7, с. 460].

Итак, по мнению ученого, украинская монашеская историография ввела понятия «народ» и «восточно-славянское сообщество» в российское историописание и даже укрепила уверенность в правомерности наследственных претензий русского царя к Украине. Одновременно казачье летописание создало образ украинско-российских отношений, который влиял на украинское историческое сознание XVIII–XIX вв.

Одним из современных историков, который исследует казачье летописание, является И. Дзыра. Большинство его работ сосредотачивается на вопросах историографического характера, однако статья «Летопись Самовидца как источник исторической топонимики» показывает широкие возможности использования казачьего летописания как источников [8]. Текст летописей позволяет рассмотреть систему географических понятий Украины и соседних государств вто-

рой половины XVII века и проследить историческое развитие топонимической лексики и национальной диалектологии. Стоит отметить, что именно в статье И. Дзыры топонимы впервые стали объектом специального исследования. Ученый обращает внимание на употребление национальных топонимов, особенно на термины «Украина» (более 70 раз) и отсутствие термина «Малая Россия» [8, с. 140]. И. Дзыра поднял вопрос употребления топонимов в виде тропов, поскольку летопись является произведением эпохи барокко. Важным моментом исследования являются морфологические и фонетические изменения, которые произошли в топонимах, а также изменения определенных топонимов в текстах Самовидца и более поздних хроник – «Действий...» Г. Грабянки и «Краткого описания Малороссии». Несмотря на небольшой объем статьи, И. Дзыре удалось ответить на ряд существенных вопросов исторической топонимики и диалектологии.

Большое количество работ по тематике казачьего историописания присутствует в трудах А. Бовгири. Статья «“Герои” и “антигерои”, “другие” в казачьем историописании XVIII в.» посвящена характеристике комплекса представлений, образов, оценок исторических фигур в литературе канцеляристов [9]. Исторические памятники XVIII века создали собственный пантеон «героев», который возглавляет, бесспорно, Б. Хмельницкий и, соответственно, круг «антигероев». Их изучение позволяет проследить политические идеи и предпочтения эпохи раннего модерна, а собственно казачьи летописи являются ценным источником по истории общественной мысли. Яркий пример – анализ А. Бовгирей образа И. Мазепы в текстах военных канцеляристов. Переход гетмана на сторону шведского короля Карла XII в Северной войне привел к созданию образа «гетмана-предателя». Для дискредитации Мазепы в общественном сознании жителей Гетманщины использовались политические (царские указы, манифесты) и религиозные факторы (анафема). Однако в исторических произведениях, по словам А. Бовгири, мы видим другую картину: «Примечательно, что в трех классических казачьих летописях Мазепа – представитель “старожитной шляхты украинской”, “значительный шляхтич козако-русский”. Впрочем, позже сложилась традиция, по которой он позиционировался как “естественный польский шляхтич”, чтобы подчеркнуть непричастность “малороссийского народа” к его поступку» [9, с. 344]. Исследователь подчеркивает, что фигура гетмана в летописях Грабянки и Самовидца нейтральная и только у С. Величко – отрицательная, но это обусловлено личным отношением «летописца» к И. Мазепе без упоминания о его переходе на сторону шведов. В тексте С. Величко негативная оценка Мазепы не связана с его выступлением против Петра I, а объясняется тем, что гетман был врагом покровителя Величко – В. Кочубея. «Летописец» даже называет его «хитрым махивелем». В летописях Г. Грабянки и Самовидца мы видим нейтральное отношение к И. Мазепе [9,

с. 344]. В целом фигура гетмана в этот период не приобретает особую популярность в историописании, поскольку «идеальным правителем» изображают Б. Хмельницкого.

Портреты польских и российских монархов и турецких султанов преимущественно нейтральные, поскольку канцеляристы всю ответственность за негативную политику и решения в отношении Гетманщины возлагали на окружение правителей.

Во второй части статьи А. Бовгиря обращается к вопросу «других», то есть представителей иных этносов, и об их восприятии в XVIII веке. В круг этих этносов исследователь включает жителей Западной Европы, россиян, балканские и дунайские народы, поляков, евреев, татар и турок. Показательно, что канцеляристы Гетманщины отделяли себя как казачий народ от других этносов. Нейтральную оценку в летописях имеют жители стран Западной Европы, в большинстве случаев россияне и балканские народы, а поляки и евреи часто вызывают недовольство. Однако наиболее негативный образ в историографии XVIII века присущ туркам и татарам. По заключению ученого, создание подобных характеристик «других» и противопоставление им себя является одним из элементов конструирования идентичности в исторических произведениях Гетманщины.

В разделе коллективной монографии «Академические и доакадемические образы украинской историографии» А. Бовгиря оценивает образы казачьего историописания XVII–XVIII вв. [10]. Первая часть раздела посвящена задачам казачьих летописцев, источниковой базе летописей, их структуре и вопросу авторства. По мнению исследователя, основная цель историописания канцеляристов заключалась в доказательстве давности происхождения «казачьего малороссийского народа» и тезиса, что его автономные права и привилегии являются незыблемыми.

Вторая часть статьи описывает конструирование идентичности и видение истории в казачьем историописании. Идентичность имеет два определяющих фактора – это этногенез и территория. В отличие от церковных историков XVIII в., которые обращались к библейским сюжетам, казачьи летописцы использовали античные темы. Этногенез казачества выводился от хазарских племен, эта концепция была заимствована из польской идеи сарматизма. «Хазарская концепция давала возможность казачьим летописцам, опиравшимся при этом на древнюю европейскую традицию, разработать ветхозаветную генеалогию происхождения украинцев-хазар, по которой последние были потомками Гомера – Ноева внука» [10, с. 175]. Для определения территории в казачьих летописях применяется несколько названий – это «Украина», «Русь/русская земля», «Малороссия». Термин «отечество» употреблялся преимущественно по отношению к Речи Посполитой, но, начиная с летописи С. Величко, «казачье отечество» вытесняет «речепосполитское» [10, с. 183].

А. Бовгиря исследовал вопрос репрезентации картины прошлого казачьими летописцами, в частности, их мотивы для создания работ, сравнение описания возникновения Гетманщины, войны под предводительством Б. Хмельницкого и событий Руины. По мнению ученого, казачьи летописцы в своих произведениях определили для себя главные события (война Хмельницкого, войны с турками, восстановление гетманата), а все другие события и явления трактовались как второстепенные и зависели от причинно-следственных связей с важнейшими фактами историописания Гетманщины. Используя эту концепцию, канцеляристы также легитимировали давние казачьи права и вольности.

Другой новой темой, которую раскрывают исследователи на материалах казачьего летописания, является роль женщины в эпоху Гетманщины. В работе Ю. Пидмогильной «“Барокковый исторический роман” Г. Грабянки и его героини» анализируется положение и влияние женщин на политическую ситуацию и военное дело в XVIII в. [11]. «Действия презельной брани» были выбраны автором из-за того, что Г. Грабянка из всей литературы канцеляристов наиболее полно описывает женскую историю, в его произведении женщины действуют самостоятельно и выражают свое мнение. Ведь до этого роль женщин в основном сводилась к малозаметным конспективным свидетельствам и описанию их как безвольных жертв. Особое внимание Ю. Пидмогильная уделяет изображению Грабянкой княгини Вишневецкой и Розанды Лупул. В итоге исследователь убеждена: анализ женских образов показывает, что женщины не безвольные участницы исторических событий, а в ряде случаев именно их роль была ключевой.

Вопрос создания казачьих мифологем поднят в монографии П. Кралука [12]. По наблюдению автора, казачий миф сформировался в начале XVII века и испытывал заметные изменения в соответствии с трансформациями украинского социума. Исследователь изучает возникновение мифологем о казаках от времени раннего модерна до современных дискурсов XXI века. Важное место в системе идеологии казачества занимает так называемое летописание эпохи Гетманщины. По мнению ученого, летопись Самовидца далека от идеализации и казачества как сословия, и гетмана Б. Хмельницкого. А вот «Действия презельной брани» Грабянки создают целый ряд мифологем, которые доминировали на протяжении XVIII века. К ним П. Кралука относит следующие утверждения: «Казаки – мужественные и справедливые люди, которые не повинуются угнетателям и хотят свободы; Хмельницкий – главный казачий герой, воплощение лучших черт казачества; поляки – самые большие враги казаков; россияне, собственно, москвиты – друзья и покровители казачества» [12, с. 151]. Мифология С. Величко во многом совпадает с концепциями произведения Грабянки. Это касается идеализации казачества, изображения Б. Хмельницкого как Моисея, призванного освободить народ от рабства, и позитивное

отношения к российскому государству как военному союзнику. Однако многие исследователи, в том числе П. Кралюк, обращают внимание, что С. Величко является автором мифологемы о Запорожской Сечи как альтернативы, временами «неразумного» правления и противоречивых поступков некоторых гетманов. По словам ученого, Запорожская Сечь для канцеляриста – это «организация, где каждый свободен в своих действиях, имеет право голоса, хотя и подлежит общей дисциплине. Величко даже находит выразителя своих взглядов – Ивана Сирко» [12, с. 156]. Учитывая мощное влияние, которое оказывали казацкие хроники на дальнейшее историописание и художественную литературу (Н. Костомаров, П. Кулиш, Т. Шевченко), следует подчеркнуть актуальность темы исследования возникновения казацких мифологем.

Заключение. Современная историография рассматривает литературу канцеляристов как многоплановые историко-литературные конструкции, отказавшись от восприятия казацкого историописания как недостоверных, с точки зрения фактографических сведений, и субъективных исторических источников.

Летописи Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко можно назвать историографическими источниками, ведь они отражают факты из истории украинской исторической науки, дают возможность изучать процесс накопления исторических знаний и особенности формирования исторического сознания XVIII века.

Литература канцеляристов служит ценным источником для изучения общественного мнения XVII–XVIII вв., социально-политических предпочтений казацко-старшинской элиты, их способов легитимации во время постепенного угасания автономии Гетманщины. Исторические произведения казацких «летописцев» имели цель подтвердить законность древних прав и вольностей запорожских.

Вышеупомянутые ученые применяют казацкие летописи для изучения, прежде всего, истории идей и представлений, истории повседневности, истории понятий, исторической топонимики и даже гендерных исследований. Важным аспектом при этом остается проблема влияния хроник Самовидца, Грабянки и Величко на формирование украинской идентичности и процесс национального возрождения.

Следовательно, казацкое летописание, несмотря на определенную недостоверность фактов, продолжает служить важным источником для нынешних исследований в области интеллектуальной истории.

Особую актуальность приобретают анализ литературы канцеляристов во всей современной историогра-

фии и обобщающая работа по восприятию и использованию летописей Самовидца, Грабянки и Величко в исторических и литературных трудах XVIII–XXI века.

Литература

1. Дзира, І.Я. Українське літописання XV–XVIII ст. у вітчизняній науковій літературі 1830–1860-х рр. / І.Я. Дзира // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: зб. наук. пр. / Інститут історії України; відп. ред.: Г.В. Боряк. – Київ, 2015. – Число 26–27. – С. 223–241.
2. Дзира, І.Я. Українське літописання XV–XVIII ст. у вітчизняній історіографії 1871–1917 рр. / І.Я. Дзира // Проблеми історії України XIX – початку XX ст.: зб. наук. пр. / Інститут історії України; гол. ред.: О.П. Ресент. – Київ, 2011. – № 19. – С. 429–458.
3. Дзира, І.Я. Українське літописання XV–XVIII століть у вітчизняній історіографії 1918–1935 років / І.Я. Дзира // Український археографічний щорічник. – 2012. – Вип. 16–17. – С. 300–326.
4. Яковенко, Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. / Н. Яковенко. – К.: Генеза, 1997. – 380 с.
5. Яковенко, Н. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII ст. / Н. Яковенко. – К.: Laurus, 2012. – 472 с.
6. Сисин, Ф. «Отчизна» у політичній культурі України початку XVIII століття / Ф. Сисин // Україна модерна. – 2006. – Число 10. – С. 7–19.
7. Сисин, Ф. Образ Росії та українсько-російських взаємин в українській історіографії кінця XVII – початку XVIII сторіччя / Ф. Сисин // Переяславська Рада 1654 року (Історіографія та дослідження) / НАН України, Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського, Наук. т-во ім. Шевченка в Америці, Канад. ін-т укр. студій; редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич [та ін.]. – Київ, 2003. – С. 431–462.
8. Дзира, І. Літопис Самовидця як джерело історичної топоніміки / І. Дзира // Спеціальні історичні дисципліни. – 1999. – № 3. – С. 136–144.
9. Бовгиря, А. «Герої» та «антигерої», «інші» в козацькому історіописанні XVIII ст. / А. Бовгиря // Історіографічні дослідження в Україні: зб. наук. пр. / Інститут історії України НАН України; редкол.: В.А. Смолій. – Київ, 2014. – Вип. 25. – С. 341–356.
10. Бовгиря, А. Образи козацького історіописання XVII–XVIII ст. / А. Бовгиря // Академічні й доакадемічні образи української історіографії: колективна монографія / НАН України. Ін-т історії України; відп. ред. та керівник авт. кол. О.А. Удод. – Київ, 2012. – С. 150–193.
11. Підмогильна, Ю. «Бароковий історичний роман» Г. Граб'янки та його героїні / Ю. Підмогильна // Літературознавчі обрії. Праці молодих вчених / Ін-т літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України; редкол.: Т.І. Гундорова [та ін.]. – Київ, 2014. – Вип. 21. – С. 133–141.
12. Кралюк, П.М. Козацька міфологія України: творці та епігони / П.М. Кралюк. – Х.: Фоліо, 2017. – 394 с.

Поступила в редакцію 28.05.2020

Формирование внешнеполитических приоритетов государств Балтии в период становления основ их суверенитета (первая половина 1990-х гг.)

Володькин А.А.

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск

Хронологические рамки исследования охватывают период 1991–1995 гг. Когда Верховные Советы Литовской, Эстонской и Латвийской ССР приняли декларации о восстановлении их государственного суверенитета, даже западные страны, большинство из которых не признало включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза летом 1940 г., не спешили налаживать с ними официальные контакты. Поэтому именно полоса международного признания государств Балтии и установления с ними дипломатических отношений в 20-х числах августа 1991 г., знаменовавшая собой начало полноценного осуществления этими тремя странами суверенной внешней политики, взята в качестве нижней хронологической границы исследования. В то же время с некоторой долей условности за верхнюю хронологическую границу была взята подача Латвией, Эстонией и Литвой официальных заявок на вступление в ЕС в октябре – декабре 1995 г.

Цель статьи – выявить и проследить основные тенденции и динамику формирования внешнеполитических приоритетов Литвы, Латвии и Эстонии в 1991–1995 гг., когда после восстановления независимости складывается политическая система этих стран.

***Материал и методы.** Основными источниками исследования послужили материалы ведущих СМИ государств Балтии, а также научные публикации по различным проблемам внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии. Методология же данной работы опирается на сочетание методов исторической науки с отдельными подходами теории международных отношений и внешнеполитического анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** Показаны динамика отношений Литвы, Латвии и Эстонии с Россией, США и европейскими структурами, а также развитие трехстороннего сотрудничества самих этих стран и их взаимодействие с соседними государствами Северной Европы в рассматриваемый период.*

***Заключение.** На основании анализа внешнеполитической повестки государств Балтии автор выделяет главные векторы их внешней политики, к которым относит российский, европейский и трансатлантический, и делает выводы о месте каждого из них в иерархии внешнеполитических приоритетов этих стран в обозначенный период.*

***Ключевые слова:** государства Балтии, Литва, Латвия, Эстония, история внешней политики.*

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 20–26)

Shaping Baltic States' Foreign Policy Priorities during Maturation of the Bases of their Sovereignty (First Half of the 1990s)

Volodkin A.A.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

The research chronological frames are the period of 1991–1995. When the Supreme Councils of the Lithuanian, Latvian and Estonian SSRs adopted declarations on the restoration of their state sovereignty even Western countries, most of which had not recognized the inclusion of Latvia, Lithuania and Estonia into the USSR in the summer of 1940, were not in a hurry to establish official contacts with them. That is why the strip of international recognition of Baltic States and the establishment of diplomatic relations with them in the 20-s of August 1991, which symbolized the beginning of their sovereign foreign policies, is taken as the lower research chronological borderline. Thus, somewhat arbitrary, the submission by Latvia, Lithuania and Estonia of official applications for admission to EU in October – December 1995 is considered to be the higher chronological borderline.

The purpose of this article is to reveal and trace the main trends and dynamics of the formation of foreign policy priorities of Lithuania, Latvia and Estonia in 1991–1995, when the political systems of these states were formed after the restoration of their independence.

Material and methods. The main sources of the study were the materials of the leading Baltic States media, as well as research publications on various foreign policy issues of Lithuania, Latvia and Estonia. The research methodology is based on a combination of the methods of historical science with individual approaches of the theory of international relations and foreign policy analysis.

Findings and their discussion. The article reflects the dynamics of relations of Lithuania, Latvia and Estonia with Russia, the USA and European structures, as well as the development of trilateral cooperation between these states and their interaction with neighboring states of Northern Europe during the period under review.

Conclusions. Based on the analysis of the foreign policy agenda of the Baltic States, the article reveals the main vectors of their foreign policy, which include Russian, European and Transatlantic; the author draws conclusions about the place of each of them in the hierarchy of foreign policy priorities of these states in the period under review.

Key words: Baltic States, Lithuania, Latvia, Estonia, history of foreign policy.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 20–26)

Первая половина 1990-х гг. была чрезвычайно важным этапом в истории развития Литвы, Латвии и Эстонии. После восстановления независимости в 1990–1991 гг. начинают заново складываться основы их государственного суверенитета. В этот период все три страны принимают конституции и формируют новую систему органов государственной власти, которые закладывают основы их суверенной внутренней и внешней политики. Хотя некоторые важные внешнеполитические ориентиры государств Балтии были заданы их новой национальной идеологией еще в период борьбы за восстановление независимости (1989–1991 гг.), например, идея «возвращения в Европу» и концепция государственного континуитета (политико-правовой преемственности с независимыми республиками, существовавшими в Эстонии, Латвии и Литве в довоенный период), лишь под влиянием быстрого изменения международной ситуации в первой половине 1990-х гг. они трансформировались в конкретные направления внешней политики – стремление как можно скорее избавиться от всякого российского влияния и курс на полную интеграцию в экономические и военно-политические союзы стран Запада.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1991–1995 гг. Хотя сами государства Балтии сейчас ведут официальный отсчет восстановления своей независимости с весны 1990 г., когда Верховные Советы Литовской, Эстонской и Латвийской ССР приняли декларации о восстановлении их государственного суверенитета, даже западные страны, большинство из которых не признало включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза летом 1940 г., не спешили налаживать с ними официальные контакты вплоть до провала в Москве путча ГКЧП в августе 1991 г. и вступления распада СССР в свою завершающую стадию [1, с. 57]. Поэтому именно полоса международного признания государств Балтии и установления с ними дипломатических отношений в 20-х числах августа 1991 г., знаменовавшая собой начало полноценного осуществления этими тремя странами суверенной внешней политики, взята в качестве нижней хронологической границы исследования. С верхней хронологической границей ситуация

не столь очевидна, поскольку в середине 1990-х гг. произошёл целый ряд событий, которые стали важными вехами в развитии внешней политики стран Балтии, – завершение вывода с их территории российских войск, первые серьезные шаги по сближению с ЕС и НАТО, принятие первых доктринальных документов, фиксирующих их долгосрочные внешнеполитические цели. Все они в определенной степени могут считаться переходом к следующему этапу. В то же время с некоторой долей условности за верхнюю хронологическую границу была взята подача Латвией, Эстонией и Литвой официальных заявок на вступление в ЕС в октябре – декабре 1995 г.

Цель статьи – определение основных тенденций и динамики формирования внешнеполитических приоритетов трех государств Балтии в 1991–1995 гг.

Материал и методы. Источниковой базой исследования послужили материалы ведущих средств массовой информации государств Балтии о международных встречах и визитах лидеров этих стран за рассматриваемый период, сборник мемуаров первого президента постсоветской Литвы А. Бразаускаса, а также публикации балтийских, российских и западных исследователей по различным проблемам внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии.

Методология данной работы базируется, прежде всего, на методах и подходах исторической науки, таких как принципы историзма, реконструкция хронологии исторических процессов, прослеживание генеалогии отдельных проблем и направлений внешней политики изучаемых государств. Вместе с тем предмет исследования предполагает использование отдельных подходов теории международных отношений и внешнеполитического анализа – например, теории секьюритизации, разработанной основоположниками Копенгагенской школы изучения международной политики Б. Бузаном и О. Уивером, которая применяется в контексте данной статьи для объяснения мотивации внешнеполитических действий государств Балтии.

Результаты и их обсуждение. Одним из важнейших вопросов внешней политики государств Балтии в начале 1990-х гг. была проблема вывода с их территории бывших советских войск, взятых в январе 1992 г. под юрисдикцию России. Присутствие этих

войск в Литве, Латвии и Эстонии рассматривалось в качестве последнего препятствия к восстановлению полного суверенитета и сдерживающего фактора в проведении собственного внешнеполитического курса. Широко распространено убеждение, что именно из-за того, что на их территории еще размещались российские войска, государства Балтии не могли до 1994 г. открыто проводить курс не евроатлантическую интеграцию и вынужденно воздерживались от сближения с НАТО [2, с. 8].

Первоначально решение этой задачи не вызывало особой обеспокоенности. Российское руководство не высказывало принципиальных возражений против вывода войск, и вопрос стоял лишь о сроках его завершения. Так, уже в конце января – начале февраля 1992 г. страны Балтии посетила российская делегация во главе с вице-премьером С.М. Шахраем. По итогам проведенных ей переговоров было решено начать работу над соглашениями о сроках и порядке вывода войск, а также об их правовом статусе до его завершения. Была достигнута договоренность, что из Литвы вывод войск начнется в феврале, а из Латвии – в марте 1992 г. Эстония тогда не смогла достичь подобных договоренностей из-за разразившегося там правительственного кризиса [3, с. 26–27].

Однако вскоре в балтийско-российских отношениях сложился целый комплекс противоречий, придавший им крайне конфликтный характер, из-за чего вопрос вывода войск стал предметом жесткого политического торга. Формально подобные противоречия были обусловлены утвердившейся в странах Балтии еще в период их борьбы за независимость в 1989–1991 гг. концепции государственного континуитета, которую российские и русскоязычные авторы обычно называют «оккупационной доктриной» [4–7]. В соответствии с данной концепцией включение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР летом 1940 г., как и весь последующий период «советской оккупации», объявлялись незаконными последствиями сделки двух агрессоров (Пакта Молотова–Риббентропа). Поэтому утверждалось, что юридически довоенные республики не прекращали своего существования, а следовательно, в случае государств Балтии речь идет не о создании новой государственности, а о восстановлении и продолжении прежней.

Практическая реализация указанной концепции среди прочего поднимала вопросы о возвращении к прежним границам и о статусе русского и русскоязычного населения, которое переехало жить в Литву, Латвию и Эстонию в советский период. Ее строгое соблюдение предполагало восстановление прежних границ и автоматическое предоставление гражданства лишь гражданам прежних довоенных республик и их прямым потомкам. Однако на практике страны Балтии следовали этим принципам весьма избирательно. После включения в состав СССР границы всех трех республик претерпели изменения. Однако если Эстония и Латвия потеряли небольшую часть своей прежней

территории, которая в 1944 г. была включена в состав РСФСР, то Литва наоборот расширила свои границы за счет передачи ей в 1940 г. пяти районов БССР и возвращения Клайпеды в 1945 г. Поэтому, в отличие от Эстонии и Латвии, литовское руководство не только никогда не поднимало вопрос о возврате к прежним границам, но и очень опасалось сепаратистских выступлений в Виленском крае и Клайпед, которые к тому же являются двумя регионами Литвы с наибольшей концентрацией национальных меньшинств.

Что касается двух других стран Балтии, то 12 сентября 1991 г. Верховный Совет Эстонии объявил недействительным решение Верховного Совета СССР 1944 г. о передаче в состав Ленинградской и Псковской областей РСФСР территорий, ранее уступленных Россией Эстонии по мирному договору 1920 г. общей площадью около 2,3 тыс. км². После этого Эстония начала выдачу эстонских паспортов жителям этих районов как гражданам довоенной республики. Также она предприняла попытку привлечь к посредничеству в вопросе о границе СБСЕ и Финляндию [3, с. 31]. Позиция Эстонии изменилась после смены правительства в конце 1994 г. В мае 1995 г. президент страны Л. Мери заявил о готовности разрешить вопрос о границе с Россией. В октябре 1995 г. на очередном раунде переговоров в Пскове было заявлено об отсутствии у сторон взаимных территориальных претензий друг к другу. Однако из-за выдвинутых эстонской стороной требований включить в текст договора упоминания о Тартуском мирном договоре 1920 г. российская сторона отказалась его подписать, посчитав это попыткой заставить ее признать оккупацию 1940 г. [6, с. 89].

22 января 1992 г. аналогичное постановление в отношении бывших латвийских территорий Пыталовского и Палкинского районов Псковской области (1,6 тыс. км²) принял Верховный Совет Латвии. Однако в Латвии вопрос о границе никогда не принимал такой остроты, как в Эстонии. Переговоры о делимитации и демаркации границы были начаты в апреле 1996 г., при этом Латвия согласилась вести переговоры не о «восстановлении границы», а просто о «государственной границе» с Россией [3, с. 32].

Похожее расхождение позиций между Литвой и остальными странами Балтии произошло и по вопросу о гражданстве для переселенцев советского периода. Как отмечает академик Р.Х. Симонян, в силу проводившейся руководством Литовской ССР линии на ограничение притока кадров из других союзных республик к концу советского периода русскоязычное население Литвы не превышало 10% [5]. Поэтому, несмотря на свою жесткую националистическую риторику, литовское руководство во главе с В. Ландсбергисом сразу же согласилось автоматически предоставить гражданство всем постоянным жителям республики, проживавшим в ней на момент восстановления независимости.

В остальных двух республиках советской Прибалтики, где в период СССР строились крупные предприятия, наоборот, доля русскоязычного населения воз-

росла в несколько раз и к 1989 г. составила более трети населения Эстонии и чуть менее половины населения Латвии [2; 5]. Поэтому, хотя изначально народные фронты этих республик, которые пользовались поддержкой в том числе и демократически настроенной части их русскоязычного населения, обещали предоставить гражданство всем жителям Латвии и Эстонии, в 1991–1992 гг. возобладали другая позиция по этому вопросу, которую отстаивали более радикально настроенные конгрессы граждан. Данные организации еще в 1990–1991 гг. начали составлять списки граждан довоенных Латвии и Эстонии и их прямых потомков, считая, что лишь они имеют право на автоматическое получение гражданства после восстановления независимости, а все остальные должны проходить такую же процедуру натурализации, как и вновь прибывающие мигранты. В этом их поддержали и влиятельные балтийские диаспоры в западных странах. В итоге уже в октябре 1991 г. в Латвии, а в феврале 1992 г. в Эстонии были приняты законы, по которым автоматически гражданство получали лишь граждане этих стран 1920–1940-х гг. и их потомки [3, с. 19]. Эстонский политолог И. Розенфельд объясняет такое решение вопроса о гражданстве стремлением правых националистических партий исключить на как можно более долгий срок большую часть русскоязычного населения этих республик из политической борьбы и тем самым подорвать электоральную базу своих главных соперников – левоцентристских партий, обеспечивая собственное преобладание в политической системе и незыблемость своего жесткого прозападного курса [6, с. 84–85].

Российское руководство восприняло этот шаг как предательство со стороны вчерашних союзников по противостоянию союзному центру в лице М.С. Горбачева. Ведь в период силовых акций союзного правительства в Вильнюсе и Риге в январе 1991 г. Б.Н. Ельцин резко осудил подобные действия руководства СССР и в знак поддержки балтийских республик посетил Таллинн и Ригу и заключил 12 января Договор «Об основах межгосударственных отношений» России с Эстонией, а 13 января – с Латвией. Но, как отмечает А.В. Вушкарник, эти договоры составлялись в спешке и такие важные вопросы, как установление межгосударственных границ и предоставление гражданства русскоязычному населению Эстонии и Латвии, остались без внимания – было заявлено лишь, что они станут предметом дальнейших переговоров и будут решаться в соответствии с принципами СБСЕ [3, с. 13, 30].

Поэтому Россия попыталась обусловить заключение договоренностей о сроках вывода войск из государств Балтии предоставлением гражданства всему русскоязычному населению данных стран, а также оказать на них давление через международные организации – ООН, СБСЕ, Совет Европы и др. Однако такая политика оказалась неэффективной для России, поскольку эти организации признали несоответствующими международным стандартам лишь отдельные нарушения, связанные с завышением требований на-

турализации и неясностями в толковании некоторых норм, но в целом не оспаривали право Латвии и Эстонии отказать в автоматическом предоставлении гражданства переселенцам советского периода [3, с. 24].

В свою очередь, страны Балтии попытались интернационализировать вопрос о выводе российских войск и привлечь к нему внимание США и других государств Запада, заявляя, что Россия намеренно затягивает переговоры, чтобы сохранить над ними военный контроль. Были также выдвинуты требования возмещения ущерба за пребывание войск с 1940 г. И для них подобная дипломатическая тактика, которой Д. Гэлбрит и Л. Ламоро впоследствии дали меткую характеристику «договариваться с Востоком, вовлекая Запад» [8], оказалась весьма успешной. Так, по мнению бывшего советника президента Латвии, профессора Ж. Озолини, принятие 25 ноября 1992 г. на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции «О полном выводе иностранных войск с территории государств Балтии» стало возможным лишь благодаря участию в подготовке и лоббировании этого документа США [9, с. 76–77]. Кроме того, США обусловили предоставление своей экономической помощи России выполнением договоренностей по выводу войск из стран Балтии, а также выделили средства на строительство жилья для личного состава выводимых частей [2, с. 12]. На эти же нужды предоставили средства и страны Северной Европы [3, с. 41]. Таким образом, российское руководство лишалось главного аргумента о затягивании сроков вывода войск в связи с экономическими трудностями по их передислокации на территорию России.

В итоге вывод российских войск из Литвы завершился в августе 1993 г., а из Латвии и Эстонии – годом позже, в августе 1994 г. На основании этого может сложиться представление, что отношения Литвы с Россией были лучше, чем у ее северных соседей. Действительно, литовско-российские отношения не были отягощены взаимными претензиями по поводу границ и гражданства. Однако в стремлении дистанцироваться от России Литва во многом подавала пример остальным странам Балтии. Так, 8 июня 1992 г. был принят Конституционный акт Литовской Республики «О неприсоединении к постсоветским восточным союзам», в котором говорится, что Литва «никогда и ни под каким видом не присоединится к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств», а любая деятельность по ее вовлечению в подобные союзы провозглашалась «враждебной» [10].

Еще раньше, в январе 1992 г., председатель Верховного Совета Литвы В. Ландсбергис на встрече с Б.Н. Ельциным во время своего визита в Москву первым из балтийских лидеров выдвинул требование к России как к стране-правопреемнице СССР о компенсации «ущерба за советскую оккупацию». Впоследствии во всех трех странах Балтии были сформиро-

ваны государственные комиссии по оценке ущерба от советской оккупации. Как отмечает российский автор А.А. Носович, они озвучивали фантастические цифры в сотни миллиардов долларов, регулярно пересматривая их в сторону увеличения [7, с. 216]. Столь высокие требования в условиях, когда Россия не собиралась даже признавать сам факт оккупации, означали, по его мнению, что на самом деле страны Балтии вовсе не ожидали получить эту компенсацию, а просто использовали данный вопрос для нагнетания образа «российской угрозы» – как доказательство того, что Россия так и не раскаялась за свое имперское прошлое, а значит, все еще представляет угрозу.

Но какова могла быть цель такой политики? Достаточно убедительное объяснение ей может предложить теория секьюритизации, разработанная основоположниками Копенгагенской школы изучения международной политики О. Уивером и Б. Бузаном. Согласно данной теории, наилучший способ мобилизовать ресурсы на решение некоей проблемы – убедить общество, что данная проблема представляет серьезную угрозу его безопасности. Именно это предприняли политические элиты государств Балтии, используя тему «российской угрозы» в качестве универсального аргумента для удержания власти и проведения весьма болезненных реформ, необходимых для приема этих стран в ЕС и НАТО. Чтобы избежать излишних дискуссий об издержках вступления в указанные организации, обществу внушалось, что только так можно гарантировать в будущем защиту Литвы, Латвии и Эстонии от «российской угрозы». Следовательно, для достижения подобной цели оправданы любые средства.

Западный вектор внешней политики государств Балтии в рассматриваемый период явно не мог сравниться по интенсивности и важности решаемых задач с российским вектором. И сдерживающим фактором тут было не столько присутствие на их территории российских войск до 1993–1994 гг., сколько неготовность стран Запада сразу выстроить свои приоритеты по поводу дальнейших отношений с Россией, другими постсоветскими странами и государствами бывшего советского блока. В 1992–1993 гг. многие западные лидеры предпочитали поддержку новой либеральной России выстраиванию против нее коалиций со странами Центральной и Восточной Европы. Однако дальнейшее сворачивание российских реформ и расхождение позиций по чеченскому, югославскому и некоторым другим вопросам постепенно склонили чашу весов западной политики в противоположную сторону. Поэтому серьезные шаги по интеграции государств Балтии в ключевые западные международные структуры начались лишь в середине 1990-х гг.

Почти сразу же после международного признания страны Балтии были приняты в СБСЕ (сентябрь 1991 г.). Более долгим оказался их путь в другую европейскую организацию – Совет Европы. Литва и Эстония смогли вступить в нее 14 мая 1993 г., а Латвия – лишь 10 февраля 1995 г. Такая задержка приема Латвии была вызва-

на обвинениями со стороны России в нарушении прав русскоязычного меньшинства в этой стране, в результате чего туда отправилась миссия экспертов Совета Европы для мониторинга ситуации, и Латвия смогла вступить в данную организацию лишь после внесения в свой закон о гражданстве рекомендованных ими поправок [3, с. 38].

Начало отношений между странами Балтии и ЕС было положено 27 августа 1991 г., когда со стороны Сообщества последовало заявление о признании этих стран и об установлении с ними дипломатических отношений. Первым серьезным успехом балтийской дипломатии на обозначенном направлении стал перевод Литвы, Латвии и Эстонии из сферы действия программы ТАСИС в зону программы ФАРЭ. Разница между этими двумя инструментами финансовой помощи ЕС заключалась в том, что программа ФАРЭ распространялась на переходные страны Центральной и Восточной Европы и предполагала куда большие преференции и объемы помощи, чем принятая для республик бывшего СССР программа ТАСИС, предлагавшая лишь ограниченную техническую поддержку. Кроме того, впоследствии программа ФАРЭ стала одним из главных инструментов подготовки стран-кандидатов к вступлению в ЕС. Таким образом, распространение на страны Балтии программы ФАРЭ с января 1992 г. означало не только большие объемы помощи, но и их перевод по градации ЕС из категории постсоветских стран в группу переходных государств ЦВЕ [11, с. 102].

Следующей вехой в развитии отношений Литвы, Латвии и Эстонии с ЕС стало подписание 11 мая 1992 г. соглашений о партнерстве и сотрудничестве. Это были рамочные соглашения первичного уровня, аналогичные тем, которые ЕС заключил с Польшей и другими странами ЦВЕ в 1988–1989 гг. После завершения процедуры ратификации они вступили в силу в 1993 г. А 18 июля 1994 г. страны Балтии заключают с ЕС Соглашения о свободной торговле, которые вступили в силу в 1995 г. Такие соглашения, напротив, не имели аналогов в отношениях ЕС с другими странами ЦВЕ. Подобной чести государства Балтии удостоились благодаря тому, что они успели заключить Соглашения о свободной торговле с Финляндией и Швецией, которые 1 января 1995 г. вступали в ЕС. Следовательно, присоединяясь к общему рынку ЕС, Швеция и Финляндия должны были либо расторгнуть данные соглашения, либо распространить их действие на весь Евросоюз. Благодаря активному лоббированию этих государств в европейских структурах в итоге был выбран именно второй вариант.

Поддержка соседних стран Северной Европы вообще имела очень важное значение для реализации внешнеполитических задач государств Балтии. Первые политические контакты между ними установились еще в конце 1989 г., когда Президиум Северного совета направил в Литву, Латвию и Эстонию свои делегации для подробного изучения внутривнутриполитической ситуации в этих республиках. В ноябре 1990 г. в их столицы была направлена еще одна делегация данной организации, а в декабре при участии ми-

нистров иностранных дел государств Северной Европы состоялось открытие Балтийского информационного центра в Риге. В марте 1991 г. Президиум Северного совета пригласил глав правительств Литвы, Латвии и Эстонии выступить на своем заседании в Копенгагене. В начале 1990-х гг. вообще серьезно рассматривалась возможность приема стран Балтии в эту организацию [12, с. 169]. Но, с учетом существовавших в то время экономических и политических различий между северными государствами и странами Балтии, для взаимодействия указанных двух региональных групп в марте 1992 г. была создана другая международная структура – Совет государств Балтийского моря. В это же время начинаются встречи в формате «3+5» (три страны Балтии и пять северных государств).

Северные страны становятся основными зарубежными инвесторами в государствах Балтии, особенно в Эстонии, а также главными лоббистами их интересов в западных структурах: Дания и Норвегия – в НАТО, Швеция и Финляндия – в ЕС. Поэтому не случайно, что активизация отношений ЕС с Литвой, Латвией и Эстонией происходит именно в 1995 г., когда в него вступили Швеция и Финляндия. Уже 12 июля 1995 г. ЕС заключает с ними Европейские соглашения об ассоциации, а в конце года принимает их заявки на вступление (27 октября – Латвия, 24 ноября – Эстония и 8 декабря – Литва). Таким образом, страны Балтии официально становятся кандидатами на вступление в ЕС.

Бесспорным приоритетом внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии стало сближение с США. Как постоянно подчеркивали политики и дипломаты этих стран, лишь получение гарантий безопасности от единственной оставшейся в мире сверхдержавы и лидера демократического западного мира могло обеспечить выживание государств Балтии в долгосрочной перспективе [2, с. 13]. Поэтому их политические элиты прилагали серьезные усилия в указанном направлении, используя для этого в том числе и ресурс своих достаточно многочисленных и хорошо организованных диаспор в США. Балтийско-американские политические контакты в первой половине 1990-х гг. были весьма активны. Уже в середине сентября 1991 г. ознакомительный визит в столицы трех государств совершил госсекретарь США Дж. Бейкер [13]. А 6 мая 1992 г. литовский премьер Г. Вагнорюс встретился в Вашингтоне с американским вице-президентом Д. Куэйлом и они подписали двухстороннее соглашение о торговле и инвестициях [14]. 27 сентября 1993 г. на сессии ГА ООН в Нью-Йорке состоялась первая встреча президента США Б. Клинтона сразу со всеми главами государств Балтии в четырехстороннем формате [15]. В таком же формате Б. Клинтон встретился с ними в следующем – 1994 г. в Риге [16, с. 453]. При этом если в повестке балтийско-европейских отношений основное место занимали экономические вопросы, бесспорным приоритетом балтийско-американских отношений были вопросы безопасности, а конкретнее – вопрос о принятии Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО.

Первые официальные контакты между государ-

ствами Балтии и НАТО были связаны с образованием Совета североатлантического сотрудничества (ССАС) в конце 1991 г. Одновременно Эстония первой из них объявила о желании присоединиться к Альянсу. 20 октября 1991 г. на встрече в Мадриде председатель Верховного Совета республики А. Рюйтель сообщил об этом генеральному секретарю НАТО М. Вернеру [17, с. 53]. Однако данное заявление не повлекло за собой каких-либо реальных шагов и в последующие два года стремление стран Балтии к вступлению в НАТО выражалось главным образом в создании национальных вооруженных сил изначально по натовским стандартам.

Реальная внешнеполитическая кампания стран Балтии по вступлению в НАТО началась с официальных заявлений о намерениях присоединиться к Альянсу, сделанных лидерами Литвы, Латвии и Эстонии в январе 1994 г. Вопреки устоявшемуся мнению, подобный шаг сложно увязать с хронологией вывода российских войск с территории стран Балтии – из Литвы он завершился на несколько месяцев ранее, а из Латвии и Эстонии – лишь восемь месяцев спустя. Поэтому на роль катализатора и отправной точки названного процесса гораздо больше подходит состоявшийся 4 января 1994 г. саммит НАТО в Брюсселе, на котором было принято принципиальное решение о возможности приема в Альянс новых членов и дан старт программе «Партнерство ради мира». Воодушевленные решениями этого саммита страны Балтии стремятся в последующие три года форсировать свой прием в НАТО путем активного участия в программе «Партнерство ради мира» и начала проведения на регулярной основе совместных военных учений с НАТО.

Оригинальным способом укрепить свои шансы на вступление в НАТО становятся проекты трехстороннего военного сотрудничества Литвы, Латвии и Эстонии. Уже в 1995 г. был образован БАЛТБАТ – сводный литовско-латвийско-эстонский миротворческий батальон, полностью соответствующий натовским стандартам, который мог участвовать в военных операциях Альянса и, таким образом, должен был продемонстрировать готовность стран Балтии быть не только «потребителями безопасности» со стороны НАТО, но и вносить свой посильный вклад в укрепление его возможностей. Во второй половине 1990-х за данным проектом последовал и ряд других – БАЛТРОН, БАЛТДЕФКОЛ, БАЛТНЕТ [18].

Правда, стоит отметить, что тесное трехстороннее сотрудничество государств Балтии началось гораздо раньше. Еще на этапе борьбы за восстановление их независимости Народные фронты Литвы, Латвии и Эстонии стали координировать свою деятельность – в мае 1989 г. они провели в Таллине первое заседание Балтийской Ассамблеи, а 23 августа того же года – знаменитую гражданскую акцию «Балтийский путь», в которой приняла участие четверть всего населения советской Прибалтики на тот момент. В мае 1990 г. была образована трехсторонняя межправительственная организация Совет Балтийских государств (Балтий-

ский Совет), а в ноябре 1991 г. – Балтийская межпарламентская ассамблея. Как отмечает в своих мемуарах первый президент постсоветской Литвы А. Бразаускас, трехсторонние контакты стран Балтии особенно активизировались в 1993–1994 гг. [16, с. 371–373]. На внеочередной встрече Балтийского Совета в Юрмале в июне 1993 г. было сделано совместное заявление о намерении трех государств вместе двигаться к членству в ЕС. В том же году между ними были заключены Договор о свободной торговле и ряд других договоренностей, включая декларацию о сотрудничестве в области безопасности. Однако, как отмечает И. Розенфельд, в 1996 г. официальные лица поспешили опровергнуть сообщения о возможности создания Балтийского военного союза [6, с. 97]. Ведь это фактически означало бы поддержку инициативы Б.Н. Ельцина, который в середине 1990-х гг. как раз пытался убедить страны Балтии, что их безопасность наилучшим образом обеспечило бы заключение одного или нескольких пактов о взаимных гарантиях безопасности со своими соседями, а не вступление в НАТО.

Заключение. Таким образом, в 1991–1995 гг. во внешней политике государств Балтии формируются три основных вектора: российский, европейский и трансатлантический. Несмотря на декларированный приоритет сближения с Западом, основные усилия этих государств в рассматриваемый период были направлены на достижение внешнеполитических целей именно на российском направлении. Основное место среди них занимали вывод российских войск и заключение с Россией соглашений о государственной границе, а для Латвии и Эстонии – также преодоление российского давления в международных организациях в связи с претензиями по поводу нарушений прав русскоязычных меньшинств в этих странах. Уже на данном этапе государства Балтии применили для достижения внешнеполитических целей достаточно эффективную для них тактику вовлечения в разрешение своих споров с Россией западных государств.

Отношения с США как с лидером западного мира и единственной оставшейся сверхдержавой, способной обеспечить их безопасность, изначально становятся ключевым приоритетом для стран Балтии. Однако наличие ряда нерешенных вопросов в отношениях с Россией и неготовность американского руководства сразу дать ответ по поводу перспектив их принятия в НАТО существенно тормозили их развитие в 1991–1995 гг.

Европейский вектор внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии отличался наиболее сложной многоуровневой структурой – он включал в себя несколько параллельных и взаимосвязанных, но достаточно самостоятельных направлений. Во-первых, это развитие отношений друг с другом и с соседними странами Северной Европы. Во-вторых, присоединение к западноевропейской интеграции, на то время выражавшееся в формировании первичной договорной базы отношений с Евросоюзом и получении статуса официальных кандидатов на

вступление в это интеграционное объединение. В-третьих, начало интеграции в западные структуры коллективной безопасности и обороны, такие как ЗЕС и НАТО. Иерархия этих направлений в рамках западного вектора внешней политики государств Балтии в обозначенный период находилась еще в процессе формирования.

Литература

1. Knudsen, O.F. The Foreign Policies of the Baltic States: Interwar Years and Restoration / O.F. Knudsen // *Cooperation and Conflict*. – 1993. – Vol. 28, № 1. – Pp. 47–72.
2. Smith, K.C. Baltic-Russian Relations. Implications for European Security / K.C. Smith. – Washington D.C.: Center for Strategic & International Studies, 2002. – 61 p.
3. Вушкарник, А.В. Проблемы отношений России со странами Балтии (1990–1996 гг.) / А.В. Вушкарник // *ДИЕ РАН*, № 36. – М.: ИЕ РАН, 1997. – 72 с.
4. Симонян, Р.Х. Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты / Р.Х. Симонян // *Государство и право*. – 2011. – № 11. – С. 106–114.
5. Симонян, Р.Х. Прибалтийские республики в контексте распада СССР // *Общественные науки и современность* / Р.Х. Симонян. – 2014. – № 3. – С. 98–109.
6. Розенфельд, И. Эстония до и после «бронзовой ночи» / И. Розенфельд. – Тарту–СПб.: «Крипта», 2009. – 576 с.
7. Носович, А.А. История упадка. Почему у Прибалтики не получилось / А.А. Носович. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. – 432 с.
8. Lamoreaux, J.W. The Baltic States As ‘Small States’: Negotiating The ‘East’ By Engaging The ‘West’ / J.W. Lamoreaux, D.J. Galbreath // *Journal of Baltic Studies*. – 2008. – Vol. 39, No. 1. – Pp. 1–14.
9. Ozoliņa, Ž. The United States and Latvia: Standing Shoulder to Shoulder in International Organizations / Ž. Ozoliņa // *Latvia and the USA: From Captive Nation to Strategic Partner*. D. Auerš (Ed.). – Riga: University of Latvia Press, 2008. – Pp. 75–86.
10. Lietuvos Respublikos Aukščiausiosios Tarybos Konstitucinis aktas dėl Lietuvos Respublikos nėsijungimo į postsovietines Rytų sąjungas. Vilnius, 1992 m. birželio 8 d. // Lietuvos Respublikos Seimas [Electronic resource]. – Mode of access: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalActPrint/lt?jfwid=rivwzvpvg&documentId=TAIS.2149&category=TAD> – Date of access: 19.02.2020.
11. Van Elsuwege, P. From Soviet Republics to EU Member States / P. Van Elsuwege. – Vol. II. – Leiden and Boston: Martinus Nijhoff, 2008. – 589 p.
12. Mottola, K. Nordic Security Policy Co-operation: A New Regional Role in the Making / K. Mottola // *Small States and the Security Challenge in the New Europe: Brassey’s Atlantic Commentaries*. No. 8 / W. Bauens, A. Clesse, O.F. Knudsen (eds.). – London–Washington: Brassey’s, 1996. – Pp. 150–170.
13. Пребывание госсекретаря США в Вильнюсе // *Эхо Литвы*. – 1991. – 17 сент. – С. 1.
14. Состоялась встреча вице-президента США и премьер-министра Литвы // *Эхо Литвы*. – 1992. – 8 июля. – С. 6.
15. Кулманис, Я. Поездка в Нью-Йорк была удачной / Я. Кулманис // *Диена*. – 1993. – 1 окт. – С. 1.
16. Бразаускас, А. Пять лет президентства: события, воспоминания, мысли / А. Бразаускас. – М.: ЗАО Унипринт, 2002. – 623 с.
17. Володин, Д.А. Россия, США и страны Балтии после холодной войны / Д.А. Володин // *США – Канада. Экономика, политика, культура*. – 2004. – № 1. – С. 51–62.
18. Baltic Defence Co-operation – Main Joint Projects // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia [Electronic resource]. – 2003. – Mode of access: <http://www.am.gov.lv/en/security/4494/4498/?print=on>. – Date of access: 12.01.2017.

Поступила в редакцию 01.06.2020

Создание Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга и его задачи на оккупированных восточных территориях

Генина Ю.А.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Научная ценность выбранной темы обусловлена реституционными процессами, как никогда актуальными в современном мире, а также отсутствием в отечественной историографии комплексных исследований, раскрывающих деятельность Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга по разграблению и уничтожению культурных ценностей оккупированных стран в годы Второй мировой войны.

Цель статьи — проанализировать создание Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга, а также охарактеризовать поставленные перед ним задачи с учетом их особенностей на оккупированных восточных территориях.

Материал и методы. Данное исследование проведено на основе документального комплекса Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга, оцифрованного и размещенного в свободном доступе на сайте Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины.

Методологической основой работы являются научные принципы объективности и историзма. Для проведения исследования были использованы две группы методов: общенаучные — анализ и синтез, индукция и дедукция; специально-исторические — историко-описательный, историко-сравнительный, историко-системный, позволившие исследователю всесторонне посмотреть на изучаемый объект.

Результаты и их обсуждение. Анализ архивных источников и опубликованных по теме исследования работ позволил раскрыть вопрос о создании Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга и его полномочиях. В статье высказывается авторская точка зрения о пропагандируемых и реальных задачах штаба, особенностях их реализации на оккупированных восточных территориях.

Заключение. Прикрываясь «заботой» о культурных ценностях, Оперативный штаб грабил и уничтожал культурное достояние на оккупированных восточных территориях, в том числе и Беларуси. Вместе с тем задачи штаба носили как идеологический (борьба с большевизмом), так и экономический характер, а его деятельность была направлена на эксплуатацию захваченных культурных и экономических ресурсов и подчинялась конечной цели нацистов — «поглощению» оккупированных территорий.

Ключевые слова: Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга, культурные ценности, Вторая мировая война, оккупация, А. Розенберг, нацистская оккупация, нацистская идеология.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 27–33)

Creation of Reichsleiter Rosenberg Taskforce and its Tasks in the Occupied Eastern Territories

Henina Yu.A.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The scientific value of the chosen topic is due to restorative processes that are more relevant than ever in the modern world, as well as to the lack of comprehensive research in Russian historiography that reveals the activities of Reichsleiter Rosenberg Taskforce in plundering and destroying the cultural property of occupied countries during the Second World War.

The purpose of the article is to characterize the process of creating Reichsleiter Rosenberg Taskforce and analyze the tasks assigned to it, taking into account their characteristics in the occupied eastern territories.

Material and methods. This study was conducted on the basis of the documentary complex of Reichsleiter Rosenberg Taskforce, digitized and freely available on the website of the Central State Archive of the Highest Authorities and Administrations of Ukraine.

The methodological basis of the work is the scientific principles of objectivity and historicism. Two groups of methods were used to conduct the study: general scientific methods — analysis and synthesis, induction and deduction, and special

Адрес для корреспонденции: e-mail: geninaya@mitsovf.by — Ю.А. Генина

historical methods — historical-descriptive, historical-comparative, historical-systemic, which allowed the researcher to look comprehensively at the object under study.

Findings and their discussion. *An analysis of archival sources and published works on the research topic allowed the author to trace and characterize the process of creating Reichsleiter Rosenberg Taskforce. The article expresses the author's point of view on the propagandized and real tasks of the headquarters, the features of their implementation in the occupied eastern territories.*

Conclusion. *Hiding behind the “concern” for cultural values, the Taskforce robbed and destroyed cultural property in the occupied eastern territories, including Belarus. At the same time, the tasks of the headquarters were both ideological (the struggle against Bolshevism) and economic in nature, and their activity was aimed at exploiting the seized cultural and economic resources and was subordinate to the ultimate goal of the Nazis — the “absorption” of the occupied territories.*

Key words: *Reichsleiter Rosenberg Taskforce, cultural values, the Second World War, Nazi occupation, A. Rosenberg, Nazi ideology.*

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 27–33)

Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга (далее Оперативный штаб, штаб) в историографии известен, прежде всего, своей деятельностью по разграблению и уничтожению историко-культурных ценностей захваченных территорий в годы Второй мировой войны. В советской историографии разграбление и вывоз культурных ценностей с территории СССР, а соответственно и деятельность Оперативного штаба, не нашли широкого освещения. Постсоветский период, а вместе с ним и доступ для исследователей архивов штаба, открыл возможность для переосмысления и переоценки многих событий. К различным вопросам деятельности Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга, преимущественно на территории России и Украины, неоднократно обращались в своих работах российские (М.С. Зинич [1], А.М. Мазурицкий [2], С.И. Горбунова [3], Н.А. Бойцов и Т.А. Васильева [4]) и украинские (Н. Кашеварова [5], Т. Себта [6]) ученые. В отечественной историографии деятельность Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга так и не нашла должного отражения. Однако значительную научную ценность в рамках исследования представляют сборники «Вяртанне» [7–9], посвященные проблемам утраченных белорусских ценностей. Опубликованные в сборниках результаты исследований являются наиболее значимыми попытками проанализировать данные о культурных потерях Беларуси, предпринятыми с момента опубликования статистических данных Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненных ими убытков гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее ЧГК) [10]. В отличие от указанной в материалах ЧГК СССР информации о 10 музеях, пострадавших от рук оккупантов, куда более соответствующим действительности нам представляется мнение А. Гужаловского о том, что во время оккупации в большей или меньшей степени пострадал каждый из 26 существовавших до войны музеев БССР [11, с. 16]. Несмотря на то, что

автор ссылается на причастность к разграблению белорусских музеев «айнзацштаба» (под таким названием штаб встречается в отечественной историографии) [11, с. 9], его роль в каждом конкретном случае еще предстоит установить, однако уже сегодня этому есть весомые доказательства.

С 90-х годов XX века различные аспекты деятельности Оперативного штаба рассматривались в работах таких зарубежных исследователей, как В. де Врис [12], П. Манасе [13], У. Хартунг [14], П. Кеннеди Гримстед [15]. Как правило, они не ставили своей целью определить ущерб, нанесенный культуре Беларуси действиями сотрудников Оперативного штаба.

Поскольку тема Второй мировой войны, а с ней и проблема реституции культурных ценностей до сих пор весьма политизированы, для того чтобы говорить на равных с западными странами, нам необходимо обладать убедительной фактологической базой. В этой связи актуальными представляются изучение и анализ документов Оперативного штаба с целью создания основы для научной базы по вопросам культурных потерь в годы войны. Сегодня историческая наука требует выработки новых критериев в интерпретации многих событий, связанных с периодом нацистской оккупации 1941–1944 гг., назрела необходимость обращения к проблеме с точки зрения современных теоретико-методологических позиций.

Цель статьи — проанализировать создание Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга, а также охарактеризовать поставленные перед ним задачи с учетом их особенностей на оккупированных восточных территориях.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе документального комплекса Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга, оцифрованного и размещенного в свободном доступе на сайте Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины [16]. Документы собраны в трех фондах: № 3676 «Штаб имперского руководителя Розенберга для оккупированных восточных областей», № 3674 «Штаб имперского руководителя

Розенберга для оккупированных западных областей и Нидерландов» и № 3206 «Рейхскомиссариат Украина». Наибольшим потенциалом для белорусских исследователей обладает фонд № 3676 «Штаб имперского руководителя Розенберга для оккупированных восточных областей», так как именно в нем содержатся документы подразделений штаба, действовавших на территории Беларуси.

Методологической основой работы являются научные принципы объективности и историзма. Для проведения исследования были использованы две группы методов: общенаучные – анализ и синтез, индукция и дедукция; специально-исторические – историко-описательный, историко-сравнительный, историко-системный, позволившие всесторонне посмотреть на изучаемый объект. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1940 по 1945 год, что соответствует периоду деятельности штаба. Употребляя в данной научной публикации формулировку «оккупированные восточные территории», мы, прежде всего, подразумеваем оккупированные нацистами территории СССР.

Результаты и их обсуждение. Прежде чем перейти непосредственно к теме исследования, необходимо обратить внимание на биографию А. Розенберга (12 января 1893 г. – 16 октября 1946 г.) – главного идеолога НСДАП и создателя Оперативного штаба. Он родился в Ревеле (современный Таллин, Эстония), входившем тогда в состав Российской империи, и получил при рождении российское гражданство. С началом оккупации Риги немецкими войсками летом 1915 года был эвакуирован в Москву, а после 1918 года переехал в Мюнхен, где стал членом немецкого оккультного общества «Туле» [5, с. 84]. В 1920 году Розенберг вступает в ряды НСДАП и становится активным критиком послевоенного устройства Германии, пропагандистом борьбы с большевизмом. В 1920-е годы начинается писательская карьера Розенберга, с 1923 года он является главным редактором газеты «Народный обозреватель». В 1928 году Розенберг основывает «Союз борьбы за немецкую культуру» с целью распространения национал-социалистической идеологии среди немецкого народа и вытеснения «еврейского засилья в культурной жизни Германии» [17, с. 34]. Данная организация впоследствии принимала активное участие в очищении библиотек Германии от «вредной» литературы.

Политическая карьера А. Розенберга стала стремительно развиваться в 1930-е годы. В 1930 году он избран в рейхстаг, а уже в 1933 году получает звание рейхсляйтера и возглавляет Внешнеполитическое ведомство НСДАП. В Третьем рейхе звание рейхсляйтера, присваиваемое лично Гитлером, обозначало принадлежность к высшей элите НСДАП и не было напрямую связано с занимаемой должностью [18, с. 681–682]. В 1934 году А. Розенберг назначен уполномоченным фюрера по делам надзора за общим духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием

в НСДАП, затем последовало создание одноименной службы. Несмотря на то, что А. Розенберг считается одним из главных идеологов НСДАП, в исторической литературе можно встретить мнение, что он фактически не имел реального влияния на дела рейха, а соратники оценивали его деловые качества весьма посредственно [1, с. 12–13]. Однако именно А. Розенберг возглавил имперское Министерство по делам оккупированных восточных областей (так называемое «Восточное министерство»), созданное приказом Гитлера от 17 июля 1941 года «О гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях» [19, с. 51–54].

Взгляды А. Розенберга нашли отражение в его многочисленных публикациях, носящих четко очерченный антисемитский и антибольшевистский характер. В своих работах, пронизанных духом национал-социализма, он неоднократно обращается к различным аспектам немецкой истории, культуры и политики. В целом культуре как инструменту манипуляции общественным сознанием в идеологии национал-социализма уделялось значительное внимание. Одной из важнейших задач в данной сфере было выявление возможностей культуры в обслуживании политического режима. Культура, как и другие сферы жизни общества в Третьем рейхе, полностью была подчинена идеологии НСДАП. Не случайно символом культурной политики Германии считается сожжение книг 10 мая 1933 года.

А. Розенберг утверждал: «Достаточно уничтожить памятники народа, чтобы он уже во втором поколении перестал существовать как нация» [2, с. 19]. Данная мысль как нельзя лучше отражает отношение нацистов к культуре оккупированных стран. Так называемые «искусствоведческие разведки» немецких специалистов в довоенное время были не чем иным, как подготовкой к будущему разграблению захваченных территорий. Широко известна идея Гитлера о создании в городе Линце «музея музеев» (так называемая особая миссия «Линц», ответственный – руководитель Дрезденской галереи Ганс Поссе), призванном, по его мнению, показать всему миру Германию как собирателя и хранителя мировых шедевров. Подобная тяга к обладанию лучшими и наиболее выдающимися ценностями была присуща не только Адольфу Гитлеру, но и другим нацистским руководителям – Йозефу Геббельсу, Герману Герингу, Генриху Гиммлеру, Иохиму фон Риббентропу. Более того, речь идет о конкуренции в деле разграбления предметов культуры и искусства оккупированных стран, а иногда и открытом противостоянии в данном вопросе, как среди отдельных руководителей, так и подчиненных им организаций (между Оперативным штабом, зондеркомандой Кюнсберга, нацистским обществом «Наследие предков», зондеркомандой Паульсена и др.).

Непосредственно история создания Оперативного штаба ведет свой отсчет с лета 1940 года. Одной из первых пострадала Франция (на ее территории

начались массовые конфискации еврейского имущества и материалов масонских лож), а следом за ней и другие захваченные в мае – июне 1940 года европейские страны (Бельгия, Люксембург, Нидерланды). Приказ Верховного командования Вермахта от 5 июля 1940 года стал своеобразной «легализацией» данной деятельности, поскольку наделял А. Розенберга соответствующими полномочиями в сфере конфискации материалов библиотек, архивов, масонских лож, в том числе с целью выявления и обязательной конфискации политических материалов, идеологически направленных против нацистской Германии [20, д. 4, л. 177]. Вскоре А. Розенберг обратился к Гитлеру с идеей о создании специальной организации для реализации поставленных задач – Оперативного штаба, и нашел поддержку. Предполагаемой датой основания штаба является 17 июля 1940 года, но поскольку до сих пор не удалось выявить официального документа о его создании, мы можем опираться лишь на косвенные свидетельства. Так, возглавлявший Управление штаба в Берлине Г. Утикаль отмечал: «Оперативный штаб был создан 17 июля 1940 года после окончания западной кампании» [21, д. 211, л. 39].

Со временем была выстроена достаточно разветвленная структура, состоящая из расположенного в Берлине Управления штаба и контролируемых им многочисленных подразделений на оккупированных территориях, таких как Главные рабочие группы (далее ГРГ), рабочие группы, зондерштабы и др. Первыми официально созданными ГРГ стали «Бельгия и Северная Франция» (1 сентября 1940 года) и «Нидерланды» (15 сентября того же года) [21, д. 211, л. 39]. Постепенно деятельность штаба распространилась на оккупированные территории стран Юго-Восточной Европы, где начали свою работу команды в Греции и Югославии [21, д. 44, л. 31]. Как отмечает украинский исследователь Н. Кашеварова, несмотря на амбициозные планы Розенберга, ему не удалось развернуть широкую деятельность штаба в странах Балканского полуострова и Северной Африке [5, с. 81].

Первоначально штаб носил следующее название – «Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга для оккупированных западных территорий и Нидерландов». В годы Второй мировой войны название неоднократно менялось в зависимости от охватываемых в работе штаба территорий. Так, с началом оккупации республик Советского Союза и развертыванием здесь деятельности штаба он получил новое название – «Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга для оккупированных территорий», а с 17 ноября 1944 года из названия были исключены слова «для оккупированных территорий» [5, с. 90]. Именно этот вариант «Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга», ставший последним, используется нами в данном исследовании.

Существует ряд документов, раскрывающих задачи и полномочия Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга на оккупированных восточных территориях. В письмах А. Розенберга от 20 августа и 3 октября

1941 года, адресованных рейхскомиссарам Г. Лозе и Э. Коху, содержится информация о том, что Оперативному штабу поручено взять под контроль культурные ценности в рейхскомиссаратах «Остланд» и «Украина» [6, с. 5]. 1 марта 1942 года был подписан приказ Гитлера о полномочиях Розенберга по конфискации и использованию культурных и научных ценностей в оккупированных восточных областях [19, с. 263–264]. Копия приказа содержится среди документального комплекса штаба, хранящегося в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины [21, д. 26а, л. 2]. В документе инициаторами войны против рейха называются «евреи, масоны и связанные с ними идейно враги национал-социализма», а борьба с ними провозглашается одной из первоочередных задач в условиях ведения войны [21, д. 26а, л. 2]. Приказом подтверждалось право штаба «проверять библиотеки и архивы, ложи и подобные им идеологические и культурные учреждения любого рода на наличие подобного материала и конфисковывать его для выполнения идеологических задач НСДАП и будущей научно-исследовательской работы Высшей школы» [21, д. 26а, л. 2]. Это касалось как собственности евреев, так и предметов, что остались без владельца либо установить принадлежность которых не являлось возможным. Сотрудникам штаба было приказано уничтожать материалы (картины, документы, книги, фильмы и т.д.), не составляющие ценности для ведения идеологической борьбы, с целью недопущения их использования врагом.

Вероятно, это и послужило мотивом для уничтожения библиотеки при Академии наук БССР, насчитывавшей более 300 тысяч книг и уступавшей своим «качественным составом» только Государственной библиотеке имени В.И. Ленина. Президент Академии наук БССР Горев писал: «С приходом в Минск немецких захватчиков книгохранилище с иностранной литературой и еврейской было занято под склад, а книги выброшены под лестницу, засыпаны мусором и залиты водой. В дальнейшем разгрому подверглась и оставшаяся часть библиотеки. Стеллажи были разгромлены и сожжены, а большинство комнат книгохранилища превращено в уборные» [22, с. 214–215]. О причастности Оперативного штаба к разграблению библиотеки свидетельствуют фамилии немецких сотрудников, озвученные Горевым: доктор А. Рихель, ошибочно названный «Рахелем», являлся сотрудником ГРГ «Центр» [5, с. 165], а доктор Мюллер – не кто иной, как сотрудник Управления штаба Г. Мюллер, занимавшийся изучением «большевистских библиотек» [5, с. 415].

Согласно распоряжению Розенберга от 7 апреля 1942 года, также адресованному рейхскомиссарам Г. Лозе и Э. Коху, в задачи штаба входили «учет и единообразная обработка данных о культурных ценностях, исследовательских материалах и научных материалах из библиотек, архивов, научно-исследовательских институтов, музеев и так далее, найденных в общественных, церковных или частных помещениях»

[19, с. 264–265]. В рейхскомиссариатах предписывалось «широко поддерживать» сотрудников Оперативного штаба в их работе и «предоставить им все необходимые сведения, в частности о том, в какой степени учтены предметы на территории оккупированных областей и увезены ли они с места их нахождения и где они находятся в данное время» [19, с. 264]. Обо всех проведенных конфискациях необходимо было сообщать «с приложением точного списка предметов и с указанием настоящего места хранения и лиц, ведающих ими» в Управление штаба (это подтверждает указанный в распоряжении адрес: Берлин, Шарлоттенбург, 2, ул. Бисмарка). В данном случае речь шла о конфискациях, которые могли быть осуществлены без участия штаба, но лишь в исключительных ситуациях, требующих принятия безотлагательных мер. Такими факторами могли быть наступление советских войск, разрушение зданий, в которых находились ценности, или угроза их уничтожения по причине неблагоприятных погодных условий. Распоряжение свидетельствует о стремлении Розенберга к тотальному контролю над культурными ценностями на оккупированных восточных территориях. Оно служит доказательством методичной, планомерной, четко выстроенной работы в данном направлении, что также подтверждает ведение сотрудниками Оперативного штаба так называемой «Картотеки „Z“», содержащей сведения о памятниках культуры и искусства на оккупированных территориях. Картотека частично опубликована российскими исследователями Н.А. Бойцовым и Т.А. Васильевой [4].

Указанными выше документами немцы в очередной раз «развязывали себе руки», поскольку на практике они грабили и вывозили в Германию все, что представляло для них интерес, независимо от наличия законных владельцев или острой необходимости в сохранении. Трудно найти объяснение, как «забота» соотносится с полным уничтожением 200 белорусских библиотек, 3 (еще 7 пострадали частично) музеев, 40 вузов, 24 научных учреждений [22, с. 439]. Наряду с музеями и библиотеками, учебными и научными заведениями как носители культурных традиций пострадали и ценнейшие памятники архитектуры Беларуси. Так, при непосредственном участии Оперативного штаба был разграблен и частично разрушен замок Радзивиллов [22, с. 272].

В круг задач Оперативного штаба также входила подготовка так называемых «разработок» – научных исследований, статей и справок аналитического и информационного содержания, созданных по поручению штаба немецкими специалистами и представителями местной интеллигенции на оккупированных территориях и предназначенных для использования в научно-исследовательских учреждениях Третьего рейха, в учебном процессе, для обнародования в прессе или для обеспечения оперативных потребностей ведения пропаганды против большевизма [5, с. 15]. Сотрудники штаба, занимавшиеся сбором и обработ-

кой материалов для ведения идеологической борьбы с большевизмом и другими врагами национал-социализма, стали своеобразными «солдатами идеологического фронта». Анализ тематики свидетельствует об интересе к различным сторонам жизни советского общества: культурной, политической, общественной, экономической. Наиболее актуальные и требующие раскрытия темы были отражены в тематическом плане «Восток», зачастую они были связаны с темой большевизма [21, д. 63, л. 82–91]. Среди документов штаба «разработок» сохранилось всего около ста, судьба большей части подобного рода материалов на сегодняшний день неизвестна.

В последнее время набирает силу тенденция приравнять советский оккупационный режим к нацистскому, а вместе с ним и политику обоих режимов в отношении культурных ценностей друг друга. В работах зарубежных исследователей Советский Союз (а не Германия) предстает в роли грабителя, бесконтрольно расхищавшего культурное достояние немецкого народа и присвоившего после освобождения территории Восточной Европы обнаруженные сокровища. Так, Патриция Кеннеди Гримстед, профессор Международного института социальной истории, пишет о трагедии «дважды похищенных» книг, которые не вернулись домой после войны, имея в виду «более десяти миллионов трофейных книг из немецких библиотек, которые советские победители конфисковали в качестве “компенсации”» [15, с. 53]. Подчеркнем, что речь идет именно о книгах, вывезенных сотрудниками Оперативного штаба. Выступая на III Международных книговедческих чтениях в Минске в 2003 году, Патриция Кеннеди Гримстед подняла вопрос о том, «могут ли французские и голландские книги, похищенные у жертв войны в Париже или Амстердаме, быть компенсацией белорусских книг, уничтоженных или не возвращенных в Минск?» [15, с. 46]. Упреком звучали и ее слова о том, что библиотека Академии наук также получила западные книжные сокровища, но ее сотрудники до сих пор даже не сделали попытки идентифицировать провенанции (пометки владельцев или дарственные надписи, позволяющие установить принадлежность) [15, с. 50]. В словах ученого, без сомнения, есть рациональное зерно, однако между действиями Германии и Советского Союза в данном случае существует значительная разница.

В современной германской историографии для обозначения грабежа культурных ценностей используются два понятия – «Raubkunst» (или «NS-Raubkunst», чтобы подчеркнуть роль НСДАП) и «Beutekunst» [23]. Термины «Raubkunst» и «NS-Raubkunst», как правило, применяются в тех случаях, когда речь идет о конфискации предметов культуры и искусства у лиц, «которые принадлежат к группе людей, что преследовались нацистами с 1933 по 1945 год по расистским, религиозным и политическим причинам» [23, с. 60]. Под понятие «Beutekunst» подпадают культурные ценности, вывезенные незаконно оккупантами в условиях

войны в качестве военных трофеев (в данном случае нет акцента на аспекте преследования). При соотношении этих понятий с деятельностью обоих государств в отношении культурных ценностей мы наблюдаем существенное различие. В политике Германии, нашедшей свое воплощение в деятельности Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга, видятся основания для применения обоих терминов, поскольку имел место грабеж, осуществляемый как по мотивам преследования, так и без наличия такового. Тем не менее культурный ущерб, нанесенный Германией оккупированным странам (в том числе и Беларуси), – это преимущественно результат воплощения в жизнь идеологии НСДАП. В свою очередь, действия Советского Союза были обусловлены, прежде всего, стремлением компенсировать колоссальный культурный ущерб, нанесенный Германией, и не были связаны с аспектом преследования.

Заключение. Таким образом, Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга являлся одной из нацистских организаций, которая руководствовалась в своей деятельности идеологией национал-социализма. Официально полномочия штаба были сформулированы в приказах и поручениях Гитлера, распоряжениях самого Розенберга и носили культурный и идеологический характер.

Деятельность Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга на оккупированных восточных территориях достигла небывалого ранее размаха и получила ряд особенностей. Так, идеологическое направление в работе штаба на территории СССР было нацелено, в первую очередь, на борьбу с большевизмом как наиболее опасным врагом национал-социализма.

Забота о сохранении культурных ценностей на оккупированных восточных территориях стала лишь своеобразным прикрытием грабительской деятельности Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга. В то же время имевшее место массовое уничтожение памятников культуры и искусства свидетельствует в пользу намеренного уничтожения национального культурного достояния и, выражаясь современным языком, стремления стереть культурный код – самобытность народа, его особенности, зашифрованные в произведениях искусства и памятниках культуры.

В работе Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга явно прослеживается и экономическая составляющая, официально не входившая в круг его задач: сбор информации о потенциале республик Советского Союза (это подтверждается тематикой «разработок», подготовленных специалистами штаба) способствовал их более эффективной эксплуатации, а материальная ценность конфискованных и вывезенных предметов культуры и искусства, без сомнения, является колоссальной.

Таким образом, налицо имело место несоответствие пропагандируемых задач штаба и его фактической деятельности, направленной на эксплуатацию захваченных культурных и экономических ресурсов

и подчиненной конечной цели нацистов – «поглощению» оккупированных территорий.

Литература

1. Зинич, М.С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей / М.С. Зинич. – М.: ИРИ РАН, 2003. – 276 с.
2. Мазурицкий, А.М. Книжные потери России в годы Великой Отечественной войны: монография / А.М. Мазурицкий. – М.: МГУКИ, 2004. – 135 с.
3. Горбунова, С.И. Разграбление фашистами российских культурных ценностей КАРТОТЕКА «Z» / С.И. Горбунова // Сайт Военно-исторического журнала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history.milportal.ru/2016/01/razgrablenie-fashistami-rossijskix-kulturnyx-cennostej/>. – Дата доступа: 29.02.2020.
4. Картотека «Z» Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга. Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии 1941–1942 / под ред. Н.А. Бойцова, Т.А. Васильевой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 352 с.
5. Кашеварова, Н.Г. Деятельность Оперативного штаба Розенберга по изучению нацистами «восточного пространства» (1940–1945) / Н.Г. Кашеварова. – К.: Институт истории Украины, 2014. – Ч. 1: Источниковедческое исследование. – 552 с.
6. Себта, Т.М. Документи Айнзацштабу рейхсляйтера Розенберга про діяльність в українських бібліотеках під час нацистської окупації (1941–1944) / Т.М. Себта // Наук. записки: зб. праць молодих вчених та аспірантів / НАН України. Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. – К., 1999. – Т. 4. – С. 398–412.
7. Вяртанне: документи і архівні матеріали по проблемах пошуку і вяртання нац. каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь / рэдкал.: Н.Ф. Высоцкая [і інш.]. – Мінск: Беларускі фонд культуры, 1992. – 256 с.
8. Вяртанне – 2: артыкулы, дакументы і архівныя матэрыялы па праблемах пошукаў і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь: зб. артыкулаў і дакументаў / склад. А. Тоўсцік, М. Яніцкая. – Мінск: Бел. фонд культуры, 1994. – 270 с.
9. Вяртанне – 3: матэрыялы міжнар. круг. стала «Лёсы беларускіх матэрыяльных і духоўных каштоўнасцей у час Другой сусветнай вайны і пасля яе (перамяшчэнне, выяўленне, вяртанне)»: зб. артыкулаў і дакументаў / склад. А. Тоўсцік, М. Яніцкая. – Мінск: Бел. фонд культуры, 1996. – 256 с.
10. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М.: Госполитиздат, 1946. – 459 с.
11. Гужалоўскі, А.А. Музеі Беларусі (1941–1991) / А.А. Гужалоўскі. – Мінск: Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, 2004. – 218 с.
12. Vries, W. de. Kunstraub im Westen 1940–1945: Alfred Rosenberg und der “Sonderstab Musik” / W. de Vries. – Lizenzausg. – Frankfurt am Main: Fischer- Taschenbuch-Verlag, 2000. – 380 S.
13. Manasse, P. Verschleppte Archive und Bibliotheken: die Tätigkeit des Einsatzstabes Rosenberg während des Zweiten Weltkrieges / P. Manasse; übertr. ins Dt.: G. – St. Ingbert, 1997. – 157 S.
14. Hartung, U. Das Vorgehen deutscher Reichsbehörden gegen die Kultur in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. 1941–1944 / U. Hartung // Verschleppt und verschollen:

- eine Dokumentation deutscher, sowjetischer und amerikanischer Akten zum NS-Kunstraub in der Sowjetunion (1941–1948) / Ulrike Hartung. – Bremen: Ed. Temmen, 2000. – S. 25–48.
15. Гримстед, П.К. Трофейные книги из Западной Европы: Дорога в Минск через Ратибор (Рацибуж) / П.К. Гримстед // Матэрыялы Трэціх міжнародных кнігазнаўчых чытаньняў “Кніга Беларусі: Паязь часоў”, Мінск, 16–17 верасня 2003 г. / Нац. б-ка Беларусі; склад. Т.І. Рошчына. – Мінск, 2005. – С. 43–92.
16. Коллекция документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга [Электронный ресурс] // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/stocks/>. – Дата доступа: 01.04.2020.
17. Bollmus, R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner: Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem / R. Bollmus. – München: R. Oldenburg Verlag, 2006. – 373 S.
18. Enzyklopädie des Nationalsozialismus / hrsg. von Wolfgang Benz. – 3. Auflage. – Stuttgart: Klett-Gotta, 1998. – 900 S.
19. Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г.Ф. Заставенко и др.]. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985. – 325 с.
20. Коллекция документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга [Электронный ресурс] // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. – Ф. 3206. Оп. 5. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/stocks/61540088/61540137/61540489.html>. – Дата доступа: 01.04.2020.
21. Коллекция документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга [Электронный ресурс] // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. – Ф. 3676. Оп. 1. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/stocks/60825253/60825620/61106225.html>. – Дата доступа: 02.04.2020.
22. Преступления немецко-фашистских оккупантов Белоруссии. Документы и материалы. – Минск, 1965. – 464 с.
23. Hartung, H. Kunstraub in Krieg und Verfolgung. Die Restitution der Beute- und Raubkunst im Kollisions- und Völkerrecht / H. Hartung. – Zürich: Universität Zürich, 2004. – 558 S.

Поступила в редакцию 04.05.2020

Специфика оккупационной повседневности Беларуси 1941–1944 годов

Гребень Е.А.

*Учреждение образования «Белорусский государственный
аграрный технический университет», Минск*

История повседневности — сложное и многогранное понятие, имеющее множество различных интерпретаций в социальных науках.

Цель статьи — определение наиболее специфических черт, характеризующих повседневную жизнь гражданского населения Беларуси в экстремальной ситуации германской оккупации 1941–1944 гг.

Материал и методы. Данная работа подготовлена на основе публикаций зарубежных ученых, интерпретирующих понятие «история повседневности», а также архивных документов периода германской оккупации Беларуси. В ходе исследования применялись историко-сравнительный и историко-типологический методы.

Результаты и их обсуждение. Анализ работ зарубежных исследователей показывает наличие множества подходов в определении понятия «история повседневности» как в контексте мировой истории, так и касательно истории Беларуси периода германской оккупации 1941–1944 годов. Имеющиеся в распоряжении ученых архивные документы рассматриваемого периода позволяют выявить специфические моменты повседневной жизни граждан Беларуси в условиях оккупации.

Заключение. Три года оккупации — мизерный в масштабах человеческой истории период — это совершенно иная эпоха со своей специфической повседневностью, которую характеризовало то, что стало наиболее актуальным практически для всех людей. Оккупационная повседневность была лишена таких естественных черт, присущих мирному времени, как отдых и праздники, красота и мода. Она определяется чрезвычайными обстоятельствами, связанными с необходимостью выжить в экстремальной ситуации. Речь шла о возможности удовлетворения хотя бы на минимальном уровне базовых потребностей, что обусловило поиски разных форм предпринимательской деятельности, использование возможностей функционировавшего черного рынка, изыскание альтернативных источников продуктов питания. Нормой стала аграризация и натурализация городской жизни.

Ключевые слова: Беларусь, гражданское население, повседневность, германская оккупация.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 34–37)

The Specifics of Everyday Life in Belarus during the 1941–1944 Occupation

Greben E.A.

Educational Establishment “Belarusian State Agrarian Technical University”, Minsk

The history of everyday life is a complex and multifaceted concept that has many different interpretations in the social sciences.

The aim of the article is to determine the specifics of the daily life of citizens of Belarus during the German occupation in 1941–1944.

Material and methods. This article was prepared based on publications of foreign researchers who interpret the concept of “history of everyday life”, as well as archival documents of the period of the German occupation of Belarus. The historical and comparative and the historical and typological methods were used in the research.

Findings and their discussion. An analysis of the work of foreign researchers shows that there are many approaches to the definition of history of “everyday life” both in the context of world history and regarding the history of Belarus during the German occupation of 1941–1944. The archival documents of the period under review allow to determine specific aspects of the daily life of citizens of Belarus under occupation.

Conclusion. The three years of occupation — a meager period of human history — is a completely different era with its specific everyday life, which was determined by what became the most relevant for almost all people. The everyday life during occupation was devoid of such features inherent in peacetime as rest and holidays, beauty, and fashion. It is determined by emergency circumstances associated with the need to survive in an extreme situation. It was important to satisfy at least a minimum level of basic needs, which led to the search for various forms of entrepreneurial activity, the use of the then functioning black market, and the search for alternative sources of food. The norm was agrarianization and naturalization of urban life.

Key words: Belarus, civilian population, everyday life, German occupation.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 34–37)

Адрес для корреспонденции: e-mail: greben.evgenij@gmail.com — Е.А. Гребень

История повседневности – сложное и многогранное понятие, имеющее множество различных интерпретаций в социальных науках (истории, культурологии, философии). Можно констатировать, что количество интерпретаций понятия «история повседневности» равняется количеству исследователей, занимающихся данной проблематикой. На многообразие трактовок влияют используемые учеными источники и их количество, уникальные черты изучаемой эпохи, методология.

Цель статьи – определение наиболее специфических черт, характеризующих повседневную жизнь гражданского населения Беларуси в экстремальной ситуации германской оккупации 1941–1944 гг.

Материал и методы. Данная работа подготовлена на анализе публикаций зарубежных ученых, интерпретирующих понятие «история повседневности», а также документов немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации периода германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. Количество и разнообразие доступных для исследователей документов рассматриваемой эпохи позволяет исключительно полно и всесторонне охарактеризовать оккупационную повседневность. Используемые историко-сравнительный и историко-типологический методы помогли сопоставить и проанализировать различные типы документов и выявить наиболее типичные аспекты, определявшие оккупационную повседневность.

Результаты и их обсуждение. История повседневности – одна из актуальных для белорусской исторической науки отраслей исторических знаний. На протяжении десятилетий популярности истории повседневности появилось множество ее определений. История, социология, философия применяют различные трактовки для описания данного понятия [1]. В ходе научной дискуссии история повседневности эволюционировала от маргинального направления до «модной», по определению А. Людке, истории. В рамках истории повседневности происходит реконструкция социальных практик на микроуровне. История повседневности – это попытка увидеть историю глазами маленького человека, что не укладывается в традиционные схемы «институциональной истории», препятствует мифологизации и идеологизации истории [2]. Повседневность – все, что повторяется, противостоит чем-либо уникальному, необычному [3, с. 8–9].

В рамках одного из подходов повседневность рассматривается как форма сопротивления насилию, если человек подвергается ему ежедневно или систематически, как стратегии выживания в экстремальных ситуациях [3, с. 8–9]. Данный подход вполне вписывается в ситуацию оккупации, когда экстремальное стало повседневным, на протяжении трех лет миллионы людей, помимо реальной угрозы потери жизни в ходе открытых репрессий, имели всевозможные лишения. Насилию, вне зависимости от его формы, любой человек подвергался ежедневно. Условия, в которых оказались люди, и стратегии выживания, выбираемые гражданами, характеризовали оккупационную повседневность Беларуси 1941–1944 гг.

Не претендуя на создание универсального определения военной повседневности, на основании имеющихся в распоряжении исследователей архивных документов можно выделить ключевые ее аспекты, рассматривая повседневность как ежедневные, многократно повторяемые действия, лишённые новизны.

На восприятие современными учеными повседневности минувших столетий влияет сама специфика изучаемой эпохи. Возможно, повседневность живущих в настоящее время будет определять наличие гаджетов и интернета. Например, изучая повседневность средневековья и эпохи Нового времени, различные исследователи обращали внимание на такие аспекты, как восприятие времени, хозяйственная деятельность, гигиена, одежда, распорядок дня, музыка, культура, (Л. Мулен); ритм жизни и времени, идеалы, условия жизни в замке и крестьянском доме, еда, мебель, костюм (цвета, ткани) и мода, развлечения, литература, эмоциональная сфера (М. Пастуро); социальная характеристика рыцарского сословия, вооружение, война, турниры, кодекс, литература (Ж. Флори); болезни, праздники, косметика, описание садов и парков, дороги и трудности путешествий, рацион, развлечения (Э. Бартон); частная жизнь, интерьер дома, рацион, этапы жизни (рождение, крещение, брак, смерть), статус в обществе, публичная жизнь, социальные группы и корпорации, праздники, религиозность (П. Антонетти) [4–8]. Повседневность ближайшего к Великой Отечественной войне периода 1930-х гг. Ш. Фицпатрик характеризует через социальные группы, описывает дефицит и способы его преодоления с помощью знакомств, связей, трансформацию человека, семейные проблемы, письма властям [9]. Все вышесказанное в комплексе достаточно полно характеризует повседневную жизнь человека в мирное время.

Российский исследователь Б. Ковалев, говоря о повседневной жизни населения России в период нацистской оккупации, характеризует ее через деятельность антикоммунистических организаций на оккупированной территории и немецких разведшкол, национальную политику немцев, Холокост, нацистскую пропаганду и средства массовой информации, обращается к описанию брачно-семейной сферы, контактам русских девушек с немецкими солдатами, описывает детскую беспризорность, организацию школьного дела, участие детей в германских разведшколах [10]. Фактически это характеристика оккупационной политики немцев в целом, характерная для многих исследований германского оккупационного режима.

Согласно германскому ученому Б. Кьяри, оккупационная повседневность Беларуси – это образ, облик (и отдельные картины быта) сотрудников оккупационной администрации, характеристика белорусских коллаборационистов, положение детей и молодежи. Выживание населения рассматривается сквозь призму коллаборации [11]. Не отрицая наличия такой стратегии выживания, стоит отметить, что она была актуальна для абсолютного минимума жителей Беларуси. Хотя большинство жителей так или иначе вынуждены были вступать в контакты с оккупационными властями, пытаясь приспособиться к ситуации, лавировать, называть их идейными

коллаборантами невозможно. Польский исследователь Е. Миронович видит повседневность белорусской деревни в условиях оккупации сквозь призму экономической эксплуатации крестьян оккупационными властями [12]. Представляется, что подобный взгляд не отражает многогранности понятия «история повседневности».

На основании сохранившихся документов эпохи можно попытаться реконструировать повседневность жителей Беларуси периода германской оккупации 1941–1944 гг. Документы германской оккупационной администрации представлены распоряжениями гражданских и военных властей, касающимися различных аспектов оккупационной политики. Созданные немцами реалии повседневности видны в дублирующих (и уточняющих их) распоряжениях глав местной вспомогательной администрации, служебной переписке подразделений местной администрации, предприятий и учреждений, отчетной документации и заявлениях граждан [13].

История повседневности помогает создать целостный образ эпохи. Она является историей людей, которые, как правило, не принадлежат к элите, не оставляют после себя эпистолярного наследия. Это всегда история «молчаливого большинства». Соответственно, реконструировать военную повседневность возможно в первую очередь на основе письменных источников (документы оккупационной и местной вспомогательной администрации). Военная повседневность, как и повседневность всего новейшего времени в целом, не требует от исследователя изучать то, что с большим трудом приходится реконструировать при изучении средневековья и раннего нового времени (внешний и внутренний облик жилища, одежда и мода, отношения между социальными слоями и между мужчинами и женщинами, досуг, мировоззрение). Поскольку указанный период отделен от настоящего небольшим временным промежутком, быт людей периода Второй мировой войны очень понятен современному человеку. В то же время, поскольку речь идет об экстремальной ситуации, когда привычный уклад жизни человека был деформирован, определяющими аспектами военной повседневности становились те, которые способствовали выживанию конкретного человека в частности и всего народа в целом. Военная повседневность гражданского населения – это история большинства, которое лично не участвовало в вооруженной борьбе, хотя члены их семей могли быть связаны с движением Сопротивления, которое не стало на путь коллаборационизма и просто боролось за физическое выживание. Это история миллионов гражданских лиц, которые не принимали в подавляющем своем большинстве оккупационный режим, но находились продолжительное время под властью оккупационной администрации и в экстремальных условиях оккупации выбирали для себя одну или несколько стратегий выживания в зависимости от социально-экономических факторов и собственных умений, навыков, возможностей.

Военную повседневность определяют заболевания и эпидемии, сопутствующие войнам, возможность/невозможность получения медицинской помощи, наличие/отсутствие жилья, независимо от его внешнего и внутреннего вида (бомбежки, экспроприация вермах-

том нивелировали его комфортность, важно было иметь его в принципе), доступ к коммунальным услугам на фоне существенного нарушения функционирования коммунального хозяйства, работа, которая являлась способом удовлетворения минимальных потребностей людей, с одной стороны, и инструментом насилия над ними со стороны оккупантов, с другой стороны.

Свою специфику имел рацион питания. «Изощреение хозяек» в приготовлении еды было продиктовано исключительно желанием приготовить хоть что-то из постоянно скудного набора продуктов. Исключение составляла немногочисленная прослойка людей, являвшихся высокопоставленными сотрудниками местной вспомогательной администрации. Они и члены их семей даже в условиях оккупации имели намного лучшие рацион и одежду. Количественные и качественные отличия местных чиновников в питании и одежде были вызваны даже не более высоким уровнем заработной платы (за исключением верхушки администрации, зарплата подавляющего большинства чиновников была сопоставима или весьма незначительно отличалась от зарплаты рабочих и служащих), а тем, что они могли себе позволить за счет тех коррупционных возможностей, которые появлялись в процессе исполнения должностных обязанностей. Решение абсолютно любого вопроса, находящегося в компетенции местных властей, было сопряжено с необходимостью материального подношения чиновнику со стороны просителей. Быт представителей сельской администрации ненамного отличался от среднестатистических крестьян. Особенно данное утверждение справедливо в тех случаях, когда должность сельского старосты по очереди выполнялась всеми мужчинами данной общины, и временное исполнение обязанности главы сельской администрации не приносило никаких материальных выгод, только лишние хлопоты и проблемы.

В мирное время, даже в условиях перманентного дефицита в СССР в свободной продаже продуктов питания и промышленных товаров, люди все же имели возможность легально удовлетворять свои хотя бы минимальные потребности. Советские граждане до войны в основной массе хоть и без излишеств, но были сыты, одеты и обуты. В условиях германской оккупации снабжение населения продуктами питания было жестко регламентировано. Получавшие продукты питания по карточкам горожане должны были или работать и приносить пользу оккупантам, или же легально считаться иждивенцами, в иных случаях продуктовые карточки не выдавались. Для сельского населения вводились ограничения на объем потребляемых продуктов питания (регламентация помолы зерна, ограничения на убой скота). Обеспечение гражданского населения промышленными товарами не предусматривалось в принципе. Уцелевшие предприятия работали в интересах Германии. Существовавшие в городах комиссионные магазины удовлетворить запросы граждан не могли ввиду непропорционально высоких цен. В такой ситуации удовлетворение потребностей граждан было возможно только за счет рынка или же приходилось изготавливать необходимое самим.

Если в мирное время земледелие, содержание скота, лесные промыслы призваны удовлетворять базовые потребности тех граждан, которые непосредственно связали свою жизнь с данными занятиями (а рыбная ловля вообще являлась для многих увлечением, способом проведения досуга), то в условиях оккупации они становились для людей жизненно необходимыми. Даже для городских жителей, работавших на предприятиях, в учреждениях или занимавшихся ремеслом и торговлей, обработка земли и содержание скота становились факторами, существенно увеличивающими шансы выжить. Если в мирное время содержание скота обуславливалось пожеланиями и пристрастиями конкретных граждан, то в военное время в условиях тотального дефицита продуктов питания наличие домашнего скота или птицы становилось жизненно важным, позволяло увеличить и разнообразить скудный рацион, полагавшийся по карточкам, и в меньшей степени зависеть от снабжения властями. То же касалось и крестьян. До войны члены коллективных хозяйств не имели возможности держать лошадь, да и в условиях коллективной собственности и совместной работы в колхозах в ней дома не было необходимости. В период оккупации, когда колхозные земли были разделены между членами сельской общины, наличие в семье лошади позволяло вырастить урожай, обеспечить себя продуктами и иметь возможность уплатить натуральный налог оккупантам, не подвергая себя опасности репрессий с их стороны.

Относительно периода оккупации вряд ли применимо понятие «выходная одежда». Во-первых, горожане массово вынуждены были менять одежду, обувь и другие промышленные товары на продукты питания, и, естественно, в первую очередь избавлялись от наименее практичных вещей. Новый же владелец в большинстве своем переводил купленную вещь в разряд повседневной. Во-вторых, одежда, отличающая конкретного человека от остальных людей, бросалась в глаза и немцам, и полицейским, в то время как для человека за благо было оставаться как можно менее заметным для врагов, чтобы избежать излишнего внимания (проверка документов, домогательство к девушкам, мобилизация на работу в Германию), не провоцировать насилия.

Досуг человека является малоизвестным и сложно реконструируемым аспектом оккупационной повседневности. Во-первых, сами условия жизни не располагали к веселью. Во-вторых, существовали ограничения на собрания и передвижения граждан между административно-территориальными единицами и во время комендантского часа внутри населенного пункта.

Заключение. Быт, внешний вид людей и населенных пунктов, интерьер домов, одежда периода оккупации были аналогичными или во многом схожими с довоенной и послевоенной эпохой. Тем не менее три года оккупации – мизерный в масштабах человеческой истории период – это совершенно иная эпоха со своей специфической повседневностью, которую характеризовало то, что стало наиболее актуальным практически для всех людей. Оккупационная повседневность была лишена таких естественных черт, присущих мирному времени,

как отдых и праздники, красота и мода. Она определяется чрезвычайными обстоятельствами, связанными с необходимостью выжить в экстремальной ситуации. Речь шла о возможности удовлетворения хотя бы на минимальном уровне базовых потребностей, что обусловило поиски разных форм предпринимательской деятельности, использование возможностей функционировавшего черного рынка, изыскание альтернативных источников продуктов питания. Нормой стала аграризация и натурализация городской жизни. Материальные тяготы оккупации, постоянные угрозы быть убитым или угнанным в Германию, смерть родных и близких обусловили тяжелые эмоциональные переживания.

Литература

1. Банникова, Е.В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни / Е.В. Банникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7(13): в 3 ч. – Ч. II. – С. 21–24.
2. Людтке, А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. – 271 с.: ил.
3. Пушкарева, Н.Л. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе / Н.Л. Пушкарева, С.В. Любичанковский // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 3. – С. 7–21.
4. Мулен, Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X–XV вв.) / Л. Мулен. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 333 с.: ил.
5. Пастуро, М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / М. Пастуро; пер. с фр. М.О. Гончар. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 230 с.: ил.
6. Флори, Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века / Ж. Флори; пер. с фр. Ф.Ф. Нестерова. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 356 с.: ил.
7. Бартон, Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира / Э. Бартон; пер. с англ. С.С. Смолянской. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 243 с.: ил.
8. Антонетти, П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте / П. Антонетти; пер. с фр. и предисл. В.Д. Балакина. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 287 с.: ил.
9. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; [пер. с англ. Л.Ю. Пантина]. – 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 336 с.
10. Ковалев, Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б.Н. Ковалев. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 619 с.: ил.
11. К'яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.) / Б. К'яры; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск, 2005. – 390 с.
12. Мірановіч, Я. Штодзённае жыццё беларускай правінцы пад нямецкай акупацыяй (1941–1944) / Я. Мірановіч // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф., Магілёў, 25–26 чэрв. 2015 г. / уклад. А.М. Бацкоў, І.А. Пушкін. – Магілёў, 2015. – С. 242–249.
13. Гребень, Е.А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.): монография / Е.А. Гребень. – Минск: БГАТУ, 2016. – 496 с.

Поступила в редакцию 26.05.2020

Женщины в промышленном производстве БССР (1920-е гг.)

Дулов А.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Вовлечение в общественное производство советская власть считала важным моментом на пути к эмансипации женщин, однако в 1920-х гг. на этом направлении большевики столкнулись с существенными трудностями.

Цель статьи — проследить эволюцию характера и специфики женского труда в промышленном секторе экономики БССР в 1920-х гг.

Материал и методы. *Источниковедческую базу работы составили материалы фондов Национального архива Республики Беларусь, государственных архивов Витебской и Минской областей, Витебского областного краеведческого музея, а также опубликованные источники.*

Теоретико-методологической основой исследования послужил гендерный подход в комплексе с основными принципами исторического познания: историзма, объективности, системности. Были использованы общелогические и специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. *В период нэпа не произошло серьезных изменений в структуре женской занятости в промышленном производстве БССР. Достаточно высок был уровень женской безработицы. Труд женщин оставался малоквалифицированным и низкооплачиваемым. С началом индустриализации женские трудовые ресурсы стали рассматривать как важнейший резерв рабочих кадров, в связи с чем началось вовлечение женщин в промышленность, был дан толчок развитию детских учреждений. Осуществлялась специальная политика государства по выдвижению женщин в хозяйственный и профсоюзный активы, зачислению их на основе выделенных квот в профессиональные учебные заведения.*

Заключение. *До конца 1920-х гг. советская власть не имела возможности осуществить массовое вовлечение женщин в производство. В годы нэпа в промышленности БССР существовала как горизонтальная, так и вертикальная гендерная сегрегация. Протекционистская политика руководства республики способствовала преодолению субъективного недоверия к возможностям женщин выполнять сложную работу и стимулировала их продвижение по квалификационно-производственной лестнице, занятие административных должностей. В то же время массовое вовлечение женщин в промышленность с конца 1920-х гг. повлекло за собой усиление «двойной занятости» женщин: в общественном производстве и по обслуживанию собственных семей.*

Ключевые слова: *нэп, индустриализация, женщины, работницы, промышленное производство, занятость, квалификация, выдвиженки, профсоюзы.*

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 38–45)

Women in the BSSR Industrial Manufacture (the 1920-s)

Dulov A.N.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The Soviet power considered involvement into public manufacture to be an important element of women emancipation. However in the 1920-s Bolsheviks encountered significant hardships in this sphere.

The purpose of the article is to trace the evolution of the character and the specificity of the woman's labor in the BSSR economy industrial sector in the 1920-s.

Material and methods. *The research source base is made up by materials from the National Archive of the Republic of Belarus funds, the State Archives of Vitebsk and Minsk Regions, Vitebsk Region Museum of Local Lore as well as by published sources.*

The gender approach combined with basic principles of historical cognition, historicism, objectivity and system, became the theoretical and methodological research base. General logical as well as special historical methods were used.

Findings and their discussion. *During the New Economic Policy no serious changes in the structure of women's involvement into industrial manufacture in the BSSR took place. The level of women's unemployment was rather high. Women's labor was low qualified and badly paid. With the beginning of Industrialization women's labor resources were considered to be*

the most important reserve of labor force and women's employment in industry started. Child care establishments developed. The state policy of women becoming business and trade union leaders was carried out. They were admitted to professional educational establishments.

Conclusion. *Before the 1920-s the Soviet power could not employ women in industry on a wide scale. During the New Economic Policy in the BSSR industry there was both horizontal and vertical gender segregation. The protection policy of the Republic leadership facilitated overcoming the subjective disbelief in women's abilities to perform complicated work; it stimulated their qualification promotion and taking administrative positions. At the same time wide scale involvement of women in industry since the 1920s resulted in the increase of the "double employment of women" both in the public manufacture and their household work.*

Key words: *the New Economic Policy, industrialization, women, women-workers, industrial manufacture, employment, qualification, promoted women, trade unions.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 38–45)

Теоретики марксистского феминизма видели путь к решению женского вопроса не столько в расширении политических прав женщин, сколько во включении их в общественное производство через создание государственной системы воспитания детей и бытового обслуживания. Однако в 1920-х гг. темпы и характер вовлечения женщин в промышленный сектор экономики определялись, главным образом, социально-экономическими условиями и общим контекстом государственной экономической политики. Отдельные аспекты проблемы женской занятости в промышленности БССР периода нэпа и начального этапа индустриализации становились предметом рассмотрения в советской (Т.Г. Бобкова, М.Г. Дюбакова, Е.Н. Захватаева и др.) и постсоветской (А.Н. Дулов, И.Р. Чикалова, Г.Н. Яковлева) отечественной историографии. Тем не менее представляется актуальным и значимым осуществление системного анализа проблемы с современных теоретико-методологических позиций, поскольку исторический опыт советской власти по вовлечению женщин в промышленное производство может быть востребован в контексте реализуемой в Республике Беларусь политики гендерного равенства, стратегической целью которой является расширение возможностей участия и самореализации женщин во всех сферах жизнедеятельности социума.

Цель статьи – проследить эволюцию характера и специфики женского труда в промышленном секторе экономики БССР в 1920-х гг.

Материал и методы. Источниками послужили нормативные акты, документы Национального архива Республики Беларусь, государственных архивов Витебской и Минской областей, воспоминания из фондов Витебского областного краеведческого музея, статистические материалы, а также периодическая печать.

Историческая реконструкция осуществлялась с позиций гендерного подхода на основе ключевых принципов исторического познания: историзма, объективности, системности. Применялись общелогические (анализ и синтез, индукция и дедукция) и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный) методы.

Результаты и их обсуждение. Во время Первой мировой войны в мире наблюдался рост удельного веса женщин в промышленном производстве. Приток женщин в промышленность продолжился в 1920-х гг. в связи с процессами стандартизации и унификации производства. С некоторыми оговорками можно утверждать, что схожие тенденции наблюдались и в Белоруссии. Правда, в начальный период нэпа часть женщин была вытеснена из промышленности в связи с возвращением из армии мужчин. К тому же, несмотря на то, что вовлечение в общественное производство считалось большевиками важным моментом на пути к эмансипации женщин, в условиях нэпа эти процессы не могли стать массовыми. Только в середине – второй половине 1920-х гг. наметился незначительный рост удельного веса работниц. На 1 июля 1925 г. в ценовой промышленности республики было задействовано 13754 рабочих, в том числе 3349 (или 24,3%) женщин. К 1 января 1927 г. женщины составили в ценовой промышленности БССР 28,7% от общего числа рабочих [1, с. 39]. До 1928 г. использование женского труда в основном ограничивалось чулочно-трикотажной (на 1 октября 1927 г. работницы составляли в отрасли 82,5%), очковой (74,4%) и льнопрядильной (70,1%) промышленностью [2, с. 36]. Значительное количество женщин было занято в швейной и текстильной промышленности.

При этом остро стояла проблема безработицы, имевшей тенденции к росту. Если в январе 1925 г. женщины составляли 33% от количества безработных, то в сентябре 1926 г. – уже 44% [1, с. 40]. В крупных городах удельный вес женской безработицы осенью 1926 г. был еще выше и достигал 52% в Минске и 54% в Витебске. Хотя уровни женской и мужской безработицы были сопоставимы, необходимо учитывать, что нередко сокращали беременных женщин и матерей-одиночек. К тому же большинство безработных женщин имели низкую квалификацию или не имели никакой специальности, что мешало им найти работу [3, д. 420, л. 8]. Биржи труда организовывали трудовые коллективы для безработных – портных, парикмахеров, шапочников и т.п. [1, с. 40]. Однако и в них преобладали мужчины: на 1 августа 1925 г.

в трудколлективах г. Минска было занято 2167 человек, из них только 546 женщин; на 1 ноября 1925 г. – 1670 человек, в том числе 432 женщины [4, д. 89, л. 36, 38]. Безработные женщины оставались без заработка, но не без работы в строгом смысле этого слова. Они продолжали заниматься домашним хозяйством. Мужья, даже и оставшись без работы, редко оказывали помощь женам в домашних делах.

Неблагоприятный гендерный баланс трудовых ресурсов побудил руководство республики уже в середине 1924 г. обратить особое внимание на положение женщин в промышленности. При Наркомате труда БССР была создана центральная комиссия по охране труда женщин. В числе возлагавшихся на комиссию задач были изучение состояния женской безработицы и выработка мероприятий для борьбы с ней, улучшение условий труда работниц, контроль над выдвижением их на более квалифицированные работы. В состав комиссии вошли представители Центрального Совета профессиональных союзов Белоруссии (ЦСПСБ), Женотдела ЦК КП(б)Б, Высшего совета народного хозяйства Белоруссии (ВСНХБ), Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), комсомола и Главного управления профессионального образования. Поскольку названными организациями было затянато выделение представителей в комиссию, ее работа началась практически только в первой половине 1925 г. [5].

Несмотря на предпринимаемые по охране женского труда меры, условия на предприятиях на протяжении 1920-х гг. сплошь и рядом оставались неблагоприятными, а нормы трудового законодательства нарушались. Как показало проведенное зимой 1929 г. обследование на витебской льнопрядильной фабрике «Двина», в цехах был тяжелый воздух и много пыли, так как вентиляция в них работала плохо или отсутствовала [6, д. 156, л. 16]. С серьезными проблемами сталкивались беременные женщины и кормящие матери. На многих предприятиях БССР они работали в ночные смены, причем сами не возражали против этого, т.к. ночной труд оплачивался выше. В некоторых случаях женщины, ушедшие в декретный отпуск, не

попадали на свою прежнюю работу и переводились на менее квалифицированный труд [6, д. 171, л. 52]. Имелись случаи увольнения беременных работниц [6, д. 156, л. 15 об.]. Кормящим матерям на предприятиях предоставлялся получасовой перерыв для кормления. Однако этого времени было недостаточно, чтобы сходить домой. Поэтому работницы, имеющие право на перерыв, использовали его по своему пониманию. Они приходили на работу на полчаса позже или уходили раньше, что вызывало недовольство администрации [6, д. 171, л. 52]. В обход законодательства беременные женщины могли подвергаться дискриминации при приеме на работу. На отдельных предприятиях республики при наборе новых работниц практиковалось медицинское освидетельствование, целью которого было не допустить приема беременных женщин [6, д. 171, л. 52 об.].

Уровень оплаты женского труда был ниже. Отчасти это объяснялось более низкой квалификацией женщин-работниц по сравнению с мужчинами, работавшими на одних с ними предприятиях. Причем уровень женской квалификации был ниже даже в отраслях, где труд женщин преобладал или применялся наравне с мужским. Так, в текстильной отрасли средний разряд мужчин на 1925 г. был 6,1. Средний же разряд женщин – 4,7. В швейной промышленности – 8,1 и 6,3, в химической – 6,2 и 3,5 соответственно [7, с. 222]. В бумажной промышленности на 1925 г. женщины по уровню квалификации распределялись следующим образом: высококвалифицированные – 4%, со средней квалификацией – 21%, с низкой квалификацией – 32%, не квалифицированные – 28% [7, с. 222]. По 6 разряду, который был высшим в отрасли, тарифицировалось только 2% работниц. Соответственно, работницы в массе получали меньшую заработную плату.

На протяжении 1920-х гг. очень часто женщины получали меньшую зарплату, даже имея одинаковые с мужчинами разряды. Например, на швейной фабрике «Профинтерн» к началу 1929 г. средний фактический заработок мужчин 3 разряда, занимавшихся пошивом мужских зимних пальто, составлял в день

Таблица

**Заработная плата рабочих швейной фабрики
«Профинтерн» (г. Витебск) в первом квартале 1929 г.**

Наименование работы	Разряд	Средний фактический заработок в день		
		Муж.	Жен.	% разницы
Пальто мужское зимнее	3	4 руб. 13 коп.	3 руб. 34 коп.	19
Пальто мужское осеннее	3	5 руб. 15 коп.	4 руб. 24 коп.	18
Пиджачный костюм	3	4 руб. 30 коп.	3 руб. 63 коп.	16
Брюки	4	6 руб. 09 коп.	5 руб. 23 коп.	14
Пальто дамское зимнее	4	7 руб. 05 коп.	6 руб. 43 коп.	9

Источник: 22, д. 171, л. 52.

4 руб. 13 коп., а заработок женщин того же разряда – 3 руб. 34 коп. Зарплата рабочих 4 разряда на пошиве брюк была 6 руб. 9 коп., а работниц – 5 руб. 23 коп. (табл.).

К тому же уровень заработной платы работников мог существенно варьироваться в зависимости от предприятия. В частности, на 1 октября 1928 г. средний дневной заработок работниц составлял на витебской фабрике «Двина» 1 руб. 82 коп., на очковой фабрике 2 руб. 77 коп., на фабрике «Профинтерн» 5 руб. 20 коп. [6, д. 156, л. 15 об.]. В результате зарплата работниц мотального цеха фабрики «Двина», со всеми вычетами, составляла от 3 до 5 руб., в редких случаях до 10 руб. за две недели. Многие работницы находились в затруднительном материальном положении. Как отмечала одна из них на общегородской конференции, выступая по поводу содержания детей в детском саду, «работница не может доплачивать 1 руб. на улучшение питания ребят, она мало получает» [6, д. 156, л. 16]. Зафиксированы случаи, когда работницы «Двины» занимались проституцией. Работница мотального цеха Н. почти открыто заявила инспектору по женскому труду, что приходится «прирабатывать», так как заработка на жизнь семьи не хватает [6, д. 156, л. 17 об.].

С середины 1920-х гг. протекционистская политика КП(б)Б стимулировала выдвижение женщин на более квалифицированную работу. Подготовка к переводу на нее велась, главным образом, в цехах, где преобладал женский труд. Подбором кандидатур для выдвижения занимались представители администрации, и часто все зависело от мнения мастера, а они во многих случаях противодействовали выдвижению женщин. Работницы были недовольны таким положением и отмечали, что в результате многие женщины, которые могли бы успешно справиться с новыми обязанностями, не состоят на учете для выдвижения, в то время как отдельные выдвиженки себя не оправдывают [6, д. 171, л. 51 об.]. Часто недоброжелательно относилось к выдвиженкам руководство предприятий, которое не оказывало им помощи в работе и стремилось заменить мужчинами [6, д. 46, л. 322].

На отдельных предприятиях допускались случаи перевода работниц на малоквалифицированные и неквалифицированные операции. Так, на витебской очковой фабрике после механизации шлифовального цеха отправили на мойку стекол старых опытных работниц, заменив их мужчинами [6, д. 171, л. 51 об.]. Сами женщины не всегда стремились перейти на работы, связанные с выполнением более квалифицированных операций, поскольку переход на новую работу означал временное снижение заработка. К тому же в случае сокращения под него попадала выдвиженка как пришедшая последней по счету. К концу 1920-х гг. нежелание переходить на более квалифицированную работу как массовое явление уже не замечалось, хотя отдельные случаи отказа от выдвижения все еще имели место [6, д. 171, л. 52].

Тем не менее субъективное недоверие к возможностям женщин выполнять квалифицированную работу преодолевалось, грани между мужскими и женскими профессиями стирались, и женщины во все возрастающем количестве продвигались по квалификационно-производственной лестнице, сначала вследствие директивных требований партийных органов, а затем и в силу собственных способностей. В частности, секретариат ЦК КП(б)Б, решением от 10 августа 1927 г. предписал «продолжать в дальнейшем взятый курс на постепенное увеличение женской рабочей силы в производстве, а наравне с этим усилить работу по продвижению работниц на более квалифицированные работы и по внедрению женского труда в те роды производства, где он раньше не применялся, но может быть применен» [6, д. 111, л. 68]. Если на стекольном заводе им. Домбаля в 1927 г. выдвинули 34 работницы, то в 1928 г. – 63 [7, с. 222]. На минской обувной фабрике в 1930 г. перевели на более квалифицированную работу 128 работниц [8].

Наряду с осознанно позитивным подходом к выдвижению женщин во многих случаях имел место и иной, бюрократический, когда назначения работниц диктовались не интересами дела, а партийной дисциплиной: следовало выполнять директивы по выдвижению рабочих и работниц «от станка». Формальное отношение подчас дискредитировало важное в плане преодоления гендерной дискриминации начинание. Назначенная на должность помощника директора гомельской фабрики «Везувий» рабочая с 23-летним стажем написала в журнал «Беларуская работніца і сялянка»: «Работа для мяне незнаёмая. Па агульнай адукацыі я малапісьменна, а дапамогі ад кіраўнікоў няма. А калі просіш дапамогі, часам чуеш такі адказ: “За вас працаваць ня будзем, трэба самой разумець”» [9, с. 14].

В период нэпа средства, выделявшиеся на социальную сферу, были ограничены, что сдерживало распространение учреждений общественного воспитания и охраны материнства и детства. В 1924 г. на территории укрупненной БССР имелось в городах всего 7 яслей. Попытки расширения их сети были робкими, и городские ясли не могли поместить даже малую часть детей работниц: в 1926 г. в БССР число яслей достигло 19 на 620 мест [10, с. 42, 44]. В таком городе, как Бобруйск, единственные ясли имели только 30 мест [11]. Естественно, прием в ясли был избирателен: преимущество предоставлялось детям активисток и работниц, занятых учебой.

Невысокие объемы и темпы роста ясельной и дошкольной сети были обусловлены причинами объективного и субъективного характера. В городах лишь 7–8% воспитателей имели высшее образование, большая часть была представлена неквалифицированными работниками, подготовленными на двухмесячных курсах. Государство отпускало крайне мало средств: в 1927 г. бюджетные средства предусматривались на содержание в летний период 175 яслей и 186 площадок. На содержание каждой из последних выделяли только по 200 руб., которых еле хватало на оплату работника и самые минимальные расходы [12]. 4 апреля 1928 г. СНК СССР принял

решение об отчислении на ясли 0,25% из фонда зарплаты и от 5 до 10% из фонда улучшения быта рабочих, но эти отчисления производились нерегулярно и не в полном объеме [13, с. 2]. В целом на указанном направлении в 1920-х гг. успехи были относительны, но закладывали основы расширения в будущем сети дошкольных учреждений и тем самым создания реальных возможностей для массового использования женских трудовых ресурсов.

По первому пятилетнему плану развития народного хозяйства республики, рассмотренному XII съездом КП(б)Б и принятому в мае 1929 г. IX съездом Советов БССР, намечалось построить около 200 новых фабрик и заводов, технически перевооружить старые предприятия. Индустриализация потребовала огромного количества рабочих рук, дефицит которых стал очевидным. В связи с этим пятилетний план был ориентирован на максимальное использование женской рабочей силы. Планировалось привлечь в промышленность 30 тыс. новых рабочих, в том числе 16 тыс. женщин [14, с. 63]. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работников и крестьянок» предложило исходить из необходимости «увеличения применения женского труда в тяжелой индустрии, особенно в механических цехах и машиностроении и в тех отраслях промышленности, где женский труд применяется недостаточно, но где он себя вполне оправдывает (деревообделочная, кожевенная и т.д.)», «максимального заполнения женским трудом швейной, бумажной, пищевкусовой, текстильной, химической промышленности», «максимального расширения применения женского труда в торговом и советском аппаратах и на транспорте (кондуктора, вожатые, шоферы и т.д.)» [15, с. 273]. В связи с новыми задачами началось массовое вовлечение женщин в производство.

Важным каналом формирования кадров индустриального производства стали учебные заведения профтехобразования, в которые был обеспечен плановый прием женщин. На 1927/28 учебный год квоты для девушек при наборе в профтехшколы и школы фабрично-заводского ученичества составили: в школы металлистов и деревообделочников – 15%, кожевников – 30%, строителей – 10%, швейников – 60%, печатников – 35% [16, с. 156]. Запланированные задания в основном выполнялись, что позволило выпускницам в значительной степени пополнить рабочие коллективы.

Но у девушек, приходивших учиться в профтехшколы и ФЗУ по специальностям, несмотря на несомненное желание освоить сложные профессии, традиционно считавшиеся мужскими, возникали определенные трудности. Материалы обследования положения женщин в учебных заведениях, проведенного минским женотделом в начале 1930 г., свидетельствовали, что заведующий и некоторые инструкторы объединенной профтехшколы Минска сомневались в необходимости приема девушек в металло- и деревообрабатывающие цеха. Среди самих девушек было распространено убеждение, что они не могут работать наравне с парнями из-за природных особенностей и склонностей.

Равные нормы выработки в столярном и токарном отделениях воспринимались девушками как тяжелые. Если отношение парней к девушкам в объединенной профтехшколе было доброжелательным, то в Минском ФЗУ железнодорожников девушки подвергались дискриминации со стороны учащихся парней, которые часто мешали работать [17, д. 1149, л. 97, 98].

Жизнь учениц на рубеже 1920–1930-х гг. была нелегкой. Те же данные обследования минских учебных заведений свидетельствуют, что стипендия девушек в объединенной профтехшколе составляла от 9 до 18 руб., чего было недостаточно: ученицы питались один, редко два раза в день [17, д. 1149, л. 97]. О.Г. Дедова, окончившая училище при фабрике им. Клары Цеткин в г. Витебске, описывает в своих воспоминаниях этот период жизни. Срок учебы в ФЗУ составлял 2 года. Ученицы должны были получить образование в объеме семи классов и освоить все виды фабричного оборудования. Девушки находились в тяжелых бытовых условиях: в одной большой холодной комнате жили 18 учениц. Стипендия была мизерной, в условиях карточной системы катастрофически не хватало питания. Но и сами ученицы не всегда серьезно относились к учебе: «Было много детства, иногда не было желания как следует подготовить уроки и поработать». Случаи выпуска бракованной продукции и поломок машины во время ученичества работница склонна объяснять легкомысленным отношением к учебе: «не понимала, что значит оборудование и сырье, сколько это стоит производству» [18].

Несмотря на определенные издержки, только в 1928/29 и 1929/30 учебных годах профтехшколы и школы ФЗУ подготовили 12014 рабочих, в числе которых было 4333 (или 36%) женщин [16, с. 158]. Молодые работницы, получившие в системе профтехобразования необходимые профессиональные навыки, могли сразу включиться в производственный процесс, и в этом было преимущество обучения в стационарных учебных заведениях.

Но комплектование кадров промышленности велось и по линии оргнабора женщин из различных социальных групп: семей рабочих, служащих, ремесленников, крестьян. По состоянию на февраль 1930 г. 34,9% работниц имели возраст от 20 до 24 лет [19, с. XI]. Соответственно и производственный опыт преобладавшей части работниц в рассматриваемое время был небольшим. На февраль 1930 г. только 23,3% работниц цензовой промышленности имели стаж более 10 лет, а значительная часть, 31,6%, – до 2 лет. Еще более впечатляющую картину представляют данные о времени поступления на последнее предприятие. Из общего числа работниц 6,1% были зачислены в 1926 г., 8,5% в 1927 г., 14,6% в 1928 г. и 38,7% в 1929 и в начале 1930 г. [19, с. XXXII, XXXIV]. Развивающаяся промышленность втягивала женскую молодежь, давала работу, перспективу, но требовала прохождения периода психологической адаптации.

Массовое в короткий срок вовлечение женщин в промышленное производство имело те последствия, что, во-первых, женские трудовые ресурсы стали важнейшим резервом рабочих кадров и, во-вторых, заводы и фабрики оказались насыщенными малоквалифицированными и полностью неквалифицированными кадрами. В 1930/31 гг. на швейной фабрике «Октябрь» из 1014 работниц 906 (89,3%) имели 1–4 разряды, 13 – 6-й и только 1 – высший 7-й. На гомельской спичечной фабрике «Везувий» из 223 женщин 20 работали по 1-му разряду, 200 – по 2-му, 3 – по 3-му, и не было ни одной с более высоким разрядом. На гомельском механическом заводе «Пролетарий» женщин впервые приняли на работу в 1924 г., но и в 1930 г. ни одна не имела квалифицированной работы: все были заняты в качестве чернорабочих [20]. В целом по республике из 15171 женщины, работавшей в ценовой промышленности (на февраль 1930 г.), только 38 являлись высококвалифицированными и 964 – квалифицированными работницами [19, с. XXXVIII]. Поскольку женщины, принятые по оргнабору, в своей массе не имели никакой квалификации, их обучали на долгосрочных и краткосрочных курсах, в том числе организованных существовавшим в те годы Центральным институтом труда. В 1928/29 и 1929/30 учебных годах на них прошли обучение 21520 рабочих, в том числе 8382 (38,9%) женщин [16, с. 158].

С началом индустриализации кампания выдвижения женщин-передовиков имела целью не только перемещение их на рабочие места с более сложными функциями, но и продвижение на административно-управленческие должности. Объективные перспективы для роста давало повышение образовательно-технического уровня. В 1932 г. в промышленности Советской Белоруссии число женщин в составе инженерно-технического персонала достигло 9,3% [16, с. 160]. Они являлись потенциальным резервом для выдвижения на управленческие должности среднего и высшего звена. Но их массового продвижения не произошло из-за отсутствия, прежде всего, подготовленных кандидатур соответствующего уровня. В 1929 г. лишь одна женщина стала директором предприятия. В основном женщинам доверялись низовые должности: заведующих цехами, мастеров и т.п. Однако и здесь количество выдвиженок не соответствовало удельному весу женщин в промышленной сфере. В 1929 г. работницы в составе промышленных рабочих составляли 36,6%, но в числе выдвиженцев их было только 13,2% [21]. Во многих случаях переход на руководящую работу оказался удачным. Работнице борисовской фабрики «Красная Березина» Лапицкой доверили руководство цехом, а упаковщицу минского дрожжево-винокуренного завода «Красная заря» Беленькую в 1929 г. перевели на минскую кондитерскую фабрику «Прогресс», где она заняла должность заместителя директора [16, с. 160]. Не было нареканий на работу выдвиженок на витебских предприятиях «Двина» и чулочной фабрике. Всего в 1929 г. на руководящую хозяйственную работу (директора и заместители директоров, заведующие

производственными отделами, цехами и мастерскими, мастера и т.п.) были выдвинуты 24 и в 1930 г. – 298 работниц [16, с. 160].

В связи с ростом потребности в рабочих кадрах возникла необходимость в широком развитии системы дошкольных учреждений как условия вовлечения женщин в общественное производство. Значение учреждений общественного воспитания видели не только и не столько в возможности улучшить здоровье и воспитание детей, сколько дать женщинам возможность управиться с производственными и общественными делами, освободив на дневное время от заботы о детях. В этом аспекте развитие сети дошкольных учреждений рассматривалось как необходимый элемент производственной программы. С принятием пятилетнего плана установка на обслуживание дошкольными учреждениями детей работниц начала воплощаться более последовательно. Предусматривалось до конца пятилетки обеспечить всех детей работниц в городах консультациями; увеличить количество детских садов в окружных городах и промышленных центрах на 75% [22, с. 117]. Постановление ЦИК и СНК БССР «Аб узмацненні абслугоўвання дзяцей работніц прамысловых прадпрыемстваў яслямі і дашкольнымі ўстановамі» (май 1930 г.) определило категории промышленных предприятий и долю средств, которую они обязывались отчислять на содержание яслей и дошкольных учреждений [23]. Началась кампания открытия яслей при предприятиях, хотя это делалось не везде и не в нужном количестве. Отпущенные средства во многих случаях не использовались. В 1930 г. не реализовали ассигнования на строительство яслей витебская фабрика «Двина» – 90 тыс. рублей, могилевская фабрика искусственного шелка – 100 тыс. рублей [24]. Имелись случаи ликвидации уже работавших яслей. На фабрике «Знамя индустриализации» помещение яслей заняли парторганизация и фабком профсоюза [24, с. 15]. Даже в ВСНХБ и ЦСПСБ не находили отклика просьбы о выделении комнат для детей в заводских помещениях и клубах [14, с. 71–72, 79]. В 1930 г. в городах удалось довести число яслей до 48. Они были рассчитаны на 2500 мест, что обеспечивало потребность на 25%. Ясли работали в непригодных помещениях, только половина из них в 2–3 смены, а значит, работницы, занятые ночью, не могли ими пользоваться.

Для детей, вышедших из ясельного возраста, в городах при предприятиях открывались т.н. «детские очаги» для детей низкооплачиваемых работниц, детские сады, принимавшие детей работниц и служащих, а также сезонные детские площадки. Зимой последние закрывались из-за недостатка средств и помещений. В дошкольных учреждениях в сезоне 1929/30 гг. воспитывалось 47,9 тыс. детей (или 8,4%) соответствующего возраста. В последующие годы масштабы общественного воспитания расширились, хотя и не столь значительно. В 1930/1931 гг. при 700 тыс. детей соответствующего возраста дошкольные учреждения охватили 58 тыс. детей (или 8,3%) [14, с. 67, 77].

Работа на промышленных предприятиях способствовала коренному изменению восприятия женщинами социально-экономической и политической действительности вследствие того, что они становились объектом целенаправленного политико-идеологического воспитания, проводимого партийными и общественными организациями. В их ряду были женотделы с организуемыми ими делегатскими собраниями [25], комсомол, Красный Крест, Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Осоавиахим. Значительным охватом трудящихся отличались профессиональные союзы. Все эти структуры составляли сложную систему «приводных ремней», «передаточных связей» от партии к массам. Поэтому женщин стремились вовлечь в разнообразные добровольные общества и союзы. Но в то же время само участие в них выводило женщин за сферу только производственных интересов, втягивало в общественную жизнь, делая более или менее активными участниками социально-политических процессов.

Серьезное внимание к участию женщин в профессиональных организациях стали уделять в связи с решением состоявшегося летом 1924 г. V Всебелорусского съезда профсоюзов. Съезд констатировал, что отдельные профсоюзные организации, главным образом низовые, недооценивают работу с женщинами, и предложил силами всего проаппарата устранить этот недостаток [26, с. 7]. Вскоре после Всебелорусского съезда, 1 августа 1924 г., для координации действий в составе ЦСПСБ учредили должность межсоюзного организатора по работе среди женщин [6, д. 6, л. 57]. Женорганизаторов выделяли во всех центральных правлениях союзов, даже в тех, где имелось незначительное количество работниц. В таких случаях работу следовало вести среди жен рабочих. В большинстве случаев должности женорганизаторов заняли женщины. Лишь в профсоюзах металлистов, строителей и деревообделочников ими стали мужчины. Как правило, организаторы являлись членами центральных правлений союзов [6, д. 6, л. 57]. В соответствии с директивой ЦСПСБ от 2 августа 1924 г. организаторы по работе среди женщин были назначены и во всех окружных бюро профсоюзов. В результате образовалась вертикаль, осуществлявшая воспитание и защиту прав женщин-членов профсоюзов.

На 1 июля 1924 г. в профсоюзах БССР состояло 114276 членов, из них 25140 (или 21,9%) женщин [27, с. 184–185]. При этом на крупных предприятиях трудилось только 12,7% от общего числа работавших женщин, что затрудняло ведение среди них профсоюзной работы. Однако усиление внимания к работе с женщинами принесло плоды: уже в 1924 г. наметились тенденции как к росту их абсолютного числа в профсоюзах, так и к увеличению их количества в руководящих органах. На 1 октября 1926 г. количество женщин составило 39950 при общем количестве членов профсоюзов БССР в 170073 человека [28, с. 179]. Стремительный рост наметился в конце 1920-х гг. На октябрь 1929 г. женщины составили 29,6% от общего количества членов профсоюзов. В октябре 1930 г. работниц в профсоюзах было уже 37,4 % [29, д. 2951, л. 43]. Продолжался рост числа женщин в центральных правлениях, некоторые изменения

происходили в руководящих профсоюзных органах окружного уровня. Наблюдался также рост количества женщин в фабзавместках. Если в 1926 г. женщин-членов в них было 1100, то в 1927 г. – уже 1500 [30, с. 8]. Выдвижение женщин на руководящую работу способствовало ломке гендерных стереотипов. Как писала межсоюзный организатор г. Витебска Карпова, «работница от станка на посту председателя фабкома успешно справляется со всей текущей профработой на предприятии, умело руководит общими собраниями рабочих, плодотворно участвует в заключении колдоговоров, пользуясь среди рабочих и у администрации надлежащим авторитетом» [31].

Однако среди председателей и секретарей, освобожденных для постоянной работы в фабзавместках, подавляющее большинство составляли мужчины: в 1926 г. на 300 мужчин приходилось 37 женщин, в 1927 г. на 450 мужчин – 54 женщины. Эта закономерность прослеживалась даже в профсоюзах с преобладающим или значительным количеством женщин. В союзе текстильщиков, в котором женщины-члены профсоюза составляли 65%, освобожденной профсоюзной работой занимались 7 чел., из них только 3 женщины. В союзе бумажников на оплачиваемой руководящей работе не было ни одной женщины, тогда как женщин-членов профсоюза было 26% [30, с. 8]. Число платных ответственных работников-женщин выросло только в центральных правлениях союзов: с 4,3% в 1927 г. до 11,6% в 1928 г. [6, д. 171, л. 65]. При этом на высшие руководящие должности в значительном числе случаев назначались не работницы-выдвиженки, а переброшенные с другой работы представительницы номенклатуры [30, с. 9]. Приоритет при выдвижении на руководящую профсоюзную работу отдавался коммунисткам [29, д. 2624, л. 20]. В то же время во многих случаях пассивную оппозицию директивам центра относительно выдвижения работниц составляло местное профсоюзное руководство. Нередко выдвижению кандидатур женщин в фабзавком препятствовали рабочие [29, д. 2624, л. 12 об.].

Подготовка женского профсоюзного актива в 1920-х гг. велась через профкружки и на курсах работниц по изучению профдвижения. Курсы должны были обеспечить женщин теоретическими знаниями для дальнейшей практической работы. Трехмесячные курсы были организованы в конце 1924 г. культотделом ЦСПСБ в Минске, а также в окружных центрах: городах Витебске, Орше, Могилеве, Бобруйске. Занятия на курсах проходили по вечерам, от одного до трех раз в неделю, по специально разработанной программе, включавшей изучение Конституции СССР, рабочего законодательства, тарифно-экономической и организационной работы [31, с. 17; 32]. В середине 1920-х гг. женский профактив на предприятиях БССР составлял от 5 до 42%, однако он слабо привлекался к практической работе [6, д. 102, л. 16]. Во второй половине 1920-х гг. работа среди женщин в ряде союзов вообще начала свертываться. Это мотивировалось утверждениями о том, что работницы уже не отстают от общей массы членов союза и, следовательно, никакой работы среди них вести не нужно [30, с. 8].

В 1920-е гг. профсоюзные активистки принимали участие в сборе взносов, обсуждении текущих производственных планов и программ, в распределении фондов материального обеспечения рабочих и служащих, в том числе выделения средств на создание учреждений охраны материнства и младенчества, вели массовую культурно-просветительную работу. Начиная с конца 1920-х гг. к этому добавились деятельность по развитию ударничества и соцсоревнования, движение за снижение себестоимости продукции, рационализацию производства.

Заключение. Таким образом, до конца 1920-х гг. советская власть не имела возможности осуществить массовое вовлечение женщин в производство. В годы нэпа в промышленности БССР существовала как горизонтальная, так и вертикальная гендерная сегрегация: с одной стороны, работницы были сконцентрированы в традиционно феминизированных отраслях легкой промышленности, с другой – женский труд оставался в основном малоквалифицированным и низкооплачиваемым. Достаточно высок был уровень женской безработицы. С началом индустриализации женские трудовые ресурсы стали рассматривать как важнейший резерв рабочих кадров, в связи с чем началось планомерное вовлечение женщин в промышленность.

Рост потребности в женских рабочих кадрах усилил необходимость создания системы дошкольных учреждений как условия прихода женщин на предприятия. В этом аспекте развитие их сети рассматривалось как необходимый элемент производственной программы. Массовый приток женщин в промышленное производство привел к насыщению предприятий малоквалифицированными и неквалифицированными кадрами. Для решения этой проблемы были предусмотрены квоты для девушек при наборе в профессиональные учебные заведения, организовывалось обучение на специальных курсах.

С середины 1920-х гг. протекционистская политика руководства республики способствовала преодолению субъективного недоверия к возможностям женщин выполнять сложную работу и стимулировала их продвижение по квалификационно-производственной лестнице. Кампания выдвижения женщин-передовиков имела целью не только перемещение их на рабочие места с более сложными функциями, но и выдвижение на административно-управленческие должности и в профсоюзный актив. Объективные перспективы для роста давало повышение образовательно-технического уровня. В то же время работа вне дома повлекла за собой усиление «двойной занятости» женщин: в общественном производстве и по обслуживанию собственных семей.

Литература

1. Дулов, А.Н. Занятость в экономике Советской Беларуси в 1920–1930-е гг.: гендерный анализ / А.Н. Дулов // Весн. Вісб. дзярж. ун-та. – 2003. – № 4. – С. 39–44.
2. Промышленность БССР: Итоги и перспективы. – Минск: Изд-во ВСНХ БССР, 1928. – 372 с.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 10051-п. Оп. 1.
4. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 6. Оп. 1.
5. Ерофеев, С. Изучение женского труда / С. Ерофеев // Профессиональное движение Белоруссии. – 1925. – № 6. – С. 14.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. Оп. 9.
7. Дулов, А.Н. Феминизация занятости в промышленном производстве БССР (1920-е гг.) / А.Н. Дулов // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность: материалы междунар. науч. конф., Витебск, 11–12 нояб. 2008 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2008. – С. 221–223.
8. Асаёнак. Дабіліся пералому ў справе перакваліфікацыі работніц / Асаёнак // Беларуская работніца і сялянка. – 1931. – № 11. – С. 1.
9. Ан-ская. Вучобу і вылучэнне працоўных жанчын – на цвёрдыя рэйкі / Ан-ская // Беларуская работніца і сялянка. – 1930. – № 5–6. – С. 14–15.
10. Вовшина, А.М. Ясли и детские консультации в БССР / А.М. Вовшина, Л.Г. Сироткина // Медицинский журнал БССР. – 1938. – № 3. – С. 41–51.
11. Флоранская. Сеть яслей растет (Бобруйск) / Флоранская // Беларуская работніца і сялянка. – 1927. – № 3. – С. 17.
12. Граеўская. Падрыхтоўка ясельнай кампаніі / Граеўская // Беларуская работніца і сялянка. – 1927. – № 4. – С. 21.
13. Артюхина. Мобілізуйцеся на выкананне рашэнняў ЦК / Артюхина // Беларуская работніца і сялянка. – 1929. – № 15. – С. 1–2.
14. Матэрыялы Першай Усебеларускай нарады камітэтаў па палепшанню працы і быту работніц і сялянак. – Мінск: БДВ, 1931. – 114, [2] с.
15. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 4: 1926–1929. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1984. – 575 с.
16. Дюбакова, М.Г. Борьба Компартии Белоруссии за вовлечение женщин республики в строительство социалистической промышленности (1926–1932 гг.) / М.Г. Дюбакова // Труды Белорусской сельскохозяйственной академии. – Т. XXXIII. – С. 144–173.
17. ГАМн. – Ф. 12-п. Оп. 1.
18. Воспоминания Дедовой О.Г. Рукопись // Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ), № н/в 7718/5.
19. Рабочая прэзавай прамысловасці БССР. – Мінск: Дзяржплан БССР, 1930. – XLVI, 72, [2] с.
20. Е. Дабіцца пералому ў справе ўкаранення жаночай працы ў металапрамысловасці Гомельшчыны / Е. // Работніца і калгасніца Беларусі. – 1931. – № 35. – С. 6.
21. Шапіра, М. Узмацніць працу па вылучэнню работніц / М. Шапіра // Беларуская работніца і сялянка. – 1930. – № 15. – С. 8.
22. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Т. 2: 1928–1932. – Минск: Беларусь, 1984. – 511 с.
23. Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. – 1930. – № 22. – Паст. 150.
24. Актыўісткі савецкага будаўніцтва (Нарада жанчын-сябраў ЦВК па пытанню масавай працы саветаў і быту) // Работніца і калгасніца Беларусі. – 1932. – № 1. – С. 15.
25. Дулов, А.Н. Делегатские собрания как средство политической социализации женщин Советской Белоруссии (1920-е – начало 1930-х гг.) / А.Н. Дулов // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – 2009. – Т. 8. – С. 19–30.
26. Танаевцева, Н. Пятый съезд профсоюзов о работнице / Н. Танаевцева // Профессиональное движение Белоруссии. – 1925. – № 20. – С. 7.
27. Статыстычны штогоднік: 1924–1925. – Вып. 1. – Мінск: ЦСУ БССР, 1926. – 350 с.
28. Статыстычны штогоднік: 1925–1926. – Мінск: ЦСУ БССР, 1928. – 527 с.
29. НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1.
30. Сулькина. Нужна ли работа среди работниц? / Сулькина // Прафесіянальны рух Беларусі. – 1928. – № 2. – С. 8–9.
31. Карпова. Женщины на профаботе / Карпова // Профессиональное движение Белоруссии. – 1925. – № 4. – С. 17.
32. С.К. Работница идет вперед: об образовании профаботниц-активисток / С.К. // Профессиональное движение Белоруссии. – 1925. – № 6. – С. 20.

Поступила в редакцию 08.06.2020

Арганізацыя сістэмы кіравання аховай здароўя ў перыяд станаўлення беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове (канец 1917 — пачатак 1919 г.)

Каплиев А.А.

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск

Утварэнне і функцыянаванне сістэмы аховы здароўя падчас фарміравання беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове з'ўляецца малавывучаным пытаннем навейшай гісторыі Беларусі.

Мэта даследавання – ахарактарызаваць працэс фарміравання савецкай сістэмы кіравання аховай здароўя на тэрыторыі Беларусі ў канцы 1917 – пачатку 1919 г.

Матэрыялы і метады. Асновай даследавання сталі архіўныя і музейныя крыніцы, матэрыялы перыядычнага друку ўказанага перыяду. Для дасягнення мэты артыкула былі выкарыстаны агульнанавуковыя метады аналізу і сінтэзу, параўнання і абгульнення, структурны і функцыянальны метады, кантэнт-аналіз, а таксама гісторыка-генетычны і гісторыка-сістэмны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пасля ўсталявання савецкай улады ў Беларусі стварэнне сістэмы аховы здароўя ўскладнялася працягам баявых дзеянняў, перманентнай зменай адміністрацыйнай прыналежнасці беларускіх зямель і акупацыяй значнай часткі іх тэрыторыі. Арганізацыйнае кіраўніцтва развіццём медыцыны ажыццяўлялася Ааазелам народнага здароўя Абласнога выканаўчага камітэта Саветау рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатау Заходняй вобласці і фронту, які з абвясчэннем Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі (ССРБ) быу за- менены яе Камісарыятам аховы здароўя. Аднак амаль адразу пасля абвясчэння Беларускай савецкай рэспублікі і пачатку мэтанакіраванай дзейнасці на наладжванні медыцынскага забеспячэння насельніцтва пад кіраўніцтвам Камісарыята аховы здароўя палітычны курс савецкіх улад абумовіу згортванне яго працы з-за інкарпарацыі ССРБ у склад ССР Літвы і Беларусі.

Заключэнне. Укараненне савецкіх прынцыпаў кваліфікаванасці, агульнадаступнасці і бясплатнасці медыцынскага забеспячэння і стварэнне апарату кіравання значна павысілі эфектыўнасць сістэмы аховы здароўя, аднак ва ўмовах слабасці сувязі рэгіёнаў з цэнтрам, а таксама недахопу кадраў і рэсурсаў развіццё медыцыны мела пераважна дэкларатыўны характар і ажыццяўлялася бессістэмна і адасоблена праз дзейнасць мясцовых аддзелаў аховы здароўя.

Ключавыя словы: Аددзел народнага здароўя, Камісарыят аховы здароўя, Абласны выканаўчы камітэт Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Заходняй вобласці і фронту, Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка Беларусь, медыцына.

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 46–51)

Organization of Healthcare Management System during the Formation of Belarusian Soviet Statehood (the late 1917 – the early 1919)

Kapliyev A.A.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

The question of establishment and functioning of the healthcare system during the formation of the Belarusian statehood on the Soviet basis is a little studied topic of the modern history of Belarus.

The research purpose is to characterize the process of formation of the Soviet healthcare management system in Belarus in the late 1917 – early 1919.

Material and methods. The basis of the study was the archive and museum sources, materials of the periodicals of the studied period. To achieve the objective of the article the scientific methods of analysis and synthesis, comparing and summarizing methods, as well as structural and functional methods, content analysis, and historical-genetic and historical-systematic methods were used.

Адрес для корреспонденции: e-mail: kapliyev@history.by – **А.А. Каплиев**

Findings and their discussion. After the establishment of Soviet reign in Belarus the creation of the healthcare system was significantly complicated due to the continuation of warfare, permanent changes in the administration of Belarusian lands and the occupation of a significant part of Belarusian territory. The development of medicine was run by the Department of People's Health of Regional Executive Committee of Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies of the Western Region and the Front that with the formation of Socialist Soviet Republic of Belarus (SSRB) was replaced by its Commissariat of Healthcare. Soon after the announcement of SSRB and the beginning of its Commissariat of Healthcare purposeful activity for establishing medical maintenance for the population the policy of Soviet authorities led to liquidation of the Commissariat of Healthcare due to incorporation of SSRB to the SSR of Lithuania and Belarus.

Conclusion. Implementation of the Soviet healthcare principles of qualification, accessibility and free medical care as well as the establishment of the healthcare management institutions significantly improved the efficiency of the healthcare system, but due to weak connection between the center and regions, as well as the lack of personnel and resources, the development of public healthcare had mostly declarative character and was carried out unsystematically through the activities of local healthcare departments.

Key words: Department of People's Healthcare, Commissariat of Healthcare, Regional Executive Committee of Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies of the Western Region and the Front, Socialist Soviet Republic of Belarus, medicine.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 46–51)

Сагадовы юбілей абвяшчэння Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі (ССРБ) у значнай ступені каталізаваў правядзенне даследаванняў, прысвечаных як агульным праблемам фарміравання беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове, так і асобным пытанням дзяржаўтваральных працэсаў, развіцця галін улады. Аднак, нават нягледзячы на падрыхтоўку фундаментальных навуковых выданняў па гісторыі беларускай дзяржаўнасці, некаторыя аспекты арганізацыі савецкай улады на тэрыторыі Беларусі засталіся па-за ўвагай большасці даследчыкаў. Да комплексу такіх пытанняў належаць перадумовы і асаблівасці арганізацыі сістэмы кіравання аховай здароўя падчас усталявання ўлады большавікоў і станаўлення беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове. Дэталі і сутнасць гэтых працэсаў не былі грунтоўна вывучаны гісторыкамі і атрымалі толькі ўскоснае асвятленне ў асобных працах Р. Кручка, Я. Цішчанкі і М. Абраменкі [1; 2, с. 34].

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца характарыстыка працэсу фарміравання савецкай сістэмы кіравання аховай здароўя на тэрыторыі Беларусі ў канцы 1917 – пачатку 1919 г.

Матэрыял і метады. Асновай даследавання сталі арыгінальныя архіўныя і музейныя крыніцы, матэрыялы перыядычнага друку ўказанага перыяду разам з інфармацыяй са зборнікаў дакументаў. Аналіз праводзіўся ў адпаведнасці з прынцыпамі гістарызму, аб'ектывнасці і сістэмнасці. Даследаванне ажыццяўлялася з выкарыстаннем агульнанавуковых метадаў аналізу і сінтэзу, параўнання і абагульнення. Пры апрацоўцы матэрыялаў перыядычнага друку быў ужыты кантэнт-аналіз. Структурны і функцыянальны метады выкарыстоўваліся для рэканструкцыі мадэлі пабудовы органаў кіравання аховай здароўя і вылучэння іх кампетэнцый у 1917–1919 гг. Таксама ўжываліся спецыяльна-гістарычныя метады: гісторыка-генетычны, які дазваляў прааналізаваць змены ў арганізацыі і

дзеінасці органаў аховы здароўя ў кантэксце дзяржаўтваральных працэсаў 1917–1919 гг. на тэрыторыі Беларусі; гісторыка-сістэмны, выкарыстанне якога дапамагло ўявіць месца органаў аховы здароўя ў структуры савецкай улады.

Вынікі і іх абмеркаванне. У перыяд знаходжання тэрыторыі Беларусі ў складзе Расійскай імперыі не існавала адзінай мадэлі кіравання аховай здароўя, замест гэтага дзейнічала сістэма мясцовых распарадчых органаў – губернскіх прыказаў грамадскага догляду. У пачатку XX ст., з паступовым увядзеннем земстваў, пачалося ўкараненне земскай сістэмы аховы здароўя, а напярэдадні Першай сусветнай вайны (1914–1918 гг.) – нямецкай мадэлі страхавой медыцыны (“мадэлі Бісмарка”), заснаванай на абавязковым сацыяльным страхаванні працоўных. Аднак у перыяд Першай сусветнай вайны сістэма кіравання аховай здароўя, якая толькі пачала фарміравацца ў Беларусі, была амаль цалкам разбураная, а медыцынская дапамога насельніцтву ў асноўным аказвалася лячэбнымі ўстановамі дабрачынных таварыстваў: Усерасійскага саюза гарадоў, Усерасійскага земскага саюза, Чырвонага Крыжа. Сітуацыя ўскладнялася пачаткам распаўсюджвання цяжкіх інфекцыйных захворванняў (тыфу, халеры, дызентэрыі), якія ў асяроддзі бежанцаў і ваеннапалонных набывалі маштабы эпідэміі [3, с. 29].

Захоп улады большавікамі абумовіў перабудову большасці аспектаў дзяржаўнага кіравання, у тым ліку і аховы здароўя. Будучы народны камісар аховы здароўя БССР М. Барсукоў адзначаў, што ўжо ў першыя дні Кастрычніцкай рэвалюцыі “...скадалася савецкая ідэалогія ў галіне медыцыны” [4, с. 7]. У выніку савецкая ахова здароўя грунтавалася на трох базавых прынцыпах – кваліфікаванасці, агульнадаступнасці і бясплатнасці, з апорай на прафілактыку сацыяльных хвароб і шырокую санітарную асвету насельніцтва, што павінна было істотна адрозніваць савецкую мадэль медыцыны ад дарэвалюцыйнай [5, арк. 193 адв.; 6, арк. 37].

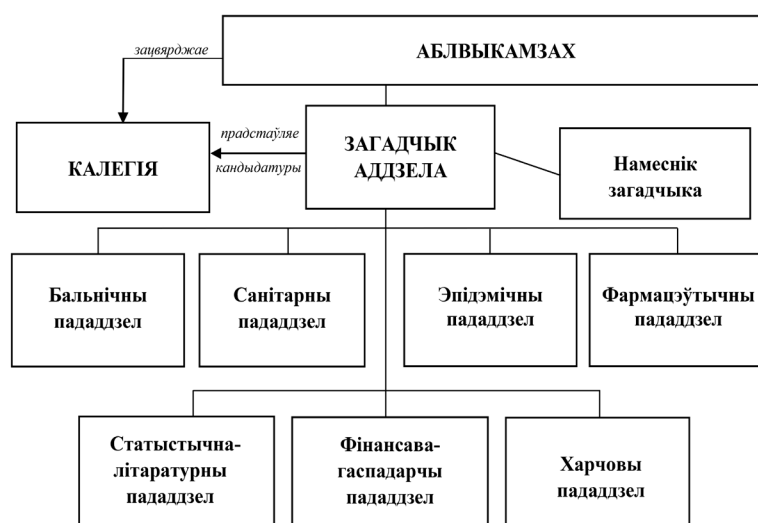
Пасля ўсталявання савецкай улады адзіным кіруючым цэнтрам для неакупаванай германскімі войскамі тэрыторыі беларускіх губерняў стаў створаны ў лістападзе 1917 г. Абласны выканаўчы камітэт Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Заходняй вобласці і фронту (Аблвыкамзах), які фактычна рэгуляваў усе прававыя пытанні існавання Заходняй вобласці, у тым ліку і аховы здароўя [7, с. 28]. Непасрэднае кіраўніцтва справамі Заходняй вобласці ажыццяўлялі галіновыя камісарыяты, дзейнасць якіх каардынаваў Савет Народных Камісараў Заходняй вобласці і фронту, створаны 26 лістапада 1917 г. як выканаўчы орган Аблвыкамзаха. На пасяджэнні Савета Народных Камісараў Заходняй вобласці і фронту 30 снежня 1917 г. было разгледжанае пытанне “Аб утварэнні пры Савеце Народных Камісараў Камісарыяту народнага здароўя”, па выніках якога вырашана ўтварыць у складзе Аблвыкамзаха Камісарыят народнага здароўя, а лекару Л. Грамашэўскаму (у будучым вядомаму арганізатару аховы здароўя ва Украінскай ССР) даручалася распрацаваць план арганізацыі Камісарыята і знайсці асобу, здольную яго ўзначаліць. Перад новай структурай ставілася задача аб’яднаць адасобленыя медыцынскія ўстановы ў адзіную сетку, а таксама правесці шырокую нацыяналізацыю аптэк і ўсталяваць такім чынам кантроль над распаўсюджваннем лекавых сродкаў [8, с. 138].

Аднак з-за бюракратычных фармальнасцей працэс выбару камісара зацягнуўся да лютага 1918 г. (ускосныя дадзеныя сведчаць, што пасадку паспеў заняць Л. Грамашэўскі), калі ў выніку наступу германскіх войскаў большая частка беларускіх зямель апынулася акупаванай. Апарат Аблвыкамзаха 19 лютага 1918 г. пераехаў з Мінску ў Смаленск, таму арганізацыя аховы здароўя на тэрыторыі Беларусі так і не паспела набыць вертыкаль кіравання. Трэба адзначыць, што запавольванне працэсу арганізацыі Камісарыята аховы здароўя было таксама абумоўлена тым фактам, што ў вертыкалі Абл-

выкамзаха падобныя структуры (камісарыяты аховы здароўя, сацыяльнага забеспячэння і інш.) лічыліся бальшавікамі “другараднымі” і нават маглі быць “перададзены” пад кантроль левых эсэраў [1, с. 182].

З прычыны вышэйпададзенага ў 1918–1919 гг. савецкая структура кіравання аховай здароўя на незанятай немцамі частцы тэрыторыі Беларусі ў адрозненне ад іншых галін улады пачала фарміравацца не з цэнтральных, а з рэгіянальных органаў – медыка-санітарных аддзелаў (камісарыятаў) пры мясцовых выканаўчых камітэтах [8, с. 138]. Дадзеныя структуры спачатку не падначальваліся адзінаму распарадчаму цэнтру і не каардынавалі сваю дзейнасць. У цэлым у пачатковы перыяд развіцця савецкай сістэмы ўлады на тэрыторыі Беларусі ва ўмовах працягу баявых дзеянняў магчымасці праводзіць рашучыя рэформы ў галіне медыцыны фактычна адсутнічалі. Па інфармацыі Віцебскага аддзела аховы здароўя, пачатак 1918 г. быў часам, калі “...даводзілася не думаць аб паляпшэннях і новаўвядзеннях, – толькі захоўваць і падтрымліваць усё тое, што было разумнага і карыснага ў спадчыне старога земства і што было схільнае да разбурэння” [9, арк. 1]. Мясцовыя гарадскія і павятовыя аддзелы аховы здароўя сутыкнуліся з дэфіцытам кадраў, шпітальных ложкаў, лекаў ды грашовых сродкаў. Для пашырэння лячэбнай сеткі пастановай II З’езда Саветаў Заходняй вобласці (красавік 1918 г.) было санкцыянавана пераўтварэнне ў бальніцы будынкаў, якія “...перайшлі ў вядзенне народа разам з сацыялізацыяй зямлі (маёнткаў)” [10, с. 13].

II З’езд Саветаў Заходняй вобласці таксама адмовіўся ад мадэлі Савета Народных Камісараў і ўхваліў структуру аддзелаў Аблвыкамзаха на чале з загадчыкамі. Таму фармальнае кіраўніцтва аховай здароўя на тэрыторыі Заходняй вобласці з 15 красавіка 1918 г. ажыццяўляў не камісарыят, а Аддзел народнага здароўя Аблвыкамзаха (кіраўнік Д. Вавер), які складаўся

Мал. 1. Структура Аддзела народнага здароўя Абласнога выканаўчага камітэта Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Заходняй вобласці і фронту, 1918 г.
Выканана аўтарам паводле крыніцы: [8, с. 138]

з 7 пададзелаў (мал. 1) [10, с. 16; 11, с. 85]. Утварэнне распарадкага органа аховы здароўя ў якасці аддзела, а не камісарыята дэманструе агульны пераход да палітыкі цэнтралізацыі, згодна з якой паўнамоцтвы абласных улад паступова абмяжоўваліся, а самі яны будаваліся па мясцовым тыпе, а не капіравалі апарат цэнтральнай улады [7, с. 30].

Аддзел народнага здароўя Аблвыкамзаха быў утвораны на базе Смаленскага губернскага камісарыята народнага здароўя і медыка-санітарнага бюро былога Смаленскага земства. Арганізацыйнае кіраўніцтва аддзелам ажыццяўлялі загадчык і намеснік загадчыка, пазней у якасці дарадкага органа была сфарміраваная Калегія. Члены Калегіі вылучаліся ў яе склад непасрэдна загадчыкам аддзела, а зацвярджаліся пленарным пасяджэннем Аблвыкамзаха. Асноўнымі задачамі Аддзела народнага здароўя стала агульнае кіраўніцтва ўсімі медыка-санітарнымі ўстановамі Заходняй вобласці, паляпшэнне санітарнага стану і забеспячэнне насельніцтва вадой, ахова мацярынства і дзяцінства, барацьба з “сацыяльнымі” хваробамі, працоўка метадычнай і юрыдычнай дакументацыі для ажыццяўлення вышэйзгаданых мерапрыемстваў. Для каардынацыі дзейнасці Аддзела народнага здароўя з мясцовымі медыцынскімі распарадкамі органамі ў Смаленску быў праведзены І з’езд прадстаўнікоў медыка-санітарных аддзелаў саветаў Заходняй вобласці. Найбольш надзённым пытаннем для медыцынскіх органаў усіх узроўняў стала скарачэнне захворванняў і смяротнасці насельніцтва, перш за ўсё сярод пралетарыяў і сялян, што адлюстроўвала пачатак выкарыстання класавага падыходу да медыцынскага забеспячэння [8, с. 138–139].

У межах далейшага ажыццяўлення палітыкі цэнтралізацыі ўлады Аддзел народнага здароўя Аблвыкамзаха фактычна страціў сваю самастойнасць. На І Усерасійскім з’ездзе медыка-санітарных аддзелаў 15–18 чэрвеня 1918 г. быў закладзены тэарэтычны падмурак савецкай аховы здароўя, зроблена выснова аб неабходнасці разбурэння міжведамасных рамак і аб’яднання медыцыны [2, с. 34]. Згодна з прынятай канцэпцыяй пабудова медыцынскай арганізацыі забяспечвалася дзяржавай і гуртавалася вакол адзінага органа з міністэрскімі паўнамоцтвамі – Народнага камісарыята аховы здароўя (НКАЗ), які быў створаны ў Маскве 11 ліпеня 1918 г. З гэтага моманту Аддзел народнага здароўя Аблвыкамзаха ўвайшоў у склад структуры новага наркамата [8, с. 138; 12, с. 2].

Пасля адступлення германскіх войскаў і аднаўлення савецкай улады на большай частцы тэрыторыі Беларусі паўстала пытанне аб стварэнні адасобленай ад РСФСР Беларускай савецкай рэспублікі з уласным урадам і камісарыятамі. У канцы 1918 г. пры фарміраванні будучага ўрада Савецкай Беларусі пасада камісара (“члена ўрада”) па ахове здароўя доўгім часам заставалася вакантнай. На аб’яднаным экстраным пасяджэнні членаў Калегіі Белнацкама, прадстаўнікоў Цэнтральнага бюро Беларускіх камуністычных секцый

і Камітэта Маскоўскай беларускай секцыі РКП(б) 25 снежня 1918 г. у Маскве з 70 прэтэндэнтаў на пасады ў будучым Часовым рабоча-сялянскім савецкім урадзе Беларусі было вызначана 15 кандыдатур. На пасаду члена ўрада па сацыяльным забеспячэнні і ахове здароўя быў вылучаны загадчык прытулку бежанскага камітэта Усерасійскага земскага саюза Заходняга фронту У. Фальскі. Аднак пры далейшым фарміраванні Часовага ўрада У. Фальскі атрымаў пасаду камісара па замежных справах. Таксама было вырашана размеркаваць кампетэнцыі Камісарыята сацыяльнага забеспячэння і аховы здароўя паміж двума асобнымі: камісарам сацыяльнага забеспячэння стаў Д. Чарнушэвіч, а аховы здароўя – І. Пузыроў, бальшавіцкі дзеяч беларускага паходжання з Тамбова, які нават не меў медыцынскай адукацыі, а па прафесіі з’яўляўся народным настаўнікам [13, арк. 16].

На момант стварэння Часовага рабоча-сялянскага савецкага ўрада Беларусі 1 студзеня 1919 г. камісара І. Пузырова яшчэ не было на тэрыторыі Беларусі, але праца па арганізацыі працы камісарыята пачалася. Часовы ўрад ССРБ 17 студзеня 1919 г. пастанавіў выклікаць са Смаленска былога загадчыка Аддзела народнага здароўя Аблвыкамзаха Д. Вавера ў якасці выконваючага абавязкі камісара для арганізацыі дзейнасці Камісарыята аховы здароўя [14, с. 35]. За аснову была ўзятая мадэль НКАЗ РСФСР, але ў адрозненне ад Расійскай Федэрацыі кіраўнічыя органы ССРБ не атрымалі статусу “народных камісарыятаў”, а іх кіраўнікі мелі пасады “членаў урада”. Тым не менш у пратаколах і дакументах абазначанага перыяду члены Часовага рабоча-сялянскага савецкага ўрада Беларусі называліся “наркамамі”, а падначаленыя ім установы – “камісарыятамі”. У прававым аспекце дзейнасць урада ССРБ абапіралася на досвед РСФСР: на тэрыторыі Савецкай Беларусі пацвярджалася правамоцнасць усіх раней прынятых дэкрэтаў РСФСР, а новыя загады і пастановы былі ў абсалютнай большасці складзеныя на падставе адпаведных прававых актаў РСФСР [15, с. 1].

Першы кіраўнік аховы здароўя Беларускай савецкай рэспублікі І. Пузыроў афіцыйна заняў пасаду толькі 20 студзеня 1919 г., што лічыцца канчатковай датай арганізацыі Камісарыята аховы здароўя Часовага рабоча-сялянскага савецкага ўрада Беларусі (з лютага 1919 г. – Камісарыят аховы здароўя ССРБ) [16]. Сам І. Пузыроў, са згодна са статыстыкай удзелу членаў Часовага ўрада ў яго пасяджэннях, з’явіўся ў Мінску не пазней за 21 студзеня 1919 г. (у агульнай складанасці з 6 пасяджэнняў Часовага ўрада ў студзені 1919 г. І. Пузыроў удзельнічаў толькі ў двух апошніх). Загад № 2 па Камісарыяце аховы здароўя ад 28 студзеня 1919 г. размеркаваў пасады загадчыкаў аддзелаў камісарыята і сфарміраваў яго структуру (мал. 2) [14, с. 43, 143].

Такім чынам, рэальная праца Камісарыята аховы здароўя пачалася толькі праз месяц пасля абвяшчэння ССРБ, калі пад кіраўніцтвам І. Пузырова паўсталі галіновыя пададзелы камісарыята. Нягледзячы на тое, што сам камісар не меў досведу стварэння

Мал. 2. Структура Камісарыята аховы здароўя Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі, студзень 1919 г. Выканана аўтарам паводле крыніцы: [16]

медыцынскай арганізацыі, ягоня паплечнікі – загадчыкі аддзелаў новаўтворанага камісарыята – мелі адпаведную надзённым задачам аховы здароўя кваліфікацыю, бо ў мінулым з’яўляліся членамі дарэвалюцыйных лекарскіх таварыстваў, якія былі сапраўднымі рухавікамі развіцця медыцыны Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. З іх ліку 27 студзеня 1919 г. была створана і зацверджана Малая калегія Камісарыята аховы здароўя (дарадчы орган пры камісары), менавіта яны ўзначалілі і склалі аснову кадраў для аддзелаў Камісарыята [17, арк. 13 адв.].

На месцах Камісарыяту падначальваліся тэрытарыяльныя органы – губернскія і павятовыя (павятова-гарадскія) аддзелы аховы здароўя пры мясцовых выканаўчых камітэтах, якія ажыццяўлялі непасрэднае кіраўніцтва развіццём медыцыны і мелі падвойнае падначаленне – Камісарыяту аховы здароўя і свайму выканаўчаму камітэту. З абвясчэннем дэкрэта Цэнтральнага выканаўчага камітэта (ЦВК) ССРБ ад 12 лютага 1919 г. усе медыцынскія ўстановы з абсталяваннем і персаналам падначальваліся Камісарыяту аховы здароўя і ягоным аддзелам на месцах. Наступнымі дэкрэтамі нацыяналізацыі падлягалі таксама прыватныя лякарні, амбулаторыі і аптэкі [18].

Разам з тым недахоп рэсурсаў і фінансавання прывёў да агульнага крызісу аховы здароўя ў пачатку 1919 г. Мясцовыя гарадскія і павятовыя аддзелы аховы здароўя сутыкнуліся з дэфіцытам кадраў лекараў і сярэдняга медыцынскага персаналу, шпітальных ложкаў, медыкаментаў, грашовых сродкаў і ва ўмовах слабасці сувязей з цэнтральнымі ўрадавымі ўстановамі аказваліся сам-насам з нарастаючай колькасцю хворых на тыфы, халеру, дызентэрыю і інш. Для выйсця са становішча савецкае кіраўніцтва пайшло на надзвычайныя меры: згодна з дэкрэтам ЦВК ССРБ ад 13 лютага 1919 г. усе медыцынскія працаўнікі падлягалі абавязковай павіннасці па аказанні экстраннай медыцынскай дапамогі насельніцтву. З іншага боку,

насельніцтва таксама падлягала павіннасці па перадачы фурманак і экіпажаў для перавозкі эпідэмічных хворых, а таксама медыцынскага персаналу па справах аховы здароўя [18, с. 3].

Аднак актыўныя мерапрыемствы Камісарыята аховы здароўя не прынеслі станоўчых вынікаў з-за яго расфарміравання менш чым праз месяц пасля афіцыйнага ўтварэння. Да канца лютага 1919 г. ССРБ была інкарпараваная ў склад новаўтворанай ССР Літвы і Беларусі (ЛітБел). У адрозненне ад ССРБ урад ЛітБел атрымаў назву Савета Народных Камісараў, у яго складзе быў вылучаны і асобны Народны камісарыят аховы здароўя, які павінен быў узначаліць вядомы літоўскі афтальмолаг П. Авіжоніс. Ва ўмовах адсутнасці неабходнай колькасці спецыялістаў у Вільні аснову апарату Народнага камісарыята аховы здароўя склалі былыя супрацоўнікі Камісарыята аховы здароўя ССРБ. Пераезд апарату НКАЗ далей ад Мінска негатыўна паўплываў на сістэму кіравання аховай здароўя, а хуткі наступ польскіх войскаў абумовіў сталыя пераезды НКАЗ ЛітБел на працягу вясны 1919 г. і яго канчатковае згортванне разам з фактычным заканчэннем існавання ССР Літвы і Беларусі ўлетку 1919 г.

Заклучэнне. Пасля ўсталявання савецкай улады на тэрыторыі Беларусі стварэнне сістэмы аховы здароўя ўскладнялася працягам баявых дзеянняў, перманентнай зменай адміністрацыйнай прыналежнасці беларускіх зямель і акупацыяй значнай часткі іх тэрыторыі. Укараненне савецкіх прынцыпаў кваліфікаванасці, агульнадаступнасці і бясплатнасці медыцынскага забеспячэння і стварэнне апарату ўпраўлення значна павысілі эфектыўнасць сістэмы аховы здароўя, аднак ва ўмовах слабасці сувязі рэгіёнаў з цэнтрам, а таксама недахопу кадраў і рэсурсаў развіццё медыцыны мела пераважна дэкларатыўны характар і ажыццяўлялася бессістэмна і адасоблена праз дзейнасць мясцовых аддзелаў аховы здароўя. Амаль адразу пасля абвясчэння ССРБ і пачатку мэтанакіраванай дзейнасці па наладжванні

медыцынскага забеспячэння насельніцтва пад кіраўніцтвам Камісарыята аховы здароўя палітычны курс савецкіх улад абумовіў згортванне яго працы і пераезд Камісарыята ў Вільню, што негатыўна паўплывала на ўпраўленне аховай здароўя на беларускіх землях.

Літаратура

1. Крючок, Г.Р. Создание Народного комиссариата здравоохранения БССР и его начальная деятельность в 1919 г. / Г. Р. Крючок // Сборник научных трудов (кафедры общественных наук) / Мин. гос. мед. ин-т. – Минск: Государственное издательство БССР, 1958. – Т. 22. – С. 180–193.
2. Абраменко, М.Е. Здравоохранение БССР – становление советской системы (1917–1941) / М.Е. Абраменко. – Гомель: Учреждение образования «Гомельский государственный медицинский университет», 2005. – 236 с.
3. Балковец, С.В. Первые шаги советского здравоохранения в Белоруссии (воспоминания участника) / С.В. Балковец // Беларуская мэдычная думка. – 1927. – № 9–12. – С. 28–33.
4. Барсуков, М.И. Великая Октябрьская Социалистическая революция и организация советского здравоохранения (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.) / М.И. Барсуков. – Москва: Государственное издательство медицинской литературы; Медгиз, 1951. – 315 с.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 82.
6. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 64. Воп. 1. Спр. 137.
7. Куніцкая, З.А. Заходняя вобласць як адзінка ў адміністрацыйна-палітычнай сістэме РСФСР / З.А. Куніцкая // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. – 2006. – № 1. – С. 28–33.
8. Органы государственной власти и управления Советской Беларуси (1917–1920 гг.): справочник / сост.: М.К. Бобер [и др.]. – Минск: БелНИИДАД, 2017. – 466 с.
9. ДАВВ. – Ф. 984. Воп. 1. Спр. 3.
10. 2-й съезд Советов Западной области. – Смоленск: издание Отдела информации и связи областного исполнительного комитета Западной области, 1918. – 17 с.
11. Борьба за советскую власть в Белоруссии. 1918–1920 гг.: сб. документов и материалов: в 2 т. Т. 1 (февраль 1918 г. – февраль 1919 г.). – Минск: Издательство «Беларусь», 1968. – 604 с.
12. Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1918. – № 7–8.
13. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 432.
14. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: документы и материалы / сост. В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]; науч. ред. М.Ф. Шумейко. – Минск: Лимариус, 2005. – 304 с.
15. Весткі Часоваго Работніча-Сялянскага Радаваго (Советского) Ураду Беларусі. – 1919. – № 1.
16. Приказ № 1 Комиссара Здравоохранения Р.К. Респ. Белоруссии января 24 дня 1919 года // Музей гісторыі медыцыны Беларусі. – НВ 3317.
17. НАРБ. – Ф. 809. Воп. 1. Спр. 6.
18. Звезда. – 1919. – 20 февр. – С. 4.

Паступіў у рэдакцыю 25.02.2020

Развитие российско-американских отношений после прихода к власти в США Д. Трампа: надежды и ожидания Москвы

Косов А.П.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

История современных российско-американских отношений характеризуется зигзагообразностью. За последние три десятилетия периоды потепления сменялись периодами ухудшения и даже конфронтации, ярким примером чего может служить политика в отношении России второй администрации Обамы. Поэтому надежды Москвы на улучшение российско-американских отношений связывались с Д. Трампом.

Цель статьи — рассмотреть реакцию России на российскую политику США после прихода к власти Д. Трампа.

***Материал и методы.** Представленная работа написана на основе информационных источников и литературы по российско-американским отношениям с использованием общенаучных и специально-исторических методов исследования.*

***Результаты и их обсуждение.** Предвыборная риторика Д. Трампа по проблеме развития российско-американского сотрудничества принесла ему симпатии подавляющей части политического истеблишмента России. В определенной степени это привело к неоправданным надеждам и завышенным ожиданиям со стороны Москвы. Д. Трамп, заинтересованный в налаживании конструктивных отношений с Российской Федерацией, не смог преодолеть русофобский настрой большинства представителей американской политической элиты. В итоге, несмотря на периодически предпринимаемые шаги его администрации по налаживанию диалога с Кремлем, Соединенные Штаты продолжили проводить антироссийскую политику в мире. Поэтому Москве не стоило питать иллюзий по поводу быстрого налаживания российско-американских отношений и перехода к полноценному конструктивному сотрудничеству в двустороннем и многосторонних форматах.*

***Заключение.** Под давлением русофобских сил внутри Америки администрация Трампа переняла антироссийский курс Обамы, иногда, правда, сопровождая его позитивной риторикой в адрес Москвы. В результате двусторонние отношения продолжили развиваться по неблагоприятному для России сценарию. Надежды российского руководства на нормализацию отношений между РФ и США после прихода в Белый дом Д. Трампа не оправдались. Конечно, возможности для сотрудничества России и США существуют, и улучшение их отношений может произойти, но по своей природе они будут достаточно хрупкими и ограниченными.*

***Ключевые слова:** Россия, США, российско-американские отношения, В. Путин, Д. Трамп.*

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 52–59)

Development of the Russian-American Relations after D. Trump Rose to Power in the USA: Moscow's Hopes and Expectations

Kosov A.P.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The history of the contemporary Russian-American relations is zigzag. Over the last thirty years periods of warming were substituted by periods of worsening and even confrontation a vivid example of which is the Russian policy of the second Obama's administration. So Moscow's hopes for better Russian-American relations were connected with D. Trump.

The purpose of the article is to consider Russia's reaction to Russia's policy of the USA after D. Trump rose to power.

***Material and methods.** The present paper is based on information sources and literature on Russian-American relations using general scientific and special historical research methods.*

***Findings and their discussion.** D. Trump's election rhetoric on the issue of the development of Russian-American relations brought him straths on the side of the overwhelming majority of Russia's political establishment. To some extent it led to*

Moscow's unjustified hopes and improperly high expectations. D. Trump who was interested in having good relations with the Russian Federation did not manage to overcome Russian phobias on the part of the biggest number of representatives of the American political elite. As a result, in spite of his administration's steps to establish the dialogue with the Kremlin, the United States continued to pursue anti-Russian policy in the world. That was why Moscow should not have had illusions about fast improvement of the Russian-American relations and the transition to wholesome constructive bilateral and multilateral cooperation.

Conclusion. *Under the pressure of Russian phobia forces inside America Trump's administration followed the anti-Russian Obama's course, sometimes accompanying it with positive rhetoric addressed to Moscow. As a result the bilateral relations continued to develop according to the unfavorable for Russia scenario. The Russian leadership's hopes for normalization of the relations between the Russian Federation and the USA after D. Trump had entered the White House were not implemented. The possibilities of the cooperation between Russia and the USA definitely exist; the improvement of their relations can happen. However, they will be rather fragile and limited by nature.*

Key words: *Russia, the USA, Russia-American relations, V. Putin, D. Trump.*

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 52–59)

Начавшаяся в 2010 г. «перезагрузка» российско-американских отношений довольно быстро завершилась их новым ухудшением, причем самым серьезным за весь постсоветский период. Попытки вмешательства Вашингтона во внутренние дела России, а также существенные расхождения сторон по сирийскому и украинскому кризисам к середине второго десятилетия XXI в. отбросили двустороннее сотрудничество на самую низшую точку развития за последние годы. Поэтому надежды Москвы на их улучшение связывались с одержавшим 8 ноября 2016 г. победу на президентских выборах в США Д. Трампом. Однако, как показало время, они не оправдались.

Цель статьи – рассмотреть реакцию России на российскую политику США после прихода к власти Д. Трампа.

Материал и методы. Представленная работа написана на основе ряда доступных информационных источников и научных исследований российских и американских авторов – А. и Н. Арбатовых, А. Борисовой, В. Журавлевой, С. Костяева, Н. Травкиной, Дж. Хадсона, П. Маклири, Д. Делюса и др.

Методологическая основа – совокупность научных принципов объективности, историзма, ценностного подхода, системности и достоверности. В процессе ее написания использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукция, дедукция), так и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-генетический) методы исследования, позволившие проследить развитие российско-американских отношений после прихода в Белый дом Д. Трампа.

Результаты и их обсуждение. На протяжении всей предвыборной кампании в Америке симпатии российского политического истеблишмента целиком и полностью были на стороне Д. Трампа, поскольку Х. Клинтон, жестко высказывавшаяся в адрес России, воспринималась в Москве как преемница анти-российского курса Б. Обамы. По мнению Кремля, она являлась олицетворением либерально-интервенци-

онистской разновидности внешней политики США. Отмечалось, что Х. Клинтон воинственнее Б. Обамы и является серьезным препятствием для снятия антироссийских санкций и восстановления геополитического влияния России [1]. Д. Трамп, напротив, строил свою линию как отрицание внешней политики Б. Обамы. В частности, он говорил о важности нормализации отношений с РФ. Например, еще в апреле 2016 г. он заявил о необходимости в американских интересах заключения «большой сделки» между двумя странами [1]. К тому же миллиардер много льстил В. Путину, называя его превосходным лидером, «на фоне которого администрация Обамы превратилась в посмешище» [2]. Члены его команды несколько раз встречались с российскими дипломатами и прощупывали почву с целью нахождения точек взаимодействия [3, с. 12]. В результате это сделало Д. Трампа объектом антироссийской пропаганды в США. Американским русофобам стала повсюду мерещиться «рука Москвы». Так, телекомпания CNN объявила российского посла в Вашингтоне С. Кисляка ни много ни мало «шпионом и вербовщиком» [4]. Неудивительно, что реакцию подавляющего большинства американского истеблишмента и журналистов на рабочие встречи членов новой администрации США с российским министром иностранных дел или российским послом в Вашингтоне В. Путин справедливо назвал «политической шизофренией» [5, с. 44].

В свою очередь, на наш взгляд, известные российские исследователи А. и Н. Арбатовы абсолютно верно указали основные причины доброжелательного отношения российской элиты к Д. Трампу. Во-первых, его безразличие к правам человека, идее экспорта демократии и к поддержке демократической оппозиции в России и других странах постсоветского пространства. Во-вторых, Трамп провозгласил курс на пересмотр и сокращение международных обязательств США [6, с. 162]. В частности, и во время предвыборной гонки, и после победы на выборах он неоднократно выражал несогласие с попытками Вашингтона проводить смену режимов и обещал положить этому

конец [7]. Реализация Белым домом такого подхода на практике открывала определенные возможности для расширения международного влияния России, поскольку у Москвы, как и у Вашингтона, свой мессионизм, цель которого заключается в спасении человечества, но иными путями, отличными от американских [8, с. 7]. В-третьих, критика Д. Трампом НАТО как «устаревшей организации», несоответствующей современным реалиям, и это не могло не импонировать РФ. В-четвертых, скептическое отношение Д. Трампа к ЕС и американским партнерам в АТР, что отвечало российским национальным интересам [6, с. 163–164]. Поэтому с его победой на президентских выборах 8 ноября 2016 г. в Москве связывалась отмена части антироссийских санкций, не касающихся Крыма и «Закона Магнитского». Заявления руководства России объяснялись тем, что отношения между двумя странами уже достигли своего дна и дальше ухудшаться не могут, поэтому неизбежно их постепенное улучшение.

После своего избрания Д. Трамп продолжил положительно отзываться о России и президенте В. Путине, что противоречило сложившемуся в США негативному двухпартийному консенсусу касательно Москвы. Так, в телефонном разговоре с последним он охарактеризовал сложившиеся российско-американские отношения как неудовлетворительные и высказал стремление их улучшить [9]. А в служебной записке Пентагона, посвященной главным «военным приоритетам» новой администрации, несмотря на то, что руководство данного ведомства по-прежнему считало Москву угрозой номер один для США, Россия была исключена из списка угроз для Вашингтона [10]. Многие в РФ расценили это как хороший знак для российско-американского сотрудничества.

Однако уже изначально было очевидно, что преодолеть американский политический мейнстрим Д. Трампу при всем его гипотетическом желании будет очень сложно. Независимо от партийной принадлежности и со стороны демократов, и со стороны республиканцев нарастала критика РФ. На то, были свои причины. Как показывает практика формирования государственного аппарата в США, приход к власти новой администрации далеко не всегда означает смену парадигмы внешней политики на среднем и низовом управленческих уровнях в тех же Госдепартаменте, Агентстве по международному развитию, Пентагоне и разведывательных структурах [11, с. 328]. Несмотря на приход в Белый дом Д. Трампа и его заявления начать отношения с Москвой с чистого листа, значительная часть американского истеблишмента не желала перестраиваться, продолжая считать Россию врагом. Ярким примером может служить тот факт, что за две недели до его инаугурации директор Национальной разведки Дж. Клэппер представил рассекреченный доклад, где был сделан вывод о воздействии Кремля на президентские выборы в США в целях недопущения прихода в Белый дом Х. Клинтон, укрепления позиций Трампа и подрыва доверия американского общества

к демократическим основам Соединенных Штатов. Несмотря на наличие в нем больше утверждений, нежели доказательств, семнадцать разведывательных ведомств США согласились с тем, что ответственность за хакерские атаки несет Москва [2]. Обсуждение слухов о якобы имевшем место вмешательстве российских хакеров в президентские выборы в Америке, которые единым фронтом подхватили западные СМИ, поспособствовали увеличению финансирования антироссийской пропаганды, популяризации разного рода концепций «гибридных войн» с РФ и т.д. [11, с. 328]. К тому же раскручивание маховика «российского вмешательства» в президентскую кампанию в США, а также попытки выявить и проследить связи предвыборного штаба Трампа с российскими представителями были не чем иным, как попыткой подорвать легитимность сорок пятого президента страны. Скорее всего, на первых порах его команда не восприняла всерьез последствий всего спектра начатых в марте 2017 г. исследований Конгресса США и ФБР под руководством Дж. Коми, полагая, что речь шла, прежде всего, о возведении еще одного препятствия на пути улучшения российско-американского сотрудничества, что являлось одним из предвыборных обещаний Д. Трампа [12].

Рассматривая российско-американские отношения, следует учитывать, что если в РФ внешняя политика является приоритетной сферой реализации власти президента, который определяет внешнеполитическую стратегию государства, то в США внешняя политика – это одна из сфер совместной деятельности власти, бизнеса и общества, хотя и реализуется в основном президентом. Поэтому чаще всего именно она оказывается заложницей других более приоритетных для власти сфер деятельности – социальной и экономической [8, с. 9]. От обещаний и заявлений до конкретных действий и законопроектов американский властный механизм должен совершить долгий путь согласования, принятия, одобрения и подписания. При этом далеко не всегда политическая воля одной из ветвей власти приводит к реализации обещанного или заявленного [8, с. 11]. В результате федеральная власть неспособна реализовать порядка 80% предвыборных обещаний [8, с. 10]. Неудивительно, что риторика Д. Трампа периода избирательной кампании не нашла подтверждения в его действиях в качестве главы государства.

Против нормализации российско-американских отношений активно выступили демократы, традиционно более жестко настроенные против России, нежели республиканцы. Известно, что в самом конце своей деятельности администрация Обамы осуществила ряд антироссийских мероприятий. В частности, из Соединенных Штатов выслали тридцать пять российских дипломатов, в Конгрессе был внесен на рассмотрение законопроект о санкциях против энергетического сектора РФ и т.д. Незадолго до ухода из Белого дома заместитель советника по национальной безопасности сорок четвертого президента США Б. Родс заявил

об уверенности администрации Обамы в том, что Кремль перешел «в наступление, выйдя за рамки той территории, которую он считает своей сферой влияния», что В. Путин решил развалить ЕС, дестабилизировать НАТО и деморализовать США. Б. Родс резюмировал: «Мы оказались на новом этапе, где русские проводят наступательную стратегию, угрожающую международному порядку». С аналогичным заявлением незадолго до ухода со своего поста выступила американский представитель в ООН С. Пауэр. Она сказала, что Россия предпринимает шаги, «ослабляющие основанный на правилах порядок, из которого мы все извлекали пользу на протяжении семидесяти лет» [2]. Сам Б. Обама в своей прощальной речи причислил РФ к основным соперникам Соединенных Штатов. Тем самым Д. Трамп как бы задавался курс на ужесточение американской политики касательно Москвы.

В Республиканской партии среди активных противников улучшения отношений между Москвой и Вашингтоном можно назвать сенаторов Дж. Маккейна, Л. Грэма и М. Рубио. В частности, последний, входящий в сенатский комитет по международным отношениям, предостерег Д. Трампа относительно будущего взаимосотрудничества с В. Путиным. М. Рубио заявил: «У нас уже было два президента – республиканец и демократ – перед нынешним главой государства, которые думали, что могут договориться с Владимиром Путиным... Оба потерпели фиаско, потому что не понимали, с чем имеют дело. Я искренне надеюсь, что наш нынешний президент не повторит этих ошибок» [13].

Следует учитывать наличие антироссийских настроений и среди членов администрации Трампа. Примечательно, что изначально в ней преобладание получили сторонники жесткой линии: вице-президент М. Пенс, госсекретарь Р. Тиллерсон, советник по национальной безопасности Г. Макмастер, министр обороны Дж. Мэттис, министр внутренней безопасности Дж.Ф. Келли. Например, глава Пентагона Дж. Мэттис заявил, что с Москвой необходимо вести диалог только «с позиции силы» [14]. Сменивший на посту советника по национальной безопасности генерала М. Флинна, который был сторонником налаживания сотрудничества с Москвой, генерал Г. Макмастер также считал, что Россия является одной из угроз Соединенных Штатов. Он разделял мнение, что политика Вашингтона должна быть довольно жесткой по отношению к РФ [11, с. 326]. В начале марта 2017 г. еще одним признаком ужесточения позиции администрации Трампа касательно России стало предложение Белого дома назначить на должность ведущего советника по связям с РФ в СНБ русиста Ф. Хилл, которую считают одним из главных критиков В. Путина [13]. Поэтому, несмотря на имевшие место позитивные отзывы Д. Трампа о Российской Федерации и ее лидере, советники американского президента и должностные лица администрации публично заявляли, что Россия является одной из главных внешнеполитических угроз. Тем самым спонтанные заявления Д. Трампа опровергаются другими людьми из его администрации.

Нельзя забывать о воздействии на политические круги и общественность США средств массовой информации – общенациональных телеканалов (NBC, CBS, ABC, Fox News), общенациональных газет (USA Today, The Washington Post, The Washington Times, The New York Times, The Wall Street Journal), интернет-изданий (Huffington Post, Politico, BuzzFeed), а также лоббистских структур и т.д., которые чрезмерно сгущают краски, подогревая антироссийские настроения в Америке, путем искажения информации и вброса фейков [15, с. 70].

Таким образом, причина продолжающегося ухудшения российско-американских отношений заключается в восприятии внешнеполитического поведения РФ и его трактовки в определенном ключе лицами, принимающими решения в Вашингтоне, а также теми, кто их консультирует и создает идейно-психологический фон восприятия образа России элитами и обществом в США [16, с. 64]. Кроме того, образ РФ в Соединенных Штатах складывается благодаря имеющимся стереотипам. Политический истеблишмент Америки воспринимает Россию как страну, которая проиграла «холодную войну», а следовательно, она должна играть по правилам победителя, т.е. Запада. В своей деятельности элита США все еще руководствуется мифом об «американской исключительности», согласно которому Америка должна быть мировым лидером и служить образцом для других наций. «Американская исключительность», «явное предназначение» и «американский век» по-прежнему составляют идею американского мессионизма. А Д. Трамп, как крайне непредсказуемый и эмоциональный политик, весьма подвержен влиянию общественного мнения, формирующегося внутри- и внешнеполитическими событиями. Международные акции он проводит в основном с целью произвести нужное впечатление на американский электорат, своих сторонников и противников внутри страны [3, с. 9]. Оказавшись не в состоянии игнорировать внутрисполитическую ситуацию, Д. Трамп был вынужден сократить число высказываний относительно нормализации российско-американских отношений, ужесточив тональность своих заявлений в адрес Москвы. Он, испытывая давление со стороны Конгресса, СМИ и разведки, понял, что у него нет политических возможностей, чтобы положить конец санкциям против РФ. К тому же его риторика по сравнению с периодом предвыборной кампании и первыми неделями президентского срока существенно изменилась. В середине февраля 2017 г. Д. Трамп на пресс-конференции сказал: «Я бы очень хотел наладить отношения с Россией», но «возможно, мне не удастся поладить с Путиным» [13]. Справедливым является мнение о том, что улучшение российско-американского сотрудничества выгодно новому главе Белого дома, чтобы доказать собственную состоятельность как лидера, способного вести диалог с такой страной, как Россия. Однако Д. Трампу важно, чтобы сделка была выгодной прежде всего для США. Такой

подход, конечно, не устраивает Москву [11, с. 326]. Показательными в этом плане стали встречи высшего руководства двух стран. Так, во время переговоров 12 апреля 2017 г. Р. Тиллерсона с В. Путиным и С. Лавровым в Москве госсекретарь США заявил, что российско-американские отношения находятся на низком уровне [17; 18]. Заметных перемен во взаимоотношениях двух стран не наблюдалось и на следующей встрече 10 мая 2017 г. теперь уже С. Лаврова с Р. Тиллерсоном и Д. Трампом в Вашингтоне [19]. На состоявшейся после нее пресс-конференции российский министр иностранных дел назвал все разговоры о «руководстве Америкой извне», в частности Москвой, как несоответствующие действительности домыслы отдельных американских политиков и СМИ. При этом С. Лавров охарактеризовал текущие двусторонние отношения следующим образом: «Сейчас диалог между Россией и США свободен от идеологизированности, характерной в период администрации Б. Обамы. Президент США Д. Трамп, его администрация, госсекретарь Р. Тиллерсон – это люди, которые хотят вести диалог не ради того, чтобы показать свои достижения в сфере идеологических предпочтений, а чтобы решать конкретные вопросы, от которых зависят развитие страны, благополучие граждан и урегулирование конфликтов в разных частях мира» [20].

Большие надежды многими возлагались на встречу В. Путина и Д. Трампа на полях «большой двадцатки» в Гамбурге 7–8 июля 2017 г., но и она не принесла быстрых и кардинальных изменений в лучшую сторону в российско-американском сотрудничестве. На наш взгляд, абсолютно правы те эксперты, которые считают, что в США сегодня «с особым подозрением воспринимаются любые контакты с Россией, проходят разбирательства относительно влияния Москвы на внутренние процессы в США. Это порождает соответствующий климат, в котором политически опасно говорить даже о перспективе сближения с Россией». Д. Трамп не может не учитывать позицию Конгресса, негативно настроенного по отношению к РФ, поскольку его расположенность нужна американскому президенту внутри страны [21]. Так, заместитель министра иностранных дел России С. Рябков, выступая 28 февраля 2017 г. перед депутатами в Госдуме, проинформировал их, что в январе конгрессменами-русофобами был «внесен законопроект, предусматривающий кодификацию санкций, введенных распоряжениями Б. Обамы, чтобы Трамп не смог их отменить по своей воле» [22].

Постепенно стала возрождаться жесткая позиция Вашингтона по Украине и Сирии, ставшими главными сферами противоречий между Россией и США. В принципе украинский кризис не является для Д. Трампа сколько-нибудь значимым приоритетом. В ходе избирательной кампании его заявления по Украине не отличались четкостью и последовательностью, а по Крыму были вполне созвучны позиции Москвы [6, с. 162]. Однако, оказавшись у власти, администрация Трампа официально подтвердила,

что Крым является неотъемлемой частью Украины. В частности, уже во время первого своего выступления в Совете Безопасности ООН в начале февраля 2017 г. представитель Соединенных Штатов при ООН Н. Хейли заявила о том, что антироссийские санкции не будут сняты до тех пор, пока Крым не вернется обратно Украине. Кроме того, она обвинила Москву в причастности к событиям на Донбассе: «Мы действительно хотим улучшить отношения с Россией. Однако катастрофическая ситуация на востоке Украины требует ясного и жесткого осуждения действий России» [23]. Поэтому Н. Хейли заявила, что США не должны признавать присоединение Крыма к России, о возможности чего рассуждал в ходе предвыборной гонки Д. Трамп [13]. По ее словам, президент видит в РФ проблему, пусть даже он и не выступает с публичной критикой Кремля [24]. Поэтому Н. Хейли оказалась права – нужно судить по делам, а не по тому, что говорят и о чем высказываются на различных форумах [25]. Весьма показательной стала и фраза пресс-секретаря Белого дома Ш. Спайсера, сказанная им на брифинге 14 февраля 2017 г., о том, что Д. Трамп ждет от Кремля деэскалации украинского конфликта и возвращения Крыма [26]. Это свидетельствует о том, что Украина продолжает оставаться объектом американской политики, направленной против России [11, с. 331].

Следующей региональной проблемой двух стран стала Сирия. Исходя из заявлений Д. Трампа, он не против сотрудничества с Москвой в этой ближневосточной стране там, где это выгодно США, например, против Исламского государства. Еще, будучи кандидатом в президенты, он заявлял, что в случае его победы на выборах Вашингтон будет активно взаимодействовать с Москвой в военно-политической сфере с целью разгрома ИГ. Первые шаги Д. Трампа на посту президента подтвердили его предвыборные обещания. Так, он поручил министру обороны Дж. Мэттису разработать план по борьбе с Исламским государством, предусматривающий поиск новых союзников для международной коалиции. В конце марта 2017 г. Н. Хейли заявила, что «нашим приоритетом больше не является цель убрать Асада». Аналогичную мысль высказал и госсекретарь Р. Тиллерсон во время встречи в Анкаре с турецким президентом Р.Т. Эрдоганом, резюмировав, что «именно сирийский народ определит судьбу Асада на долгосрочную перспективу» [27]. Однако сотрудничать с Москвой в Сирии Д. Трамп был готов на своих условиях и по своему усмотрению. Инцидент 4 апреля 2017 г. в пригороде Идлиба (на северо-западе Сирии) существенно изменил позицию администрации Трампа по отношению к сирийскому кризису. По словам президента США, «произошедшее перешло все границы» и «это пересекает красную черту». 6 апреля Р. Тиллерсон заявил, что «мы рассматриваем подходящий ответ на химическую атаку, которая нарушает принятые ранее резолюции ООН, международные нормы и соглашения сторон, в том числе Сирии, России и всех остальных членов Совета

Безопасности ООН. Это серьезный вопрос, и он требует серьезного ответа» [27]. И такой ответ Вашингтоном был продемонстрирован 7 апреля 2017 г., когда США нанесли массированный ракетный удар по авиабазе сирийских ВВС Шайрат, поскольку Белый дом возложил ответственность за имевшую место химическую атаку на сирийский режим. Сам Д. Трамп назвал ракетный удар «пропорциональным ответом» на события в Идлибе. В интервью газете The New York Times американский президент сказал, что не будет обсуждать с В. Путиным военные планы коалиции во главе с США в Сирии [28]. Принимая во внимание, насколько быстро Вашингтоном были приняты решения об ударе по сирийской территории, складывается впечатление, что Д. Трамп лично принимает внешнеполитические решения при достаточно ограниченном участии экспертов и ответственных ведомств. При этом, отдав приказ ударить по Сирии, американский президент получил нужные ему политические дивиденды, которые он достаточно сильно потерял на так называемой сделке с Россией. Он назвал это защитой важных национальных интересов США. Таким образом, не теряя лица, Д. Трамп смог заявить, что он «действительно хотел наладить отношения, но Асад такой негодяй, а раз Россия его поддерживает, то и с ней он вести дела не будет» [25].

В ответ на действия Вашингтона Россия приостановила действие Меморандума о предотвращении инцидентов и обеспечении безопасности полетов авиации в ходе операций в Сирии, ранее заключенного с США. А МИД РФ призвал Совет Безопасности ООН провести чрезвычайное заседание для осуждения американского налета [3, с. 13]. С. Лавров заявил, что точечный удар США по авиабазе Шайрат осуществлен под надуманным предлогом. По его мнению, «выгодно это только тем, кто хочет подорвать женеvский процесс, процесс Астаны и хочет создать необходимые доказательства, предлоги, поводы для перехода от политического урегулирования к смене режима силовым путем» [29]. Исходя из сложившейся ситуации, абсолютно правы были российские эксперты А. и Н. Арбаты: «Если кто-то надеялся, что Трамп придет к России на поклон, извинится за прошлое поведение США и спросит, чего она впредь пожелает, – то этого точно не будет» [6, с. 173]. В этом плане справедливым является мнение о том, что если государство находится в сложной международной ситуации, ответственные лица в первую очередь сконцентрированы на решении этой задачи и вряд ли смогут изменить сложившийся в их сознании имидж другого государства [16, с. 65]. Д. Трамп – бизнесмен и жесткий прагматик, и именно с этих позиций он пытается строить свой диалог с В. Путиным. Американскому президенту важно, чтобы Москва не мешала ему в отношениях с исламским экстремизмом, Китаем и Ираном. Там, где будут возникать противоречия с РФ, Д. Трамп будет занимать все более жесткую позицию [6, с. 170]. Поэтому отношения Москвы и Вашингтона продолжили ухудшаться и при администрации Трампа, что констатировал

12 апреля 2017 г. В. Путин в ходе пресс-конференции телеканалу «Мир». Он отметил, что, к сожалению, за почти три месяца президентства Трампа степень доверия на рабочем уровне не повысилась, а деградировала [30]. Пресс-секретарь российского президента Д. Песков, комментируя действия США, был настроен несколько более оптимистично: «Текущие разногласия, в том числе и глубокие разногласия, являются, к сожалению, постоянными спутниками российско-американских отношений, особенно в последние годы. Поэтому даже такие существенные разногласия, как оценка в целом ситуации и причин сложившейся ситуации в Сирии, вряд ли могут каким-то кардинальным образом изменить дух и характер наших двусторонних отношений» [25].

Не добавили большого оптимизма для развития российско-американского сотрудничества и принятые в конце 2017 г. и начале 2018 г. концептуальные документы, отражающие видение администрации Трампа проблем безопасности в современном мире, – «Стратегии национальной безопасности» и «Стратегии национальной обороны». Так, в «Стратегии национальной безопасности», появившейся в декабре 2017 г., действия Москвы в мировой политике трактуются в конфронтационном духе, а сама Россия, наряду с Китаем, характеризуется как ревизионистская держава, «бросающая вызов» американской мощи в мире. Кроме того, на Москву авторы данного документа также возложили ответственность за вмешательство во внутренние дела других государств и за создание нестабильности в Евразии. Поэтому США и Европа должны вместе противостоять «российской угрозе», а сотрудничество с РФ возможно только с позиции силы [31]. В свою очередь, авторы «Стратегии национальной обороны» обвинили Россию в «дискредитации и подрыве демократических процессов в Грузии, Крыму и Восточной Украине», а также в «злоупотреблении» правом вето в Совете Безопасности ООН [32]. Это лишний раз подтверждает тезис о том, что базовым принципом внешней политики Соединенных Штатов является поиск главного врага [16, с. 68]. Поэтому неудивительно, что С. Лавров оценил новую оборонную стратегию Вашингтона следующим образом: «Мы сожалеем, что вместо того, чтобы вести нормальный диалог, вместо того, чтобы базироваться на международном праве, Соединенные Штаты, конечно, стремятся свое лидерство доказывать через такого рода конфронтационные концепции» [33]. Тем не менее, по словам главы российского внешнеполитического ведомства, Москва готова к диалогу с Вашингтоном, готова обсуждать и военные доктрины, «как это было раньше, когда военные двух стран укрепляли доверие» [33].

Следует отметить, что сам Д. Трамп не смог полностью отказаться от своих прежних пророссийских заявлений, поскольку это означало бы для него признать собственное поражение. Тем самым получается, что «Россия – это ахиллесова пята Трампа, учитывая кри-

тику внутри США его особой предрасположенности к президенту Путину» [6, с. 172]. Москва и Вашингтон по-прежнему имеют некоторые общие практические интересы по актуальным проблемам мировой политики и безопасности, таким как Сирия, терроризм, проблема нераспространения оружия массового уничтожения. Однако прогнозировать выстраивание конструктивного двустороннего диалога в ближайшее время не стоит. Основные факторы, вызывающие антагонизм между Россией и США, никуда не исчезли. Так, главной причиной кризиса в российско-американских отношениях являются действия Москвы на изменение «правил игры» и нежелание Вашингтона согласиться с этим [6, с. 165]. Вторая причина – это несовпадение взглядов РФ и США, на сущность миропорядка [6, с. 166]. Третья причина – геополитическое соперничество двух держав на постсоветском пространстве [6, с. 167]. К тому же внешняя политика администрации Трампа мало предсказуема, а нынешнее российское руководство не намерено идти на уступки американцам в ущерб национальным интересам России.

Следовательно, с приходом в Белый дом Д. Трампа объективные и субъективные преграды, препятствующие существенному улучшению российско-американских отношений, никуда не исчезли. Надежды Москвы на нормализацию диалога между РФ и США в связи со сменой американских президентов не оправдались. В целом под давлением русофобских сил администрация Трампа переняла антироссийский курс Обамы, иногда, правда, сопровождая его позитивной риторикой в адрес России. В реальности же российско-американские отношения продолжили только ухудшаться, поэтому Москве не стоило питать иллюзий по поводу их быстрого налаживания. И, похоже, постепенно в России поняли, что и при Д. Трампе в США будет преобладать стремление сдерживать Российскую Федерацию, ослабить ее международные позиции. Сам Д. Трамп был готов предложить Кремлю стать младшим партнером Соединенных Штатов, однако, понятно, что В. Путин на это не пошел. Да и вряд ли американский политический истеблишмент с преобладающими русофобскими настроениями позволил бы нынешнему главе Белого дома сближение с Кремлем. Конечно, возможности для сотрудничества РФ и США существуют, и улучшение отношений может начаться, но по своей природе они будут достаточно хрупкими и ограниченными, подверженными риску срыва в пучину еще большей конфронтации.

Литература

1. Diamond, J. Timeline: Donald Trump's praise for Vladimir Putin [Electronic resource] / J. Diamond // CNN. – 29.07.2016. – Mode of access: <https://edition.cnn.com/2016/07/28/politics/donald-trump-vladimir-putin-quotes/index.html>. – Date of access: 15.11.2016.
2. Osnos, E. Trump, Putin, and the New Cold War [Electronic resource] / E. Osnos, D. Remnick, J. Yaffa // The New Yorker. – 2017. – March 6. – Mode of access: <https://www.newyorker.com/magazine/2017/03/06/trump-putin-and-the-new-cold-war>. – Date of access: 09.05.2017.
3. Байчоров, А.М. Особенности внешнеполитического курса США после избрания Д. Трампа президентом / А.М. Байчоров // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 7–20.
4. Perez, E. Sessions Did Not Disclose Meetings with Russian Ambassador During Trump Campaign [Electronic resource] / E. Perez, Sh. Prokupez, E. Watkins // CNN. – 02.03.2017. – Mode of access: <https://www.edition.cnn.com/2017/03/01/politics/jeff-sessions-russian-ambassador-meetings/index.html>. – Date of access: 25.03.2017.
5. Первые шаги администрации Трампа (дискуссия на конференции «Арбатские чтения» – 2017) // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 9. – С. 42–56.
6. Арбатов, А.Г. Фактор Трампа в российско-американских отношениях / А.Г. Арбатов, Н.К. Арбатова // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 160–178.
7. Bowman, M. Trump's Non-interventionism Could Split Republicans [Electronic resource] / M. Bowman // VOA. – 2016. – December 07. – Mode of access: <http://www.voanews.com/a/trump-non-interventionism-could-split-republicans/3627140.html>. – Date of access: 28.01.2018.
8. Журавлева, В. Россия и США: размышляя над конфликтом / В. Журавлева // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 5. – С. 5–13.
9. Телефонный разговор с избранным президентом Соединенных Штатов Америки Дональдом Трампом [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. – 2016. – 14 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53255>. – Дата доступа: 02.01.2018.
10. Hudson, J. Russia Missing from Trump's Top Defense Priorities, According to DoD Memo [Electronic resource] / J. Hudson, P. McLeary, D. De Luce // Foreign Policy. – 2016. – December 20. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2016/12/20/russia-missing-from-trumps-top-defense-priorities-according-to-dod-memo/>. – Date of access: 28.01.2018.
11. Новая администрация США: перспективы для России: материалы международного «круглого стола» // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2017. – Т. 19, № 3. – С. 325–341.
12. Травкина, Н. 150 дней президентства: Армагеддон Дональда Трампа [Электронный ресурс] / Н. Травкина // Перспективы. – 14.07.2017. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/150_dnej_prezidentstva_armageddon_donalda_trampa_2017-07-14.htm. – Дата доступа: 30.07.2017.
13. Приезд Трампа к Путину, похоже, остывает [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.РУ. – 04.03.2017. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170304/238824493.html>. – Дата доступа: 08.03.2017.
14. WSJ: администрация Дональда Трампа ужесточает политику в отношении России [Электронный ресурс] // Коммерсант.ру. – 07.03.2017. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3236237>. – Дата доступа: 02.02.2018.
15. Костяев, С. Изменение восприятия постсоветской России в США / С. Костяев // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 3. – С. 68–75.
16. Борисова, А. Политический образ России в восприятии экспертного сообщества ЕС и США / А. Борисова // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 8. – С. 63–75.
17. Wadhams, N. Putin Meets Tillerson as Russia Bashes U.S. Foreign Policy [Electronic resource] / N. Wadhams, H. Meyer, I. Arkhipov // Bloomberg Politics. – 2017. – April 12. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2017-04-12/russia-bashes-trump-poli>

- cy-as-putin-weighs-tillerson-meeting. – Date of access: 25.01.2018.
18. Пресс-конференция Сергея Лаврова и Рекса Тиллерсона [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.РУ. – 13.04.2017. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170413/239134169.html>. – Дата доступа: 15.04.2017.
19. Dearden, L. White House bars US press from Donald Trump's meeting with Sergey Lavrov but allows Russian state media in / L. Dearden // Independent. – 11 May, 2017. – Mode of access: www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/white-house-donald-trump-sergey-lavrov-meeting-us-press-barred-comey-russia-state-media-tass-a7729611.html. – Date of access: 25.01.2018.
20. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам переговоров с Государственным секретарем США Р. Тиллерсоном, Вашингтон, 10 мая 2017 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2751328. – Дата доступа: 21.05.2017.
21. Значение новой администрации США для международных отношений и безопасности в Восточной Европе: доклад [Электронный ресурс] // Минский диалог. – 2017. – 19 апреля. – Режим доступа: <http://minskdialogue.by/research/reports/znachenie-novoi-administratsii-ssha-dlia-mezhdunarodnykh-otnoshenii-i-bezopasnosti-v-vostochnoi-evrope>. – Дата доступа: 03.10.2017.
22. МИД обвинил Конгресс США в подготовке «экономической блокады» России [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 28.04.2017. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170228/1488903112.html>. – Дата доступа: 18.04.2017.
23. США: санкции будут действовать, пока Россия не вернет Крым [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. – 2017. – 3 февраля. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/news-38851479>. – Дата доступа: 17.02.2017.
24. Boyle, L. Trump's ambassador to the UN is jeered at New York women's summit after she accuses Russia of 'just making things up' [Electronic resource] / L. Boyle // MailOnline. – 2017. – 6 April. – Mode of access: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4385724/Trump-s-ambassador-jeered-New-York-summit.html>. – Date of access: 07.01.2018.
25. Трамп все понял: Россия – его главная проблема [Электронный ресурс] // Planet Today. – 2017. – 07 апреля. – Режим доступа: <http://planet-today.ru/geopolitika/item/67115-tramp-vse-ponyal-rossiya-ego-glavnaya-problema>. – Дата доступа: 30.04.2017.
26. Press Briefing by Press Secretary Sean Spicer. James S. Brady Press Briefing Room, February 14, 2017 [Electronic resource] // The White House. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/press-briefing-press-secretary-sean-spicer-021417/>. – Date of access: 07.01.2018.
27. Эволюция позиции США по сирийскому кризису. Докъе [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2018. – 14 апреля. – Режим доступа: <http://tass.ru/info/5125589>. – Дата доступа: 15.04.2018.
28. Трамп не намерен обсуждать военные планы в Сирии с Путиным [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – 2017. – 6 апреля. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2259478.html>. – Дата доступа: 02.02.2018.
29. Лавров сказал, кому выгодно нанесение ударов по Сирии [Электронный ресурс] // RT на русском. – 2017. – 7 апреля. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/376178-lavrov-udary-siriya-zhenevskii-process>. – Дата доступа: 18.04.2017.
30. Интервью телерадиокомпании «Мир» [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – 2017. – 12 апреля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/54271>. – Дата доступа: 18.04.2017.
31. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>. – Date of access: 07.01.2018.
32. National Defense Strategy of the United States of America. Summary of the 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>. – Date of access: 25.01.2018.
33. Лавров назвал конфронтационной новую оборонную стратегию США [Электронный ресурс] // ИНТЕРФАКС. – 2018. – 19 января. – Режим доступ: <http://www.interfax.ru/russia/596258>. – Дата доступа: 25.01.2018.

Поступила в редакцию 04.06.2020

Выучка младшего начальствующего состава в волостных пунктах всевобуча ССРБ

Крюковский В.Д.

Белорусский государственный университет, Минск

Историки Беларуси изучили многие аспекты деятельности государственных органов по военному строительству, патристическому воспитанию трудящихся. Однако проблема выучки младшего командного состава остается малоисследованной.

Цель статьи — проанализировать в масштабах республики эффективность подготовки младших командиров в сборных пунктах волостных военных комиссариатов, обобщить накопленный опыт, вскрыть проблемы, препятствовавшие осуществляемой деятельности.

***Материал и методы.** Автором использованы документы ЦБ КП(б)Б, ЦИК, СНК, губернских, уездных парткомов и исполкомов Советов, отделов народного образования, военных комиссариатов. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье рассматривается проблема подготовки младшего начальствующего состава в волостных пунктах военного обучения, раскрывается имевшийся в ряде мест успешный опыт. Отмечается, что абсолютное большинство обучающихся командиров составляла молодежь. Анализируются причины, препятствовавшие обучению старших звеньев, командиров отделений и помощников командиров взводов. Но в целом государственная политика подготовки младших командиров была продуманной и решила стоявшие перед ней задачи.*

***Заключение.** Складывавшаяся в ССРБ система подготовки младшего начальствующего состава в основном обеспечила потребности Красной Армии в обученных младших командирах. Получив хорошие основы военных знаний, начальники низшего звена успешно руководили красноармейцами при защите территории республики от польских легионеров в 1919–1920 гг.*

***Ключевые слова:** военная выучка, подготовка кадров, низшее звено, младшие командиры, военкоматы, сборные пункты, инструкторы, новобранцы, молодежь.*

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 60–65)

Training Junior Commanding Personnel at Volost (District) Military Training Stations of the SSRB

Kryukovski V.D.

Belarusian State University, Minsk

Belarusian historians studied a lot of aspects of state bodies' activities on military formation and patriotic education of working people. However, the issue of training junior commanding personnel is still scarcely studied.

The purpose of the article is to analyze on the national scale the efficiency of training junior commanding personnel at assembly stations of Volost (District) Military Commissariats, to generalize the accumulated experience, reveal problems which prevented their activities.

***Material and methods.** The author used documents by the Central Bureau of the Communist Party (Bolshevik) of Belarus, Central Executive Committee, Council of People's Commissars, Region and District Party Committees and Soviets Executive Committees, Education Departments, Military Commissariats. The research methodology is based on the principles of objectivity and historicism.*

***Findings and their discussion.** The issue of training junior commanding personnel at Volost military training stations is considered in the article, the successful experience at some stations is revealed. It is pointed out that the absolute majority of trainee commanders were young people. Reasons are analyzed which prevented training senior staff, section commanders and platoon commander assistants. However, the state policy of training junior commanders was in general substantial and solved the problems.*

***Conclusion.** The system of training junior commanding personnel in the SSRB generally provided the needs of the Red Army in trained junior commanders. After receiving good basics of military knowledge lower level commanders successfully managed the Red Army soldiers while defending the territory of the Republic from Polish Army in 1919–1920.*

***Key words:** military training, training of personnel, lower level, junior commanders, recruiting stations, assembly stations, instructors, young soldiers, young people.*

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 60–65)

Адрес для корреспонденции: e-mail: Kryukovskij.vladimir@yandex.by — **В.Д. Крюковский**

Деятельность государственных органов по вопросам военного строительства, патриотического воспитания трудящихся, подготовки командных кадров РККА привлекала к себе внимание ряда исследователей. В историческом аспекте, например, большое научное и практическое значение представляют труды П.А. Селиванова [1]. В монографии и докторской диссертации на основе архивных документов анализируется политическая и организационная деятельность партийных органов, исполкомов Советов и военных комиссариатов по укреплению Красной Армии в 1917–1920 гг. Освещается их работа по привлечению трудящихся к вооруженной защите молодого Советского государства, формированию красноармейских частей и подразделений, организации всеобщего военного обучения. В научных трудах приводятся примеры обучения кадров на различных инструкторских курсах. Но проблема подготовки младших командных кадров в системе всеобщего обучения ограничивается лишь рядом примеров и фактов.

Научные труды А.Г. Хохлова [2] рассматривают процесс создания и деятельности Красной гвардии и коммунистических частей особого назначения, их роль в вооруженной защите советской власти в годы польско-советской войны, первых лет существования белорусской республики, примеры военной выучки личного состава.

Большое научное и практическое значение имеют исследования П.Г. Чигринова [3]. В монографии и диссертации анализируются марксистско-ленинская методология патриотического воспитания, деятельность партийных организаций по воспитанию морально-политической готовности трудящихся к защите социалистического Отечества, партийное руководство оборонно-массовой работой, формы и методы военно-спортивной подготовки населения, шефские связи трудовых коллективов и воинских частей. Однако поскольку автор не ставил целью изучение проблемы военной выучки населения в сборных пунктах военкоматов, участках обучения территориальных дивизий и запасных частей, школах и курсах подготовки командных кадров, в исследованиях, естественно, отсутствует системный анализ данного направления работы.

Формы и методы деятельности партийных, комсомольских, других общественных организаций, средств массовой информации и пропаганды по военно-патриотическому воспитанию трудящихся и молодежи освещаются в кандидатских диссертациях В.Ф. Кушнера и Н.Е. Семенчика [4]. Они написаны на большом фактическом материале. Авторы приводят примеры из практики государственных и общественных структур по военно-спортивной работе с юношами и девушками, раскрывают роль шефских связей трудовых коллективов и частей Красной армии, а также периодической печати в патриотическом воспитании молодого поколения. Однако комплексно государственная политика подготовки молодежи к защите Родины в БССР в диссертациях не рассматривалась.

Отдельные аспекты военной выучки молодого поколения на территории ССРБ и Литбел ССР демонстрируются в книгах белорусских ученых [5]. В монографии Д.Н. Хромченко освещается оборонно-массовая деятельность общественных организаций Беларуси в 1920–1940-е годы [6].

Научный интерес для изучения проблем воспитания подрастающего поколения, истории и методики патриотической работы с молодежью представляют труды белорусских педагогов. В докторской диссертации К.А. Кулинковича [7] исследуются история и педагогические приемы спортивной практики с юношами и девушками Беларуси в предвоенные годы. В кандидатских диссертациях В.И. Шаврука, Г.П. Коваленко [8] раскрывается опыт педагогической и военно-патриотической работы со школьниками в межвоенный период.

Характерным формам и методам патриотической деятельности комсомола республики в 1919–1920-е гг. посвящены сборники очерков и научных статей [9]. Отдельные вопросы военной и физической подготовки, воспитания подростков и молодежи в указанный период рассматриваются в многочисленных публикациях белорусских историков, философов и педагогов.

На основании изучения научных изданий и иных источников можно сделать вывод, что государственная политика подготовки кадров младшего командного состава в 1919–1941 гг. остается малоисследованной.

Цель – проанализировать эффективность обучения командных кадров низшего звена в сборных пунктах волостных военных комиссариатов ССРБ, обобщить накопленный опыт, приемлемый для использования на современном этапе, вскрыть проблемы, препятствовавшие осуществляемой деятельности.

Материал и методы. Источниковой базой статьи явились фонды государственных архивов Республики Беларусь, публикации прессы. Исследователем изучены материалы ЦБ КП(б)Б, ЦИК, СНК, ЦК комсомола республики, губернских, уездных парткомов и исполкомов Советов, отделов народного образования, доклады, отчеты, справки военных комиссариатов ССРБ. Это позволило получить сведения о проводимой работе по подготовке кадров младшего комсостава. Практически все использованные материалы впервые вводятся в научный оборот. Методология исследования основана на принципах анализа, синтеза, индукции, дедукции, обобщения, аналогии, объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. В решении задач военной выучки молодежи важнейшая роль принадлежит инструкторскому, пропагандистскому и организаторскому активу. 22.04.1918 г. ЦИК РСФСР принял декрет «Об обязательном обучении военному искусству», в котором народному комиссариату по военным делам предлагалось принять меры по подготовке кадров военного обучения трудящихся. В июне в Москве прошли первый, в декабре второй всероссийские

съезды военных комиссаров, уточнившие механизм системы подготовки кадров. Вся организационная и методическая деятельность по выучке командиров, инструкторов и политруков возлагалась на военные комиссариаты [10, с. 5, 9, 13, 23, 24, 27, 31–37, 41–43; л. 40, 40 об., 54–58].

Вопросы подготовки младших командиров и инструкторов для обучения красноармейцев и трудящихся обсуждались на первом съезде КП(б)Б. В докладе А.Ф. Мясникова указывалось: «Красная Армия имеет достаточно сырого материала, над которым придется немало поработать». По всему комплексу военного строительства съезд принял специальную резолюцию [11, л. 13; л. 6, 9]. Выполняя предписания съезда временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии 22.01.1919 г. приняло декрет «О всеобщем военном обучении и мобилизации», в котором ставилась задача подбора и подготовки командных кадров [12].

В исследуемый период военкоматы республики под руководством партийных и советских органов обучение кадров оборонно-массовой работы с населением вели по следующим направлениям: а) повышение квалификации штатных военных инструкторов и пропагандистов; б) подбор и воспитание новых инструкторов, командиров и политруков; в) подготовка и переподготовка организаторов военного обучения. На каждом участке деятельности использовались различные формы и методы. Подготовка кадров проводилась на первичном (волостном, городском), уездном, губернском, окружном и республиканском уровнях.

В волостных сборных пунктах работа с младшими командными кадрами включала: а) совершенствование знаний штатных отделенных и взводных инструкторов; б) подготовку старших звеньев, командиров отделений, помощников командиров взводов из числа призванных на обучение.

Требования Всероссийского главного штаба РККА к штатным инструкторам-педагогам предъявлялись высокие: отделенным инструктором мог быть назначен гражданин, служивший в армии, участник боев, пробывший не менее четырех месяцев на фронте, окончивший учебное заведение не ниже двух классов начального училища или полковую учебную команду мирного времени. Должности взводных и ротных инструкторов могли занимать офицеры, обязательно участвовавшие в боевых действиях, окончившие курс военного юнкерского училища или школы подготовки прапорщиков.

Перед зачислением военнослужащих старой армии на должности инструкторов учебных пунктов в волостных и уездных военкоматах анализировались образование претендентов, их служба в армии, боевой опыт, отношение к советской власти; затем отобранные кандидаты проходили испытание перед специальной комиссией местного военного комиссариата с участием представителей партийных и советских органов. Утвержденные съездами всеобщего положения, программа и метод работы с населением обязывали

инструкторов самостоятельно совершенствовать свои военные знания, тщательно готовиться к проведению каждого урока.

В соответствии с решениями первого и второго московских съездов и указаниями центрального отдела всеобщего Всероссийского главного штаба РККА сотенным инструкторам (руководителям районов, бюро, пунктов обучения) вменялось в обязанность проводить один-два раза в неделю с подчиненными инструкторами занятия по теории, методике и практике военного обучения. В ходе плановых семинаров подробно разбирались подготовка к урокам, использование наглядных пособий, учебных стендов, классной доски, правильное ведение конспекта, журнала успеваемости, другой документации. На строевом плацу, стрельбище и тактическом поле штатные отделенные и взводные инструкторы-учителя отрабатывали личные навыки военной выучки, методические приемы работы с подчиненными. В начале календарного года все инструкторы проходили поверочное испытание и аттестацию в волостном или уездном военном комиссариате.

Основное количество старших звеньев, отделенных и помощников взводных командиров готовились на сборных пунктах военкоматов. Программа занятий предусматривала приобретение обучающимися необходимой суммы знаний, которые затем должны были использоваться в учебной и боевой работе с подчиненными. Кандидатуры младших командиров отбирались предварительно на основании регистрационных карточек призывников и уточнялись в ходе первых занятий. Далее с отобранными кандидатами штатные инструкторы в составе группы и индивидуально изучали порядок обучения населения. Успешно прошедшие итоговое испытание 96-часового курса всеобщего включались в кадровый резерв волостных и уездных военкоматов; в случае объявления мобилизации на фронт они назначались командирами низшего звена территориально-милиционных частей [13, с. 19, 21; л. 20 об.; л. 278; л. 22, 33–36, 53].

Эффективно осуществлялась выучка командных кадров на центральном сборном пункте Бохотской волости. Мстиславскому военному комиссариату по согласованию с уездным партийным, советским руководством в октябре 1918 года удалось удачно подобрать военным руководителем волостного военного комиссариата Фому Павловича Душкевича, делопроизводителем Емельяна Сергеевича Журова, переписчиками Самуила Матвеевича Мазура и Павла Рутковского. На основании анализа прошений офицеров и унтер-офицеров старой армии о принятии их на службу в РККА, итогов работы уездной испытательной комиссии был сформирован штат инструкторов.

Волостной исполком выделил для пункта обучения несколько удобных помещений, участков земли для стрельбищ, занятий по тактической, инженерной, противогазовой, топографической подготовке, поваленный ветром лес для оборудования простейших спортивных сооружений и обогрева помещений.

Под руководством инструкторов крестьяне-призывники на сборном пункте села Бохоть произвели текущий ремонт учебных классов, в специальном ящике кабинета по тактической и топографической подготовке сконструировали макет местности, возле дома для учебных занятий соорудили спортивный турник и гимнастическую лестницу. Не менее двух раз в неделю военные уроки контролировались работниками волостного и уездного исполкомов и военкоматов. В уточненной программе занятий волостной военный руководитель выделил раздел подготовки младших командиров из числа новобранцев.

Обучение военному делу крестьян села Бохоть и близлежащих деревень началось в конце октября 1918 года. В январе в соответствии с планом уездного военкомата на сборном пункте проходили подготовку крестьяне третьей очереди необученного населения в возрасте от 26 лет и старше. Призванные для обучения граждане подразделялись на две части: прошедших военный строй и новобранцев. На основании анализа регистрационных карточек призывников, итогов первых уроков в каждой из групп были назначены старшие звеньев, командиры отделений и помощники командиров взводов.

Бывшие военнотруженики освобождались от обязательных занятий, их подготовка к итоговому испытанию осуществлялась самостоятельно, под контролем штатных инструкторов. В начале февраля все они успешно сдали установленный экзамен и получили удостоверения о прохождении обязательного курса всеобщего.

С новобранцами обучение осуществлялось в полном объеме 96-часовой программы. Военная подготовка велась ежедневно по четыре часа на протяжении четырех недель, исключая воскресенья и праздники. Учебный процесс на сборном пункте проходил продуманно и системно: каждый понедельник с 8 до 9 часов военный руководитель проводил семинар с инструкторами, на котором анализировались итоги проделанной работы, ставились задачи по организации учебного процесса, анализировались методические приемы открытых уроков. Затем военные педагоги в течение учебной недели в соответствии с планом и расписанием занятий занимались выучкой призывников и младшего начальствующего состава.

Каждому из старших звеньев, командиров отделений и помощников командиров взводов инструкторами-учителями давались индивидуальные домашние задания для самостоятельного изучения сложных разделов учебной программы. В результате продуманной комплексной работы назначенные младшие командиры выглядели на занятиях более подготовленными относительно своих односельчан и оказывали помощь штатным инструкторам в обучении новобранцев.

В учебном процессе основное внимание уделялось строевым, тактическим занятиям, изучению оружия, умению прицеливаться и метко стрелять, окапываться, пользоваться противогазовой маской Н.Д. Зелинско-

го, подготовке к итоговому испытанию. С будущими младшими командирами два раза в неделю штатными инструкторами под руководством Ф.П. Душкевича проводились занятия по методике начальной военной подготовки. С третьей недели обучения командиры отделений и помощники командиров взводов под контролем инструкторов самостоятельно проводили уроки с подчиненными, с четвертой недели командовали призывниками при передвижениях, на строевом плацу, тактических маневрах в составе взвода и роты.

Проверка деятельности коллектива сборного пункта, проведенная уездным военкоматом в начале февраля 1919 года, показала, что посещавшие учебный пункт крестьяне в целом усвоили основы обязательных военных знаний и все успешно прошли итоговое испытание. По результатам учебы в регистрационные карточки 75 из 304 новобранцев переписчики учетного стола волостного военкомата внесли запись о назначении их на должность старших звеньев, 22 командира отделений и 7 помощников командиров взводов. Сохранившийся в Могилевском государственном архиве подробный списочный состав обучающихся показал, что все они были в возрасте от 20 до 29 лет [14, л. 17–28; 30].

Успешно осуществлялась подготовка штатных инструкторов, старших звеньев, командиров отделений, помощников командиров взводов в учебных пунктах Старосельской, Жеребычской волостей Витебского, Крестовской, Сертейской Велижского, Войханской, Болецкой Городокского, Коптевичской, Кубличской, Пышнянской Лепельского, Ефросиньевской Полоцкого, Довской, Кормянской, Рассохской Рогачевского, Лобановской Чериковского уездов, местечек Клецк, Погост Слуцкого уезда [15, л. 40, 68, 189, 206, 275, 277, 278, 278 об.; л. 159 об.; 106].

В ходе выучки младших командных кадров в сборных пунктах сел и деревень имели место проблемы. Успешному обучению мешали экономическая разруха, отсутствие финансовых средств на закупку оборудования и снаряжения. Занятия с младшим начальствующим составом проводились в неподготовленных классах, без наглядных пособий, при отсутствии или нехватке исправного оружия. Такое положение было характерно для пунктов обучения Барановской, Будницкой, Вязменской, Ильинской, Маклоковской, Сертейской, Церковищенской волостей Велижского, Бобиничской, Несинской, Тяпинской, Ульской, Ушачской, Черствятской Лепельского, Артеиковичской, Домниковской, Туровлянской, Юровичской Полоцкого, части волостей Могилевского, Рогачевского, Чаусского уездов [16, л. 15, 175, 178, 189, 197–199, 202, 204, 206; 42, 56 об., 102, 107].

Подготовке командиров низшего звена препятствовала не до конца выраженная позиция Всероссийского главного штаба относительно этого важного звена системы военного обучения трудящихся. В решениях первого и второго всероссийских съездов военных комиссаров не была конкретно сформулирована задача

повышения квалификации инструкторских, подготовки младших командных кадров в волостных и городских пунктах всевобуча, не определен механизм ее решения. В результате это направление работы было отдано на усмотрение комиссаров, военных руководителей, инспекторов, заведующих отделами окружных, губернских, уездных и волостных военкоматов.

Не вызывает сомнения, что в большинстве сборных пунктов ССРБ проводились занятия со взводными и отделенными инструкторами, во всех пунктах в процессе преподавания начальной военной подготовки с населением штатные инструкторы назначали старших звеньев, командиров отделений и помощников командиров взводов. В противном случае не смогла бы функционировать вся система военного обучения. Но отсутствие централизованного серьезного контроля даже в форме плановой отчетности, реальной ответственности за этот участок работы на местах привели к тому, что вопросы подготовки младших командиров в волостных и городских сборных пунктах в начале 1919 года отошли на второй план.

Представляла сложность для качественной подготовки младших командиров проблема недостаточного количества часов курса программы всевобуча. Любому профессиональному военному понятно, что подготовить из новобранца младшего командира, усвоившего основы военного искусства, за 96 часов учебных занятий непросто. Эта задача еще более усложнялась острой нехваткой в ряде мест не только квалифицированных, но даже относительно разбирающихся в военных вопросах инструкторских кадров, что приводило к формализму при проведении занятий, а в итоге – слабой выучке младшего начальствующего состава. Нередко младшие командиры почти не отличались в военных знаниях от своих товарищей по обучению.

Так, в сборных пунктах Вайводовской, Велионской, Ковнатской, Ружинской волостей Режицкого уезда для работы с призывниками в качестве взводных и отделенных инструкторов привлекались унтер-офицеры и солдаты старой армии, не имеющие не только никакого военного или педагогического образования, но и боевого опыта. Изучение показало, что в этих волостях точный учет населения, подлежащего обучению, в январе – начале февраля 1919 года так и не был проведен, явка обучающихся, как и качество самих занятий были низкими.

Налаживанию обучения младших командиров препятствовали отсутствие реальной поддержки со стороны некоторых органов власти, излишняя заорганизованность в работе, искусственно создаваемая отдельными чиновниками. Инструкторам в военно-учебной работе с населением часто приходилось полагаться только на себя, при этом нередко отвлекаться от решения служебных задач для составления малозначимых отчетов «в усовершенствование» какого-то «нового» распоряжения «сверху», предоставления в местные исполкомы большого количества второстепенной информации. Такое положение было

характерно для Ловжанской, Мишковской волостей Витебского, части волостей Невельского уездов.

На качество военной выучки младших командиров отрицательно влияли недостаточная разъяснительная работа среди населения о необходимости защиты социалистического Отечества, слабая организация обучения, отсутствие спроса за систематические пропуски занятий, безответственность, халатность и формализм в деятельности некоторых руководящих работников военных комиссариатов и инструкторов. В январе – начале февраля 1919 года в Козьянской и Мишневичской волостях Городокского уезда на центральных сборных пунктах занятия по начальной военной подготовке проводились от случая к случаю, часто срывались по причине неподготовленности инструкторов. Вследствие отсутствия серьезного контроля и спроса за пропуски занятий посещаемость военных уроков составляла не более 25 процентов от общего количества подлежащих обучению. Более 20 процентов местной молодежи не посещали занятия на сборных пунктах Заболоцкой, Черствятской волостей Лепельского, Александровской, Владимирской, Николаевской Полоцкого уездов. Естественно, о высоком качестве подготовки младших командиров на этих пунктах обучения не могло быть и речи [17, л. 11, 68а, 189, 216, 274, 275, 275 об., 276, 278, 278 об.].

Заключение. Материалы архивов, данные прессы свидетельствуют о том, что в начале 1919 года в ССРБ складывались основы системы подготовки младших командных кадров. В волостных сборных пунктах проводились учебные занятия со штатными инструкторами и исполняющими обязанности младших командиров из числа новобранцев. Во многих волостях военное обучение населения и младшего начальствующего состава проходило на высоком уровне. Исследование показало, что абсолютное большинство подготовленных командиров низшего звена составляла молодежь от 18 до 30 лет.

На качество военной выучки младших командиров отрицательно влияли экономическая разруха, разбитые дороги, недостаток финансовых средств на закупку оборудования и снаряжения, нехватка квалифицированных кадров инструкторов. Инструкторам всевобуча вместо выполнения основных служебных задач часто приходилось отвлекаться для составления малозначимых отчетов «в усовершенствование», отменяющих одни распоряжения волостных и уездных властей, предоставления большого количества второстепенной информации. Имели место случаи халатного отношения к своим обязанностям со стороны отдельных инструкторов, пропуска обязательных занятий старшими звеньев и командирами отделений.

Исследование показало, что складывающаяся в ССРБ система подготовки командных кадров в сборных пунктах всевобуча сел и деревень, несмотря на имеющиеся проблемы и сложности, непродолжительный срок функционирования, в целом обеспечила основные потребности Красной Армии в обученных

командирах низшего звена. Получив хорошие основы военных знаний, в большинстве своем младшие командиры сумели показать организаторские навыки, военную выучку, личный героизм, успешно руководить красноармейцами при защите территории республики от легионеров в годы польско-советской войны.

Литература

1. Селиванов, П.А. Военное строительство в Белоруссии в период разгрома походов Антанты / П.А. Селиванов. – Минск: Наука и техника, 1973. – 208 с.; Селиванов, П.А. Деятельность партийных и государственных органов Белоруссии по созданию и укреплению советской военной организации (октябрь 1917 – 1920 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / П.А. Селиванов; АН БССР, Отд-ние обществ. наук. – Минск, 1974. – 58 с.
2. Хохлов, А.Г. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.) / А.Г. Хохлов. – Минск: Беларусь, 1965. – 201 с.; Хохлов, А.Г. Коммунистические части особого назначения в Белоруссии / А.Г. Хохлов. – Минск: Беларусь, 1974. – 112 с.; Хохлов, А.Г. Вооруженная защита советской власти в 1917–1925 гг. (на материалах Белоруссии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А.Г. Хохлов; Ин-т истории АН БССР. – Минск, 1987. – 40 с.
3. Чигринов, П.Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926–1941 гг.) / П.Г. Чигринов. – Минск: Беларусь, 1981. – 207 с.; Чигринов, П.Г. Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и упрочения социализма 1926 – июнь 1941 г. (на материалах Компартии Белоруссии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 / П.Г. Чигринов; Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск, 1985. – 43 с.
4. Кушнер, В.Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Ф. Кушнер; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.; Семенчик, Н.Е. Печать советской Белоруссии в борьбе против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Е. Семенчик; АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1987. – 24 с.
5. Грицкевич, А.П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию / А.П. Грицкевич. – Минск: Харвест, 2010. – 496 с.; Резник, А.Н. От БССР к СССР. Исследования по истории формирования и развития белорусской государственности на советской основе (вторая половина 1918 – конец 1922 г.) / А.Н. Резник. – Минск: Энциклопедике, 2011. – 412 с.
6. Хромченко, Д.Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920–1940-е годы / Д.Н. Хромченко. – Минск: БНТУ, 2017. – 204 с.
7. Куликович, К.А. Развитие физической культуры и спорта в Белорусской ССР (1945–1970 гг.): автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04 / К.А. Куликович; Моск. гос. ин-т физ. культуры. – М., 1972. – 53 с.
8. Шаврук, В.И. Внеурочная политико-воспитательная работа в школах Белорусской ССР (1920–1965 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / В.И. Шаврук; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1967; Коваленко, Г.П. Становление и развитие физического воспитания общеобразовательной школы советской Белоруссии (1917–1941): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Г.П. Коваленко; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1972.
9. Комсомол – нашей доблестной партии сын: из истории Ленинского Коммунистического Союза Белоруссии: [сб. очерков] / редкол.: А.К. Зинин, А.А. Маркевич. – Минск: Госиздат БССР, 1960. – 492 с.; Ленинский комсомол Белоруссии – общеобразовательной школе: содержание, формы и методы работы по обучению и ком. воспитанию молодежи (1941–1980 гг.) / АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1982. – 352 с.
10. Всеобщее военное обучение. Основы агитации и популяризации идей милиционной системы по 2-му Всероссийскому съезду в Москве: [сб. ст.] / Марьясин [и др.]; под ред. Марьясина. Составил: В. Златолинский. – Петербург: Библиотека журнала «Военно-революционная мысль», 1919. – 63 с.; Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1680. Оп. 1. Д. 774.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3; Д. 5.
12. Звезда. – 1919. – 24 янв.
13. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 58; Д. 110; Д. 202; Ф. 1680. Оп. 1. Д. 774.
14. Государственный архив Могилевской области (ГАМг). – Ф. 234. Оп. 1. Д. 163; Д. 178.
15. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203; ГАМг. – Ф. 232. Оп. 1. Д. 18; Д. 40; Звезда. – 1919. – 26 февр., 27 февр.
16. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203; ГАМг. – Ф. 232. Оп. 1. Д. 40.
17. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203.

Поступила в редакцию 15.04.2020

Исторические судьбы белорусской государственности накануне и в период Великой Отечественной войны

Мандрик И.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются вопросы, связанные с объединением белорусской нации в начале Второй мировой войны, а также планы и реальная практика нацистской Германии касательно национальной государственности белорусского народа.

Цель работы — обосновать историческую закономерность воссоединения белорусского народа в едином государстве в самом начале Второй мировой войны и реакционность военно-политических планов нацистской Германии в отношении национальной государственности белорусов.

Материал и методы. *Исследование проведено на материалах отечественной историографии и архивных документов, раскрывающих историю белорусской государственности накануне и во время Второй мировой войны. Методологической базой являются историко-объективный метод, принципы анализа, системности, метод авторских обобщений.*

Результаты и их обсуждение. *Судьбоносным событием в начале Второй мировой войны, которое самым непосредственным образом повлияло на дальнейшее развитие белорусской государственности, по праву считается воссоединение Западной Беларуси с БССР. Во время Великой Отечественной войны нацистское руководство Германии стремилось реализовать свои идеи о лишении белорусов национальной советской государственности. Замысел нацистов не нашел понимания у местного населения, о чем свидетельствует многообразие форм и методов борьбы белорусского народа при защите своего Отечества.*

Заключение. *Воссоединение Западной Беларуси с БССР положило конец разделу белорусской нации, восстановило территориальную целостность страны, консолидировало белорусский народ в единую семью. В начале Великой Отечественной войны фашисты разрушили территориальную целостность республики, проводили идею колонизации и лишения белорусов национальной государственности. Однако их попытки завоевания новых земельных владений с помощью созданных коллаборационистских структур не находили поддержки среди местного населения. Подавляющее большинство жителей Беларуси вели организованную борьбу с захватчиками и отстаивали целостность республики и советскую государственность.*

Ключевые слова: *белорусский этнос, белорусская государственность, германизация, колонизация, коллаборация, расизм.*

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 66–74)

Historical Destinies of Belarusian Statehood on the Eve and during the Great Patriotic War

Mandrik I.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Issues which have to do with the union of Belarusian nation at the beginning of the Second World War are considered in the article as well as plans and real practice of the Nazi Germany regarding national statehood of Belarusian people.

The purpose of the article is to substantiate the historical regularity of the reunion of Belarusian people into a single state on the eve of the Second World War and the reactionist military and political plans of the Nazi Germany regarding national statehood of Belarusians.

Material and methods. *The study is based on materials of domestic historiography and archive documents which reveal the history of Belarusian statehood on the eve and during the Second World War. The methodological base is the historical and objective method, principles of analysis, systematic principles, the method of the author's generalizations.*

Findings and their discussion. *The decisive event of the beginning of the Second World War which influenced directly further development of Belarusian statehood is considered to be the reunion of Western Belarus and the BSSR. During the Great Patriotic War German Nazi leadership strived to implement their ideas of depriving Belarusians their national Soviet statehood. The Nazi's idea was not accepted by the local population, which is explained by multiple forms and methods of the fight of Belarusian people who defended their Motherland.*

Conclusion. *The reunion of Western Belarus with the BSSR put an end to the division of the Belarusian nation; it restored its territorial integrity, reunited Belarusian people into one family. With the beginning of the Great Patriotic War fascists destroyed the territorial integrity of the Republic; they implemented the idea of colonization and deprivation of Belarusians of their national statehood. However their attempts to conquer new lands with the help of collaboration bodies were not supported by local population. The overwhelming majority of Belarusian population led organized battle with the invaders and defended the integrity of the Republic and Soviet statehood.*

Key words: *Belarusian ethnos, Belarusian statehood, germanization, colonization, collaboration, racism.*

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 66–74)

В последние годы в нашей республике заметно возрос интерес к научным исследованиям и к изучению в общеобразовательных учреждениях проблем белорусской государственности. В Министерстве образования страны имеется намерение ввести для реализации на первой ступени высшего образования в рамках цикла социально-гуманитарных дисциплин для студентов первых курсов всех специальностей высшего образования (за исключением профильных специальностей) новую дисциплину «История белорусской государственности». Предполагается, что данная учебная дисциплина будет введена вместо «Истории Беларуси в контексте европейской цивилизации». Акцент в новой дисциплине высшей школы (как видно из составленной программы) будет сделан на получении студентами концептуальных знаний по истории развития государственных институтов, которые являются неотъемлемыми атрибутами любой государственности. Такой подход к отечественной истории не случаен. Каждый гражданин нашей страны с юных лет должен воспитываться на духовно-культурных традициях и ценностях белорусского этноса, истоки которого восходят к глубокой древности. Выявление исторических корней, раскрытие предпосылок формирования национально-государственной идеи белорусского народа и ее становление — эта одна из востребованных на данном этапе задач. Задача эта не простая, исторический процесс формирования белорусского этноса чрезвычайно сложен и противоречив. Пока по вопросам генезиса белорусской государственности во взглядах авторов существуют серьезные различия. Учебники для школ, высших учебных заведений, публикации и даже фундаментальные научные работы, раскрывающие сложную палитру исторических событий, связанных с формированием властных государственных институтов, не лишены поверхностных обобщений. В этой связи исследователям и практическим работникам образовательной сферы (в большей мере историкам и юристам) предстоит приложить усилия для обоснования исторической правомерности белорусской государственности на отдельных ее этапах. В настоящий период остается недостаточно разработанной обозначенная проблема, связанная с предвоенными и военными годами, по ней же у зарубежных и отечественных историков имеются серьезные расхождения во взглядах.

Цель работы — обосновать историческую закономерность воссоединения белорусского народа в еди-

ном государстве в самом начале Второй мировой войны и реакционность военно-политических планов нацистской Германии в отношении национальной государственности белорусов.

Материал и методы. Исследование проведено на материалах отечественной историографии, раскрывающих процесс становления и развития белорусской государственности до начала Второй мировой войны. Использованы работы известных белорусских ученых А.А. Ковалени, Я.С. Павлова, А.Н. Мацко, В.И. Кузьменко, Е.К. Новика, ведущих советских историков В.И. Дашичева, М.И. Семиряги, Г.Л. Розанова и др. Анализировались архивные документы о кризисном состоянии в отношениях между ведущими странами мира во второй половине 1930-х годов, об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (приказы Гитлера и его подчиненных о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях). Исследование проводилось на основе комплексной системы методов: хронологического, ретроспективного, актуализации, системности и авторских обобщений.

Результаты и их обсуждение. Понимая, что в современных геополитических условиях для утверждения социального мира и согласия в обществе особенно важен предшествующий многовековой позитивный (как, впрочем, и негативный) опыт становления и развития белорусской национальной государственности, научные учреждения стремятся к полному и объективному рассмотрению всех аспектов данной проблемы. В этой связи нельзя не отметить подготовленный в последние два года фундаментальный труд «История белорусской государственности в 5 томах», четыре из которых уже дошли до своего читателя. Анализируя содержание изданных томов, следует указать на глубокую разработанность представленной концепции процесса эволюции белорусского этноса как самобытного субъекта исторического развития. Коллектив ученых Института истории НАН Беларуси вместе с вузовскими коллегами провели комплексное исследование, ввели в научный оборот ранее неизвестные архивные документы и материалы, а также археологические источники. Совместный фундаментальный труд позволил объективно осветить сложный процесс многовековой истории, установить закономерности в реализации идеи белорусской государственности как

в исторических, так и в национальных формах. Несомненно, что работа историков по этой острой проблеме будет продолжена. В отечественной исторической науке еще осталось большое поле для творческих научных исследований ряда вопросов, которые имеют непосредственное отношение к теме белорусской государственности.

В данной статье мы сосредоточили внимание на дискуссионных вопросах, связанных с существенными изменениями в белорусской государственности в начале Второй мировой войны, а также с планами и реальной практикой нацистской Германии по национально-государственному устройству Беларуси в годы оккупации.

Важнейшим событием начала Второй мировой войны, которое самым непосредственным образом повлияло на дальнейшее развитие белорусской государственности по праву считается воссоединение Западной Беларуси с БССР. В 1939 г. в состав БССР вошла территория площадью 100 тыс. кв. км с населением 4,7 млн человек. Подавляющее большинство населения составляли белорусы, и только в западной части Белостокской области преобладало польское население. За короткий срок в западной части БССР были проведены кардинальные преобразования в социально-экономической и политической сферах. Значительные успехи достигнуты в охране здоровья, науке, образовании. *В процессе воссоединения сформировалось целостное белорусское государство с территорией 225,6 тыс. кв. км, где проживало свыше 10 млн человек. Произошла консолидация белорусской нации.* Это важное для белорусов событие обусловлено чередой европейских событий середины 1939 г. Обращаясь к данному периоду, историки и политики концентрируют свое внимание на пакте Молотова–Риббентропа. Подписанный 23 августа 1939 г. договор, как они считают, был главным в решении судьбы населения Западной Беларуси, которая находилась с 1921 г. в составе Польши. Поскольку спустя несколько дней после подписания пакта гитлеровская армия вторглась в Польшу, многие авторы находят между ним и действиями Гитлера непосредственную связь и, соответственно, предрешение судьбы польского государства. Отдельные историки указывают, что пакт Молотова–Риббентропа (с его секретным приложением) по своей сути ориентировал СССР на разрыв в одностороннем порядке Рижского мирного договора и соглашения между СССР и Польшей, заключенного в 1932 г., что фактически означало ликвидацию Второй Речи Посполитой и сделало войну в Европе неизбежной [1, с. 310; с. 5]. В Польше, Украине, Прибалтийских и некоторых других странах сегодня на государственном уровне утвердилось мнение, что СССР – главный виновник и зачинщик Второй мировой войны. В работах с таким уклоном в освещении предвоенных событий видится, конечно же, ярко очерченный идеолого-пропагандистский характер. На наш взгляд, более обоснованной концепцией ныне можно было бы признать ту, в которой

подписанный СССР с Германией пакт о ненападении характеризуется как довольно сложное политико-дипломатическое событие, которое нельзя рассматривать упрощенно, тем более без учета всего комплекса межгосударственных отношений в мире в 30-х гг. XX ст. Доказано, что решение, которое принял СССР, заключив с Германией пакт о ненападении вместе с секретным дополнительным протоколом, было не лучшим. Но Сталину и его ближайшему окружению пришлось руководствоваться жесткой на то время реальностью. Для определения международной обстановки на том самом экстремальном в истории этапе XX века, когда на карту были поставлены судьбы человечества, важно подробно рассмотреть сложный в этой теме вопрос, как вели себя политические партии и лидеры крупных государств мира. Доступные исследователям документы показывают, что в своем стремлении отвести угрозу только от своих стран лидеры Великобритании и Франции в 1938 г. подписали с Гитлером договоры о ненападении, а журнал «Тайм» даже назвал Адольфа Гитлера человеком года. Более того, они во чтобы то не стоило, стремились столкнуть фашизм и большевизм, были не прочь подтолкнуть Гитлера к войне против Советского Союза. Например, британский премьер-министр Болдуин в 1936 г. прямо заявил: «Нам всем известно желание Германии ... двинуться на Восток. Если бы он (т.е. Гитлер. – И.М.) двинулся на Восток, мое сердце не разорвалось бы, если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы эта была драка между большевиками и нацистами». Лондону позднее вторил и Париж.

Серьезно усложняло внешнеполитическую обстановку в это время польское руководство. Польша в своем стремлении не допустить усиления советского влияния в Европе практически солидаризировалась с позицией Германии. Глава польского государства Ю. Пилсудский на совещании генералитета и особо доверенных лиц назвал Советский Союз в качестве главного противника в будущей войне [2, с. 266]. Руководство этой страны негативно отнеслось к вступлению СССР в Лигу Наций и заключению советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи. В то же время действия Германии, которая нарушала Версальский мирный договор, никакой отрицательной реакции в Варшаве не вызывали. Находя закономерным с точки зрения политической практики и морали того времени Мюнхенский пакт 1938 г., Польша участвовала вместе с Германией в разделе Чехословакии. Используя вооруженные вылазки, Польша добилась от деморализованного Мюнхенским сговором чехословацкого руководства передачи области Тешин в Моравии, после чего она стала первой вслед за Германией страной, получившей выгоду от предпринятой Гитлером перекройки карты Европы [3, с. 34]. Действия такого рода не без оснований порождали в Москве подозрения о наличии германо-польских договоренностей. СССР уже тогда предупреждал польское руководство о разрыве ранее заключенных с ней соглашений, в том числе и о денонсации Рижского мирного договора.

Тем временем нацистское руководство Германии, выступая в союзе с Италией, шаг за шагом реализовывало свою агрессивную программу. В марте 1939 г. Германия захватила Клайпеду, создавая угрозу Прибалтийским государствам, месяцем позже было принято окончательное решение о нападении на Польшу. Италия к тому времени оккупировала Албанию, а Япония, используя антикоминтерновский пакт, активизировала агрессивные поползновения на Дальнем Востоке и в мае 1939 г. спровоцировала военный конфликт с СССР.

Следовательно, Германия была готова к слому всей европейской системы государств. Руководители Англии и Франции, имея на то время сильные позиции в Польше и Румынии, приняли решение о гарантиях этим странам и одновременно согласились на политические и военные переговоры с Советским Союзом. Несмотря на это, Англия в тайной обстановке продолжала переговоры с Германией, рассчитывая прийти к какому-то соглашению с Гитлером. В подобной сложной обстановке весной 1939 г. начались и советско-германские контакты, на которых обсуждались торгово-экономические вопросы, затрагивалась и политическая сфера. Тогда еще сохранялся шанс заключения пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией. По советской инициативе в Москве 12–21 августа 1939 г., то есть за две недели до начала Второй мировой войны, делегации этих стран начали политические, а затем и военные переговоры. На заседаниях военных миссий речь шла о принятии военной конвенции. Хотя кремлевские руководители проявляли, как и ранее, настойчивость в подписании тройственной военной конвенции, итоги переговоров успехом не завершились. Ситуация оказалась тупиковой из-за позиции тогдашних лидеров Англии, ее представители так и не получили полномочий на подписание конвенции. Главное и непеременимое требование СССР получить согласие Польши и Румынии на пропуск в случае необходимости советских войск не нашло понимания у английских переговорщиков с подачи руководства своей страны. Такой ход международных отношений окончательно убедил советскую сторону (к середине августа 1939 г.) в том, что западные миссии приехали с пустыми руками и не готовы к подписанию военной конвенции. Настойчивая же инициатива Германии об улучшении отношений с СССР стала рассматриваться И. Сталиным как мера, способная остановить германскую агрессию подальше от своих западных границ и позволяющая на какое-то время оставаться вне европейской войны между Германией и западными странами, которая, как он считал, могла возникнуть в результате германо-польского конфликта. Советское руководство полагало, что западные страны вступят в войну на стороне Польши и она примет затяжной характер и, ослабив в целом капиталистическую систему, даст возможность СССР усилить свой военно-экономический потенциал. В результате подписания пакта СССР получал гарантии (хотя и ненадежные) сохранить мир на Западе. Автор данной статьи до середины 1980-х гг. постоянно проводил в своих работах

мысль, что содержание пакта о ненападении для того времени было абсолютно приемлемым в отношениях между государствами. В этом документе прописаны вполне себе цивилизованные отношения между странами. Все, кто знаком с этим документом, думается, согласится, что все его 7 статей декларируют желание двух стран укреплять мир в Европе, воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами. Договаривающиеся стороны принимали на себя обязательство не участвовать в группировках держав, которые прямо или косвенно были направлены против другой стороны, а в случае возникновения споров или конфликтов разрешать их исключительно мирным путем. То есть в тех политических условиях договор с намерением не допускать военных конфликтов между странами, решать спорные вопросы за столом переговоров был более чем правомерен. Вопрос возникал лишь в том, как между непримиримыми противниками в очень коротком промежутке времени могла произойти подобная перемена. В СССР после прихода гитлеровцев к власти, естественно, господствовали настроения осуждения нацистской политики и идеологии; до середины августа 1939 г. у советских людей по отношению к гитлеровской Германии под воздействием государственной пропаганды прочно утвердились взгляды как к стране-агрессору. Но в середине августа 1939 г. и после подписания пакта государственные средства массовой информации, одномоментно сменив тон, стали характеризовать международную политику Германии миролюбивой, что не могло не дезориентировать сложившееся у населения страны мнение о реальном фашистском режиме. Ну и совсем трудно было понять и объяснить с точки зрения внешней политики заключенный месяцем позже (28 сентября) германо-советский договор с названием «о дружбе и границах».

Этот договор не мог не внести сумятицу в умы советских людей. Политическая и идеологическая переориентация сбивала людей с толку, деформировала классовые установки в общественном и индивидуальном сознании. В сложном положении оказались «левые силы» зарубежных стран, решительно выступавшие против фашизма. Острые критических стрел в информационных средствах СССР было нацелено не на фашизм, а на социал-демократов как «пособников милитаризма». Не понимали причин такой быстрой идеологической эволюции многие лидеры Коминтерна. После заключения договора о дружбе и границе сложилась двусмысленная ситуация: СССР стал «невоюющим союзником» воюющей Германии. Не случайно, что отношение руководства СССР и нацистской Германии на этом этапе в нашей историографии было обозначено понятием «метаморфоза» (резкая перемена взглядов и идеологических установок), но связывать судьбу Польши с содержанием пакта о ненападении, пока о дополнительном протоколе в СССР не знали, у историков не было оснований. Лишь после

того как советской общественности стало известно содержание секретного дополнительного протокола к пакту от 23 августа 1939 г. (а это произошло лишь в середине 1980-х гг.), авторы стали обращать внимание на ряд противоречивых проблем, в том числе и на те события, которые привели к изменению белорусской государственности накануне и в начале Второй мировой войны. Казавшиеся ранее незыблемыми версии о территориальных приобретениях СССР в контексте германо-советского договора, о выгодах, полученных при этом белорусами, стали подвергаться критике в научном сообществе нашей республики.

Отдельные ученые отмечают, что договор и приложение к нему о разграничении сфер обоюдных интересов Германии и СССР в Восточной Европе приняты в обход законов СССР и договорных обязательств перед третьими странами. Считают, что подписание этих документов нанесло серьезный урон международному престижу СССР, стало катализатором новой мировой войны [4, с. 377; с. 81–82]. Особенно негативная оценка в зарубежной (да и в отечественной) историографии дается второй статье дополнительного протокола к пакту, где указано, что в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польской Республики, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сана [5, с. 318–321]. И если пакт о ненападении авторы находят в значительной степени вынужденным, то секретные соглашения с Гитлером считают глубоко ошибочными. Природу просчетов, промахов советского руководства на завершении 1930-х гг. ученые, с чем нельзя не согласиться, правильно связывают с диктаторским единовластием. Любое принципиальное несогласие с той или иной концепцией, точкой зрения вождя могло быть расценено как «непонимание», «противопоставление», «политическая незрелость» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сложно не согласиться и с мнением историков, что в культовом единомыслии коренятся истоки других просчетов, негативно повлиявших на ход войны, особенно на ее начало. Невозможно опровергнуть мысль о том, что утверждение стереотипа о гениальности лишь одного лица, необходимость неопременного одобрения решений Сталина сузили возможности диалектического анализа реальной ситуации, поиска реальных альтернатив, принятия подлинно коллективных решений. В то же время следует признать, что ответ на вопрос, почему СССР сделал неожиданный поворот и вынужден был пойти на заключение пакта и дополнительного секретного приложения к нему, стоит искать в реальной на то время международной обстановке, реальной ситуации и сложившихся обстоятельствах. После того как исследователям стали доступны секретные документы по ключевым вопросам истории Великой Отечественной войны, содержание которых указывает на двурушничество представителей англо-французских кругов, о поиске Польшей сговора с гитлеровской Германией и милитаристской Японией, они пришли к выводам, что

советское правительство, подписывая пакт и секретный протокол, решало задачи, которые в условиях нарастающей агрессии могли укрепить положение страны. (Это сегодня подтверждено новыми рассекреченными архивными документами, содержание которых привел в своем выступлении в январе 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин). Подписание между СССР и Германией в августе 1939 г. соглашений давало нашей стране определенные гарантии безопасности, они охладил японское руководство, нацеленное на конфликт с СССР: 15 сентября 1939 г. Япония подписала соглашение с СССР и МНР о прекращении боевых действий. К тому же следует помнить об унижительном Рижском договоре: от Беларуси и Украины были отняты огромные их территории. Поэтому возвращение СССР исконно белорусской и украинской территории на том этапе необходимо признать актом исторической справедливости.

Известные советские историки В.И. Дашичев, М.И. Семиряга, Г.Л. Розанов в своих работах пишут, что накануне Второй мировой войны советское руководство в складывающейся международной обстановке из нескольких вариантов во внешней политике выбрало для своего государства наиболее верный: именно условиями протокола СССР удалось получить свободный выход из Финского залива на просторы Балтики, приобрести незамерзающие порты на побережье Балтийского моря, включить Латвию, Эстонию и Финляндию в сферу советских государственных интересов с последующим вхождением прибалтийских республик в состав Советского Союза, присоединить земли Западной Украины и Западной Беларуси, Бессарабию и Буковину, укрепить советские позиции на Балканах, открыть свободный выход к морям через Босфор и Дарданеллы и закрепить советские позиции путем создания военных и военно-морских баз в обоих проливах, на Дальнем Востоке занять Южный Сахалин, Курильские и Южные Курилы.

Правильное понимание действий СССР во внешней политике в 1930-х – начале 1940-х гг. приходило по мере приближения нападения Германии на СССР даже у его недоброжелателей. Политическая элита буржуазно-демократических стран все больше склонялась к мнению, что германо-советский пакт (с дополнительным протоколом) и советское нападение на Финляндию были следствием скорее опасений со стороны Советов германской агрессии, нежели коммунистической экспансии. В условиях провала попыток создания системы коллективной безопасности вряд ли можно было что-либо сделать для сохранения независимости Польши, судьба которой была решена в Берлине еще 3 апреля 1939 г., когда Гитлер подписал директиву о ее поглощении.

Сегодня ведущие историки республики формулируют отношения СССР и Германии в конце 1930-х гг., как представляется, с большей научной точностью. В тексте упоминавшегося ранее издания «История белорусской государственности» сказано: «Ни договор о ненападении, ни приложенный к нему секретный

дополнительный протокол не содержали статей о военном сотрудничестве двух государств и не обязывали их вести боевые действия против третьих стран или оказывать помощь в случае участия одной из сторон в военном конфликте. Достигнутые договоренности между Германией и СССР не делали их союзниками ни формально, ни фактически. Германо-советский договор стал значительным дипломатическим и политическим актом, который завершил фазу предвоенного кризиса, причем являлся результатом кризиса, а не его причиной [6, с. 56]. Несмотря на всю противоречивость взглядов на содержание договора, разные суждения о сути прописанных в нем статей, а также секретного приложения к нему, большинство ученых-историков единодушны в том, что воссоединение Западной Беларуси с БССР (той же территории Украины, а позже Бессарабии и Северной Буковины) соответствовало интересам большинства населения края и способствовало консолидации белорусской нации. Включение территорий Западной Беларуси в состав БССР рассматривается в нашей историографии как акт исторической справедливости: закончился трагизм разделенности белорусской нации, длившийся с 1921 г. по 1939 г., исправлена историческая несправедливость Рижского мирного договора в отношении белорусов. Воссоединение положило конец разделу Беларуси, восстановило ее территориальную целостность, консолидировало белорусский народ в единую семью [6, с. 3]. С таким выводом трудно не согласиться, его сложно опровергнуть.

Говоря о военно-политических планах нацистской Германии и национально-государственных процессах, которые происходили на оккупированной территории Беларуси, надо прежде всего отметить, что германская агрессия стала испытанием не только моральной силы жителей республики, их межнациональных и межконфессиональных отношений, но и в отстаивании национальных традиций, культуры, духовной жизни и государственного строя. Фашизм бросил вызов прогрессу всего человечества, его социальным и политическим завоеваниям, самому существованию многих стран и народов. В своем стремлении к мировому господству он апеллировал к низменным инстинктам, брал на вооружение наиболее реакционные и антигуманные теории и представления. На территории Беларуси фашизм использовал исторический опыт массовых репрессий, порабощения и угнетения целых рас и народов. Захватив советскую территорию, гитлеровцы приступили к реализации своих планов по определению места проживающим здесь нациям и народностям в будущей германской империи. Согласно заранее разработанному и принятому в начале апреля 1941 г. «Меморандуму относительно целей и методов установления господства на оккупированных советских территориях» первоочередными мерами территориального устройства были разрушение существующих государственных структур управления, запрет на создание в будущем разветвленного государственного аппарата. О БССР в данном документе было

сказано, что это одна из наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении республик СССР и как второй по величине (после Польши. – *И.М.*) еврейский резервуар, так как в ней расположены насыщенные еврейством города Белосток, Минск, Полоцк, Витебск и др., где евреи эксплуатируют коренное население. Пробудить у белорусов собственную национальную жизнь и создать жизнеспособное государственное образование может считаться предприятием чрезвычайно длительным и сложным [7, с. 17–23]. На совещании 16 июля 1941 г., уже после оккупации части территории, в ставке А. Гитлера было в очередной раз подтверждено, что главной целью войны с СССР является захват и расчленение его территории. Здесь же была утверждена структура военно-полицейских и гражданских оккупационных властей, определены методы управления захваченными землями, кандидатуры их руководителей [8, с. 47–50]. На следующий день, 17 июля 1941 г., был издан приказ А. Гитлера о создании имперского Министерства по делам оккупированных областей («Восточное министерство») под руководством А. Розенберга [9, с. 51–54].

Политика Розенберга на захваченных землях предполагала создание здесь германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить их в составную часть Великой Германской империи путем германизации подпадающих в расовых отношениях элементов, колонизации представителями германской расы и изгнания нежелательных элементов [10, с. 402–403]. Однако и с такой целью в отношении оккупированных территорий не согласился А. Гитлер. Он отклонил предложенный Розенбергом план. По его мнению, квазиавтономии, которые предлагалось создать на захваченной территории Советского Союза, могли в недалеком будущем представлять опасность. Опасность, как он думал, заключалась в том, что даже элементы легитимной этнически-исторической государственности для покоренных народов повлекут в будущем национально-освободительное движение и способность нанести огромный ущерб строительству мирового господства Третьего рейха. Полную ясность в свою политику по отношению к захваченным территориям А. Гитлер внес в апреле 1942 г. На совещании для высших должностных лиц он заявил, что на оккупированных территориях имеется необходимость подавления всякой государственной организации и тем самым создания условий для того, чтобы держать население этих национальностей на возможно более низком культурном уровне. В соответствии с установками из Берлина оккупанты уничтожили государственную самостоятельность белорусского народа и даже территориальную целостность республики. Осенью 1941 г. оккупированная территория Беларуси была разделена на отдельные части. Южные районы Гомельской, Полеской и Пинской областей, часть Брестской области были включены в рейхскомиссариат «Украина»; Белостокская область, северные районы Брестской и часть Барановичской областей отошли к округу «Белосток», который присоединялся к Восточной Пруссии; Витебская и Мо-

гилевская области, восточные районы Минской, а также большая часть Гомельской области были отнесены в зону тыла группы армий «Центр»; северо-западная территория современной Витебщины и Минщины (часть Ошмянского, Свирского, Видзовского, Островецкого, Сморгонского и Поставского районов) присоединили к генеральному округу «Литва». Следовательно, значительная часть территории Беларуси, главным образом восточная, входила в зону тыла группы армий «Центр». Частично южные ее районы оказались в тылу группы армий «Юг».

В генеральный округ «Беларусь» (генеральный комиссар В. Кубе, г. Минск) вошли Барановичская, Вилейская, Минская (без восточных районов), северные районы Брестской, Пинской и Полесской областей, что составляло (на 4 декабря 1941 г.) только треть территории Беларуси с населением в 3138256 человек. Разорвав целостность территории Беларуси и, вводя тем самым новые границы, нацисты считали, что это облегчит процесс преобразования ее в германскую колонию. Когда нацисты находились уже на белорусской земле, Гитлер 16 июля 1941 г. так разъяснял собственную политику: «Теперь перед нами стоит задача разрезать территорию этого громадного пирога так, как это нам нужно, с тем, чтобы, во-первых, господствовать над ней, во-вторых, управлять ею и, в-третьих, эксплуатировать ее» [11, с. 74]. Со времени оккупации вся система советского законодательства и управления на территории республики была уничтожена, это заставило немецкий военно-административный аппарат опираться на помощь прибывших в обозе наступающих германских частей лидеров белорусской эмиграции. Круг коллаборантов был незначителен: около 50 человек [12, с. 166–170]. В основном это были члены созданного еще в 1940 г. Белорусского комитета самопомощи, который вел вербовку белорусов, проживающих в Германии, Австрии, Польше, Чехословакии, для подрывной деятельности против СССР. Члены данной организации имели надежду, как и в 1918 г., на построение в Беларуси своей государственности путем военно-политического сотрудничества с германским руководством через местную оккупационную власть. Бывшие эмигранты приняли предложение германских спецслужб о создании структур управления из местного населения. Первым шагом создания смешанной администрации (сочетание немецкой законодательной и белорусской исполнительной власти) на занятой территории была так называемая Белорусская народная самопомощь (БНС). Возглавил эту инспирированную фашистами структуру руководитель пражского филиала Белорусского комитета самопомощи И. Ермаченко. Ему была поставлена задача оказать помощь германским властям в формировании оккупационной администрации в Генеральном комиссариате Беларуси. Подобные структуры создавались в областях и районах. В деревнях и селах для оказания помощи германским оккупационным властям в налаживании хозяйственной жизни из числа местного населения были назначены старосты,

в волостях – бургомистры. Разумеется, ни о какой самостоятельности БНС и его местных структур дело дойти не могло. Главной целью всех этих формирований являлась организация местного населения для выполнения военно-хозяйственных работ для нужд немецкой армии, вербовка и вывоз рабочей силы на территорию Третьего рейха. Они находились под тотальным контролем германских спецслужб и использовались для выявления политической благонадежности граждан, осуществления вербовки германской агентуры. Как свидетельствуют источники, лидер белорусских коллаборационистов И. Ермаченко при покровительстве В. Кубе стремился расширить ряды самопомощи за счет создания организаций в округах и на местах. Проводилась агитационная работа, выпускалось огромное число листовок и плакатов с призывом к жителям о сотрудничестве с германскими властями. В печатных средствах подчеркивалась освободительная миссия немецкой армии. Все средства массовой информации настойчиво внушали обывателю, что немцы – высшие представители нордической расы и поэтому являются прирожденными «строителями культуры», носителями «организационного гения» и «творческого начала государственности». Настойчиво проводилась идея о превосходстве немцев, прежде всего, над славянами.

В связи с возникшими серьезными сложностями на фронтах (уже после битвы под Москвой) и расширяющимся среди населения партизанским, подпольным и массовым сопротивлением германские власти и лидеры коллаборационистов вынуждены были думать о собственной защите. В этих условиях возникают проекты создания из местного населения Беларуси коллаборационистских организаций с другими функциями. В конце июня 1942 г. В. Кубе дал разрешение на учреждение Белорусского корпуса самообороны. Белорусов призывали к сотрудничеству с Великой Германией под руководством Адольфа Гитлера в борьбе против Москвы. Планировалось в каждом районе создать роты и батальоны этого корпуса. Приток добровольцев в подобные формирования многообещающих надежд не оправдал. В августе 1942 г. было набрано 560 чел., а спустя три недели вследствие дезертирства осталось только 180 чел. [13, с. 182]. Создать в Беларуси корпус самообороны так и не удалось, их бойцы расходились по домам, многие вступали в ряды партизан. Не станем утверждать, что в нашей республике во время оккупации было одно лишь геройство. Были люди, настроенные лояльно к немцам. Развернутая нацистами идеологическая обработка местного населения иногда (в первый период войны) находила отклик на призыв германских властей, что увеличивало состав коллаборационистских организаций. С нескрываемым раболепием и льстивым угодничеством относились к нацистам лидеры белорусской коллаборации. Однако большинство белорусов сопротивлялись коварным замыслам нацистов. Формируемые путем насилия другие коллаборационистские организации – полицейские батальоны, Белорусская рада доверия, Союз белорусской

молодежи, профсоюзные организации, Белорусская центральная рада и т.п. – для усиления оккупационного режима и борьбы с массовым подпольным и партизанским движением оказались малочисленными. Они, как и следовало ожидать, не пользовались авторитетом не только у населения Беларуси, но и у самих оккупантов. Попытки коллаборантов помочь оккупантам реализовать их нацистские планы, одновременно утвердиться во власти самим не могли быть изначально принятыми населением Беларуси. Об отношении жителей Беларуси к оккупантам, как только они там появились, и коллаборантским структурам можно узнать из закрытой переписки немецких спецслужб. Информация в Берлин из Беларуси была наполнена примерно таким содержанием: «надежд на то, что местные жители примут активное участие в мероприятиях немцев, очень мало, народ не ищет контактов с немцами» [14, с. 71–143]. Другого отношения к себе со стороны населения захватчики, конечно же, ожидать не могли. Несмотря на то, что в середине августа 1939 г. в нашей стране произошло полное прекращение публичной антифашистской пропаганды, это не ослабило антифашистских чувств советских людей. Сформированная в предшествующие годы ненависть к фашизму была необратима. В период Великой Отечественной войны оккупанты это чувствовали с первых дней. Генеральный комиссар генерального округа «Беларусь» В. Кубе, выступая перед доверенными лицами, утверждал: «Еще когда мы появились тут в августе 1941 г., мы должны были понять, что все то, что говорилось о Беларуси, не соответствует действительности... Фактом является то, что этот народ за 25 лет, с 1917 по 1941 г., сделал все же чрезвычайный шаг вперед». Как политик и идеолог германского нацизма, занимая высокую должность, В. Кубе, понятно, был в выражениях сдержан, но, как показали дальнейшие события, он чувствовал, что подавляющее большинство жителей республики ненавидят фашизм, как и подобает патриотам, будут защищать свою страну. Гауляйтер понимал, что только репрессивными мерами вовлечь Беларусь в геополитические планы Германии невозможно, но его политика на оккупированной территории не могла войти в противоречие с национал-социалистической идеологией и убеждениями Гитлера. Именно за преданность и послушание А. Гитлеру он был назначен на должность генерального комиссара Беларуси.

Для населения Беларуси просматривалась нерадостная перспектива: 75% жителей подлежало уничтожению или выселению с занимаемой территории, 25% – онемечиванию. Согласно генеральному плану переселение белорусов должно было осуществляться в Западную Сибирь, на Урал, в районы Северного Кавказа; полное онемечивание должно было произойти путем перемещения их в Германскую империю, и там жители республики должны были использоваться в качестве рабочей силы в сельском хозяйстве и промышленности.

В течение всего периода оккупации фашисты педантично осуществляли политику геноцида – плано-

мерного уничтожения целых групп населения по тем или иным мотивам: из-за принадлежности к советским активистам, членству в политических партиях и молодежных организациях (ВКП(б), ЛКСМБ), по национальному признаку – евреям, цыганам и т.д. Особенно агрессивной и бескомпромиссной была политика нацистских идеологов к партийно-советским активистам. Задача ставилась четко и ясно: «Мы должны вырвать их мозг, мы должны уничтожить их культурный слой» [15, с. 25]. Это было не просто пропагандистское заявление, это была целая программа действий. Подобные действия не расходились со словами Гитлера, которые он произнес еще 30 января 1939 г.: «Результатом войны будет ... уничтожение еврейской расы в Европе». Что касается не немецкого населения Востока, то они должны были стать рабами, их обучение «не должно быть выше, чем четырехклассная народная школа. В этой народной школе должны учить лишь простому счету до пятисот, написанию своего имени и тому, что Господь Бог требует слушаться немцев». Даже умение читать для славянского населения Гитлер считал излишним. Указаниям Гитлера беспрекословно подчинялись структурные учреждения, созданные немцами на оккупированной территории. Глава политического отдела Генерального комиссариата Беларуси Мирш при назначении на этот пост заявил: «Мы идем в Беларусь как господствующая раса. Ни один из нас не должен там ничего делать, даже сам носить портфель (!). Трогуары только для нас, народ обязан ходить по грязи, мы пришли в эту страну, обладая сведениями, что найдем здесь примитивный, отсталый, провинциальный народ, которым можно управлять простыми средствами» [16, с. 194]. Фашизм создал армию жестоких, послушных солдат. Умение подавлять в себе добрые чувства, беспрекословно подчиняться приказам воспитывалось в этой стране уже в школах. Для этого, как приводит пример один из узников фашистских концлагерей, «школьникам давали задания выращивать кроликов, ставили оценку за чистоту содержания животного, поощряли привязанность ребенка к животному и, когда любовь маленького человека достигала высшей фазы, отдавали приказ зарезать своего друга. Эта детская подготовленность формировала хобби и идеал человека, способного убивать, насиловать, грабить, жечь живьем людей» [17, с. 14]. Идеологические установки и моральные качества оккупантов не позволяли им понимать и воспринимать духовно-культурные традиции и ценности жизненного уклада белорусского народа. Усвоив ортодоксальные расовые идеи о превосходстве германской нации, захватчики руководствовались именно этими вульгарными представлениями. Большинство чиновников администраций оккупационных органов связывали свою службу с корыстными целями, активно участвовали в грабеже материальных и культурных ценностей, занимались развратом, насилием, пьянством, отдавали приказы о массовых расправах над мирным населением. Белорусский народ ожидала, по существу, трагическая судьба. Его хотели лишить

не только национальной государственности, дело сводилось к подрыву биологической основы и исчезновению белорусов с исторической авансцены.

Заключение. Подводя итог рассматриваемым в исследовании вопросам, отметим, что важнейшей причиной, которая привела народы мира ко Второй мировой войне, было эгоистическое поведение руководителей ведущих стран Европы. Правящие деятели Англии и Франции (в русле их политики находились и другие страны) близоручко попустительствовали Германии. Такие действия подрывали возможности формирования антигитлеровской коалиции и привели к трагическим последствиям. Нацистское руководство в союзе с Италией и Японией последовательно проводило политику завоевания мирового господства. Переговоры между СССР, Англией, Францией, другими странами о противодействии агрессорам как феномен международных отношений оказались идеей упущенных возможностей. В конкретных обстоятельствах начала Второй мировой войны, в условиях фактического разгрома польской армии и распада польской государственности, 17 сентября 1939 г. начался освободительный поход Красной Армии в Западную Беларусь. В ноябре этого же года произошло воссоединение Западной Беларуси с БССР. В целом это положительно сказалось на развитии белорусской государственности. Несмотря на трудности и деформации, которые имели место в период социалистических преобразований в СССР, воссоединение Западной Беларуси с Восточной следует однозначно признать актом исторической справедливости. Беларусь впервые за всю историю стала территориально целостным государством, и это явилось важным фактором стремительного национально-государственного развития, общего поступательного движения белорусского народа по пути прогресса и укрепления его национальной государственности. Из вышесказанного также вытекает, что геополитическая стратегия нацистской Германии детально определяла место каждого народа в будущей германской империи. Как указывали нацистские лидеры и германские аналитики, Беларусь со своей отсталостью в экономическом и культурном отношении (среди республик СССР) не сможет создать жизнеспособное государственное образование. Заняв территорию БССР, оккупанты уничтожили советскую государственность республики, разрушили ее территориальную целостность. С помощью коллаборантов они проводили здесь политику колонизации, расширения для себя жизненного пространства. Несмотря на террор, насилие, пропаганду против Советов и коммунистической идеологии, их планы оказались мифическими, основные силы белорусов в это тяжелое время были сторонниками сохранения белорусского национального государства и советского государственного строя.

Литература

1. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002 гг. / З. Шыбека. – Мінск, 2003; Суворов, В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? / В. Суворов. – М., 1992.
2. Соколов, В.В. Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди / В.В. Соколов; сост. Н.В. Попов. – М., 1989.
3. Год кризиса 1938–1939: документы и материалы. – Т. 2. – М., 1990.
4. Новік, Я.К. Гісторыя Беларусі. Ад старажытных часоў па 2010 г.: вучэб. дапаможнік / Я.К. Новік, Л. Качалаў, Н.Я. Новік; пад рэд. Я.К. Новіка. – 3-е выд., дапр. – Мінск: Выш. шк., 2011; Павлов, Я.С. «Болевые точки истории Беларуси (из научного наследия)» / Я.С. Павлов. – Минск, 1997.
5. Риббентроп, И. фон. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи: Из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп / И. фон Риббентроп; пер. с нем. Г.Я. Рудого; предисл. И.Г. Усачева. – М.: Мысль, 1996.
6. История белорусской государственности: в 5 т. – Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома Н.Б. Нестерович; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2019.
7. Дашичев, В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы: в 4 т. / В.И. Дашичев. – М., 2005. – Т. 3.
8. Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза от 16 июля 1941 г. // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост.: Г.Ф. Заставенко (рук.) и др.; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985.
9. Приказ Гитлера о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях от 17 июля 1941 г. // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост.: Г.Ф. Заставенко (рук.) и др.; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985.
10. Нюрнбергский процесс: сб. материалов в 8 т. – Т. 3. – М., 1989.
11. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Н. Мюллер. – М., 1974.
12. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. – М., 1995. – Т. 1, кн. 2.
13. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8–10 апреля 1943 года). – Минск, 2006.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1440. Оп. 3. Д. 1035.
15. Лацис, В. Великая Отечественная война и задачи интеллигенции Советской Латвии / В. Лацис. – Рига, 1945.
16. НАРБ. – Фонд 1440. Оп. 3. Д. 978.
17. Обрыньба, Н. Судьба ополченца / Н. Обрыньба. – М.: Якуз, Эксмо, 2005.

Поступила в редакцию 13.05.2020

Материнство в государственной политике и повседневной практике женщин БССР в 1944 — начале 1950-х гг.

Николаева И.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск*

По причине демографического кризиса, разразившегося в СССР в результате Великой Отечественной войны, материнство оказалось в сфере особого внимания государственной идеологии, а его защита — одной из приоритетных задач социальной политики в послевоенный период.

Цель статьи — проанализировать государственную политику в БССР по поддержке материнства и практику ее реализации в повседневной жизни в первые годы после освобождения от нацистской оккупации и окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. Основой исследования послужили документы фондов Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Витебской области, которые освещают деятельность партийных организаций и советских органов по реализации государственной политики по охране материнства в 1944 — начале 1950-х гг. Использованы такие методы исторического познания, как историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективный.

Результаты и их обсуждение. Уже на исходе войны и в первые годы после ее окончания в сложной демографической ситуации государство пыталось моральными, материальными, правовыми методами стимулировать рождаемость, повысить престиж женщины-матери в обществе, создать необходимые условия для совмещения материнства с трудовой деятельностью.

Заключение. Практическое воплощение государственных проектов в сфере охраны материнства в БССР в условиях повсеместной послевоенной разрухи и всеобщего дефицита сталкивалось с большими трудностями. Реалии повседневных практик послевоенного общества нередко вели к переносу ответственности за детей на самих женщин-матерей, заставляя их осуществлять собственные стратегии по адаптации к проблемам.

Ключевые слова: материнство, рождаемость, государственная политика, женщины, дети, повседневность, Великая Отечественная война.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 75–79)

Maternity in the State Policy and Women Everyday Practice in the BSSR in 1944 – the Early 1950-s

Nikolayeva I.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Due to the demographic crisis in the USSR after the Great Patriotic War, maternity turned out to be the sphere of special attention of the state ideology while its protection became one of the priority tasks of the social policy in the post War period.

The research purpose is to analyze the state policy in the BSSR on maternity support as well as the practice of its implementation in everyday life and in the first years after the liberation from Nazi occupation and the end of the Great Patriotic War.

Material and methods. Documents of the National Archive of the Republic of Belarus funds and the State Archive of Vitebsk Region which highlight the activities of the Party and Soviet bodies on the implementation of the state policy of maternity protection in 1944 – the early 1950-s became the research base. Such methods of historical cognition as the historical genetic, historical comparative and the retrospective were used.

Findings and their discussion. At the end of the War and in the first years after it in the difficult demographic situation the state tried using moral, material, legal methods to stimulate childbirth, to raise the prestige of the woman-mother in the

society, to create necessary conditions for the combination of maternity with employment.

Conclusion. *The practical implementation of state projects in the sphere of maternity protection in the BSSR in the conditions of the post War devastation and general deficiency confronted serious difficulties. Everyday practice realities of the post War society often resulted in the shift of the responsibility for children onto women-mothers, thus making them carry out their own adaptation strategies.*

Key words: *maternity, childbirth, state policy, women, children, everyday life, the Great Patriotic War.*

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 75–79)

Великая Отечественная война привела не только к огромным людским потерям, но и резко снижению рождаемости в военные годы. Разразившийся после войны общий демографический кризис усугублялся сложившейся значительной диспропорцией в структуре населения в пользу женщин, что лишало многих из них потенциальных брачных партнеров и возможности иметь детей. Главной же заботой власти являлась необходимость быстрого и значительного воспроизводства населения, которое не удовлетворяло потребности экономического и социального развития страны. Поэтому демографическая политика стала объектом пристального внимания государства уже сразу после освобождения территории СССР от нацистской оккупации. Улучшение демографической ситуации требовало принятия специальных мер для стимулирования рождаемости. В этой связи материнство оказалось в сфере особого внимания государственной идеологии, а его защита — одной из приоритетных задач социальной политики в послевоенный период.

Цель статьи — проанализировать государственную политику в БССР по поддержке материнства и практику ее реализации в повседневной жизни в первые годы после освобождения от нацистской оккупации и окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. Основой исследования послужили документы фондов Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Витебской области, которые освещают деятельность партийных организаций и советских органов по реализации государственной политики по поддержке материнства в 1944 — начале 1950-х гг. Методологическую базу составили научные принципы историзма, объективности и системности. В работе был использован комплекс общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-исторических (историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективный) методов, позволивших охарактеризовать предпринимаемые государством меры в отношении охраны материнства и оценить действенность системы социальной защиты женщин-матерей в изучаемый период.

Результаты и их обсуждение. Политика, проводившаяся в БССР в послеоккупационный период Великой Отечественной войны и сразу после ее окон-

чания, не была самостоятельной, а определялась центральными органами власти в Москве. Призванные способствовать восстановлению тяжелых демографических потерь, а также укреплению социального статуса женщин-матерей административно-правовые, экономические, пропагандистские и другие мероприятия выдерживались в русле общесоюзной политики.

Повышение социальной значимости рождения и воспитания детей определило важность материнской функции женщин, которая стала объектом государственного регулирования в том числе с помощью идеологических институтов. Материнство в официальном дискурсе представлялось как высшее призвание каждой женщины и ее долг перед государством. Весомую роль в продвижении идеологии «обязательного» материнства играла его пропаганда. Приоритетным кодом в репрезентациях женщин уже на исходе войны становится не только их ударный труд с целью скорейшего восстановления разрушенной войной республики, но и материнство. Нуждаясь, как никогда, в женщинах на производстве, государство одновременно не могло себе позволить ослабить роль женщины и в сфере воспроизводства, чтобы как-то справиться с пугающими демографическими изменениями. В решение задачи содействия повышению народонаселения активно включились средства массовой информации, которые все более активно выводили на первый план образы женщин-матерей. Сразу после освобождения республики от нацистской оккупации на страницах республиканских изданий звучат хвалебные слова в адрес женщин, которые «с честью выполняют свою священную обязанность матери», воспитание детей приравнивается к государственным и общественным заслугам, «благородному подвигу» [1].

На законодательном уровне внимание государства направлялось на обеспечение заботы о матерях, о чем свидетельствует Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Матеро-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава”, и медали “Медаль материнства”» [2]. Согласно данному правовому акту, матерям, которые имели двоих детей, при рождении третьего ребенка предоставлялось единовременное пособие, при наличии трех детей и рожде-

нии четвертого и последующих детей (до достижения ими пятилетнего возраста) – единовременное и ежемесячное пособие на каждого последующего ребенка.

Указ устанавливал увеличение вдвое нормы дополнительного продовольственного пайка начиная с шестого месяца беременным женщинам и кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления. Руководители предприятий и учреждений обязывались выдавать дополнительно этим категориям работников продукты из подсобных хозяйств. Рабочим и служащим также увеличивался оплачиваемый отпуск по беременности и родам с 63 до 77 дней. Продолжительность его определялась в 35 дней до и 42 дня после родов [3, л. 18]. Вместе с тем данные меры, предусматриваемые Указом, не затронули крестьянок, которые составляли основную часть женского населения. Определенные льготы для беременных и кормящих предусматривались для женщин-колхозниц лишь Уставом сельскохозяйственной артели (утвержден в 1935 г.). За месяц до родов и за месяц после родов они должны были освобождаться от работы с сохранением за ними содержания на эти 2 месяца в половинном размере средней выработки или трудодней [4, л. 159].

Ввиду демографического дисбаланса по полу государство поощряло матерей-одиночек, устанавливая выплату ежемесячных пособий не состоящим в браке женщинам на содержание ребенка, родившегося после издания Указа, до 12-летнего возраста. При этом раздел V Указа «Об изменениях в законах о браке, семье и опеке» вносил серьезные поправки в семейное законодательство. В частности, устанавливалось, что «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов», и отменялось «существующее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке» [2]. Фактически освобождая мужчин от ответственности за внебрачную связь, Указ перекладывал всю тяжесть ее последствий целиком и полностью на женщин. Сложившиеся же после войны демографические реалии значительно увеличили долю внебрачных рождений. По имеющимся оценкам, если в 1945 г. в СССР было 281,7 тыс. одиноких матерей, то в 1957 г. уже 3312 тыс. [5, с. 168–169].

Пропаганда содержания Указа и его выполнение стали на протяжении 1940-х гг. сферой повышенного внимания как партийных организаций республики, так и органов юстиции. Райисполкомы, партийные комитеты всех уровней вели работу по организации точного учета многодетных и одиноких матерей с последующей выплатой им пособий, открытию магазинов для беременных женщин и кормящих матерей. Держали эти вопросы на контроле и женотделы, созданные в 1946 г. при партийных комитетах западных областей БССР для работы среди женщин [6, л. 14]. Важной сферой их ответственности стали разъяснение населению западных областей советских законов по охране

материнства и младенчества, принятие мер по обеспечению женщин и детей всем тем, что им было положено соответственно постановлению правительства.

На конец 1945 г. уже 45,9 тыс. многодетных матерей, с четырьмя и более детьми, получали ежемесячное государственное пособие. Кроме того, 14,2 тыс. матерей, имеющих двух детей, получили единовременное пособие при рождении третьего ребенка [7, с. 247]. Вместе с тем необходимо отметить, что на местах как со стороны финансовых органов, так и торгующих организаций имелся ряд недостатков в выполнении Указа [8, с. 76]. С одной стороны, несвоевременное оформление документов на получение госпособия многодетным и одиноким матерям и задержка выплат, случаи невыдачи продуктов питания пайка беременным и кормящим в ситуации повсеместной разрухи, всеобщего послевоенного дефицита зачастую имели объективные причины, связанные с нехваткой людей, транспорта, товаров и продуктов на местах. Нередки были случаи, когда матери были вынуждены неоднократно за много километров ходить в райцентр за получением госпособия [6, л. 10]. Несмотря на многочисленные ошибки в работе местных органов социального обеспечения, а также проблемы финансирования, отмечался неуклонный рост объемов выдачи государственных пособий многодетным и одиноким матерям: в 1944 г. общая сумма по БССР составила 10 599 тыс., в 1945 г. – 117 525 тыс., до конца 1950 г. всего было выплачено 859 927 тыс. рублей [9, л. 45]. В то же время имели место прецеденты, когда при выплате матерям госпособий погашали недоимки по разным налогам, числящимся за их хозяйствами; наблюдалась практика принудительного зачисления на вклады в сберкассы сумм, причитающихся матерям по госпособиям [6, л. 11]. Органы юстиции должны были реагировать на факты жалоб по всем вопросам, касающимся пособий, на виновных работников соответствующих отделов накладывались административные взыскания [10, л. 204].

Государственная помощь, предусмотренная Указом, должна была гарантировать необходимый материальный минимум для обеспечения рожденного ребенка, однако эти меры не могли служить серьезным материальным подспорьем для многодетных матерей, на плечи которых легла основная забота по содержанию и выживанию их детей в экстремальных ситуациях недоедания, жилищной неустроенности, борьбы с болезнями послевоенного периода. Фактически признанием трудностей, с которыми приходилось сталкиваться многодетным матерям при рождении и воспитании их детей, стало установление Указом почетного звания «Мать-героиня» для женщин, родивших и воспитавших десять детей и более, а также ордена «Материнская слава» и «Медали материнства» для матерей с пятью и более детьми. Введенная впервые в отечественной истории особая награда для женщин-матерей в то же время должна была стать нематериальным поощрением многодетности в сложной для страны демографической

ситуации. Всего по республике за 1944–1947 гг. были удостоены почетного звания 866 женщин, вручено 20 242 ордена и 55 377 медалей [11, л. 145].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года также предусматривалось утверждение плана по улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей. Уже в послеоккупационный военный период в республике предпринимались огромные усилия по восстановлению разрушенных и строительству новых женско-детских консультаций, при которых специально выделялось оборудование молочных кухонь [12, л. 191; 13, л. 58]. Однако, как свидетельствуют отчеты Наркомздрава БССР, кухни, первоначально организованные во всех крупных городах республики для производства необходимого диетического питания для младенцев и детей младшего возраста, снабжались продуктами с большими перебоями, а некоторые из них вскоре были закрыты из-за отказа горторготделов обеспечить их молоком, сахаром, крупами и маслом [8, с. 76].

Значительные трудности имелись и в восстановлении сети профильных медицинских учреждений, укомплектовании их кадрами и обеспечении санитарно-хозяйственным имуществом. Постановление СНК БССР от 10 января 1945 г. «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей» предусматривало целый комплекс мер по развертыванию и улучшению работы родовспомогательных учреждений [8, с. 77]. Согласно статистическим данным, число родильных коек в республике постоянно увеличивалось: на 1 января 1945 г. их было развернуто 1 924, а на конец 1945 г. функционировало уже 3 155 врачебных и акушерских коек для беременных женщин и рожениц. Однако это составляло только 59% от уровня 1940 г., который не был достигнут даже в 1950 г., когда число данных коек увеличилось до 4 368 [7, с. 238; 10, л. 186; 14, с. 378]. По итогам проверки исполнения решения Совета Министров БССР от 14 июля 1949 г. «О мерах по расширению сети детских учреждений и родильных домов» была дана неудовлетворительная оценка работе по родовспоможению и патронату беременных женщин. Было установлено, что родильные дома, женско-детские консультации, которые работали преимущественно в городах, в большинстве случаев размещались в тесных, малоприспособленных зданиях. В 1949 г. 68% женщин, проживающих в сельской местности, рожали на дому, нередко без медицинской помощи [15, л. 144–147].

В то же время усилия государства по охране материнства и организации помощи женщинам-матерям со стороны местных органов власти способствовали уже в конце войны компенсации крайне низкой рождаемости в 1942–1944 гг. Однако, несмотря на принимаемые меры помощи женщинам-матерям, довоенный уровень рождаемости не только не был достигнут, но даже уменьшился в 1950 г. на 5% по сравнению с 1940 г. [16, с. 22]. Не способствовал ему и

жесткий контроль государства над «репродуктивными правами» женщин в виде запретных мер на проведение аборт. С 1936 г. они разрешались только в исключительных случаях по решению врачебной комиссии, что привело к криминализации в этой сфере. Так как наравне с традиционными малоэффективными мерами предупреждения беременности часто в условиях недоступности средств контрацепции аборт оставался одним из основных способов регулирования рождаемости. Указ от 8 июля 1944 г. требовал от органов прокуратуры привлекать к ответственности виновных в незаконном производстве аборт. По данным Наркомздрава БССР в 1945 г. каждый десятый аборт носил криминальный характер, в связи с чем суду было передано 240 лиц [17, с. 544]. Результаты же изучения дел по нелегальным абортам свидетельствовали, что в большинстве своем к прекращению беременности подобным образом прибегали женщины, уже имеющие на воспитании 2–3 детей, а в своих объяснениях они ссылались на тяжелые материальные и жилищные условия. В свою очередь, архивные документы констатируют большое количество криминальных операций, после которых женщины длительно болели, оставались инвалидами или даже умирали. Только в 1949–1950 гг. в республике было зафиксировано 150 смертельных случаев от внебольничных аборт [15, л. 152, 155]. В связи с отсутствием официальной статистики трудно подсчитать, сколько женщин рисковали своим здоровьем, нередко утрачивая способность иметь в дальнейшем детей, до того, как в 1955 г. аборты были легализованы.

В условиях массового вовлечения женского населения в производство и сельское хозяйство одной из форм государственной поддержки материнства стало восстановление сети детских садов и яслей. До войны в Беларуси насчитывалось 1 006 детсадов, в которых воспитывалось 54 800 детей дошкольного возраста. Кроме того, в летний период действовали детские площадки, которыми было охвачено 84 тысячи детей колхозников. К концу 1944 г. на освобожденной территории был восстановлен 201 детсад с количеством детей 11 538 [11, л. 73]. В сельской местности местные органы власти пытались решить вопросы присмотра за детьми колхозниц, организуя уже весной 1944 г. детские ясли и детские площадки на время полевых работ [18, л. 101]. Соответствующие планы по обеспечению развертывания сети детских дошкольных учреждений были приняты по областям с целью исполнения Указа СНК БССР от 10 января 1945 г. [19, с. 120–121]. Однако, несмотря на дальнейший рост сети дошкольных учреждений, даже к 1950 г. в городах только на 20% была восстановлена сеть детских садов и на 45% яслей, а в селах соответствующие детские учреждения составляли лишь 1% к довоенному уровню [20, л. 7].

В ситуации повсеместной нехватки детских дошкольных учреждений совмещение материнства и трудовой деятельности стало серьезной проблемой для женщин. Даже матери-одиночки не всегда могли

реализовать гарантируемое Указом от 8 июля 1944 г. право поместить в детское учреждение ребенка на воспитание и содержание, предусмотренное полностью за государственный счет [21, л. 58]. Многие матери вынуждены были брать детей с собой на работу или оставлять их дома без присмотра [15, л. 142–143]. Как свидетельствуют аналитические отчеты, представленные в местные и республиканские органы власти, высокий процент осужденных женщин по отдельным видам преступлений, таким как невыработка установленного минимума трудодней в колхозах (71% к числу всех осужденных в республике по этой категории), совершение прогула без уважительной причины (35,3%), стал следствием, главным образом, отсутствия на многих предприятиях и в подавляющем большинстве колхозов яслей и детских садов. Основная часть женщин-колхозниц, привлекавшихся к ответственности из-за невыполнения обязательного минимума трудодней, – это матери-одиночки, имевшие на иждивении малолетних детей [15, л. 150–151].

Хотя государство и приняло определенные законодательные меры, защищающие женщину-мать и способствующие совмещению материнства и трудовых функций, такие как запрещение привлекать беременных, начиная с четвертого месяца беременности, на сверхурочные работы, а кормящих женщин с грудными детьми – к работам в ночное время [2], на практике при этом, как отмечалось в подготовленной в феврале 1951 г. женотделом ЦК КП(б)Б справке, наблюдалось массовое нарушение законодательства, многие работницы предприятий, готовящиеся к материнству или уже заботившиеся о своем грудном ребенке, испытывали затруднения в профессиональной деятельности и в отсутствии необходимых условий для выполнения своих трудовых обязанностей вынуждены были переходить на другую, менее оплачиваемую работу [15, л. 147].

Заключение. Таким образом, уже на исходе войны и в первые годы после ее окончания государство пыталось моральными, материальными, правовыми методами стимулировать рождаемость, повысить престиж женщины-матери в обществе, однако практическое воплощение государственных проектов в сфере охраны материнства в БССР наталкивалось на реальную послевоенную действительность, и реализовывались они с большими трудностями. В условиях повсеместной разрухи механизм государственной власти не смог гарантировать предоставление льгот всем беременным женщинам и матерям с детьми, создать необходимые условия для совмещения материнства и трудовой деятельности. Финансовая и натуральная помощь, имевшаяся социальная инфраструктура (медицинские, детские дошкольные учреждения) не всегда соответствовали потребностям матерей. Реалии повседневных практик послевоенного общества нередко вели к переносу ответственности за детей на самих женщин, заставляя их осуществлять собственные стратегии по адаптации к проблемам, которые

помогли бы обеспечить выживание их ребенка: укрепить здоровье, спасти от голода, «достать» товары и организовать быт в условиях их дефицита.

Литература

1. Слава советской матери! // Звезда. – 1944. – 14 лист. – С. 1; Советская женщина в борьбе за свободу и независимость Радзімы // Звезда. – 1945. – 8 сак. – С. 2.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – № 37.
3. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. Оп. 49. Д. 13.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. Оп. 49. Д. 29.
5. Харчев, А.Г. Брак и семья в СССР / А.Г. Харчев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. Оп. 49. Д. 16.
7. Белорусская ССР за 50 лет: стат. сб. / [Центр. стат. упр. при Совете Министров БССР ЦСУ БССР]. – Минск: Беларусь, 1968. – 260 с.
8. Освобожденная Беларусь. Документы и материалы: в 2 кн. Кн. 2. Январь – декабрь 1945 / сост. В.И. Адамуско [и др.]. – Минск: НАРБ, 2005. – 506 с.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. Оп. 49. Д. 34.
10. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. Оп. 49. Д. 21.
11. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. Оп. 49. Д. 20.
12. Государственный архив Витебской области. – Фонд 1-п. Оп. 1. Д. 21.
13. Государственный архив Витебской области. – Фонд 10060-п. Оп. 1. Д. 540.
14. Белорусская ССР за годы Советской власти: стат. сб. / [Центр. стат. упр. при Совете Министров БССР ЦСУ БССР]. – Минск: Беларусь, 1967. – 404 с.
15. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. Оп. 49. Д. 32.
16. Женщины Беларуси в зеркале эпохи. Национальный отчет. – Минск: Представительство ООН/ПРООН в Республике Беларусь, 1997. – 125 с.
17. Тищенко, Е.М. Восстановление здравоохранения Беларуси в 1942–1945 гг. / Е.М. Тищенко // Беларусь: памятное лето 1944 года: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от нем.-фашист. захватчиков, Минск, 19–20 июня 2014 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Мин-во обороны Респ. Беларусь; редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2015. – С. 537–544.
18. Государственный архив Витебской области. – Фонд 1-п. Оп. 1. Д. 19.
19. Гродненская область в документах и материалах (1944–1995 гг.) / сост.: Л.И. Юнина [и др.]. – Слоним: ГОУПП «Слон. тип.», 2004. – 432 с.
20. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. Оп. 49. Д. 30.
21. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. Оп. 49. Д. 1.

Поступила в редакцию 25.05.2020

Эволюция базовых понятий, характеризующих археологическое наследие, в законодательствах БССР и Республики Беларусь

Юрчак Д.В.

Управление культуры Витебского облисполкома, Витебск

В статье отражена эволюция основных понятий, определяющих виды и особенности археологического наследия и закрепленных на уровне действующего законодательства, в БССР и Республике Беларусь.

Цель статьи — проанализировать изменения подходов к определению ключевых понятий законодательства в вопросах охраны археологического наследия в период с 1919 по 2017 г.

Материал и методы. В основу данной публикации положены основные нормативно-правовые акты БССР, РСФСР, СССР и Республики Беларусь, касающиеся вопросов сохранения археологического наследия. В процессе обработки материала применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение и др.) и частные методы исследования. Среди последних историко-генетический, историко-сравнительный, сравнительно-правовой и анализ нормативно-правовых актов.

Результаты и их обсуждение. Первые попытки определения ключевых понятий, устанавливающих археологическое наследие, носили описательный характер и были сделаны еще в первые десятилетия советской власти, в дальнейшем они неоднократно дополнялись и уточнялись. При этом базовой категорией оставалось понятие «памятник археологии». В Республике Беларусь в ходе поэтапных изменений законодательства данная категория стала использоваться только к объектам историко-культурного наследия. В сфере охраны археологического наследия основными понятиями стали «археологические объекты» и «археологические артефакты».

Заключение. В отечественном праве с 1919 по 2017 г. произошла существенная эволюция концептуальных подходов в определении ключевых понятий археологического наследия и их дефиниций. В советский период основной и единственной категорией было понятие «памятник археологии», определению которому давалось путем перечисления основных видов подобных объектов. В Республике Беларусь терминологический аппарат в рассматриваемой сфере постепенно получил дальнейшее развитие. В частности, были выделены движимые (археологические артефакты) и недвижимые (археологические объекты) виды наследия, четко разграниченные между собой. Также были установлены возможности их отнесения к памятникам археологии. В дефинициях понятий наблюдалось вытеснение прежних советских подходов, которые заменялись четкими критериями, отличающими каждую категорию.

Ключевые слова: Беларусь, археология, культурное наследие, археологическое наследие, законодательство.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 80–86)

The Evolution of the Basic Concepts that Characterize the Archaeological Heritage in the Legislation of the BSSR and the Republic of Belarus

Yurchak D.V.

Culture Department of Vitebsk Regional Executive Committee, Vitebsk

The article reflects the evolution of the basic concepts that determine the types and characteristics of the archaeological heritage and are fixed at the level of current legislation in the BSSR and the Republic of Belarus.

The purpose of the article is to analyze changes in approaches to the definition of key concepts of legislation in the protection of archaeological heritage from 1919 to 2017.

Material and methods. The article is based on the basic regulatory acts of the BSSR, the RSFSR, the USSR and the Republic of Belarus, which are related to the conservation of the archaeological heritage. In processing the material, general scientific (analysis, synthesis, comparison, etc.) and special research methods were used. Among the latter are the historical genetic, historical comparative, comparative legal and analysis of legal acts.

Адрес для корреспонденции: e-mail: kajuga@list.ru — Д.В. Юрчак

Findings and their discussion. The first attempts to determine the basic concepts that define the archaeological heritage were descriptive and were made in the first decades of the Soviet power; they were further repeatedly supplemented and refined. While the basic category remained the concept of “a monument of archeology”. In the Republic of Belarus during step by step changes in legislation, this category began to be used only for objects of historical and cultural heritage. In the field of archaeological heritage protection, the main concepts are “archaeological sites” and “archaeological artifacts”.

Conclusion. In domestic law from 1919 to 2017, there was a significant evolution of conceptual approaches in determining the key concepts of the archaeological heritage and their definitions. In the Soviet period, the main and only category was the concept of “a monument of archeology”, the definition of which was given by listing the main types of such objects. In the Republic of Belarus, the terminological apparatus in this area gradually received further development. In particular, movable (archaeological artifacts) and immovable (archaeological objects) heritage types were clearly distinguished. The possibilities of their classification as archeological monuments were also identified. In the definitions of concepts, there was a crowding out of previous Soviet approaches, which were replaced by clear criteria that distinguish each category.

Key words: Belarus, archeology, cultural heritage, archaeological heritage, legislation.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 80–86)

В настоящее время вопрос сохранения археологического наследия становится весьма популярным. Этой части объектов культурного наследия уделяется особое внимание со стороны государства посредством активного развития законодательства в данной сфере, а также со стороны общества, которое всё чаще в СМИ, социальных сетях и прямых обращениях в государственные органы поднимает проблему сохранения археологического наследия при проведении строительных и земляных работ, а также уничтожения археологических объектов при незаконных раскопках.

При этом важную роль в формировании единого образа подходов в данной сфере играет выработка единой терминологической базы, которая бы использовалась в законодательстве и правоприменении, делала максимально простыми и понятными правоотношения. Проследив эволюцию ключевых понятий, мы сможем в исторической ретроспективе увидеть изменения концептуальных подходов и ключевых категорий, определяющих виды археологического наследия в белорусском и советском законодательствах. Это делает данную статью актуальной и своевременной.

Цель исследования – проанализировать изменения подходов к определению ключевых понятий законодательства в вопросах охраны археологического наследия в период с 1919 по 2017 г.

Данная проблематика практически не освещалась в отечественной науке. Исключением можно считать публикации профессора И.Э. Мартыненко, который специализируется на юридических аспектах сохранения историко-культурного наследия. Однако этот вопрос, находящийся на стыке истории, юриспруденции и филологии, не затрагивался в его работах.

Материал и методы. При подготовке статьи активно использовались основные нормативно-правовые акты БССР, РСФСР, СССР и Республики Беларусь, касающиеся вопросов сохранения археологического наследия. В процессе обработки материала применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение

и др.) и частные методы исследования. Среди последних уместно назвать историко-генетический, историко-сравнительный, сравнительно-правовой и анализ нормативно-правовых актов.

Результаты и их обсуждение. Первым советским нормативно-правовым актом, регулировавшим вопросы сохранения объектов наследия, в котором предпринята попытка дефиниции ключевых археологических категорий, стал Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», принятый 7 января 1924 г. В нем предписывалось, что «должны быть установлены достаточные меры к охране археологических памятников (курганов, городищ, стоянок и т.п.) с тем, чтобы не производились никакие действия, разрушающие целостность означенных памятников...» [1, с. 4].

Тем самым изначально в советском праве и повседневной практике был сделан акцент на определении, в котором просто перечислялись виды памятников. А основным понятием, которое начали использовать в законодательстве в отношении объектов археологического наследия, становится «памятник археологии». Именно эта категория стала основной в советское время.

Во исполнение данного Декрета была принята Инструкция Народного Комиссариата Просвещения «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы», отдельный раздел которой касался памятников археологии. Согласно документу на исполнительные комитеты автономных республик и областей и подведомственные им местные органы возлагалась обязанность «принимать действительные меры к охране археологических памятников: древних курганов, городищ, плотинных жилищ, стоянок, остатков древних городов, стен, земляных валов, рвов, отдельных древних могил, древних могильников и надмогильных сооружений (дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы и проч.), древних рисунков и надписей, высеченных на камне, мест находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов) и проч.» [1, с. 10].

Одновременно с российским законодательством так называемого «ленинского периода», заложившим основу общесоюзного, шло формирование и белорусского. 24 декабря 1923 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров БССР «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства, старины, быта и местностей природы, находящихся во владении учреждений и обществ, а также частных лиц». В дополнение к этому нормативно-правовому акту было принято циркулярное распоряжение наркомпроса, наркомзема и НКВД БССР от 31 августа 1924 г. о порядке применения постановления совнаркома. Согласно ему старинные курганы, городища, древние кладбища, развалины замков, церквей, селений, остатки старинных укреплений в виде насыпных валов, каменных стен, вырытых рвов, мавзолеев, камней с надписями и знаками и т.п. являются государственным достоянием и запрещается их раскапывать и разбирать, чем бы эта потребность не вызывалась [2]. Отдельной категории в отношении памятников археологии в белорусском законодательстве на тот момент еще не использовалось.

5 июля 1926 г. Совет Народных Комиссаров БССР принял постановление «О порядке охраны памятников старины, искусства, быта и природы, объявленных государственным достоянием», согласно которому отдельным видом памятников стали *памятники археологии*, под которыми понимаются «*древние курганы, городища, надмогильные сооружения и т.д.*» [3]. Тем самым в нормативно-правовом акте опять делался акцент на перечислении основных видов памятников археологии. Все эти тенденции сохранялись в довоенный период и не претерпели существенных изменений.

Более детально данный принцип был использован в постановлении ВЦИК, СНК РСФСР от 10 февраля 1934 г. «Об охране археологических памятников», в котором под *археологическими памятниками* понимались *древние городища, селища, стоянки, места древних горных разработок, курганы, могильники, каменные изваяния, сооружения, столбы, древние изображения и письма на камнях и скалах и т.п.* Кроме того, в отдельную категорию наравне с памятниками археологии (недвижимыми объектами) выделяются *имеющие археологическое значение вещественные находки и клады* [4]. То есть акцент делается и на движимые археологические объекты. Всё вышеперечисленное позволяет говорить о лучшей проработке ключевых понятий археологического наследия в законодательстве РСФСР. Белорусское советское право в этом вопросе существенно уступало.

После войны ключевые понятия нашли отражение в законодательстве на общесоюзном и республиканском уровне. Первое четкое определение понятия «памятник археологии» было дано в Положении об охране памятников культуры, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898. В нем под *памятниками археологии* понимались «*древние курганы, городища, свайные по-*

стройки, остатки древних стоянок и селищ, остатки древних городов, земляные валы, рвы, следы оросительных каналов и дорог, древние кладбища, могильники, могилы, древние надмогильные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы и пр., древние рисунки и надписи, высеченные на камнях и скалах, места находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов и пр.), а также найденные древние предметы» [5, с. 57–58]. Данная дефиниция стала базовой для всего советского законодательства, охватывала самые различные преимущественно недвижимые археологические объекты, а также движимые («древние предметы»), и вновь носила характер перечисления.

В целях реализации постановления Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 была принята Инструкция о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории Белорусской ССР, утвержденная постановлением Совета Министров БССР от 22 августа 1949 г. № 990. Данная инструкция утвердила форму списка и паспортов памятников археологии и истории, полномочия местных и центральных органов власти, порядок изменения, перемещения сноса и застройки памятников, что допускалось только в особых случаях. Обращает на себя внимание тот факт, что дефиниция понятия «памятник археологии» была полностью заимствована из постановления Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года № 3898, поэтому на территории нашей республики среди памятников археологии назывались объекты, совершенно не свойственные для нее.

Особенностью послевоенного периода для советского законодательства в области сохранения культурного наследия становится появление отдельных законов, регулирующих правоотношения в данной сфере. Закон БССР «Об охране памятников культуры» был принят 26 декабря 1969 года. Согласно данному документу под *памятниками археологии*, которые выделялись в отдельную группу памятников культуры, понимались *древние курганы, городища, свайные сооружения, остатки древних поселений, замков и городов; древние фортификационные сооружения, земляные валы, рвы, шахты, рудники; древние кладбища, могильники, могилы, древние надмогильные сооружения; древние рисунки и надписи, высеченные на камнях и стенах; места находок костей ископаемых животных, а также найденные древние предметы* [6]. Тем самым из прежней дефиниции 1948 года были исключены такие объекты, как следы оросительных каналов и дорог, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы, не характерные для БССР, а также уточняющие виды ископаемых животных: мамонтов, носорогов и пр.

Еще одной важной вехой развития отечественного законодательства стало принятие в 1978 году нового Закона БССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Принятие его было вызвано изменением общесоюзного законодательства.

Новый закон уточнил общепринятое название объектов наследия (теперь «памятники истории и культуры»), развил и расширил многие ранее существующие нормы, что способствовало его более эффективному правоприменению. Именно этот нормативно-правовой акт с некоторыми изменениями регулировал вопросы сохранения археологического наследия до обретения Республикой Беларусь независимости.

В обновленном советском законодательстве были введены новые дефиниции понятия «памятники археологии», под которыми теперь понимались «городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов» [7]. Тем самым сохранялся прежний подход с перечислением. Правда, многие частности были заменены более общими категориями, а главное, в качестве самостоятельного вида памятников археологии впервые в отечественном законодательстве выделяются участки исторического культурного слоя. При этом обращает внимание на себя тот факт, что на законодательном уровне не было определено хронологических рамок понятий «древний» и «старинный», которые встречались в законе. Поэтому они определялись на практике самими археологами.

Последний нормативно-правовой акт просуществовал до распада Советского Союза. После обретения независимости в Республике Беларусь были приняты меры по совершенствованию законодательства в области охраны историко-культурного наследия. 13 ноября 1992 года вступил в силу новый Закон Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия», который отменил ранее действовавшее советское законодательство и концептуально изменил подходы в данной сфере. Основные категории советского права – памятники истории и культуры – заменялись более широким понятием «историко-культурное наследие», которое воплощалось в историко-культурных ценностях.

Несмотря на прогрессивный характер закона, он имел очень много недостатков. В частности, объекты археологического наследия в тексте отдельно практически не встречались, не был определен механизм формирования нового списка объектов наследия и отмены старого и т.д. Вместе с тем именно в этом законе впервые в отечественном праве встречается понятие «археологический объект», который, в соответствии со ст. 26 Закона, может быть лишен статуса историко-культурной ценности после полного исследования, «необходимость которого обусловлена решением исключительных народнохозяйственных задач». Также в отношении движимых археологических объектов в законе неоднократно использовалось понятие «археологический предмет», определение которому не давалось [8].

Из-за многочисленных сложностей с правоприменением закон 1992 года 9 января 2006 года был заме-

нен на новый, существенно переработанный по своей структуре и содержанию. В нем, в отличие от предыдущего, были подробно указаны виды материальных историко-культурных ценностей, среди которых, как и ранее в законе БССР 1978 г., назывались и *памятники археологии* – «укрепленные поселения (древние города, городища, замки), неукрепленные поселения (древние стоянки, поселения, отдельные жилища); курганные и грунтовые могильники, отдельные захоронения, некрополи, мавзолеи и другие захоронения; старинные сооружения и другие объекты хозяйственного и производственного назначения; фортификационные сооружения; культовые сооружения (храмы, монастыри, святилища, места совершения обрядов, каменные кресты, культовые камни, каменные статуи, обелиски); инфраструктура сухопутных, водных и водно-волоковых путей; монетные и вещевые клады; культурный слой, включая все движимые и недвижимые материальные объекты, содержащиеся в нем, а также на дне естественных и искусственных водоемов» [9]. Как видим, в определении сохранялся прежний принцип перечисления основных видов памятников, который включал самые разнообразные движимые и недвижимые объекты.

В редакции Закона Республики Беларусь от 8 мая 2012 г. № 374-З в определение памятников археологии, закрепленное в базовом законе, были внесены изменения. Во-первых, уточнялось то, что охраняются не сами древние поселения, укрепления, здания и другие объекты, а их остатки. Это было вполне разумно, учитывая степень сохранности археологических объектов. Кроме того, старинные сооружения, включая культовые, находящиеся на поверхности земли даже в руинированном состоянии, чаще всего принято считать памятником архитектуры, а не археологии. Определение же 2006 г. позволяло именно так трактовать действующие тогда нормы. Во-вторых, внесение в определение уточнений об остатках повлекло внутренние изменения последовательности отдельных частей дефиниции. В-третьих, понятия *движимые* и *недвижимые объекты* были заменены категорией «артефакты». Это был первый пример, когда данное понятие появилось в дефиниции в отношении памятника археологии. В-четвертых, в конце определения произошло неудачное уточнение возможного расположения археологических памятников на дне водоемов. В частности, разработчики Закона убрали уточнение «на дне», что приводило к тому, что памятники археологии могли находиться, как это ни странно звучит, «в водоемах». В результате получилось следующее определение: «*остатки укрепленных поселений (древние города, поселки, замки), неукрепленных поселений (древние стоянки, поселения, отдельные жилища); зданий, сооружений, других объектов (святилища, места осуществления обрядов, монастырей, храмов); кресты, культовые камни, статуи, обелиски; курганные и грунтовые могильники, отдельные захоронения, некрополи, мавзолеи и другие захоронения; инфра-*

структура сухопутных, водных и водно-волоковых путей; монетные и вещевые клады, которые вместе с другими недвижимыми и/или движимыми артефактами сохранились в культурном слое, а также в естественных и искусственных водоемах» [9].

Новеллой нового Закона стало также появление нормативно закрепленного определения понятия «культурный пласт» — пласт земли, который содержит остатки деятельности человека. В редакции 2012 г. «*пласт земли, который образовался в результате жизни и деятельности человека*» [9].

Кроме того, интерес представляет и пункт 2 ст. 19 Закона, в котором описываются действия лица, случайно выявившего недвижимый материальный объект. В качестве одного из видов последних законодателем называются археологические объекты. То есть впервые данное понятие было конкретно привязано к недвижимым объектам археологии, что в дальнейшем нашло отражение в изменениях в законодательстве.

Первым важным шагом в направлении формирования отдельного законодательства в сфере охраны археологического наследия стало принятие Советом Министров Республики Беларусь постановления от 22 мая 2002 г. № 651, которым было утверждено «Палажэнне аб ахове археалагічных аб'ектаў пры правядзенні земляных і будаўнічых работ».

Именно в этом документе впервые была принята попытка дать дефиницию понятию «археологический объект», который должен был дополнить категорию «памятник археологии», применимую к историко-культурным ценностям. Под первыми понимались «*материальные объекты или их комплексы, возникшие в результате жизнедеятельности человека от его возникновения до периода новой истории и обнаруженные на основе специальных археологических методов. К материальным объектам в целях признания археологическим объектом относятся, в частности, укрепленные древние поселения (городища, города, замки) и неукрепленные поселения (стоянки, селища), могильники (курганные и грунтовые), отдельные захоронения, остатки древних укреплений и производственных комплексов (шахты, мастерские, металлургические печи), транспортные пути и культовые объекты (святилища, святые места, каменные кресты и камни с изображениями и надписями), вещевые и монетные клады, отдельные древние вещи, культурный пласт исторических частей населенных пунктов и сакральных объектов*» [10].

В данном определении обращают на себя внимание значительные несовпадения с определением памятников археологии, которое появилось позже в упомянутом выше законе 2006 года. Вообще уместно говорить о том, что в данном нормативно-правовом акте впервые в дефиниции объекта археологического наследия предпринимается попытка не просто перечислить виды возможных объектов, причем, сразу движимых и недвижимых, а указать отличительные признаки: возникновение в результате жизнедеятельности чело-

века, обнаружение с использованием специальных археологических методов, а также четкие хронологические рамки. Ранее в отечественном законодательстве об охране археологического наследия такой практики не существовало.

Особо стоит обратить внимание на хронологические рамки археологических объектов: «до периода новой истории». Во-первых, единообразия в подходах к времени начала новой истории нет. В советской историографии этой границей был 1640 год (начало Английской буржуазной революции). В настоящее время чаще называется 1492 год (открытие Х. Колумбом Америки). Хотя есть и другие походы к периодизации. Всё это делает подобные хронологические рамки весьма размытыми. Во-вторых, более поздние объекты (например, воинские захоронения периода Великой Отечественной войны, места захоронения жертв репрессий и захоронения мирных жителей, уничтоженных оккупантами) также к тому времени активно исследовались с использованием методов археологии.

В 2012 году в «Палажэнне аб ахове археалагічных аб'ектаў пры правядзенні земляных і будаўнічых работ» были внесены знаковые изменения, которые коснулись даже его названия, расширенного за счет «осуществления иной деятельности». Поэтому уместно говорить о принятии новой редакции положения. Существенные изменения претерпело определение понятия «*археологический объект*», под которым стали понимать «*материальные объекты или их комплексы, возникшие в результате деятельности человека и сохранившиеся в культурном слое или на дне естественных и искусственных водоемов: укрепленные поселения (древние города, городища, замки) и неукрепленные поселения (древние стоянки, селища, отдельные жилища), курганные и грунтовые могильники, отдельные захоронения, некрополи, мавзолеи и другие захоронения; старинные сооружения и другие объекты хозяйственного и производственного назначения; фортификационные сооружения; культовые сооружения (храмы, монастыри, святилища, места совершения обрядов, каменные кресты, культовые камни, каменные статуи, обелиски); инфраструктура сухопутных, водных и водно-волоковых путей; монетные и вещевые клады; культурный слой, включая все движимые и недвижимые материальные объекты, содержащиеся в нем, а также на дне естественных и искусственных водоемов*» [11].

Первое, что бросается в глаза в этом определении, это отказ от хронологических рамок. Их в данной редакции просто нет. Во-вторых, в дефиниции отказались от зафиксированного ранее способа обнаружения объектов «на основе специальных археологических методов». В-третьих, добавилась уточняющая локализация размещения археологических объектов, включая размещенные на дне водоемов. Самое интересное, что в год внесения этих правок в постановление уточнение о расположении археологических объектов «на

дне» водоемов исчезло из Закона об охране историко-культурного наследия. При этом сама дефиниция была в плане описания видов объектов заимствована из прежней дефиниции памятников археологии в Законе 2006 г.

Новеллой отечественного законодательства в сфере сохранения археологического наследия в новой редакции Положения стало появление новой юридической категории «*археологический артефакт*», под которой понимался «*объект, который был подвергнут в прошлом воздействию человека или использовался им для жизненных потребностей, выявлен в результате целенаправленного археологического исследования или любого другого события, в том числе случайного*», при этом данному предмету «*может быть присвоен статус историко-культурной ценности*» [11]. Впервые в отечественном праве объект археологического наследия определялся не путем перечисления основных видов, а путем закрепления ключевых признаков, выделяющих его из массы предметов материального мира.

Ключевую роль в вопросе регулирования охраны археологического наследия стал играть Указ Президента Республики Беларусь № 485 от 14 декабря 2015 г. «*Аб удасканаленні аховы археалагічных аб'ектаў і археалагічных артэфактаў*», который привел к созданию ныне существующей системы охраны археологического наследия. В частности, определения сегодняшних основных понятий, впервые появившихся именно в этом документе, а затем включенных в Кодекс о культуре.

В настоящий момент в отечественном законодательстве основными археологическими категориями являются «*археологические объекты*» и «*археологические артефакты*». Эти понятия являются новеллами белорусского права начала XXI века. В части первой ст. 123 Кодекса Республики Беларусь о культуре под археологическими объектами понимаются *недвижимые материальные объекты или их комплексы вместе с археологическими артефактами и культурным пластом (слоем), возникшие в результате жизни и деятельности человека более 120 лет назад, сохранившиеся в земле или на дне природных и искусственных водоемов, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение, которые могут соответствовать критериям для предоставления им статуса историко-культурной ценности*.

Археологические артефакты – это *движимые материальные объекты, которые возникли в результате жизни и деятельности человека более 120 лет назад и находятся в культурном пласте (слое) или на дне природных и искусственных водоемов, имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение, могут соответствовать критериям для предоставления им статуса историко-культурной ценности, а на момент их выявления не имеют собственника* [12].

Кроме того, в этой же статье Кодекса о культуре нашло закрепление еще одно понятие, которое исполь-

зуется для определения археологических объектов и артефактов, – культурный пласт (слой). Под последним нужно понимать «*пласт в земле или под водой, который образовался в результате жизни и деятельности человека и содержит следы существования человека*».

Памятниками археологии в действующем законодательстве признаются только те археологические объекты и артефакты, которые включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

Сразу бросаются в глаза изменения в дефинициях ключевых понятий, которые произошли в сравнении с 2012 годом. В частности, наблюдается отход от перечисления основных видов объектов в дефинициях в пользу выделения их конкретных отличительных особенностей. Для определения археологических артефактов и объектов были выбраны следующие ключевые критерии, общие для двух понятий:

1. *Возникновение их в результате жизни и деятельности человека свыше 120 лет назад*. В данном случае была уточнена и перефразирована прежняя формулировка понятия «археологический объект» за счет добавления слова «жизни» человека, а также произошло возвращение к хронологическим границам археологии, которые впервые в Беларуси стали плавающими.

2. *Расположение объектов в земле (культурном пласте) или на дне водоемов*. Это ранее присутствовало в дефиниции археологических объектов;

3. *Историческое, художественное, научное или иное культурное значение*. Данная часть определения подчеркивает общее культурное значение археологического наследия и явно была заимствована из законодательства об охране историко-культурного наследия с некоторыми изменениями;

4. *Могут соответствовать критериям для придания статуса историко-культурной ценности*. Эта норма ранее присутствовала в определении археологических артефактов.

Всё вышеперечисленное в сравнении с прежними определениями двух понятий свидетельствует о том, что они были существенно переработаны и унифицированы. Вместе с тем каждое из них имеет свои особенности, что позволяет их легко различать. В частности, археологическими артефактами признаются только движимые материальные объекты. В то же время на момент выявления они не имеют собственника. В определении археологических объектов было обращено внимание на то, что это «недвижимый материальный объект», который содержит культурный слой и археологические артефакты.

Введение и нормативное закрепление данных определений позволило выработать четкую схему разделения отдельных составляющих археологического наследия.

Заключение. Таким образом, в отечественном праве на протяжении длительного периода – с 1919 по 2017 г. – произошла существенная эволюция

концептуальных подходов в определении ключевых понятий археологического наследия и их дефиниций. Если в советский период основной и единственной категорией было понятие «памятник археологии», определение которому давалось путем перечисления основных видов подобных объектов, то в Республике Беларусь терминологический аппарат в рассматриваемой сфере, закрепленный на уровне нормативно-правовых актов, получил дальнейшее развитие. В частности, были выделены движимые (археологические артефакты) и недвижимые (археологические объекты) виды наследия, четко разграниченные между собой. Одновременно были установлены возможности их отнесения к памятникам археологии, а также отличительные особенности, которые нашли отражение в определениях понятий. Последнее способствовало вытеснению прежних советских подходов, закрепленных на уровне дефиниций, и существенному прогрессу в данной сфере.

Литература

1. Декреты и инструкция об учете и охране памятников искусства, старины и природы / Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главного управления научных, научно-художественных и музейных учреждений Народного комиссариата просвещения. – М., 1924. – 31 с.
2. О порядке применения постановления Совнаркома БССР от 24/XII 1923 года «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства, старины, быта и местностей природы, находящихся во владении учреждений и обществ, а также частных лиц»: циркулярное распоряжение Наркомпроса, Наркомзема и Наркомвнудела Белоруссии от 31 августа 1924 г. // Советское законодательство о памятниках истории и культуры: сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). – Минск: Полымя, 1972. – С. 35–36.
3. О порядке охраны памятников старины, искусства, быта и природы, объявленных государственным достоянием: постановление Совета Народных Комиссаров Белорусской ССР, 5 июля 1926 года // СЗ БССР. – 1926. – № 28. – Ст. 105.
4. Об охране археологических памятников: постановление ВЦИК, СНК РСФСР, 10 февраля 1934 г. // СУ РСФСР. – 1934. – № 9. – Ст. 52.
5. Положение об охране памятников культуры: утверждено постановлением Совета Министров СССР, 14 октября 1948 г., № 3898 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры: сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). – Минск: Полымя, 1972. – С. 57–66.
6. Об охране памятников культуры: Закон Белорусской ССР от 26 декабря 1969 года // СЗ БССР. – 1969. – № 36. – Ст. 555.
7. Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон СССР от 29 октября 1976 [Электронный ресурс] // Законодательная база Российской Федерации. – Режим доступа: <https://zakonbase.ru/content/base/26778>. – Дата доступа: 15.04.2020 г.
8. Об охране историко-культурного наследия: Закон Республики Беларусь, 13 ноября 1992 г., № 1940-XII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 30. – Ст. 504.
9. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь: Закон Рэспублікі Беларусь, 9 студз. 2006 г., № 98-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
10. Аб зацвярджэнні Палажэння аб ахове археалагічных аб'ектаў пры правядзенні земляных і будаўнічых работ: пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, 22 мая 2002 г., № 651 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
11. Аб зацвярджэнні Палажэння аб ахове археалагічных аб'ектаў пры правядзенні іншай дзейнасці на тэрыторыі археалагічных аб'ектаў: пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, 20 ліп. 2012 г., № 665 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
12. Аб удасканаленні аховы археалагічных аб'ектаў і археалагічных артэфактаў: Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, 14 снеж. 2015 г., № 485 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Поступила в редакцию 01.06.2020

Трансформация социальной роли белорусско-литовских православных епархий: от маргинального вероисповедания к доминирующему (последняя треть XVIII – XIX в.)

Шевкун П.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет», Витебск*

В статье рассматривается деятельность российской администрации и православной иерархии, направленная на количественный рост белорусско-литовских православных епархий в последней трети XVIII – XIX в.

Цель – показать изменение социальной роли православной церкви региона посредством превращения ее в численно доминирующее вероисповедание.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе данных, содержащихся в фондах Национального исторического архива Беларуси, Российского государственного исторического архива, а также информации, уже введенной в научный оборот. Используются специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. В исследовании указаны основные волны массовых присоединений к православию, дана их характеристика, раскрыты механизмы достижения поставленных целей. Отмечены социальные, политические и идеологические факторы, повлекшие действия по изменению роли православной церкви региона. Раскрыты трудности в рамках реализации этой политики и показаны ее существенные изъяны.

Заключение. Анализ процесса превращения православия в доминирующее вероисповедание региона позволяет раскрыть социальную роль церкви при формировании белорусской современной нации.

Ключевые слова: социальные отношения, сословие, православная церковь, уния, епархия, правительство, генерал-губернатор.

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 87–95)

Transformation of the Social Role of Belarusian-Lithuanian Orthodox Dioceses: from the Marginal Worship to the Dominating One (the Late XVIII – XIX Centuries)

Shevkun P.V.

Educational Establishment “Vitebsk State Order of Badge of Honor Medical University”, Vitebsk

The activities of Russian administration and of the Orthodox Church aimed at the quantitative growth of Belarusian-Lithuanian Orthodox dioceses in the late XVIII – XIX centuries are considered in the article.

The purpose is to show the transformation of the social role of the Orthodox Church in the Region by turning it into the worship dominating in the number.

Material and methods. The research is based on the data from the funds of the National Historic Archive of the Republic of Belarus, the Russian State Historic Archive as well as information already included into scientific circulation. Special historical methods were used: the historical genetic, the historical comparative and the historical systematic.

Findings and their discussion. The research reflects the main waves of massive joining Orthodoxy, their characteristics, and mechanisms of reaching the goals. Social, political and ideological factors are pointed out which resulted in the transformation of the role of the Orthodox Church in the Region. Hardships in the implementation of the policy are disclosed; its shortcomings are revealed.

Conclusion. An analysis of the process of turning Orthodoxy into the dominating worship in the Region makes it possible to reveal the social role of the Church in shaping Belarusian modern nation.

Key words: social relations, social layer, Orthodox Church, union, diocese, government, Governor General.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 87–95)

Религиозные системы средневековья отвечали за предоставление информации о социальном единстве. Благодаря им отдельные люди, общины воспринимали себя частью общества, понимали принципы взаимодействия, могли выдвигать справедливые требования к действиям других лиц, а власти добиваться легитимности своим решениям. Поэтому государства средневековья – это монорелигиозные объединения. Не по факту того, что не было иных конфессий, а по факту принадлежности абсолютного большинства населения, аристократии и правящей династии. Представители других объединений присутствовали лишь в силу политической и экономической целесообразности, на определенных условиях и без каких-либо притязаний на властные полномочия, поскольку их религиозные системы не формировали принципы легитимности политической власти и социальных отношений.

Вместе с тем с ускорением общественного развития, что проявлялось в размытии сословно-корпоративных границ, росте экономических, политических контактов, интенсификации обмена информацией и увеличении ее объема, возросла и потребность в данных о жизни общества, развивались средства массовой информации (СМИ). Тех сведений и форм восприятия, которые транслировались церковью, становилось недостаточно для адекватного отражения социальных процессов, всё более основывавшихся на конкуренции и рационализации связей. Постепенно шла выработка новых представлений о социальном единстве в виде современной нации, где взаимодействие основано на выстраивании индивидуальных парадигм, а не коллективных форм воспроизводства традиции, овеянной сакральным авторитетом.

Цель – показать изменение социальной роли православной церкви региона посредством превращения ее в численно доминирующее вероисповедание.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе информации, содержащейся в фондах Национального исторического архива Беларуси, Российского государственного исторического архива, а также информации, уже введенной в научный оборот и освещающей различные аспекты развития православной церкви на территории Беларуси в конце XVIII – первой четверти XIX в. В работе использованы историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Они позволили отразить специфику и место православной церкви в политически значимой коммуникации на территории Беларуси в 1772–1825 гг.

Результаты и их обсуждение. На территории Беларуси к последней трети XVIII в. социальное единство было выражено католичеством благодаря заключенной в 1596 г. унии с православной церковью (униатство). Структуры, не признавшие результаты унии, были объединены в Могилевскую епархию и входили в состав православной церкви Российской империи. По численности верующих и социальному

составу православие в регионе фактически являлось маргинальным вероисповеданием. Численность верующих была незначительна и не превышала семи процентов от общей численности населения ВКЛ, при полном отсутствии православной аристократии [1, с. 16, 29; 2, с. 64, 150]. В результате поэтапного присоединения белорусских земель к Российской империи православная церковь оказалась господствующей в условиях, которые не позволяли ей выразить социальное единство и вписать российскую монархию в социальную структуру региона. Это делало актуальным процесс укрупнения православия путем давления на униатство. Однако российские власти вначале не обладали необходимыми ресурсами для радикальной трансформации региона, которая требовала дополнительных войск, большого количества чиновников и духовенства с соответствующим материальным обеспечением.

Православная церковь Беларуси прошла несколько волн укрупнения. Первые две приходятся на правление Екатерины II, следующие на правления Николая I и Александра II. Несмотря на то, что между первой и последней волнами промежуток составляет около 90 лет, тем не менее их объединяет ключевая роль государства в этом процессе. Значение государства объясняется практическими и концептуальными основаниями. Разорвать корпоративные связи традиционной общины, преодолев сопротивление ключевых ее фигур: священника и помещика, – было невозможно без помощи государства. Кроме того, изменение конфессиональной структуры общества вело как минимум к изменению маркировки социальных отношений, а в некоторых ситуациях их самих. Без прямой заинтересованности государства как структуры, отвечающей за социальное взаимодействие, церковь была не в состоянии действовать, так как она в первую очередь являлась их отражением, а не силой непосредственной трансформации.

Екатериной II был избран прагматический подход, в рамках которого российская монархия рассчитывала на лояльность католической аристократии региона. Но игнорировать ожидания православной церкви также было неудобно. Под давлением Могилевского православного епископа Георгия (Конисского) императрица позволила провести ограниченную акцию по переводу униатских приходов в православие. 2 июля 1780 г. был подписан указ о присоединении униатов, но только в вакантных приходах. Полоцкому губернатору И. Ребиндеру было приказано оказывать поддержку православным «сколь возможно осторожнее, не говоря нигде ни о каком обращении к благочестию». Соответственно присоединения прошли в основном в казенных имениях и во владениях российской знати. За четыре года их число составило 80 приходов. Собственно католическая церковь и аристократия уязвлены не были, униатская церковь сохраняла свои позиции. В 1785 г. на присоединенных землях 52,5% подданных были униатами [2, с. 156, 157].

Следующая значимая волна присоединений, поставившая под угрозу социальную целостность региона, произошла в конце правления Екатерины II в ответ на восстание в Речи Посполитой. На фоне разочарования в возможности достижения компромисса с католической аристократией был взят курс на подрыв ее позиций в регионе. Объектом вновь стали общины униатской церкви. Смерть императрицы привела и к отказу от политики, по существу не обеспеченной ресурсами государства. В результате административного давления на униатскую церковь в 1794–1797 гг. с целью перевода ее приходов в православие последняя стала доминировать лишь в Могилевской губернии [3]. Тем не менее православная церковь существенно укрепила свои позиции, превратившись в значимый социальный институт региона.

После подобных действий российская власть на ближайшие 35 лет оставила в покое конфессиональную структуру региона, сосредоточив свое внимание на сохранении статус-кво. Православная иерархия была вынуждена смириться с этими изменениями. Павел I уделил внимание конфессиональным проблемам региона в мае 1797 г. во время проезда через Минскую губернию, приняв жалобы, в том числе и о насильственном переводе униатов в православие. 13 мая он поручил Минскому губернатору З.Я. Корнееву провести расследование поступивших жалоб [4, с. 146, 147]. По его итогам 14 октября 1798 г. митрополит Новгородский и С.-Петербургский Гавриил (Петров) представил мнение императора Св. Синоду. Предлагалось сделать надлежащие поучения и наставления духовенству, «дабы они обывателей униатского закона к принятию греческой веры никакими средствами не принуждали, а возбуждали от них добровольное желание вступить в оную добродетельным своим житием, пристойным сану их поведением и благонаравием». На основании указаний императора Св. Синод сделал соответствующие распоряжения в адрес епархиального руководства. Также были направлены письма губернаторам, «чтобы обывателей униатского закона к принятию греческой веры никакими средствами не принуждать, а принимать их возбужденных добровольным желанием вступить в оную, к чему привлекать может добродетельное житие, благое поведение и добропорядочное Российских духовных особ» [5, л. 278–279, 281]. Эти решения непосредственно отразились на количестве присоединений. В Минской губернии в 1799 г. была присоединена уже только 1 церковь и 1020 человек [6, с. 403].

В правление Александра I в 1803–1806 гг. были предприняты шаги к ограждению униатских приходов от принятия собственно католического обряда. 21 июля 1810 г. сенатским указом обязали государственные учреждения предотвращать переходы из одного обряда в другой, «желающим же принять господствующую веру, чтобы препятствий не чинили» [7]. 8 августа 1810 г. срок давности для возврата перешедших из унии в католичество был ограничен 1798 г., так как в 1799 г.

последовал первый указ, запретивший «подговаривать на переходы» [8].

Принципиально ситуация меняется в правление Николая I (1825–1855 гг.). Ускорение социально-экономического развития страны требовало большей формализации общественных отношений, отмены наиболее архаичных сословных ограничений. Император вел тайную подготовку к ликвидации крепостного права. Сам по себе сословный строй подразумевал больше ясности и прагматизма. На концептуальном уровне национальная идея завоевывала умы политической элиты страны. В этих условиях правительство рассматривало церковь как важнейший институт интенсификации социальных отношений. Стремление государства к большему измерению и проникновению в социум повысило требования к церкви, конфессиональной унификации, одновременно усилив процессы конфессионализации, то есть выработку более выраженной конфессиональной идентичности. Указанные факторы привели к актуализации транслируемого церковью представления о социальном единстве, в рамках которого значение имели все уровни социума, в том числе и простые подданные. Модерные ноты заключались в том, что национальная идея, вписанная в традиционные религиозные представления, оправдала политическое значение простого народа, формируя взгляд элиты страны на духовенство с позиций социального активизма. Такой подход позволял рассчитывать аристократии на приемлемый для ее властной монополии вариант трактовки национального эгалитаризма. В результате утрата на концептуальном уровне дворянством своей уникальной роли политического сословия и использование духовенства как фактора интенсификации коммуникации существенно обострили межконфессиональные отношения.

Восстание 1830–1831 гг. продемонстрировало, что существующее социальное единство в регионе исключает в нем присутствие российских властей и является потенциально опасным. В результате был взят курс на разрушение представлений о нем путем реформирования межконфессиональных отношений с целью установления численного доминирования православия. При этом власти не пугала существенная трансформация социальной картины региона. Предполагалось, что углубившийся социальный разрыв между аристократией и простым народом должен быть заполнен авторитетом православного духовенства и российским чиновничеством, а католическая аристократия будет заинтересована в поддержании отношений с российской монархией на основании общности сословных интересов.

Указанные факторы привели к тому, что в Санкт-Петербурге важнейшей задачей поддержания православной церкви в крае считали задачу численного увеличения православных. С 1833 г. правительство инициировало активную миссионерскую деятельность в отношении униатов. 30 апреля 1833 г. была учреждена Полоцкая епархия [9, с. 244]. В момент соз-

дания она состояла из шести монастырей и 76 церквей с общим количеством прихожан около 128 тысяч [10, с. 40]. Изначально планировалось ее усилить за счет униатов. На Полоцкую православную кафедру был назначен епископ Ревельский Смарагд (Крыжановский). На аудиенции у императора (редкий случай при назначении епископа на кафедру!) он получил наставления о необходимости энергичных действий по присоединению униатов [11, с. 76, 77, 467].

Порядок присоединений был определен еще указом Сената от 1 февраля 1800 г. С желающих присоединиться брали подписки о соблюдении всех правил православного исповедания и о приверженности церкви [12, л. 1 об.]. Генерал-губернатор Н.Н. Хованский, Витебский военный губернатор Н.И. Шрёдер по указаниям центральных властей обязаны были оказать миссионерам государственную поддержку, защитить позиции православной церкви, обеспечить контроль над соблюдением формальных правил при присоединениях униатов.

Сотрудничество губернских и епархиальных властей способствовало первоначальному успеху миссионерской деятельности. В Полоцкой епархии в 1833–1835 гг. присоединили около 79 тысяч униатов. В Минской епархии было переведено в православие около 17 тысяч униатов [13]. Доклады о количестве новообращенных удостаивались «особливого милостиваго внимания» Николая I [14, л. 1 об., 2]. В речи, произнесенной в Св. Синоде в 1835 г., Николай I подтвердил, что важнейшей своей задачей он «полагает охранение православия», и что «особенного внимания требует, предпринятое с превышавшем чаяния успехом воссоединение униатов с Православной церковью ...» [15, л. 5].

Однако к 1836 г. в высших кругах сформировалось представление о невозможности проведения прежнего политического курса ввиду возраставшей социальной напряженности в регионе. В качестве более предпочтительного варианта правительство остановилось на проекте униатского епископа Иосифа (Семашко) о централизованном присоединении униатской иерархии с прихожанами к российской православной церкви. Изменение политической линии сопровождалось и сменой ключевых чиновников. В июне 1836 г. был смещен обер-прокурор Св. Синода С.Д. Нечаев. Осенью последовали отставки на местном уровне. 15 сентября вместо Н.Н. Хованского генерал-губернатором был назначен П.Н. Дьяков. 17 сентября на место Витебского губернатора Н.И. Шрёдера был прислан И.С. Жиркевич. 5 июня 1837 г. архиепископ Полоцкий Смарагд переведен в г. Могилев [10, с. 235].

Изменение политической линии отразилось на количестве присоединений. Если в 1836 г. в Полоцкой епархии было присоединено 11203 униата, в Минской – 6347, в Могилевской – 27174 [16; 17, с. 37], то в 1838 г. в Минской епархии присоединили 1326 униатов, в Могилевской – 90, в Полоцкой – 2645 [18, с. 36–37]. В 1837 г. становится заметной ли-

ния по достижению большего взаимодействия между униатским и православным духовенством. Так, Литовский униатский епископ Иосиф и православный Минский архиепископ Никанор (Клементьевский) начали разрешать отправление таинств в особых случаях православным в униатских, а униатам в православных храмах [19, л. 2, 4 об., 7]. 28 декабря император принял окончательное решение о присоединении [20]. В феврале–марте 1839 г. был оформлен переход униатской иерархии и прихожан в православие. Также была удовлетворена просьба о временном, «до ближайшего усмотрения», сохранении униатских обрядовых особенностей [21, с. 119–125, 133].

Известие о ликвидации унии не встретило протестов, способных повлиять на принятые решения [22, с. 69–77]. Переход всей церкви был спокойнее воспринят верующими. Например, известны факты отказа прихожан обращаться к священникам в тех приходах, из которых было удалено униатское духовенство, в то время как в других, где продолжали служение уже воссоединившиеся священники, религиозная жизнь шла по-прежнему [23, л. 1 об. – 2 об.]. В 1840 г. было осуществлено объединение православных и униатских епархий.

В Минскую и Полоцкую епархии были назначены бывшие униатские архиереи, Литовскую продолжал возглавлять Иосиф. В Могилевскую епархию был переведен из Полоцка епископ Исидор (Никольский). Три епархии из четырех белорусских православных оказались заняты бывшими униатами, на четвертую назначен наиболее лояльный новоприсоединенному духовенству православный епископ [21, с. 134–135, 153]. В консисториях также преобладали бывшие униаты [10, с. 364]. С 17 марта 1839 г. по 14 августа 1843 г. в составе Св. Синода существовала и особая Белорусско-Литовская коллегия [24].

В результате административных преобразований увеличилось не только количество православных епархий, но и численность приходов. В Минской епархии их стало 593, из которых 351 присоединен из унии в 1839 г., в Могилевской – из 518 «воссоединённых» было 194, в Полоцкой – из 295 было 153, в Литовской – из 554 было присоединено 417 [25, с. 10–12]. Среди белорусского населения доля православных после указанных событий составила 87,2% [26, с. 342].

Политическое значение ликвидации униатства на территории Западных губерний отметил Николай I в письме к наследнику: «С большой радостью вижу в этом одно из желаний моих исполненным, которое считаю из важнейших политических событий России ...» [27]. Таким образом, правительство было вынуждено рассчитывать для укрепления российской власти в регионе на работу с различными категориями местного населения, воздействовать определенными мерами на уровень их лояльности властям. Попытки утверждения российского землевладения, переселения крестьян из внутренних губерний империи на свободные земли, привлечение собственно российского

духовенства и чиновничества в Западные губернии фактически провалились [28, с. 81, 82].

Официальная трактовка присоединения униатских епархий была выражена термином «воссоединение». Используя данный термин, власти хотели не только придать традиционалистскую легитимность осуществленным мероприятиям, но и демонстрировали их исключительность. Католической стороне давали понять, что отношение к униатству не является прецедентным и носит чрезвычайный характер. В речи католическим епископам, произнесенной Николаем I в 1844 г., император подчеркивал: «Повинуйтесь вашему государю, и единственно с этим условием я есть и буду вашим покровителем. Ежели духовенство ваше будет мне искренно повиноваться, то может быть уверено в своём благоденствии» [29, с. 116].

16 декабря 1839 г. был утвержден комплекс мер «о предупреждении совращений в латинство в девяти Западных губерниях». Было предписано составить точные списки католических прихожан и духовенства, которые через Департамент духовных дел иностранных исповеданий должны были «секретно» передать православным епископам. Католическое духовенство обязали принимать на исповедь только своих прихожан, за исключением чрезвычайных случаев («тяжкая болезнь»), заранее сообщать «о фестах или процессиях». Виновные в «совращениях» «неумышленно или по неосторожности» карались кратковременным заключением или, если это духовное лицо, «перемещением к другому приходу». В отношении «совращённых» можно было применить содержание в монастыре «для увещания», «а если будут упорствовать ... не могут быть допускаемы к службе в Западных губерниях и никаким должностям и общественным выборам ... доколе не возвратятся в православие» [30]. Видимо, этих мер оказалось недостаточно и в 1842 г. последовало официальное указание Св. Синода духовенству приступить к возвращению в православие из католичества бывших униатов. Особо подчеркивалось, что лишь «в случае безуспешности кротких мер увещания» на дела о переходах распространялись действия указа 16 декабря 1839 г. [31, с. 345].

В своих воспоминаниях И. Семашко отмечал, что после 1839 г. не более двух тысяч униатов «совратилось в католичество» [32, с. 265]. И хотя данные цифры, вероятно, несколько занижены (по подсчетам польского историка М. Радвана до 1846 г., когда официально отменили сверку метрик, было выявлено 4892 человека из униатов в католических приходах), тем не менее подобное заявление епископа позволяет сделать вывод, что в результате энергичных действий властей переходы не представляли серьезной угрозы положению православия [33, с. 206]. После 1840 г. состав православных епархий существенно не изменился [34].

Николай I рассматривал задачу сохранения «новоправославных» приходов как завершение процесса «воссоединения» униатов. Однако из-за затягивания

разбирательств по делам о переходах увеличивались и политические издержки. Об этом докладывал в своих отчетах А.Х. Бенкендорф [35, с. 258, 259, 283, 335]. В 1850-х гг. стала очевидной тенденция к прекращению дел «о разборах». Тем не менее только в 1857 г., уже при Александре II, последовал указ Св. Синода об окончании всех дел о разборе прихожан между католическим и православным духовенством [31, с. 349]. Это было политическое решение, поскольку за год до принятия этого указа исполняющий обязанности обер-прокурора А.И. Карасевский писал, что «желание правительства разграничить паствы обоего Духовенства не достигло своей цели» [36, л. 15].

В 1840-х и 1850-х гг. вопрос численного роста православной церкви для духовных и светских властей продолжал оставаться значимым. В это время основным путем увеличения численности прихожан были смешанные браки. Принятый еще в 1832 г. закон о воспитании в православии детей, если один из родителей являлся православным, должен был способствовать росту их численности [37]. В 1840 г. Св. Синод разрешил духовенству освящать смешанные браки, не ожидая согласия архиерея [22, с. 116]. С целью предотвращения помех со стороны католических помещиков в декабре 1853 г. митрополит Иосиф пошел на нарушение прав вотчинников, объявив духовенству епархии, чтобы оно производило браки крепостных без разрешения владельца. Позднее он сделал строгое замечание благочинному Ситкевичу, у которого за 10 лет было только 16 таких браков, тогда как в Белостокском благочинии – 221, в Гродненском – 579, в Сокольском – 393 [31, с. 352–355]. В результате в Литовской православной епархии за это время было заключено около 15 тысяч таких браков [38, с. 82].

Важнейшим направлением деятельности православной иерархии в этот период была политика по сохранению однородности состава духовенства и, в определенной степени, его культурно-религиозной гомогенизации. Литовский архиерей, по мнению исследователей, «относился вообще неблагоприятно к принятию даже на причетнические места из других епархий». Исключение было сделано в 1842 г., когда острая нехватка причетников вынудила его обратиться за присылкой 50–100 «хороших причетников» к Волынскому архиепископу Никанору, «как более других сходной с Литовской». Однако желающих перейти не оказалось [31, с. 96, 97, 104]. Когда в 1855 г. епископ Василий (Лужинский) был вынужден реагировать на предоставленные в Св. Синод замечания бывшего генерал-губернатора, среди которых значилось предложение «безотложного устранения всех лиц духовного ведомства, не вполне оправдывающих своё призвание ...», он указал, что «для блага св. Церкви православной и для славы самого правительства этой меры в здешнем крае, пока живо поколение, которое помнит дело воссоединения, допустить не следует, разве случаи каких-либо уголовных преступлений, потому что я живо еще помню, каких усилий

мне стоило преодолеть боязнь именно этой меры у бывших греко-униатских священников ...». Предложение епископа было утверждено императором [39, с. 248].

Это свидетельствовало о том, что сам по себе переход в православие не вел к трансформации социальной целостности в угоду российским властям. Более того, общество жило сформировавшимися, овеянными традицией представлениями о нормах социальных отношений их религиозной символики. Православной иерархии и российским властям, которые с трудом вписывались в социальные отношения региона, необходимо было с этим считаться. Митрополит Иосиф отмечал, что «самоё стремление к тому, чтобы искоренить существующие в крае разности в церковной жизни, которые были не существенны, значило бы трудиться не для церковного единения, но для раскола, не на пользу церкви православной, а на пользу её врагов». Сложившееся положение привело к тому, что особая атмосфера в белорусских епархиях сохранялась долгое время. Так, в 1863 г. новый Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев отмечал, что у местного православного духовенства сохранился дух некоторой исключительности, нередко переходящий во враждебность к русскому и пристрастность ко всему польскому [31, с. 97].

Заданный Николаем I вектор на безоговорочную поддержку государством православной церкви (а ведь государство является институциональным выражением социального единства) был продолжен в правление Александра II (1855–1881 гг.). Это происходило на фоне существенных перемен в обществе. Развитие новых средств и видов коммуникации – железные дороги, телеграф, СМИ; отмена крепостного права и реформы самоуправления актуализировали, как никогда ранее, проблему социального единства. Расширение и интенсификация коммуникации шли в рамках традиционного конфессионально очерченного социального пространства. Складывалась иллюзия, что формирование современной социальной общности может быть вписано в конфессиональные рамки. Концепция церкви-нации, выраженная доктриной православие-самодержавие-народность, в это время нашла свое наиболее полное воплощение, окончательно разрушив дистанцию между светской и духовной властью традиционного общества. Рассматривая веру, по существу, как секулярное явление, монархическое государство брало на себя ряд функций, связанных с ее развитием: от материального обеспечения и административно-территориального устройства до некоторого контроля над нравственностью клира. Национальная идея формировала активистское отношение к обществу, и у государства возникали опасения, что духовенство не справится с таким вызовом.

Проводимые реформы изменяли социальные отношения в регионе, сформировавшиеся еще до прихода сюда российской власти, и предполагали более органичное присутствие государства в процессе их трансформации. Одним из наглядных проявлений

этого стремления стала замена мировых посредников в Северо-Западном крае на православных выходцев из внутренних российских губерний. На таком фоне возникали ожидания, что освобождение от крепостного права высвободило некую «народную силу», которая и проявит себя благодарностью царю и переходом в православие, то есть расширением комфортного для власти социального пространства. При этом католическое возрождение, которое началось в середине века, рассматривалось с православных традиционалистских позиций как процесс формирования новой польской социальной общности или скорее ее возрождения. Восстание 1863–1864 гг. лишь убедило власти, что подобный процесс идет активно. Формальные доказательства об участии католического клира в восстании были практически излишни. Сам факт активизации конфессиональной жизни в католической общине: появление новых культов (Андрея Боболи, Иосафата Кунцевича) и обновление прежних, интенсификация церковных служб, проповедей, крестных процессий – являлся достаточным свидетельством в глазах православных администраторов, что идет процесс формирования и маркировки новых социальных отношений, выражения польского патриотического подъема. Католические же братства рассматривались не иначе как «революционные организации» [40].

Обостряло подозрительность российской администрации, православной иерархии и то, что православная и католическая маркировки социума в регионе были близки и взаимозаменяемы. Формировалась психологическая атмосфера, при которой должна доминировать либо одна, либо другая сторона. Это подогревало воинственный настрой и создавало иллюзию легкости смены конфессиональной принадлежности. Католические храмы не требовали значительной перестройки в православные церкви, скорее просто ремонтных работ. Некоторые иконы были одинаково чтимы и католиками и православными. В результате их можно было просто объявить принадлежащими православной общине. Как это было с Бельничской иконой Божьей матери. Даже некоторые новые католические культы подвергались сомнению в их католическом происхождении. Митрополит Иосиф (Семашко) в ответ на запрос осенью 1863 г. генерал-губернатора М.Н. Муравьева утверждал: «Римско-католическое вероисповедание так близко к Православному Греко-Восточному, что переходу из первого в последнее не положено никаких стеснений... Православным священникам предоставлено самим собою присоединять к Православной церкви Римских католиков» [40].

Задачи церкви в регионе формулировались также исходя из ее противостояния с католичеством: «На западной окраине России православие стоит лицом к лицу с латинством». Складывалось впечатление, что наличие католичества словно подчеркивало неполноценность православия. Соответственно от клира ожидали повышения конфессиональной идентичности и распространения православия: «и на православной

Церкви здесь лежит высокий и трудный долг – с одной стороны утверждать в истинной вере православные паствы и охранять их от опасностей и соблазнов со стороны латинства, а с другой силой убеждения, святостию своих начал и полнотою их проявления в жизни действовать и на римско-католическия населения». Отдавалась дань и традиционалистским мотивам легитимации таких действий: «из коих весьма многия некогда принадлежали к православной Церкви и отторгнуты от нея вследствие неблагоприятных исторических судеб края» [41].

Переход в православие рассматривался как приобщение к социальному пространству, не только естественным образом лояльному российскому абсолютизму, но и в полной мере основанному на религиозных истинах: «святостию своих начал и полнотою их проявления в жизни ...» [41]. Так, в июне 1866 г. К.П. Кауфман получил от Могилевского губернатора А.П. Беклемишева шифрованную телеграмму следующего содержания: «Некоторые чиновники с семейством, признавая себя вполне русскими, желают присоединиться к православию. Распространился слух, что все-таки будут уволены. Могу ли заверить их, что они будут считаться русскими и пользоваться одинаковыми правами». Генерал-губернатор дал недвусмысленный ответ: «Можете успокоить желающих присоединиться, что я смотрю на принятие православия как на перемену знамени политического навсегда и вполне доверяю [тем], кто перешел с семейством» [40].

Вся сумма указанных выше обстоятельств подводила к необходимости инициирования процесса перевода католиков в православие. На протяжении служения трех генерал-губернаторов: М.Н. Муравьева, К.П. Кауфмана, Э.Т. Баранова – и реализовывалась политика по численному увеличению православной церкви. Она включала в себя несколько направлений: возобновление практики разборов в отношении бывших униатов, которые, по мнению православного духовенства, несправедливо принадлежали к католическим общинам; закрытие католических костелов и каплиц с целью защиты православных общин; уверенность, что прихожане-католики в итоге присоединятся к православию и собственно присоединение. При этом все данные направления были взаимодополняемы.

В январе 1865 г. Минская консистория рассматривала предложение генерал-губернатора об открытии прихода при Тарасовской церкви Минского уезда. Отмечалось, что католики «в своих духовных нуждах ... обращались по большей части» к православному священнику за неимением вблизи латинского духовенства. «В настоящее же время, при стремлении сельского римско-католического населения к возвращению на лоно православной церкви и латинизанты, проживающие в пределах прежде бывшего Тарасовского прихода, составляющие половинную часть населения, при открытии вновь прихода могли бы присоединиться» [42]. В мае 1865 г. генерал-губернатор К.П. Кауфман приказал 14 римско-католических каплиц и Хойник-

ский костел в Речицком и Пинском уездах передать православным, поскольку они «построены для весьма незначительного числа католиков, с очевидною целью совращения православных жителей в католицизм ... за отсутствием приходских церквей» [43]. Когда, значительно позднее, 11 марта 1906 г. из Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) просили предоставить список католических строений с указанием, кому они переданы, начиная со второй половины XIX в., то только по Минской губернии таких оказалось 59, среди которых львиная доля были костелы, упраздненные, в основном, в 1866–1869 гг. [44].

Возобновление практики разборов, казавшееся вначале достаточно перспективным делом, наталкивалось на процессуальные трудности. Прежде всего, из-за отсутствия документальных свидетельств. Так, 24 февраля 1866 г. Полоцкий епископ Василий сообщал губернатору о том, что причт Освейской церкви рапортом от 16 августа 1865 г. донес, что нашел в архиве церкви список 1841 г. с указанием фамилий из 12 деревень «совратившихся в латинство». Однако в конечном итоге расследование свелось к нескольким прихожанам [45].

Наиболее активная миссионерская фаза длилась с 1864 по 1868 г. В это время по епархиям Северо-Западного края перешло из католицизма в православие около 80 тыс. человек [1, с. 72]. Пик кампании пришелся на 1866 г. В четырех белорусско-литовских православных епархиях в этом году было присоединено 47642 человека. Результат 1867 г. – 11547 [40]. Характерен и состав воссоединителей: уездный исправник, мировой посредник и приходской священник. Это в очередной раз подчеркивает, что присоединение рассматривалось как акт религиозного выбора в неразрывной связи с социально-политическими мотивами.

Тем не менее потенциал присоединений быстро исчерпал себя. В новых приходах обострилось противостояние. Благодаря СМИ были преданы гласности некоторые неблагоприятные обстоятельства присоединений. В результате к концу 1860-х гг. в Санкт-Петербурге было принято решение о приостановке активной государственной поддержки политики присоединений. Как и в предыдущих ситуациях, это стало одним из факторов смены генерал-губернатора. В марте 1868 г. им стал А.Л. Потапов. Это отразилось на всех направлениях политики расширения православия. В 1869 г. по четырем белорусско-литовским православным епархиям было присоединено 1656 католиков. В 1873 г. – 808. В 1876 г. уже 413, а, к примеру, в 1886 г. – 264 человека [46]. 13 мая 1869 г. Полоцкий епископ Савва (Тихомиров) обратился к Витебскому губернатору В.Н. Токареву об упразднении Невельского костела, утверждая, что он «всегда служил и ныне служит поводом к соблазну для Православного Народонаселения». 13 сентября генерал-губернатор согласился с мнением губернатора о том, что нельзя упразднять Невельский костел [47].

С конца 1860-х гг. проблема «упорствующих» в католичестве номинально православных прихожан превратилась в головную боль местной государственной и церковной администрации. Всё чаще стали поступать жалобы на несправедливость присоединений. При этом отмечалось, что такие прихожане не исполняют «законного обряда ни католического ни православного» [48]. Присоединения вызывали и структурные проблемы, в результате которых не было возможности открыть дополнительный приход, а у духовенства отсутствовала физическая возможность проявлять повышенное внимание к новоприсоединенным прихожанам. Да и доказать факт присоединения не всегда было возможно [49].

Новый генерал-губернатор в 1869 г. фактически ответил отказом на предложение архиепископа Литовского Макария (Булгакова) о координации усилий властей по укоренению новообращенных в православии [40]. Тем не менее это не очень облегчило задачи местной администрации. Так, Минский губернатор в 1871 г. писал архиепископу о том, что крестьяне д. Новая Рудня Мозырского уезда, присоединенной к православию в 1866 г., уклонялись «от посещения православной церкви и исповеди». При этом он отправил исправника удостовериться в справедливости сведений и просил архиепископа об «увещании» священниками указанных лиц [49]. Смена политического вектора явилась свидетельством постепенной трансформации социальных отношений в сторону современного взгляда на религиозность как на индивидуальное право.

В последующие десятилетия государство отошло от активной поддержки различных аспектов деятельности православной церкви, а в начале XX в. приняли и законы о религиозных свободах, что стало свидетельством утраты церковью своей функции маркера и выразителя социального единства.

Заключение. Таким образом, события 1860-х гг. явились последней малоэффективной попыткой численного роста православной церкви путем давления на другое вероисповедание, претендовавшее выражать социальное единство региона, — католичество. Обусловлено это было комплексом идеологических и социально-политических причин, в основе которых лежала надежда если не на полное вытеснение католичества, то, по крайней мере, на маргинализацию католической шляхты.

На уровне религиозных объединений шел процесс конфессионализации, то есть выработки индивидуализированных форм религиозности. В результате запрос на выражение социального единства общества посредством унии православия с католичеством в значительной степени утратил актуальность. После нескольких волн государственно-церковного давления на католичество, растянувшихся на период около 100 лет, православная церковь превратилась в численно доминирующее вероисповедание. Это имело существенное значение для генезиса

белорусского общества и белорусской национальной идеи, поскольку с 1839 г. ни католичество, ни православие не могли представлять весь спектр социальных отношений региона. Разлом произошел по ключевой линии сложно организованного традиционного общества: между привилегированным или политическим сословием и непривилегированными слоями населения. Общество на уровне системообразующих представлений оказалось расколотым, что представляло существенную проблему в эволюции от традиционных форм социального восприятия к современным.

Литература

1. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / пад рэд. У.І. Навіцкага [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
2. Анішчанка, Я.К. Беларусь у часы Кацярыны II / Я.К. Анішчанка. – Мінск: Веды, 1998. – 211 с.
3. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. / сост. С.Г. Рункевич. – СПб.: Синод. тип., 1907. – Т. 2. – 1632 с. – Д. 3059. – С. 656–658.
4. Даўгяля, З. Урадавыя адносіны да ўніяцкага на Меншчыне ў часы Паўла I // З. Даўгяля / Гістарычна-археалагічны зборнік. – Менск, 1927. – № 1. – С. 131–151.
5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Фонд 2301. Оп. 1. Д. 7. Л. 281.
6. Рункевич, С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832) / С.Г. Рункевич. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. – 623 с.
7. Полное собр. законов Рос. империи (ПСЗРИ): собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXI. – С. 277–278.
8. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXI. – С. 307–308.
9. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. VIII, ч. I, 1834. – С. 244–246.
10. Шавельский, Г.И. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г.И. Шавельский. – СПб.: Тип. «Сельского вестника», 1910. – 494 с.
11. Глубоковский, Н.Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский (–1863.11.11), его жизнь и деятельность / Н.Н. Глубоковский. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1914. – 558 с.
12. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 10310. Л. 1 об.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 797. Оп. 5. Д. 20724. Л. 10, 12, 12 об., 15, 16, 13–13 об., 14, 22–24.
14. РГИА. – Фонд 796. Оп. 114. Д. 711. Л. 1 об., 2.
15. РГИА. – Фонд 796. Оп. 205. Д. 178. Л. 5.
16. Філатава, А.М. Хрысціянскія канфесіі пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі (1772–1860) / А.М. Філатава // Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XIX ст.). – Мінск, 1998. – 340 с.
17. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1836 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1837. – 174 с.
18. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1838 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1839. – 110 с.
19. Дело о распоряжениях Греко-униатского епархиального начальства к дозволению православным священникам отправлять богослужение в некоторых греко-у-

- ниатских церквах. 1837 г. // РГИА. – Фонд 797. Оп. 7. Д. 23218. Л. 2, 4 об., 7.
20. Письмо от 28 декабря 1838 г. // Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I (1838–1839 гг.) / под ред. Л.Г. Захаровой, С.В. Мироненко. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 247.
21. Семашко, И. Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: в 3 т. / И. Семашко. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. – Т. 1. – 745 с.
22. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е.Н. Филатова. – Минск: Бел. наука, 2006. – 192 с.
23. НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. Оп. 1. Д. 8324. Л. 1 об.–2 об.
24. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XIV, ч. I, 1840. – С. 251; ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XVIII, ч. I, 1844. – С. 526–527.
25. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1841 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1842. – 140 с.
26. Швед, В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.) / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2001. – 416 с.
27. Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I (1838–1839 гг.) / под ред. Л.Г. Захаровой, С.В. Мироненко. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 247.
28. Лепеш, О.В. Комитет западных губерний: организация и деятельность (1831–1848 гг.) / О.В. Лепеш. – Минск: РИВШ, 2010. – 156 с.
29. Николай Первый и его время: в 2 т. / сост. Б.Н. Тарасов. – М.: ОЛМА-пресс, 2000. – Т. 1. – 447 с.
30. РГИА. – Фонд 797. Оп. 87. Д. 23. Л. 2–10 об.
31. Извеков, Н.Д. Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. / Н.Д. Извеков. – М.: Печ. А.И. Снегирёвой, 1899. – 522 с.
32. Извеков, Н.Д. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский / Н.Д. Извеков. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 335 с.
33. Radvan, M. Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim, 1796–1839 / M. Radvan. – Roma, Lublin: Polski Instytut Kultury Chrześcijańskiej, 2001. – 504 s.
34. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1851 г. / СПб.: Тип. Св. Синода, 1852. – Приложения: С. 2, 3, 10, 11, 14–17, 28.
35. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 гг. / сост.: М.В. Свиридова, Е.И. Щербакова. – М.: Российский фонд культуры, 2006. – 706 с.
36. РГИА. – Фонд 797. Оп. 87. Д. 242. Л. 9–10, 15.
37. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 19924. Л. 5 об., 6.
38. Горизонтов, Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л.Е. Горизонтов. – М.: Индрик, 1999. – 270 с.
39. Лужинский, В. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого / В. Лужинский. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1885. – 312 с.
40. Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II [Электронный ресурс] / М.Д. Долбилов. – Режим доступа: file:///C:/Users/PAVEL/Desktop/Dolbilov_Mihail_Russkij_kraj_chuzhaja_vera_310362.fb2.epub. – Дата доступа: 03.05.2020.
41. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1869 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10073425>. – Дата доступа: 04.05.2020.
42. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 31181. Л. 3.
43. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 12848. Л. 1, 1 об.
44. НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. Оп. 1. Д. 7515. Л. 3, 4, 21–24 об.
45. НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. Оп. 1. Д. 32782. Л. 1–18.
46. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1866, 1870, 1873, 1876, 1886 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=46921924>; <http://books.e-heritage.ru/book/10073421>; <http://books.e-heritage.ru/book/10073426>; <http://books.e-heritage.ru/book/10073429>; <http://books.e-heritage.ru/book/10073432>. – Дата доступа: 04.05.2020.
47. НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. Оп. 1. Д. 34488. Л. 20.
48. НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. Оп. 1. Д. 1919. Л. 1–2.
49. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 33806. Л. 1, 59 об.

Поступила в редакцию 10.06.2020

ФИЛОСОФИЯ

Социальная философия и ее дисциплинарный статус в современной гуманитарной науке

Адуло Т.И.

Государственное научное учреждение «Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», Минск

Нынешний мир далек от стабильности, хотя еще на рубеже XX–XXI вв. ООН был разработан масштабный проект устойчивого развития и предпринят целый ряд конкретных мер по его практической реализации.

Цель статьи — на основе осмысления мировой и национальной практики показать возросшую значимость философской базы прогнозирования социальной динамики и способов адекватных ответов на вызовы современности.

Материал и методы. Научная работа базируется на результатах авторского многолетнего исследования динамики общественных процессов конца XX — начала XXI в. и ее рефлексии в разработках социальных философов. В качестве основных использованы исторический, логический и диалектический методы, а также метод сравнительного анализа.

Результаты и их обсуждение. Научная новизна данной публикации определяется тем, что она нацеливает философов на познание не внешних, вербально воспринимаемых социальных явлений и процессов, а внутренних, скрытых от внешнего наблюдения механизмов общественного развития, постигаемых посредством абстрактного мышления. Это поможет понять природу и сущность современных социальных кризисов, рисков и угроз, даст возможность выработать конкретные предложения по их предотвращению. Установлено, что цивилизационная парадигма, принятая многими постсоветскими философами за основу трактовки исторического процесса, не позволила адекватно воспроизвести в теоретической форме его объективную диалектику, а следовательно, спрогнозировать динамику социума на ближайшую перспективу. Отмечено явное расхождение взятой на вооружение россиянами философской цивилизационной концепции и самой социальной практики, идущей в русле формационного учения — встраивания России в глобальную систему капитализма на условиях его ядра. Показано, что не богдановская тектология и не синергетика, а диалектика позволяет постичь социальность в ее онтологической природе и антропологической сущности, исторической динамике и современной модификации как базе потенциальных вызовов XXI века.

Заключение. Результаты исследования обосновали необходимость более фундаментальной разработки философской базы теоретического осмысления и прогнозирования динамики общественных процессов. Эту задачу в состоянии решить социальная философия, но ее саму следует переформатировать в плане переориентации ее проблематики с микро- на макропроцессы социума.

Ключевые слова: общество, социальность, социальная динамика, формационное учение, цивилизационная концепция истории, глобальный капитализм, социальная философия, философия истории, диалектика.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 97–105)

Social Philosophy and its Disciplinary Status in the Contemporary Humanities

Adoulo T.I.

State Scientific Institution (SSI) “Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk

The contemporary world is far from stability, though already at the turn of the XX–XXI centuries the UN elaborated an extensive plan for sustainable development and took a range of measures to practically fulfill it.

The goal of the article is to demonstrate the increasing importance of the philosophical background in prognosticating social dynamics and ways of adequate answering to contemporary challenges by means of the reflection on world and national practice.

Material and methods. The scientific article is based on the results of the author’s long-term research of the dynamics of societal processes at the turn of the XX–XXI centuries and his enquiry into the reflection of social philosophers on this issue. In the range of key methods employed by the author the historical, logical and dialectical methods, as well as the method of comparative analysis may be outlined.

Findings and their discussion. The scientific relevance of the article is determined by the research intention to motivate

Адрес для корреспонденции: e-mail: tadoul@mail.ru — Т.И. Адуло

philosophers to comprehend not outward, verbally perceivable social phenomena and processes, but rather inward mechanisms of societal development, hidden from outward observation, which are cognized by abstract thinking. This intention contributes to the understanding of the nature and the essence of contemporary social crises, risks and threats; gives a possibility to elaborate concrete suggestions on their prevention. The article demonstrates that the civilization paradigm, which has been accepted by many post-Soviet philosophers as a foundation for the interpretation of the historical process, has not allowed us to adequately reproduce its objective dialectics in a theoretical form. Consequently, it has not allowed us to prognosticate the dynamics of society even for a short-long period. The author reveals the divergence between the Russian philosophical civilization conception and the very social practice, which follows the doctrine of formations, i.e. the engagement of Russia into the global system of capitalism with its only possible position of a kernel. As has been demonstrated, that neither Bogdanov's tektology nor synergetics, but rather dialectics may allow us to comprehend sociality in its ontological nature and anthropological essence, its historical dynamics and contemporary modifications as a background of potential challenges of the 21st century.

Conclusion. *The research findings have justified the necessity of a more fundamentally grounded elaboration of philosophical background of theoretical comprehension and prognostication of the dynamics of societal processes. The task may be solved by social philosophy in case its problematic matter is reoriented from micro- toward macro-processes of society.*

Key words: *society, sociality, social dynamics, the doctrine of formations, the civilization conception of history, global capitalism, social philosophy, philosophy of history, dialectics.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 97–105)

Начиная с античности, человеческая история привлекала повышенное внимание исследователей. Философское ее осмысление помогало уяснить внутренние источники и тенденции общественного развития, оценить прошлое, понять настоящее и предвосхитить будущее социума. Вот и в начале XXI века интерес к ней стал более пристальным, что связано с особенностями нашей исторической эпохи. С одной стороны, современные общественные процессы особенно масштабны и судьбоносны для всех субъектов исторического процесса, с другой – предельно динамичны, и по этой причине не всегда предсказуемы. В особенности это касается огромного постсоветского пространства: ни один из социальных прогнозов, разработанных отечественными и зарубежными исследователями и политиками, а подавляющее большинство из них были оптимистичными, к сожалению, так и не подтвердился. Социальная практика решительно разошлась с прогнозами обществоведов.

В чем причины столь нерезультативной практической деятельности специалистов в области прогнозирования? Думается, их целый комплекс – они связаны и с объектом прогнозирования – обществом, и субъектами прогнозирования – конкретными исследователями, и философско-теоретической базой социального прогнозирования.

В первую очередь, отметим сложность самого объекта познания – общества. На эту его особенность указывали Г. Гегель, К. Маркс, Э. Дюркгейм, П.Л. Лавров, П. Сорокин и многие другие мыслители, которые своей теоретической деятельностью самым непосредственным образом были сориентированы на исследование социума.

И хотя уровень теоретического осмысления общества и социального прогнозирования в целом на рубеже XX–XXI вв. оказались неудовлетворительными, тем не менее задача познания человеческой истории

не снимается, наоборот, она становится еще более актуальной и в теоретическом, и практическом смыслах. Кто этим должен заниматься? Безусловно, обществоведы – в первую очередь философы, экономисты, социологи, политологи, правоведы и др.

Одним из новых вызовов для Беларуси является гуманитарная безопасность общества. Всестороннее теоретическое осмысление этой проблемы, несомненно, следует отнести к приоритетным направлениям национальной социально-гуманитарной науки.

Гуманитарную безопасность не следует понимать в узком смысле этого слова – лишь как защиту гуманитарной сферы или гуманитарного среза системы общественных отношений. Речь в данном случае идет о сохранении и приумножении фундаментальных, базисных основ общества, начиная с его экономического сектора и заканчивая сферой идеологии и культуры. Безусловно, конкретные специалисты, каждый в своем сегменте социального бытия способны решать возникшую специфическую задачу с целью недопущения социальной угрозы, но только в собственном сегменте. А речь идет о том, чтобы предотвратить потенциальные угрозы применительно ко всей социальной системе – всей совокупности общественных отношений. Частичное их решение не устраняет потенциальных угроз. Необходимо разрабатывать систему превентивных мер применительно ко всему обществу. А для этого надо иметь целостную картину сегодняшних общественных процессов, т.е. мирового социума. Такую картину в состоянии дать лишь социальная философия, понимаемая как философия истории. Однако в отечественной (и в мировой) философии в последние годы недостаточно внимания уделяется системному осмыслению современного общества, в результате чего политики не всегда получают адекватную картину социума, и вследствие этого не в состоянии принимать выверенные решения. Активно возникающие в XXI веке социальные кризисы, в том числе только что разразившийся «не-

фтяной», служат тому подтверждением. Все это говорит о том, что требуется более активная, более системная работа в области познания сущности современных общественных процессов.

В данном случае рассмотрим специфику исследования человеческой истории философами, поскольку в номенклатуре специальностей этих наук, определенных ВАК Республики Беларусь, имеется та конкретная специальность, в рамках которой, согласно паспорту, и должно вестись ее исследование. Эта специальность – «Социальная философия». Обратимся к истории создания данной философской дисциплины.

Цель статьи – на основе осмысления мировой и национальной практики показать возросшую значимость философской базы прогнозирования социальной динамики и способов адекватных ответов на вызовы современности.

Материал и методы. Научная работа базируется на результатах авторского многолетнего исследования динамики общественных процессов конца XX – начала XXI в. и ее рефлексии в разработках социальных философов, экономистов и политологов. Так называемые «переходные эпохи», а к ним, несомненно, следует отнести и 1990-е годы, в научном плане интересны тем, что раскрывают обычно скрытые для внешнего взора глубинные пласты социальности, ее внутренние противоречия, являющиеся источником социальной активности огромных масс людей и их политических лидеров, способных повести за собой эти массы то ли вперед, то ли вспять. В 2004–2006 гг. под руководством автора был выполнен проект БРФФИ – РГНФ «Проблемы социальной консолидации общества в процессе глобализации (сравнительный анализ на материалах России и Беларуси)», в рамках которого проведено конкретное социологическое исследование – опрошено по республиканской выборке 1162 респондента. Полученные результаты позволили более детально осмыслить социально-политическую ситуацию в Беларуси и России, выявить социальные противоречия, представляющие собой онтологические основания различных отчужденных форм бытия человека, спрогнозировать тенденцию их развития, разработать конкретные предложения, направленные на недопущение в обществе социальных коллизий и взрывов. Статья выстроена в русле основных идей не опубликованного в печати доклада «Социальная философия как предельно общая теория исторического процесса», с которым автор выступил на пленарной сессии Четвертой международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания», прошедшей в Минске 14–15 ноября 2019 года. В качестве основных использованы исторический, логический и диалектический методы, а также метод сравнительного анализа.

Результаты и их обсуждение. Ровно 30 лет назад в Москве было положено начало реализации проекта постсоветской философии, в результате чего и была создана новая дисциплина под названием «Социаль-

ная философия». Отметим сразу, что процесс реформирования (а точнее – ликвидации) советской философии, в результате чего появилась новая философская дисциплина об обществе, имел идеологическую и политическую подоплеку. Важная информация о том, кем, как и с какой целью создавалась дисциплина «Социальная философия», содержится в опубликованном пространном интервью академика РАН В.С. Степина [1] – одного из непосредственных участников «перестройки» идеологической сферы, осуществлявшейся под руководством А.Н. Яковлева.

В первую очередь обратим внимание на то, что, с точки зрения диалектики, «перестройка» 1990-х годов вовсе не трансформация (этой ошибочной, на наш взгляд, точки зрения придерживаются большинство философов и политологов), а социальная революция. В результате т.н. перестроечных процессов ликвидированы прежняя экономическая база и ее надстройка, т.е. политическая система. В России этот революционный процесс совершен в два этапа: в 1990–1991 гг. заложены основы новой общественной системы, но при этом еще сохранялась часть политической надстройки в виде Верховного Совета РФ и других учреждений, в 1993 году полностью ликвидирована прежняя политическая надстройка. В Беларуси схожего типа социальная революция растянулась на более длительный срок. Она еще не завершилась – фактически продолжается и в наши дни, подтверждением чему служат то возрастающие, то утихающие дискуссии политических акторов: одни из них пытаются отстоять устои прежнего, социалистического уклада, другие, наоборот, стремятся ускорить рыночный, т.е. капиталистический, курс государства. Но и здесь можно отметить ряд ее темпоральных точек, зафиксировавших качественные изменения прежней социально-экономической и политической системы. К ним можно отнести 1994 год (принятие новой конституции) и 1996 год (принятие конституции с существенными поправками и изменениями). Как это отразилось на философии?

Советская философия являлась важнейшим сегментом надстройки, служила одним из инструментов сохранения той политической системы. Поскольку «сверху» решалась задача перевода страны на новую политическую систему, то, естественно, для нее прежняя философия была не пригодной. На смену ей должна была прийти новая философия. Философским фундаментом советской политической системы был исторический материализм с его формационным учением. Его-то, по замыслу архитекторов «перестройки», и следовало в первую очередь заменить новым философским учением, выстроенным, по указанию А.Н. Яковлева, секретаря ЦК КПСС, на платформе цивилизационной концепции.

Что представлял собой исторический материализм, который в спешном порядке ликвидировали? Исторический материализм был не просто философским направлением. Он являлся теоретической базой построения нового типа общества, т.е. всей советской системы.

Кроме того, это был теоретико-методологический фундамент других социальных и гуманитарных дисциплин: на формационном учении как методологической основе выстраивались экономическая, историческая, правовая, социологическая и другие науки.

Исторический материализм в советской философии трактовался «в виде философской концепции исторического процесса», как «общая социологическая теория, наука об общих и специфических законах функционирования и развития общественно-экономических формаций» [2, с. 228]. По сути, данная дисциплина была философией истории, хотя сам термин «философия истории» не использовался. Отчасти это было связано с тем, что им оперировали И. Гердер и в особенности Г. Гегель, разработавший специальный курс лекций по философии истории. И Гердер, и Гегель придерживались идеалистической трактовки человеческой истории – ее развитие связывали с развитием мирового духа. Идеалистическое направление в трактовке истории получило продолжение в европейской философской традиции XX века в разработках Р.Дж. Коллингвуда, Й. Бохеньского и др. Поэтому в советском обществоведении «философия истории» преподносилась как одно из идеалистических, т.е. ненаучных направлений западной философии. Исторический материализм раскрывал сущность социальности, движущие силы исторического процесса, его закономерности и т.д. на базе материалистического понимания истории. Он теоретически обосновывал возможность построения общества нового типа, в котором исключались превращенные формы социальности, в том числе главная из них – эксплуатация человека человеком.

Итак, специальность «Диалектический и исторический материализм» была упразднена еще в бытность СССР. «Правопреемницей» диалектического материализма в Беларуси и России стала «Онтология и теория познания» (на Украине – «Онтология, гносеология, феноменология» и «Диалектика и методология познания»), «правопреемницей» исторического материализма выступила специальность «Социальная философия» (на Украине – «Социальная философия и философия истории»). Вскоре возникла еще одна дисциплина в отрасли философских наук под названием «Религиоведение, философская антропология, философия культуры». Как видим, в названиях новых философских дисциплин, утвержденных в России и Беларуси, отсутствуют ключевые философские категории – «материализм» и «диалектика». Это понятно. В свое время в послесловии к первому тому «Капитала» К. Маркс отмечал: «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринарам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели...» [3, с. 22]. К. Маркс в данном случае имел в виду капиталистическую общественно-экономическую формацию. А СССР упорно разворачивали на этот губительный путь – то ли не осознавая его опасности, то ли созна-

тельно делали это, поскольку имеющиеся факты свидетельствовали о том, что атрибутивным свойством капиталистической системы являются периодические кризисы, что эта система не делает новых членов равноправными субъектами, не включает их в свое ядро (ортокапитализм), а использует лишь в качестве сырьевого придатка и рынка сбыта своей собственной продукции, т.е. превращает их в колонии.

Поскольку страна переводилась на капиталистический путь развития с изначальным прохождением самого жестокого для ее граждан этапа первоначального накопления капитала, методы которого, по определению К. Маркса, – «это все, что угодно, но только не идиллия» [3, с. 726], то диалектику, раскрывающую сущность капитализма, решили убрать и заменить ее тектологией А.А. Богданова, синергетикой и т.п. методологическими разработками, претендующими превзойти в методологическом плане диалектику, а на самом деле не способными объяснить ни исторический процесс, ни тем более изложить людям суть и последствия осуществляемых «сверху» социальных преобразований. Следует учесть и то, что на рубеже XX–XXI вв. ООН была запущена метафизическая по своей сущности программа «устойчивого развития», которая и сейчас еще пропагандируется и внедряется в общественное сознание, несмотря на постоянно совершающиеся социальные мировые кризисы, доказывающие ее несостоятельность. Естественно, что диалектическое мышление не могло бы согласиться с утопическими, антигуманными социальными проектами. Поэтому и с этой точки зрения необходимо было отказать диалектике (объективной и субъективной) в праве на существование. Ведь диалектика «ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [3, с. 22]. В Киеве, правда, все-таки отстояли диалектику как философскую специальность, хотя и в несколько усеченной формулировке – в виде важнейшего структурного элемента методологии познавательного процесса. Украинских философов можно понять: у них была национальная школа в области диалектики и диалектической логики, у истоков которой стоял бывший директор института философии П.В. Копнин.

Причина изъятия категории «материализм» тоже понятна. Философский курс, как и политика, выстраивались на установке плюрализма мнений и идеологий. Из учебного курса был даже убран основной вопрос философии – тот вопрос, уяснение которого позволяло студентам понять реальную картину развития философской мысли и преимущества материалистической линии философии перед философией идеалистической. Именно на материалистической философии выстраивается научная картина мира. Но научная картина мира, как видим, не устраивала идеологов перестройки.

Примечательно то, что для решения задачи по созданию новой философской дисциплины об обществе не привлекались крупные специалисты, занимавшиеся в то время философскими проблемами социума

и исторического процесса, – В.Ж. Келле, Ю.К. Плетников, В.М. Межуев, В.И. Толстых, Р.И. Косолапов, Ю.И. Семенов и др. Причем, среди этих философов были и те, которых никак нельзя отнести к «ортодоксальным» марксистам, те, которые пытались не по-ученически, а творчески следовать за К. Марксом, т.е. так, как требовал классик относиться к его учению. Возможно, не пригласили этих философов в «перестроечную команду» в силу их компетентности, понимавших сущность «рыночной экономики», а в особенности сущность процесса первоначального накопления капитала с его масштабными социальными потрясениями и с огромными человеческими жертвами, что вскоре и подтвердилось на всем бывшем советском пространстве.

Вообще в те бурные, беспокойные дни в головах отдельных политиков возникала пролеткультовская идея ликвидации философии как таковой. Но, судя по всему, просчитав этот вариант, испугались последствий его реализации: в те годы функционировали институты философии в Академии наук СССР и Академии наук Украинской ССР, философская наука наряду с историей, правом, экономикой и социологией развивалась в академиях наук и других союзных республик. Помимо этого, в ведущих университетах страны имелись философские факультеты, а философские кафедры – во всех вузах СССР. Это тысячи специалистов – мощный социальный слой интеллектуалов. Ликвидация в одночасье всех учреждений могла привести к социальному взрыву. Решено было пойти иным путем – поставить себе на службу философов, переформатировав их мировоззрение. Именно для этого изменялись направления НИР в области философии и содержание программ учебных курсов по философии. Философию, в том числе только что созданную дисциплину «Социальную философию», отнесли к гуманитарным наукам и всячески пытались лишить ее научного статуса. Например, заложили идею валютности социальной философии, о чем подробнее будет сказано ниже. Понятно, что не один лишь А.Н. Яковлев работал над проектом постсоветской философии. Были у него помощники и консультанты.

В процессе разработки новой философской дисциплины, объектом исследования которой является непосредственно человеческая история, упор был сделан на цивилизационный подход, хотя уязвимость его была очевидной изначально. Дело в том, что М.С. Горбачёв ставил задачу «вхождения СССР в Европу», строительства совместно с Западом «общего дома». Он, видимо, полагал, что отказ от коммунистического проекта и перевод страны на рельсы рыночной экономики снимет главное противоречие той исторической эпохи – противоречие между капиталистическим и социалистическим блоками. Но цивилизационный проект формировал базу нового, не менее серьезного противоречия – противоречия между восточной и западной цивилизациями, о котором в свое время рассуждал Н.А. Данилевский, а позже

О. Шпенглер в работе «Закат Европы». Это противоречие во всей его полноте и негативных последствиях мы и наблюдаем в наши дни: идет ожесточенная, не прекращающаяся ни на один день борьба между Западом и Востоком, между Европой и Россией, между США и Китаем, между США и Латинской Америкой. Чем закончится эта борьба, пока не ясно: то ли победой одной из сторон, то ли гибелью цивилизации. Об этом и должны были бы рассуждать в наше время социальные философы. Но подобными вопросами занимаются в основном геополитики, правда, порой, без необходимой для этого серьезной философско-теоретической базы.

В.С. Степин ставил себе в заслугу то, что в процессе обсуждения с А.Н. Яковлевым проекта переформатирования советской философии отстоял идею сохранения своеобразного синтеза формационного и цивилизационного подходов «по принципу дополнительности в смысле Н. Бора» [1, с. 62], что в дальнейшем и было внедрено в вузовские учебные программы и учебники. Однако возглавив Институт философии АН СССР, он, по собственному признанию, стал развивать идею именно цивилизационного подхода. Философ отмечал: «Это было связано с определенным социальным заказом, потому что с 1989–1990 гг. начиналась критика марксизма и возникла идея, что формационному подходу надо противопоставить цивилизационный подход, который разрабатывался в основном на Западе. Критиковали марксистский формационный подход, говорили, что он ограничен и нужно перейти к анализу цивилизационного подхода и тогда, может быть, мы поймем многое в современной мировой истории» [1, с. 62]. Действительно, это был «социальный заказ». И критиковали формационный подход, учение К. Маркса, не советские, а европейские философы – К. Поппер и другие, а также русские эмигранты – Н.А. Бердяев и др. Именно их работы антимарксистского содержания, вышедшие на Западе еще в 1920–1940-х годах, в конце 1980-х годов активно переиздавались в СССР огромными тиражами, в том числе в типографиях ЦК КПСС. Можно напомнить известную серию «Из истории отечественной философской мысли», вышедшую как приложение к журналу «Вопросы философии», в рамках которой были изданы работы философов идеалистического направления, т.е. оппонентов материалистической философии. Отметим и то, что на Западе в то время не было никакого интереса к цивилизационному подходу. Западные философы, экономисты и политологи выстраивали свои концепции постиндустриального общества на базе формационного учения. Достаточно назвать получившую широкое распространение в мире работу Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество». Картину значительного влияния постиндустриальных теорий на общественное сознание раскрыл в своих публикациях директор Центра исследований постиндустриального общества В.Л. Иноземцев [4].

И еще один заслуживающий внимания момент. Цивилизационный подход при всем уважительном

к нему отношения не в состоянии помочь нам понять «многое в современной мировой истории» [1, с. 62]. Конечно, он способен раскрыть причину жесткой агрессии США по отношению к современной России, несмотря на то, что та практически выполняет почти все предъявляемые к ней требования, причем в ущерб национальным интересам. Но цивилизационный подход не устанавливает истоки, сущность и последствия финансовых и экономических потрясений мирового сообщества, периодически охватывающих одновременно как Запад, так и Восток, вступивший на путь капитализма, в том числе Россию. А теория К. Маркса, т.е. формационное учение, дает этим социальным кризисам полное объяснение. В отличие от цивилизационного учения, опирающегося, главным образом, на сравнительный анализ духовных устоев народов, типологии их культур, формационное учение выстраивается на основе выявления сущности материальных основ общества, в данном случае – «экономической клетки буржуазного общества» [3, с. 6], которая есть «товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара» [3, с. 6]. Как указывал К. Маркс, «предметом моего исследования в настоящей работе [“Капитале”. – Т.А.], является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» [3, с. 6]. Анализ «экономической клетки» современного глобального капитализма, отношений обмена, способа производства в целом и позволяет раскрыть истинные причины нынешних социальных кризисов. Объяснение их природы каким-то «коронавирусом» есть либо плод иллюзорного воображения, либо специально заготовленный информационный вброс с целью манипулирования общественным сознанием. Не «коронавирус», а «экономическая клетка» глобального капитализма порождает ежедневно сегдняшние социальные кризисы и потрясения. И не богдановская тектология, а диалектика позволяет постичь социальность в ее онтологической сущности, исторической динамике и современной модификации как базе потенциальных вызовов XXI века. Мы стали очевидцами такой картины: явного расхождения взятой на вооружение россиянами, вернее, российским истеблишментом, философской цивилизационной концепции и самой социальной практики, идущей в русле формационного учения – встраивания России в глобальную систему капитализма на условиях его ядра – в виде его сырьевого придатка и рынка сбыта продукции. Даже те политики, которые стояли у истоков «перестройки», убедились в губительности избранного страной экономического и политического курса. Как отмечает Г.А. Явлинский, восприятие России «все больше отражает ее нынешнее состояние пусть и весомой, но периферийной и сравнительно малозначимой части мирового хозяйства, чья роль, с одной стороны, сводится преимущественно к поставкам нефти и газа, некоторых других сырьевых продуктов, а также торговле “ширпотребом” ВПК и оказанию некоторых

транспортных услуг, а с другой – к потреблению товаров массового спроса» [5, с. 10].

Чтобы внедрить в программы НИР научно-исследовательских институтов и учебные программы вузов цивилизационный подход, требовалось тотально искоренить формационное учение, т.е. марксистскую философию, чем не преминуло заняться новое руководство Института философии АН СССР. Отдел исторического материализма, возглавлявшийся Ю.К. Плетниковым, сотрудники которого в 1981–1987 годах выполнили и опубликовали в трех томах фундаментальное исследование «Марксистско-ленинская теория исторического процесса», а также сотрудники смежных структурных подразделений, подготовившие и издавшие в 1987 году монографию «Материалистическая диалектика как общая теория развития: диалектика общественного развития», были переориентированы на разработку цивилизационной идеи. Институт философии АН СССР задавал тон исследователям союзных республик. Схожие процессы, вслед за Москвой, имели место и в Минске. В частности, в Институте философии и права по указанию ЦК КПБ были упразднены структурное подразделение, занимавшееся критическим анализом западной философии и антикоммунистических философских течений, а также сектор исторического материализма и методологических проблем социологических исследований. Был перепрофилирован сектор диалектического материализма и философских вопросов естествознания, возглавлявшийся академиком АН БССР Д.И. Широкановым, у истоков создания которого стояли академик АН СССР Г.Ф. Александров и член-корреспондент АН БССР Д.И. Степанов. В секторе в свое время работали известные специалисты в области диалектики, теории и методологии познания И.И. Жбанкова, М.А. Слемнев, А.И. Филюков и др. Сектор являлся основной базой подготовки высококвалифицированных специалистов для белорусских вузов.

По-разному вели себя советские философы в сложившейся ситуации. Большинство из них отказались от прежних своих взглядов, правда, не отказавшись при этом от советских вузовских, кандидатских и докторских дипломов – даже тех, в которых была зафиксирована специальность «Научный коммунизм», что свидетельствовало о конъюнктурности, мировоззренческой и идеологической неустойчивости многих лиц, избравших стезю философии. Так, например, поступил автор известной монографии «Формирование философии марксизма», переведенной на ряд иностранных языков. Другие немногочисленные философы отстаивали свои убеждения до конца жизни. Среди них назовем докторов наук Ю.К. Плетникова, Ю.И. Семенова, Р.И. Косолапова, в какой-то степени В.М. Межуева. Были случаи, когда на защиту марксистского учения вставали философы, ранее по своей специализации непосредственно не занимавшиеся исследованием марксистской теории. Как тут не назвать известного историка античной философии, доктора

философских наук, профессора Д.В. Джохадзе, создавшего фонд «Центр марксистских исследований» и на протяжении многих лет успешно руководившего им, хотя работать ученому приходилось не просто. На базе Института философии РАН сторонниками марксистской философии был организован ежемесячный теоретический семинар «Марксовские чтения».

В целом же с конца 1990-х годов на постсоветском пространстве стал доминировать цивилизационный подход. В какой-то мере именно он теоретически подпитывал межэтнические конфликты, которые исподволь формировались в тот исторический период, а вскоре бурно разразились практически на всем постсоветском пространстве. Хотя и в бытность СССР цивилизационный подход не способствовал единению советских наций. Поэтому в основу выстраивания межнациональных отношений был положен принцип равноправия и дружбы наций, принцип интернационализма. Национализм всегда вел этносы к противостоянию и конфронтации. Его эффективно использовали противники российского государства в качестве инструмента развала как Российской империи, так и СССР.

Безусловно, и цивилизационный подход в теоретической форме воспроизводит объективные социальные процессы, вследствие чего обладает когнитивным потенциалом, но формационная теория выглядит в теоретическом плане более фундаментальной, более системной. Повторюсь: в наши дни именно формационная, а не цивилизационная, объясняет природу столь часто происходящих в первой четверти XXI века финансовых и экономических кризисов. К сожалению, приходится констатировать тот бесспорный факт, что нынешнее поколение постсоветских философов имеет смутное представление о формационной теории, методе и принципах ее разработки в «Капитале» К. Марксом, хотя на Западе интерес к этому фундаментальному труду в последнее время резко возрос. Попытка же диалектического (именно диалектического) синтеза формационного и цивилизационного подходов к человеческой истории пока не увенчалась успехом. По-видимому, он и не случится.

Перейдем к вопросу о предмете, методах, исходной базе социальной философии как дисциплины. В 1990-е годы, в период формирования дисциплины «Социальная философия», определяющей идеологической установкой стала установка на «многообразие идеологий» и «плюрализм мнений». Кстати, данные идеи заложены и в конституциях отдельных постсоветских государств. По этой причине построение курса социальной философии осуществлялось не в виде целостного учения, а в виде изложения уже имеющихся разнообразных наработок в области философии истории. В результате, как отметил в беседе со В.С. Степиным И.Т. Карсавин, «сегодня в этой области царит хаос: теории А. Тойнби, О. Шпенглера, Н. Данилевского сосуществуют с учениями Л. Февра, Ф. Броделя и М. Блока, с одной стороны, и с концепциями Ж. Батая, В. Райха, Ж. Делеза, с другой стороны; идеи Г. Риккерта, Р.Д. Кол-

лингвуда, Фукуямы, П. Бурдьё произвольно объединяются с представлениями, восходящими к И. Киреевскому, К. Леонтьеву, А. Хомякову, В. Соловьеву, Н. Бердяеву, Л. Франку» [1, с. 62]. Студенты и аспиранты получили возможность не только активнее приобщаться к мировому философскому наследию в области философии истории, но и взять за отправную точку (базу) своих научных исследований любое из имеющихся философских течений – выстраивать собственную концепцию то ли на базе идей М. Фуко, то ли на базе идей Ю. Хабермаса.

Хорошо это, или плохо? Не представляется возможным дать однозначную оценку такому подходу к обучению и научно-исследовательской деятельности. Есть как позитивы, так и негативы. Позитив заключается в том, что исследователь получил свободу теоретической деятельности. Не абсолютную, как некоторые полагают, а только относительную свободу, поскольку даже выдающийся исследователь порой не в состоянии выйти за рамки своей исторической эпохи. Ее дух в большей или меньшей степени влияет на мировоззренческую позицию исследователя. Еще Г. Гегель утверждал: «Столь же нелепо предполагать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь нелепо предполагать, что индивид способен перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос» [6, с. 55]. Негатив же видится в том, что в этом случае создаются предпосылки несистемного исследования. Опытный эксперт нередко замечает в нынешних диссертациях и опубликованных работах причудливый синтез принципиально не соединяемых вещей – взаимоисключающих концепций. А ведь для диалектического синтеза двух вещей необходимо наличие чего-то общего у них, их объединяющего онтологического основания.

Советскую философию оценивали по-разному. Западные философы, правда, не все, давали ей, как правило, критическую оценку. Такую же, сугубо критическую, оценку давали советские философы западной философии. О каком-то синтезе двух типов философствования не могло быть и речи. В условиях острого противоборства двух социальных систем советским философам приходилось непосредственно участвовать в теоретическом и идеологическом обеспечении социалистической системы. Но такого же рода деятельностью – идеологическим обеспечением, правда, уже капиталистической системы занимались западные философы, в том числе известные. В «Письме моим русским читателям», предвещающем изданную в Москве в 1992 году книгу «Открытое общество и его враги» К. Поппер отмечал, что он является защитником буржуазного общества и противником марксизма. «Вывод, который мы должны из всего этого сделать, – продолжал он, – таков: нельзя позволить подобным идеологиям вновь овладеть нашими умами» [7, с. 486]. Он также объяснил читателям, с какой целью и по чьему заказу была создана эта книга [7, с. 486].

При всем этом советская философия была самобытным феноменом. Ее можно было критиковать, с ее идея-

ми можно было не соглашаться, но Западу не дано было не признавать само ее существование в виде самобытного философского течения. Более того, западные философы и особенно политики опасались усиливающегося влияния исторического материализма на общественное сознание, о чем поведал К. Поппер. Советские философы регулярно участвовали в международных философских конгрессах, выступали с пленарными докладами. А ведь советская философия просуществовала всего лишь каких-то 70 лет. Да и то неполных, учитывая период ее формирования и военные годы.

Дисциплина «Социальная философия» известна в постсоветских государствах уже 30 лет. Это большой срок. Но у нас нет оснований заявить о том, что она представляет собой особое философское течение, как это было с историческим материализмом. Безусловно, в рамках социальной философии осмысливаются отдельные важные проблемы – национальные отношения и т.п. Но важнейшие проблемы социума, как то: механизмы функционирования общества, перспективы общественного развития, причины современных социальных кризисов, пути достижения мира и согласия на земле, глобализационные процессы, этническая проблематика и др. – исследуются иными дисциплинами: политологией, социологией, глобалистикой. Социальная философия пока не обрела своего лица, в нынешнем виде она не способна выступать в качестве интегратора учений об обществе и тем более в качестве надежной теоретической базы государственного строительства на ближайшую и отдаленную перспективы. А ведь Глава нашего государства на Втором съезде ученых Беларуси перед гуманитариями ставил задачу «научиться предвидеть актуальные проблемы и процессы развития общества, помогать государству находить адекватные ответы на новые вызовы современности» [8]. Кому как не философам и, прежде всего, социальным философам решать эту непростую, но в то же время столь актуальную задачу.

Ведь и исторический материализм не стал надежной теоретической базой построения коммунистической формации. Это дискуссионное утверждение. Несомненно, были просчеты философов. Но контрреволюцию совершали не философы, а политики, которых не устраивала идея коммунизма с ее принципами равенства и справедливости. Философы саму возможность контрреволюции не отвергали. Более того, они предлагали конкретные меры по недопущению отрыва разного рода аппаратчиков от граждан. Конечно, нынешняя дисциплина «Социальная философия» не в состоянии решать те масштабные задачи, которые в свое время предписывалось выполнять историческому материализму. От нее этого и не требуют. Многие из тех функций исторического материализма сейчас переложены на политологию, социологию, глобалистику и другие социальные и гуманитарные науки. Но социальная философия не должна быть сторонним наблюдателем происходящих социальных процессов. Она обязана их осмысливать и со своей стороны ак-

тивно подключаться к разрешению проблемных ситуаций. Думается, перспективы и жизненность социальной философии будут зависеть от интеллектуальной работы самих философов, от того, насколько глубоко они своей теоретической мыслью будут раскрывать сущность социальных процессов, разрабатывать и предлагать обществу идеи, способствующие его практической гуманизации.

Все более становится очевидным, что дисциплина под названием «Социальная философия» требует своеобразного «переформатирования». До сих пор философы так и не пришли к согласию относительно ее объекта и предмета, а также ее методологических оснований и принципов. Все это негативно сказывается на когнитивном потенциале социальной философии и ее имидже. Не способствует имиджу социальной философии также заложенная в учебные программы и учебники типология социально-философского знания в виде трех *равноценных*, не взаимодополняющих, а фактически взаимоисключающих моделей – рефлексивной, валюативной и постмодернистской [9, с. 253–255]. Социальная философия как «правопреемница» исторического материализма, казалось, должна была бы представлять собой предельно общую философскую теорию, раскрывающую сущность, движущие силы и направленность исторического процесса, т.е. выступать в качестве философии истории. Но предложенная типология, с одной стороны, нацеливает эту дисциплину, как отмечает К.Х. Момджян, на «научное познание», поиск ответов на проблемы, «совершенно необходимые для полноценного понимания социальности и антропной реальности», «доступные только философскому уму и недоступные нефилософской гуманитаристике, обществознанию в исторической науке» [9, с. 253], а с другой стороны, если исходить из валюативной трактовки социальной философии, ее продуктом, опять же, по высказыванию К.Х. Момджяна, «являются не истинные **знания** о мире, а общезначимые **мнения** о нем» [9, с. 254]. Наконец, социальная философия предстает и как своеобразный тип мышления, превращающий «философию в некий синтез культурологии, искусствоведения и собственно искусства – искусства яркой и образной “мысли о смыслах” с немалыми элементами интеллектуальной игры» [9, с. 256].

Что можно сказать по поводу предложенной типологии социальной философии и в особенности ее валюативного типа? Вполне понятно, что философское осмысление истории в качестве одного из компонентов способно включать и «общезначимые мнения» [9 с. 254], оно в состоянии также давать адекватную ценностную оценку историческим событиям и т.п. Но, создавая подобную типологию «социального знания», мы тем самым делаем *семантически размытым само это понятие*. Об этом приходится говорить в силу того, что социальная философия в современном ее виде не только не выступает в качестве надежной философско-теоретической базы теоретического осмысления и прогнозирования социальных процессов, но и не выполняет свою главную функцию – не выступает

в качестве систематизатора и координатора социальных и гуманитарных наук в целом.

В зарубежной философской и особенно в социологической мысли (на Западе именно социология претендует на осмысление исторического процесса) тоже нет единства: одни ученые ратуют за создание теории, способной дать более-менее полное знание об общественных процессах, другие – придерживаются прямо противоположной точки зрения, третьи – занимают промежуточную позицию. «Я вовсе не хочу сказать, – отмечает известный английский социолог Э. Гидденс, – что освещение, понимание и объяснение реальных причин и фундаментальных свойств человеческого поведения лежит за рамками целевого назначения социальной теории. Я полагаю, что задача установления и обоснования всеобъемлющих правил и принципов – специально не говорю “законов” – является только одним из ее приоритетов» [10 с. 3].

Каким видится выход из сложившейся ситуации? Думается, прежде всего, требуется уточнение предмета и объекта исследования социальной философии – ее паспорта. В качестве проблемного поля этой специальности должны быть более весомо представлены вопросы, связанные с раскрытием механизма функционирования общества на разных ступенях его развития, дальнейшей разработкой логико-методологических оснований постижения социальности, раскрытием роли социальной философии в моделировании и прогнозировании социально-антропологических процессов в Беларуси и мировом сообществе. Представляется нужным внести корректировку и в само название специальности. Название «философия истории» более адекватно отражало бы ее специфику и тот круг проблемных вопросов, исследованием которых должны заниматься ученые в области философского осмысления человеческой истории. Нынешняя философская дисциплина, именуемая социальной философией, и по предмету, и по своему содержанию должна быть не чем иным, как, выражаясь словами Гегеля, «философской всемирной историей» [11, с. 57], исключаяющей какие-либо «априорные вымыслы в истории» [11, с. 65]. Но для этого необходимо, чтобы социальная философия как дисциплина обладала апробированной теорией и методологией социального познания. Таковой пока нет – идет достаточно затянувшийся процесс ее поисков.

Рассчитывать социальной философии на те условия, в которых существовал исторический материализм, не приходится. Функцию исторического материализма стали выполнять политология и социология, глобалистика. Данным дисциплинам порой не хватает должной теоретической базы. Эту базу и должна разрабатывать социальная философия. То есть ей необходимо помогать политологам и анализировать сущее (происходящее) в контексте целостного исторического процесса, руководствуясь опытом прошлых эпох и прогнозированием человеческой истории на перспективу. В таком случае возможен диалектический синтез разработок политологов, социологов, экономистов, глобалистов и социальных фи-

лософов. Пока же ученые работают порознь, каждый из них думает лишь о том, как позиционировать собственное «Я». И это негативно сказывается как на развитии общества, так и на развитии самих социальных дисциплин.

На наш взгляд, «Социальная философия» (если мы не откажемся от этого термина) – *составная часть философии, которая представляет собой предельно общую теорию исторического процесса, исследует сущность, направленность, движущие силы, закономерности и методы его познания.*

Заключение. Социальная философия для решения этой задачи использует систему философских методов и категорий, а также теоретические наработки в области истории, социологии, политологии, политической экономики и других социальных наук, выступая в качестве интегратора различных социальных наук. Ее будущее будет определяться отношением к ней государственных структур и, несомненно, нашим отношением к ней. Захотим ли мы сделать ее строгой наукой, способной познавать социальное бытие, своевременно улавливать тенденции и закономерности его развития и тем самым предвосхищать своими исследованиями будущее человечества, или же сделаем ее теоретически бесполезным дискурсом на разные житейские темы.

Литература

1. Важно, чтобы работа не прекращалась... Интервью с академиком РАН В.С. Степиным ведет член-корреспондент РАН И.Т. Касавин // Вопросы философии. – 2004. – № 9. – С. 16–71.
2. Ильичев, Л.Ф. Исторический материализм / Л.Ф. Ильичев // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 228–231.
3. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
4. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Akademia, 1999. – 640 с.
5. Явлинский, Г.А. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия / Г.А. Явлинский. – М.: «Московские ведомости», 2015. – 264 с.
6. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
7. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К.Р. Поппер / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
8. Выступление Лукашенко на II Съезде ученых Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/vystuplenie-lukashenko-na-ii-sjezde-uchenyh-belarusi-280351-2017/>. – Дата доступа: 18.12.2017.
9. Момджян, К.Х. О кризисе фрагментации в современной философии / К.Х. Момджян // Этнос, нации, ценности: социально-философские исследования / науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. – М.: «Канон+» РООИ «РЕАБИЛИТАЦИЯ», 2015. – С. 251–261.
10. Гидденс, Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академ. проект, 2005. – 525 с.
11. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель / пер. А.М. Водена. – СПб.: Наука, 2005. – 479 с.

Поступила в редакцию 23.03.2020

Финансовая сфера как база современных социальных кризисов

Бородуля А.А.

*Учреждение образования «Белорусский государственный
экономический университет», Минск*

В современных условиях тема кризисов является весьма актуальной, что вызывает интерес в научной сфере. Кризис может проявлять себя на различных уровнях: экономическом, финансовом, демографическом, антропологическом, политическом, правовом уровне.

Цель статьи — раскрыть сущность и перспективы финансового кризиса в Республике Беларусь.

***Материал и методы.** Статья основывается на зарубежных, российских, белорусских научных источниках, где рассмотрена идея о том, что финансовая сфера действительно является базой для социальных кризисов. В исследовании были использованы следующие методы: диалектический, исторический и системный подходы в социальной философии.*

***Результаты и их обсуждение.** Изучение социальных и финансовых кризисов требует обращения к поиску причин кризиса, их перспектив, прогнозов развития, рекомендаций по минимизации последствий кризиса. Предложены рекомендации для улучшения функционирования финансовой системы Республики Беларусь.*

***Заключение.** Финансовая сфера действительно является базой для социальных кризисов, раскрыты сущность, перспективы направлений в развитии финансовой системы Республики Беларусь, определены пути сохранения и развития национальных духовных устоев как альтернативы сегодняшним глобализационным процессам.*

***Ключевые слова:** социальный кризис, финансовый кризис, глобализация, финансовая система, город-хартия.*

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 106–110)

Financial Sphere as the Base of the Contemporary Social Crises

Borodulya A.A.

Educational Establishment “Belarusian State University of Economics”, Minsk

Currently, the topic of crises is very relevant, which arouses interest in the scientific field. The crisis can manifest itself at various levels: economic, financial, demographic, anthropological, political, and legal.

The purpose of the article is to reveal the essence and prospects of the financial crisis in the Republic of Belarus.

***Material and methods.** The research material is foreign, Russian, Belarusian scientific sources which consider the idea of the financial sphere as a base of social crises. Dialectical, historical, and systematic approaches are used in the research.*

***Findings and their discussion.** The study of social and financial crises requires a search for the causes of the crisis, their prospects, development forecasts, and recommendations for minimizing the consequences of the crisis. Recommendations for improving the functioning of the financial system of the Republic of Belarus are offered.*

***Conclusion.** The idea that the financial sphere is really the basis for social crises is presented, the essence and prospects of directions in the development of the financial system of the Republic of Belarus are revealed, the ways of preserving and developing national spiritual foundations as an alternative to modern globalization processes are defined.*

***Key words:** social crisis, financial crisis, globalization, financial system, charter city.*

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 106–110)

Адрес для корреспонденции: e-mail: alla_minsk@tut.by — А.А. Бородуля

В последнее время тема кризиса становится как никогда актуальной. Кризис может проявляться на разных уровнях: экономическом, финансовом, демографическом, антропологическом, политическом и правовом. Все страны и их экономики часто подвержены разного рода кризисам. И если факт наличия кризиса признается многими, то по поводу происхождения, характера и вероятной продолжительности обострившихся противоречий существует множество мнений. Рассмотрим понятие кризиса и финансового кризиса в частности.

Цель статьи – раскрытие сущности и перспектив финансового кризиса в Республике Беларусь.

Материал и методы. Статья основывается на зарубежных, российских, белорусских научных источниках, где рассмотрена идея о том, что финансовая сфера действительно является базой для социальных кризисов, определены пути сохранения и развития национальных духовных устоев как альтернативы сегодняшним глобализационным процессам. В качестве эмпирической базы выступили критические работы Л.Г. Колпиной, М.К. Фисенко, К.В. Рудого, П. Ромера и др. В исследовании использованы следующие методы: диалектический, исторический и системный подходы в социальной философии.

Результаты и их обсуждение. Тема кризиса всегда вызывала интерес не только у зарубежных (К. Маркс, П. Штопка, Н.Д. Кондратьев, М. Вебер, Ф. Фукуяма, С. Хангиттон и др.), но и у постсоветских (В.С. Семенов, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин, Е.А. Яковлев, К.В. Рудый, Я.С. Яскевич, П.В. Каллаур, М.К. Фисенко и др.) ученых.

Рассмотрим понятие социального кризиса. Социальный кризис – это наиболее острая форма социального противоречия, связанная с нарушениями социальной стабильности и устойчивого развития [1, с. 311]. В каждом обществе всегда происходит много социальных изменений, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены. Финансовый сектор не является исключением.

Дадим определение финансового кризиса. Конечно, финансовый кризис – это часть экономического кризиса. Данный кризис подразумевает острый дисбаланс в финансовой системе, обычно связанный с кредитно-денежным, биржевым и валютным кризисами [2, с. 23]. Кризис может привести к росту дефицита государственного бюджета, резкой девальвации валюты, краху банков, обесцениванию ценных бумаг, оттоку капитала за рубеж, неспособности должников выполнять свои обязательства по внешнему и внутреннему долгу государства и т.д. Нынешний кризис с коронавирусом COVID-19 создает беспрецедентную нагрузку на рынки, правительства, предприятия и частных лиц. Например, Республика Беларусь, как член международного сообщества, также ощущает последствия распространения вируса COVID-19.

Сегодня глобализация замедляет финансовый кризис. Но координация экономической политики

может способствовать восстановлению мировой экономики и обеспечению того, чтобы экономическая интеграция не прекращалась. Кроме того, важно подчеркнуть, что экономическая глобализация должна рассматриваться не как постоянное состояние, а скорее, как изменчивое, скорость которого может ускоряться или замедляться. В новых условиях глобализации роль и значение государства возрастает во всех прогрессивных странах мира. В то же время затраты социума на его содержание также возрастают. В нынешней рыночной экономике основной причиной указанного явления отмечается изменение содержания функций государства в обществе.

Одна из теорий происхождения государства состояла в том, что оно было создано волей человека для разделения труда. Тогда становится понятно, что важнейшая задача государства заключается в способности к эффективному разделению труда. Это означает, что государство берет на себя обязательства создать такую систему, которая обеспечила бы комфортное и эффективное разделение труда с невысоким процентом издержек торговли.

Все средства, потраченные на осуществление товарообмена, являются издержками обращения. Они могут включать все непроизводственные доходы, которые возникли с момента производства продукта до момента его потребления. *Финансовая система* является одной из наиболее распространенных и действенных форм реализации системы разделения труда – это система обмена товаров с помощью денег. Финансовая система выступает как центральная нервная система современной рыночной экономики. Без функционирующей банковской и платежной системы было бы невозможно управлять сложным комплексом экономических отношений, необходимых для децентрализованной экономики, характеризующейся высоким уровнем разделения и специализации труда.

Сегодня существует множество определений финансовой системы и финансовой сферы. Экономист Л.Г. Колпина определяет финансовую систему как «совокупность финансовых отношений субъектов по их роли в процессе общественного производства, что и является в свою очередь критерием для классификации финансовых отношений» [3, с. 13].

Финансовая система состоит из следующих элементов: *государственные финансы* (государственный бюджет, бюджетные и внебюджетные фонды, государственный кредит); *финансы субъектов хозяйствования* (финансы предприятий сферы материального производства, финансы учреждений и организаций непроизводственной сферы); *финансовый рынок* (финансы посредников).

Эти элементы присутствуют в любой государственной экономике. Каждый из них отвечает за различные виды финансового распределения: внутрихозяйственное, внутриотраслевое, межотраслевое и межтерриториальное.

Финансовая система, состоящая из финансовых рынков, банков и страховых компаний, всегда сильно зависела от уверенности своих клиентов в устойчивости финансовых продуктов, которые она предоставляет. Функциональные возможности таких рынков сохраняются только в том случае, если продавцы в среднесрочной и долгосрочной перспективе гарантируют качество поставляемой продукции.

М.К. Фисенко также указывает на «различные роли разных сфер и звеньев финансовых отношений в процессе общественного воспроизводства, а также в процессе формирования и использования фондов» [4, с. 27].

Форма некоммерческих предприятий может быть различной: потребительские кооперативы, общественные организации, религиозные организации, благотворительные фонды, а также иные формы, предусмотренные законодательством Республики Беларусь.

Указанные организационно-правовые формы некоммерческих организаций проявляют свое влияние на организацию их финансов, особенно на формирование и использование финансовых ресурсов, наличие членских взносов, бюджетных средств, право пользования заемными средствами. В этих организациях как способ получения финансовых ресурсов широко распространено самообложение.

Другие хозяйствующие субъекты также могут включать домашние хозяйства и, следовательно, выделяют финансы домашних хозяйств.

То есть в зависимости от характера деятельности хозяйствующих субъектов выделяют три вида финансовых отношений: финансы коммерческих организаций, финансы некоммерческих организаций и финансы домашних хозяйств.

Общегосударственные финансы как форма денежных отношений формируются централизованными фондами. К ним относят государственный бюджет (республиканский и местные бюджеты), государственные целевые бюджетные и внебюджетные фонды; государственный кредит, выражающие структуру государства и экономическую основу хозяйственной деятельности. Консолидированный бюджет нашей республики состоит из бюджетов всех областей страны и бюджета города Минска.

Внебюджетные фонды являются важной частью общегосударственных финансов. Эти фонды финансируют расходы, которые не заложены в бюджет и являются средствами правительства и местных органов власти.

Важной частью национального финансирования является *государственный кредит*, который используется для получения дополнительных финансовых ресурсов в государстве путем мобилизации временно свободных средств населения, предприятий, организаций и учреждений.

В Республике Беларусь Министерство финансов, Министерство по налогам и сборам, Таможенный

комитет, Государственный комитет по ценным бумагам, финансовые управления (отделы) министерств, финансовые отделы хозяйствующих субъектов осуществляют финансовую деятельность.

Министерство финансов Республики Беларусь является основным и важнейшим органом, ответственным за реализацию финансовой политики и управление финансовыми потоками. Министерство финансов осуществляет свою деятельность в соответствии со специальным Положением о Министерстве финансов РБ, утвержденным Правительством Республики Беларусь.

В международных финансовых институтах *стабильная финансовая система* определяется как финансовая система, которая эффективно способствует распределению финансовых ресурсов в экономике, управляет финансовыми рисками, поглощает негативные экономические шоки и не проявляет признаков финансовой нестабильности.

Институциональная структура финансовой системы, а также ее эффективность, без сомнения, являются важными факторами роста производства. Теоретическая структурная модель предполагает, что развитие и стабильность финансового сектора оказывают положительное влияние на экономический рост.

В Беларуси реформа финансовой системы идет медленно, в основном в форме централизованной системы управления. В то же время правительство работает над созданием эффективной финансовой системы в виде предложений в Концепцию развития банковской системы. Важную роль в этой концепции играют частный сектор, иностранный капитал и инвестиции.

В нашем государстве Национальный банк Республики Беларусь (НБРБ) поддерживает стабильный обменный курс белорусского рубля. Кроме того, значительно улучшена техническая инфраструктура финансовой системы, а также система регулирования и контроля для ее адаптации к международным стандартам [5, с. 27–29].

В этом случае руководители министерств и должностные лица Национального банка Республики Беларусь не должны входить в состав правлений коммерческих банков, даже если основным собственником этих банков является государство. Хотя конечной целью должна стать приватизация, в краткосрочной перспективе следует принять меры по укреплению независимости банковских руководителей и правлений банков, которые должны состоять из специалистов, заинтересованных только в развитии и эффективности банков [6, с. 13–15].

Желательно, чтобы реструктуризация предприятий проводилась параллельно с реформой финансовой системы. Убыточные предприятия являются причинами трудностей, с которыми банковскому сектору приходится так или иначе справляться. Таким образом, банкам необходима комплексная программа реформ корпоративного сектора.

Для создания эффективной и независимой системы важны радикальные реформы. Основные рекомендации по совершенствованию финансовой системы можно сформулировать следующим образом: перейти к *фундаментальному реформированию финансового сектора*. На начальном этапе следует сократить курс рекомендуемого кредитования или незначительно отклониться от реализации этого курса.

Сегодня необходимо обеспечить финансовую стабильность экономики, потому что финансовая система нашей республики не совсем совершенна и нуждается в корректировке.

Финансовая система Республики Беларусь в ее нынешнем виде была создана на основе финансовой системы, унаследованной от СССР. С другой стороны, она также использует зарубежный опыт. По мнению ученых и экспертов, этого, в принципе, вполне достаточно для финансовой системы современного государства.

Наиболее общие цели финансовой системы обычно обозначаются в прогнозах экономического и социального развития, законе о бюджете республики на новый финансовый год и основных направлениях денежно-кредитной политики.

Чтобы уменьшить проблемы финансовой системы, необходимо создать условия для укрепления финансовой стабильности в экономике, упорядочения расчетов между хозяйствующими субъектами и сокращения неплатежей.

Состояние финансовой системы может измениться в лучшую сторону в виде активизации инвесторов и привлечения в республику иностранного капитала и инвестиций.

Рост инвестиций в экономику государства обычно обусловлен увеличением производственных мощностей и, соответственно, увеличением объемов производства, оборота, выручки от реализации, денежных накоплений и ускорением формирования базы государственного бюджета.

Строительство особых экономических зон и городов-хартий, таких как Гонконг [7], также является одним из вариантов улучшения финансовой системы. Идея создания города-хартии была предложена лауреатом Нобелевской премии П. Ромером. Сначала нужно создать хартию, определяющую правила города, по которой город будет работать. Среди пунктов хартии: низкие налоги, участие в международной торговле и гарантия частной собственности. Кроме того, этот проект потребует государственной помощи и инвестиций. При развитии подобных городов учитываются многие факторы: администрация, законодательство, финансы, жители и т.д.

«Парк высоких технологий» (Беларусь), «Международный финансовый центр Астаны» (Казахстан) и «Сколково» (Россия) являются наглядными примерами успешного создания особой финансовой среды и экономического роста.

Это показывает, что некоторые инициативы могут работать позитивно.

Однако в финансовой системе Республики Беларусь по-прежнему преобладает централизованный подход к управлению хозяйственной деятельностью. Крупные банки, за исключением государственных или контролируемых государством банков, часто обязуются предоставлять кредиты приоритетным компаниям и секторам. Влияние таких кредитов на ликвидность и капитал банковской системы требует периодической рекапитализации и других мер поддержки крупных банков. Несмотря на ускорение структурных реформ, это является необходимым условием для создания эффективной финансовой системы с большой долей частной и иностранной собственности.

Если рассматривать реакцию наших граждан на изменения или колебания в финансовом секторе, то люди, как правило, в периоды кризиса, отсутствия безопасности и снижения доходов стремятся не тратить накопления для поддержания своего обычного уровня жизни и потребления, а делают сбережения. Но когда кризис воспринимается людьми как временный, то они будут тратить свои сбережения на поддержание привычного уровня жизни, полагая, что трудности пройдут достаточно быстро, и нет необходимости «затягивать пояса» [8, с. 124].

В нашем исследовании раскрывается идея о том, что финансовый сектор является основой социальных кризисов, раскрываются сущность, перспективы развития финансовой системы Республики Беларусь, определяются пути сохранения и развития национальных духовных основ как альтернативы процессам глобализации, потому что глобализация как социально-экономическое явление не является чем-то новым. И, кажется, что для философов эта задача вполне выполнима.

Финансы могут совершать чудеса в экономическом развитии, но, как и любой мощный инструмент, они также причиняют и значительный ущерб.

Развивающиеся страны должны без колебаний проводить политические реформы, направленные на расширение масштабов и эффективности своих финансовых секторов, однако лица, принимающие решения, не должны упускать из виду тот факт, что такой процесс реформ должен сочетаться с мощной и всеобъемлющей системой регулирования.

Это не простая задача. Нынешний кризис показывает, что финансовое регулирование далеко не идеально даже в самых сложных финансовых системах, а в некоторых странах оно вообще недостаточно.

Заключение. Сегодняшний мир постоянно меняется. В социальной философии в структуре философского мышления возникает новое содержание экономических и финансовых реалий.

Человечество еще не в полной мере освоило достижения многовекового роста духовной культуры, науки интеллектуального управления и регулирова-

ния мировых процессов [9; 10]. В ситуациях социального кризиса современные философы должны не только повышать свои интеллектуальные способности для будущих поколений, но и быстро реагировать на текущие вызовы, направлять свои способности на решение сложных задач и сразу же проводить философскую рефлексию о кризисе социального и финансового характера и различных сценариях его преодоления и минимизации последствий.

Литература

1. Бородуля, А.А. К вопросу о социальных кризисах / А.А. Бородуля // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 мая 2019 г. / Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: В.Н. Шимов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 311–312.
2. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / предс. науч.-ред. совета Ю.С. Осипов; отв. ред. С.Л. Кравец. – Т. 16: Крещение Господне–Ласточкивые. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. – 751 с.: ил.: карт.
3. Финансы предприятий: учебник / Л.Г. Колпина [и др.]; под общ. ред. Л.Г. Колпиной. – 2-е изд., дораб. и доп. – Минск: Выш. шк., 2004. – 336 с.
4. Фисенко, М.К. Финансовая система Беларуси: учеб. пособие / М.К. Фисенко. – Минск: Современ. шк., 2008. – 184 с.
5. Гусаков, Б. Оценка последних событий в финансовой сфере Беларуси / Б. Гусаков // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2009. – 13 февр. – С. 27–29.
6. Пайднев, Л.Е. Как укреплять финансовую систему / Л.Е. Пайднев // Банковское дело. – 2008. – № 9. – С. 13–17.
7. Интернет-портал nbjournal.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nbjournal.ru/>. – Дата доступа: 01.04.2020.
8. «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К.В. Рудый [и др.]; под науч. ред. К.В. Рудого. – Минск: Звезда, 2017. – 368 с.
9. Яскевич, Я.С. Время кризиса – время надежды и диалога / Я.С. Яскевич. – Минск: Право и экономика, 2011. – 189 с.
10. Гавриленко, В.А. Особенности третейского разбирательства споров в современной России / В.А. Гавриленко // Право, безопасность, чрезвычайные ситуации. – 2018. – № 2(39). – С. 18–25.

Поступила в редакцию 22.04.2020

Аксиологические основания духовного мира и образа жизни современной молодежи

Давлатова Е.В., Рудковский Э.И., Слемнев М.А.
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Рассмотрено влияние процессов глобализации и информатизации социума на ценностные ориентации и образ жизни современной молодежи. Выделен белорусский контекст обсуждаемых вопросов.

Цель статьи – раскрыть содержание и определить тенденции изменения ценностных приоритетов студенческой молодежи в условиях информационной модернизации техногенного общества.

Материал и методы. Осуществлена аксиологическая рефлексия результатов социологического исследования духовного мира, особенностей поведения и общения студенческой молодежи в постиндустриальных реалиях их социального бытия.

При разработке методологического инструментария привлечены новейшие теоретические и прикладные исследования отечественных и зарубежных ученых по аксиологической тематике.

Результаты и их обсуждение. В качестве аксиологических приоритетов белорусская молодежь всё активнее выбирает творческую работу, качественное образование, карьерный рост, здоровый образ жизни, а свой жизненный успех связывает с личной инициативой и предприимчивостью, постепенно освобождаясь от патерналистских притязаний. В то же время она не порывает с традиционными ценностями белорусского народа – классический брак и семья, гражданская толерантность и религиозная терпимость, трудолюбие, уважительное отношение к старшим, доброжелательность. Этому в значительной степени способствует относительная устойчивость ментальных оснований социокультурной среды белорусского общества.

Белорусская молодежь в целом успешно выдерживает натиск бездуховной потребительской идеологии и не принимает чуждые менталитету народа парадигмы западного бытового мышления и стандарты поведения. Но нельзя забывать, что код любой национальной культуры в результате массированного информационно-психологического давления можно не только деформировать, но и сломать.

Заключение. Таким образом, латентные механизмы трансляции белорусской этнокультурной идентичности нуждаются в создании надежной системы аксиологической защиты от любых деструктивных воздействий.

Ключевые слова: молодежь, ценности, глобализация, информатизация.

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 111–115)

Axiological Bases of the Contemporary Youth Spiritual World and Way of Life

Davlatova E.V., Rudkovski E.I., Slemnev M.A.
Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The impact of globalization and society information processes on the contemporary youth value landmarks and the way of life is considered in the article. The Belarusian context of the issues is singled out.

The purpose of the article is to reveal the contents and to determine the tendencies of the transformation of value priorities of student youth in the conditions of information modernization of the technological society.

Material and methods. An axiological reflection of the findings of a sociological study of the student youth spiritual world, features of behavior and communication in the post industrial realities of their social existence is carried out.

In the development of the methodological tools the newest theoretical and applied research by domestic and foreign scholars on the axiological theme were used.

Findings and their discussion. Belarusian young people more and more often choose creative work, quality education, career promotion, healthy way of life as axiological priorities while they link their personal success with private initiative and entrepreneurship and gradually liberate themselves from paternalist claims. At the same time they do not break ties

with traditional values of the Belarusian people: classical marriage and family, civil and religious tolerance, hardworking, respectful attitude to the older, benevolence. This is considerably facilitated by stability of mental bases of the social and cultural environment of Belarusian society.

Belarusian youth in general successfully withstand the onslaught of spiritless consumption ideology and do not accept alien to the nation's mentality paradigms of Western everyday life way of thinking and behavior standards. At the same time, one should not forget that any nation culture code can be distorted and even broken as a result of a massive information and psychological pressure.

Conclusion. *Thus, latent mechanisms of the interpretation of Belarusian ethnic and cultural identity require the creation of a reliable system of axiological protection from any destructive impact.*

Key words: youth, values, globalization, informatization.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 111–115)

Глобализация и сопряженная с нею информатизация всех сфер современного общества породили ряд проблем антропологического характера. В первую очередь они коснулись молодежи. Нынешнее поколение молодых людей именуют «цифровым», «паутинным», «сетевым» и т.п. Это вполне оправданно, ибо виртуальный мир занимает огромное место в их жизни и особенно в досуговой сфере. Как известно, первый веб-сайт появился в 1991 году (создатель британский физик Тим Бернес-Ли), в 2005 году их функционировало уже более 51 миллионов, в 2019 – 1,7 миллиарда. Сейчас число пользователей интернета в мире приближается к 5 миллиардам [1]. Причем абсолютное большинство среди них – молодежь. Являясь уникальным источником мгновенного получения нужной информации, средством безграничного виртуального общения, глобальные сети в то же время способны навредить не только физическому, но и нравственному здоровью подрастающего поколения. Неокрепшее сознание «сетевого человека» сегодня пронизывают мощные психолого-информационные потоки антигуманного содержания. Активно пропагандируются насилие и жестокость, предаются забвению понятия «стыд», «совесть», «любовь», «грех», «долг», традиционная семья подменяется ее уродливыми суррогатами.

Цель статьи – раскрыть содержание и определить тенденции изменения ценностных приоритетов студенческой молодежи в условиях информационной модернизации техногенного общества.

Материал и методы. Осуществлена аксиологическая рефлексия результатов социологического исследования духовного мира, особенностей поведения и общения студенческой молодежи в постиндустриальных реалиях их социального бытия.

При разработке методологического инструментария привлечены новейшие теоретические и прикладные исследования отечественных и зарубежных ученых по аксиологической тематике.

Результаты и их обсуждение. Кафедра социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова достаточно продолжительное время занимается изучением духовного мира и образа жизни белорусской молодежи. По этой тематике на ее базе проведен ряд

международных научно-практических конференций [2–5], подготовлены две коллективные монографии [6; 7]. В основу изданных материалов были положены результаты специальных социологических исследований. Последнее из них под названием «Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи» проведено среди студентов ВГУ имени П.М. Машерова (291 человек) в 2019 году. Поскольку избранный объект социологического исследования неоднократно подтверждал свою высокую репрезентативность, то полученный социокультурный портрет белорусского студенчества содержит, на наш взгляд, много черт общезначимого характера.

Центральный блок вопросов анкеты был ориентирован на определение состояния нравственной культуры молодежи. Уровень последней тем выше, чем богаче ценностные ориентации индивида, потребности и содержание мотивации в различных видах деятельности. Духовные ценности соотносятся с социальным бытием, реальным процессом жизнедеятельности людей, т.е. с социальной онтологией. Они доступны для рефлексии и характеризуются достаточной гибкостью. Отметим, что важность ориентации индивида на ту или иную ценность следует оценивать лишь относительно других ценностей.

О достаточно высоком уровне нравственного сознания свидетельствуют результаты социологического опроса. К примеру, 62,2% опрошенных не согласны с тем, что человек живет только ради своего удовольствия. В структуре жизненных ценностей молодежи приоритетными являются здоровье (66,6%), интересная работа (41,2%), наличие друзей (38,4%), уважение окружающих (25,1%), материальный достаток (39,1%). Последняя выявленная позиция вполне естественна для «скромной» студенческой жизни. Для большинства опрошенных идеалом является эрудированный интеллект, знаменитый ученый (62,8%). Однако нельзя не отметить, что низкое ранговое место заняли такие жизненные ценности, как социальная справедливость (13,4%) и вера в Бога (6,8%).

Приведенные результаты исследования коррелируют в известной мере с мнением респондентов о тех проблемах, которые вызывают у них наибольшее

беспокойство. Среди них: будущее молодых людей (55,6%), материальное положение (40,8%), состояние здоровья (41,2%), уровень культуры в обществе (34,7%). Полагаем, что данные мнения молодых людей обусловлены реалиями сегодняшнего дня, невысоким уровнем жизни населения, ростом бездуховности в обществе, особенностями рыночных отношений. Показательно, что только 32,3% респондентов считают рынок условием благополучия в обществе. Вместе с тем низок «рейтинг» таких проблем, как рост отчужденности между людьми (15,1%), социальное расслоение в обществе (8,2%), отсутствие в стране общенациональной идеи (5,4%). Невысокое ранговое место социальной справедливости и социального расслоения в обществе скорее всего обусловлено отсутствием достаточного жизненного опыта и порой арифметически уравнилельной трактовкой самой проблемы социального равенства. Все это говорит, на наш взгляд, о подтверждении гипотезы о «маргинальности» (подвижности, неустойчивости) молодежного сознания.

В ходе социологического исследования была предпринята попытка выявить основные факторы, которые, по мнению респондентов, влияют на жизненный успех. Анализ результатов опроса (можно было указать на 3 позиции) установил, что большинство опрошенных отметили личную инициативу, умение упорно трудиться (76,2%); зависимость благополучия не от государства, а самого человека (51,8%); высокую профессиональную подготовку (47,0%); интересную работу (34,7%). Вместе с тем высок удельный вес таких позиций, как знакомство с нужными людьми (39,8%); удача, везение, стечение обстоятельств (32,9%); умение устраивать свои дела любым способом (25,4%).

Из проведенного социологического исследования следует, что современная молодежь, живущая в приграничье, настроена на предприимчивость и жизненную активность, свои жизненные цели и проекты строит с учетом рыночных реалий, в которых креативность, личная инициатива связаны и с удачей, и с везением, и со знакомством с нужными людьми. Можно предположить, что это обусловлено известной рассогласованностью между профессиональными предпочтениями будущих специалистов и потребностью рынка труда. Нельзя при этом не отметить, что подавляющее большинство опрошенных (89,4%) пока что привержены патерналистской роли государства и убеждены, что оно должно заботиться о благосостоянии своих граждан.

Процесс социализации молодежи в нынешних условиях имеет свои особенности: произошел уход от советской модели социализации с ее единообразной нормативно-целевой базой и равными стартовыми возможностями, становление новой системы социального контроля, трансформация ценностных ориентаций в плане соотношения личных и общественных интересов, расширение самостоятельности личности в процессе ее самоопределения.

Молодежь может стать активным участником различных форм жизнедеятельности лишь при наличии

определенных объективных условий (уровень материального благополучия, совершенствование политической системы общества, рост его духовной культуры) и субъективных предпосылок, зрелых мировоззренческих ориентаций. Молодежь не просто формируется в обществе, но и формирует его, фундаментализирует настоящее и во многом определяет образ будущего.

Результаты исследования свидетельствуют, что большинство опрошенных понимает важность мировоззрения в жизни каждого человека (78,0%). В то же время большинство респондентов (56,0%) не видит необходимости в целенаправленном формировании мировоззрения, т.к. это, по их мнению, ограничивает свободу личности; каждый приходит к жизненным принципам сам на основе жизненного опыта. Показательно в этой связи, что к содержанию мировоззрения участники опроса часто относят не то, что прежде всего характеризует любое мировоззрение: философские (12,0%), религиозные (6,9%) взгляды, – совокупность профессиональных знаний, полученных в результате самообразования и обучения в вузе (55,0%), и взгляды, основанные на жизненном опыте (53,0%). В лучшем случае молодые люди к мировоззрению относят нравственные ценности (63,2%). Показательно в этой связи, что как важнейший фактор формирования мировоззрения у респондентов служит мировоззрение своего окружения (59,4%) или семьи (48,4%). И только четверть опрошенных (25,4%) указали на роль в этом процессе изучения мировоззренческих дисциплин в вузе. Результаты исследования свидетельствуют о том (по крайней мере это можно предположить), что преподавание СГД в значительной мере оторвано от проблем реальной жизни молодых людей. В условиях социальных трансформаций, увеличения объема информации, с которой сталкиваются студенты, чрезвычайно возрастает значение методико-педагогического мастерства преподавателей. Повышение качества работы преподавателей СГД по формированию у молодежи четких гражданских и мировоззренческих позиций, нравственной культуры должно превратиться в значимую цель. Кстати, следует отметить, что, по мнению большинства студентов (54,6%), за последние 2–3 года их мировоззрение и жизненные ориентиры стали более четкими и ясными.

Мировоззрение человека, как известно, в значительной мере характеризует его отношение к религии. В условиях принудительного атеизма, существовавшего в СССР, роль церкви была минимальной. Сегодня положение кардинально изменилось. Церковь, несомненно, играет важную роль в духовном становлении личности. Вместе с тем полагаем, что в условиях информационного общества это, скорее всего, сфера должного, а не сущего. Только во взаимодействии с другими факторами социализации человека можно достичь желаемого результата.

Изучение отношения молодежи к религии особенно актуально в современных условиях, т.к. оно во многом определяет значимость религиозного фактора в жизни

человека, а также оправданность надежд на роль религии в будущем социума. В нашем исследовании использовалось понятие «отношение к религии», которое интерпретируется как состояние следующих показателей: причисление себя к верующим / неверующим в Бога и оценка роли религии в жизни каждого индивида. Отличительной особенностью полученного результата стал относительно невысокий уровень религиозной идентификации молодежи. 45,4% опрошенных относят себя к верующим, а 7,9% – к неверующим, но стремящимся стать ближе к Богу. Только 12,4% респондентов указали, что религия дает ответы на те вопросы, которые ставит перед ними жизнь. Из этого следует, что религия в жизни современного студенчества не занимает важного места. Выяснение причин данного явления требует дальнейшего изучения.

Нельзя не отметить, что для большинства респондентов характерно такое социально-психологическое качество, как толерантность и веротерпимость. Подавляющее большинство опрошенных (93,0%) с уважением или безразлично относятся к людям с противоположными политическими взглядами. Практически таким же является и отношение к иным религиозным конфессиям (98,2%).

Толерантность – важнейшая имиджевая характеристика белорусского народа, его культурного кода. Она предохраняет от ксенофобии, антигуманных действий. Но изменить мир к лучшему может лишь активная, творческая деятельность, вектор которой во многом задает как раз толерантность наряду с другими духовными ценностями: идеологическими предпочтениями, патриотизмом, гуманизмом.

В ходе исследования изучались отношение молодежи к идеологии как общественному феномену и идейно-политические ориентации студенчества. Большинство опрошенных (69,5%) полагает, что в каждой стране должна быть идеология. Показательно, что 45,4% участников опроса не согласны с тем, что родина там, где хорошо жить. В то же время 38,6% с этим согласны, а 16,0% не имеют своей позиции. Нельзя не отметить, что значительное большинство учащейся молодежи (66,0%) привержено собственному пути развития нашей страны или готово принять принципы социально-политического устройства Европы только с учетом национальных особенностей Беларуси. Все это говорит о том, что существуют потребность и в то же время значительные резервы для усиления идеологического вообще и патриотического в частности воспитания, тем более что большинство респондентов не имеет четких представлений о белорусской модели общественного развития (лишь 12,8% уверены в том, что знают ее основные параметры); более трети опрошиваемых (34,5%) готовы приложить усилия с целью трудоустройства за границей. Несомненно, данные показатели достаточно настораживающие. Очевидно, что многие будущие молодые специалисты не видят возможности для реализации у себя в стране своих жизненных планов. Как сложится в конечном счете их

судьба и как они сами будут стремиться определить ее, зависит от характера социально-экономических преобразований в стране, статуса молодого специалиста, а также от совершенствования воспитательной работы, формирования у студентов чувства патриотизма, национального самосознания. Показательно, что среди мер по улучшению нравственного здоровья в обществе респонденты отдают предпочтение укреплению законности и правопорядка (47,7%), повышению квалификации тех, кто занимается воспитательной работой (42,9%). Значительное место респонденты отводят введению в учебных заведениях курса этики и этикета (32,3%).

В целом данные проведенного социологического исследования позволяют сделать вывод о том, что ценностные ориентации современной молодежи представляют собой достаточно фрагментарную, мозаичную картину, которая состоит из множества сопряженных элементов, не образующих пока что единой, гармоничной системы. В то же время здесь просматривается определенный динамический порядок.

Сопоставление анализируемых данных с результатами ранее проведенных исследований показывает, что всё большее число молодых людей в качестве приоритетных ориентиров выбирает т.н. «постматериалистические» ценности: здоровый образ жизни, интересную и высокооплачиваемую работу, получение качественного образования, карьерный рост, а свой жизненный успех связывает с личной инициативой и предприимчивостью, постепенно освобождаясь от патерналистских притязаний. Причем, что очень важно, молодежь не порывает с традиционными ценностями белорусского народа – классический брак и семья, этнорелигиозная терпимость, гармоническое сочетание духовных и материальных сторон жизни и др.

Такую преемственность можно лишь приветствовать. Это говорит о хорошем нравственном здоровье нового поколения белорусов (хотя ситуацию, безусловно, идеализировать нельзя), которое достаточно успешно выдерживает натиск потребительской идеологии и не принимает чуждые национальному менталитету парадигмы бытового мышления и стандарты поведения. Социокультурный облик как старшего, так и нового поколения белорусов имеет яркие нравственные очертания, что, в частности, зафиксировали и российские социологи [8; 9]. Это своеобразный бренд нации, который необходимо позиционировать всеми доступными средствами столь же активно, как красоты белорусской природы, богатое этнокультурное наследие, архитектурные сооружения старины и новейшего времени.

Сохранению подобных ментальных качеств белорусского народа у современной молодежи в условиях существующих антропологических вызовов и угроз должны способствовать фундаментализация образования подрастающего поколения, укрепление философско-мировоззренческих и духовно-нравственных оснований учебно-воспитательного процесса, наполнение гуманистическим содержанием всей образовательной

среды общества. Развитие науки, внедрение информационных технологий может дать позитивный результат лишь при бережном отношении к духовному потенциалу общества и его моральным устоям. Важно помнить, что научные знания – это лишь часть мировоззрения. В своем целостном виде оно включает в себя ценности и убеждения. Именно мировоззрение прежде всего определяет направленность практического поведения личности, ее нравственный и политический выбор.

Предельно рационализированный, узкопрофильный интеллект специалиста является часто причиной атрофированных социальных интересов, равнодушного отношения к назревшим социальным, политическим и духовным проблемам [10]. Неосмотрительный отказ в процессе образования от культурных традиций, духовно-ценностных установок и мотиваций, решения экзистенциальных проблем чреват социальными деформациями. В этой связи следует вспомнить советскую школу, в которой воспитание и образование были органично взаимосвязаны. Наличие тесной корреляции связи обучения и воспитания способствовало формированию патриотизма, гражданственности и духовно-нравственных качеств личности. Критически осмысленный опыт советской школы с ее ориентацией на парадигму духовности и нравственности может стать эффективным ответом вызовам информационного общества с его технократическим культом, бездушным рационализмом и прагматизмом.

Чрезвычайно важную роль в подготовке будущих специалистов играет социально-гуманитарное, особенно философское знание. Место социально-гуманитарных дисциплин, которое они занимают в структуре учебных планов вузов, не отвечает запросам современности. Непрерывное реформирование блока социально-гуманитарных дисциплин по утилитарно прикладным соображениям обернулось их критическим сокращением как по перечню, так и по объему учебного времени. Гипертрофированная экономическая целесообразность, узкий прагматизм и утилитаризм порождают тип личности, которая ищет не смысл жизни, а лишь материальные блага. Экономические цели не могут быть всепроникающими, они должны быть увязаны с духовно-нравственными приоритетами. В современном обществе человек стал основным фактором развития и одновременно главным фактором риска. Это требует такой системы образования, когда человек получает его, а не просто проходит курс обучения. Такое возможно лишь при интеграции учебного процесса с наукой и духовными ценностями. Цель образования – это не только подготовка человека знающего и умеющего, но и подготовленного к жизни в социуме, ко взаимодействию с другими людьми. Образование – атрибут культуры, и переход к новым его моделям влечет за собой опору на такие универсалии культуры, как ценности, мировоззрение, миропонимание.

Заключение. Белорусская молодежь в целом успешно выдерживает натиск бездуховной потребительской идеологии и не принимает чуждые менталитету народа парадигмы западного бытового мышления и стандарты поведения. Но нельзя забывать, что код любой национальной культуры в результате массированного информационно-психологического давления можно не только деформировать, но и сломать. Поэтому латентные механизмы трансляции белорусской этнокультурной идентичности нуждаются в создании надежной системы аксиологической защиты от любых деструктивных воздействий.

Статья подготовлена в рамках ГПНИ на 2016–2020 годы «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подпрограмма «Социология и философия», задание 3.2.07.

Литература

1. Статистика использования социальных сетей в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://think-tanks.by/publication/2019/09/11/statistika-ispolzovaniya-sotsialnyh-setey-v-mire.html> – Дата доступа: 11.10.19.
2. Состояние и перспективы развития белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 26 нояб. 2013 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 180 с.
3. Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья: материалы междунар. науч.-практ. заоч. конф., Витебск, 2 фев. 2017 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 220 с.
4. Социокультурная среда: системная организация, антропологическое измерение, пограничная специфика: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф., Витебск, 16 нояб. 2018 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 155 с.
5. Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: материалы междунар. науч.-практ. online-конф., Витебск, 6 дек. 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – 148 с.
6. Образы России и Белоруссии в контексте приграничья: монография / под ред. В.Ю. Пименова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – 236 с.
7. Глобализация, регионализация, пограничье: монография / П.А. Водопьянов [и др.]; под науч. ред. М.А. Слемнева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 216 с.
8. Горбелева, Е.А. Эволюция стереотипов восприятия белорусов в России / Е.А. Горбелева, Ю.Г. Чернышов // Известия АлтГУ. – 2012. – № 4-2(76). – С. 66–72.
9. Сикевич, З.В. Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? / З.В. Сикевич // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 59–69.
10. Кинелев, В.П. Философия образования в XXI веке и ее информационные аспекты / В.Г. Кинелев // Вестник Челябинской государственной академии культуры искусств. – 2015. – № 1(25). – С. 31–34.

Поступила в редакцию 29.01.2020

ФИЛОЛОГИЯ

Гипонимия в семантической структуре многозначного слова

Аверьянова В.В.

Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», Гомель

В данной работе анализируются гипонимические отношения между значениями существительных в белорусском языке, определяется суть внутрисловной (внутренней) гипонимии.

Цель статьи — характеристика типов гипо-гиперонимических связей между значениями слова в белорусском языке.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил словарь литературного белорусского языка, а также диалектные словари белорусского языка. Были использованы интерпретативный метод, методы семантического, компонентного, сопоставительного анализа.

Результаты и их обсуждение. Определяется сущность гипо-гиперонимических отношений между значениями одного слова. Сравниваются особенности проявления гипонимических отношений в существительных литературного и диалектного белорусского языка. Устанавливаются особенности гипонимии при параллельной деривации.

Заключение. Понятие гипонимии необходимо дифференцировать от понятий синекдохи и метафоры. Широкозначность можно отождествлять с гипонимией, так как широкозначное слово — гипероним — допускает образование практически неограниченного количества гипонимов. Для белорусских говоров по сравнению с литературным языком характерна гипонимическая дифференциация, конкретизация семантики слов.

Ключевые слова: гипонимия, гипероним, многозначность слова, семантика, параллельная деривация, широкозначность слова, метафора, синекдоха.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 117–121)

Hyponymy in the Semantic Structure of a Polysemantic Word

Averyanova V.V.

Educational Establishment “Francisk Scorina Gomel State University”, Gomel

The hyponymic relationship between the meanings of nouns in the Belarusian language is analyzed, the essence of intra-word (internal) hyponymy is identified.

The purpose of the research is to characterize the types of hypo-hyperonymic relationships between the meanings of a word in the Belarusian language.

Material and methods. The material for the research was the dictionary of the literary Belarusian language, as well as the dialect dictionaries of the Belarusian language. The interpretative method, the methods of semantic, component, comparative analysis are used.

Findings and their discussion. The essence of hypo-hyperonymic relations between the meanings of one word is determined. The peculiarities of hyponymic relations in the nouns of the literary and dialect Belarusian language are compared. Features of hyponymy in parallel derivation are determined.

Conclusion. The concept of hyponymy must be differentiated from the concepts of synecdoche and metaphor. The broad meaning can be identified with hyponymy, since the broad meaning word (hyperonym) allows the formation of an almost unlimited number of hyponyms. Compared to the literary language, Belarusian dialects are characterized by hyponymic differentiation, concretization of the semantics.

Key words: hyponymy, hyperonym, polysemy, semantics, parallel derivation, broad meaning of a word, metaphor, synecdoche.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 117–121)

Лексическое богатство языка в значительной степени обусловлено способностью слов развивать новые значения, расширять и обогащать свое содержание. Одним из самых распространенных способов образования новых значений, или лексико-семантических вариантов слова (ЛСВ), является гипонимия.

Отношения между лексико-семантическими вариантами слова, обусловленные различиями в смысловом объеме и основанные на иерархии, подчинении частного общему, получили название внутренней гипонимии [1, с. 141]. Внешняя гипонимия подразумевает родо-видовые отношения между разными словами; внутренняя гипонимия характеризуется наличием в пределах одного полисеманта родового (гиперонимического) и видового (гипонимического) значений.

В научной литературе значительное количество работ посвящено изучению соотношения понятий широкозначности и внутренней гипонимии, дифференциации внутренней гипонимии, синекдохи и метафоры.

Цель статьи – четкое выделение критериев, на основании которых можно определить внутреннюю гипонимию; характеристика типов гипо-гиперонимических связей между значениями слова в белорусском языке.

Большинство исследователей отмечает, что понятия широкозначности и гипонимии являются смежными [2–4]. Широкозначные слова характеризуются высокой степенью семантического обобщения и в то же время бедным семным составом. Они обладают широкими потенциальными возможностями для обозначения реалий, в силу своей неопределенности приобретая конкретное значение только в контексте, в сочетании с окружающими лексемами. Гиперонимы, которые, как правило, являются широкозначными словами, демонстрируют широкие потенциальные возможности для обозначения реалий окружающего мира. Этот потенциал может реализовываться неограниченное количество раз. Многие из гипонимических, более узких значений гиперонима, фиксируются в словарях, однако возможности гиперонима обозначать различные понятия и реалии практически безграничны, т.к. основаны на способности человека выделять общие признаки предметов и явлений.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что гипонимию нельзя отождествлять с переносами по схеме «часть–целое» (синекдой) [5, с. 89], [1, с. 130]. С одной стороны, синекдоха, как и гипонимия, характеризуется отношениями включения. Однако в то же время эти две разновидности семантических изменений имеют ряд существенных различий. Диапазон предметно-понятийной соотнесенности при гипонимии, как правило, неограничен в рамках родового значения, при синекдохе переносы имеют преимущественно двучленную структуру: *страха* ‘верхняя часть здания’ (ТСБМ) – *страха* ‘часть крыши, свисающая над стеной’ (ЛАБНГ, IV, к. 54); *серп* ‘сельскохозяйственное орудие’ (ТСБМ) – *серп* ‘железная часть

серпа’ (ЛП, 123). Синекдоха основывается на реальных, объективных, независимых от человеческого восприятия пространственных или временных связях части и целого. Гипонимические отношения имеют «идеальную» природу, предметы и их наименования объединяются только в сознании человека на основе общих признаков, семантических компонентов. В этом плане гипонимия приближается к метафоре: метафору и гипонимию противопоставляют метонимии как парадигматически обусловленные изменения значений слов [6, с. 55–60], как тип классификационных связей, основанных на общности реалий по их признакам [7, с. 39–43]. Метафорическое и гипонимическое переосмысления имеют очень близкую структуру: нередко при метафорической связи по форме или по месту в качестве отдельного значения выделяется общий признак по форме или по месту, объединяющий остальные ЛСВ (*кольца* ‘предмет, имеющий форму обода, обруча; то, что имеет форму такого предмета’ (ТСБМ) – *кольца* ‘металлический кружок, на который цепляют пристяжку в баране; кольцо на роге у коровы’ (БДС, 71), ‘кольцо на регуляторе в плуге; кольцо в дуге’ (ЖС, 222); *пенка* ‘тонкий слой чего-либо’ (ТСБМ) – *пенка* ‘тонкая оболочка, образующаяся на поверхности неподвижной жидкости; перепонка’ (ТСБМ), ‘диафрагма; мозговая оболочка’ (СПЗБ, IV, 8–9). В таком случае необходимо принимать во внимание семасиологический аспект: метафора определяется изменением архисемы (основной, главной семы) и принадлежностью ЛСВ к различным тематическим группам; гипонимические значения относятся к одной тематической группе и имеют общую архисему. Таким образом, общий признак при метафорических ЛСВ – дифференциальный, его «удельный вес» в семантике слова мал, он не может «претендовать» на то, чтобы быть архисемой. В функции же гиперонима (родового значения, объединяющего гипонимы) выступает целостный эмпирический элемент с рядом присущих ему признаков. Для денотата, обозначенного гиперонимом, характерна определенная качественная определенность, в отличие от метафоры, где общий признак выделяется значительной степенью абстракции (округлость, углубление, расположение сверху, в центре и др.). Гипонимия – это связь между видовыми и родовыми понятиями, метафора – связь между сходными понятиями [8, с. 41].

Материал и методы. Материалом для исследования послужил словарь литературного белорусского языка, а также диалектные словари белорусского языка. Как литературный язык, так и диалектные его разновидности отражают специфику и богатство лексики белорусского языка. Словарь литературного языка отражает закрепленную в нормативном словоупотреблении лексику, снабжен примерами из художественных произведений. Диалектные словари представляют интерес с точки зрения изучения бытовой лексики, здесь происходит конкретизация семантики общеизвестных слов с целью обозначения предметов и явлений повседневной жизни.

В работе были использованы интерпретативный метод, методы семантического, компонентного, сопоставительного анализа. Методы семантического и компонентного анализа позволяют исследовать семный состав лексем. Сопоставительный анализ используется при сравнении особенностей лексики литературного и диалектного белорусского языка, при характеристике признаков, отличающих внутреннюю гипонимию от других видов переосмысления.

Результаты и их обсуждение. В языке часто реализуется такой тип классификационных гипонимических связей между значениями многозначного слова, как связи по форме. При этом отношения между значениями слова – гипонимами – можно охарактеризовать как метафорические, а связь каждого из значений-гипонимов с родовым понятием – гиперонимом – как гипо-гиперонимическую. В следующих примерах представлена классификационная (гипонимическая и метафорическая) связь значений по форме: *разора* ‘продолговатое углубление в чем-нибудь’ (гипероним) – *разора* ‘длинная канавка на поверхности земли, проведенная плугом во время пахоты; углубление в виде канавки, сделанное плугом или лопатой на поле и огороде для стока воды и для прохода’ (гипонимы) (ТСБМ), *скіба* ‘вообще слой чего-нибудь’ (гипероним) – *скіба* ‘ломоть (обычно хлеба); слой вспаханной земли’ (гипонимы) (ТСБМ); *стакан* ‘название деталей различного назначения, имеющих цилиндрическую форму’ (гипероним) – *стакан* ‘гильза артиллерийского снаряда’ (гипоним) (ТСБМ).

Потенциальные возможности семантики общеупотребительных наименований белорусского языка имеют отличительные модели реализации в двух сферах своего существования – региональной и нормативной. Полисемантность диалектных названий отличается от литературных прежде всего направлением переосмысления, а особенности значения объясняются спецификой условий функционирования локальной и общеупотребительной разновидностей языка. Например, видовое варьирование семантики гиперонима часто происходит по назначению реалии и отражается именно в диалектном языке. Это могут быть названия определенных устройств, приспособлений: лит. *вяроўка* ‘свитые в виде шнура пряжи пеньки, льна и др.’ (ТСБМ) – диал. *вяроўка* ‘веревка, при помощи которой поднимается улей на дерево’ (ЛП, 323), ‘веревка, которой связывают снопы, сено, солому на телеге’ (Янк-І, 57), ‘веревка, которой прикрепляется оглобля к саням’ (ЛАБНГ, II, к. 316); лит. *лапата* ‘деревянное или металлическое устройство с рукояткой и широким плоским нижним концом для рытья, перемещения чего-нибудь’ (ТСБМ) – диал. *лапата* ‘хлебная лопата’ (СПЗБ, II, 618–619), ‘совковая лопата (лопата для пересыпания сыпучих веществ)’ (СПЗБ, II, 618–619); лит. *рама* ‘прямоугольник из брусьев или планок для различных нужд и целей’ (ТСБМ) – диал. *рама* ‘рама в постели’ (СПЗБ, IV, 267). В вышеприведенных примерах родовой ЛСВ обычно сообщает об общих особенностях конструкции, внешнего вида предмета и фик-

сируется в нормативном языке. В говорах наряду со специализацией по назначению уточняются и детали внешнего вида предметов.

Своеобразием характеризуются гипо-гиперонимические отношения значений слов *машынка*, *станок*. Гиперонимы этих слов не имеют в литературном языке какой-либо определенной формы или назначения и обозначают устройство для каких-либо работ: лит. *машынка* ‘небольшое устройство для какой-либо работы’ (ТСБМ) – диал. *машынка* ‘зажигалка’ (Шешк., 286; СПЦРБ, 229), ‘кнопка в одежде’ (Шешк., 286; Янк-І, 115; БДС, 104; ЛАБНГ, IV, к. 220), ‘часть лампы, подающая фитиль’ (Шешк., 286), лит. *станок* ‘приспособление для каких-либо работ; опора для каких-нибудь приспособлений, механизмов’ (ТСБМ) – диал. *станок* ‘приспособление для вития веревок; приспособление для наматывания нитей; приспособление для подвешивания болтов; приспособление для резания соломы’ (СПЗБ, IV, 571), ‘вал в веретене, на который навита основа или полотно’ (Шешк., 471), ‘деревянная подставка на четырех ножках для точила’ (НСЛ, 228). В литературном языке фиксируется не только гиперонимическое значение слова *станок*, но и гипонимы: лит. *станок* ‘металлическая основа, на которой укрепляются пушки, пулеметы; лафет; приспособление для укрепления полотна, установки каркаса, скульптурного материала при работе над картиной, скульптурой; приспособление для опоры во время некоторых занятий, тренировки’ (ТСБМ).

Реже наряду с дифференциацией, членением семантики в говорах наблюдается обратное явление – интеграция, расширение границ лексического содержания. Такое явление характерно для тематической группы «одежда»: диал. *хустка* ‘общее название одежды’ (ЛП, 317), *плацце* ‘общее название одежды’ (СПЗБ, III, 534), *кабат* ‘разная одежда’ (ЖС, 149) – сравн. лит. *хустка* ‘кусочек ткани на голову’ (ТСБМ), *плацце* ‘женская одежда, верхняя часть которой составляет единое целое с нижней частью, соответствующей юбке’ (ТСБМ), *кабат* ‘безрукавка’ (ТСБМ).

Иногда нейтральные в оценочном плане общеупотребительные лексемы наряду с сужением или расширением значения приобретают в народном языке положительную или отрицательную коннотацию: лит. *калач* ‘круглая булка пшеничного белого хлеба’ (ТСБМ) – диал. *калач* ‘недопеченный, неудачный хлеб’ (СПЗБ, II, 370); лит. *лайба* ‘большая парусная лодка’ (ТСБМ) – диал. *лайба* ‘старый изношенный транспорт’ (СРЛГ, 65); лит. *асоба* ‘совокупность свойств определенного человека, составляющих его индивидуальность’ (ТСБМ) – диал. *асоба* ‘уважаемое лицо’ (Касп., 25); лит. *гриб* ‘растение в виде шапочки на ножке’ (ТСБМ) – диал. *гриб* ‘боровик [хороший, самый лучший гриб]’ (НСЛ, 289; ЖС, 209).

Гипонимическая связь часто реализуется при параллельной деривации. Параллельная деривация – независимое образование слов по одной деривационной модели от одного корня – продуктивное явление

как в литературном, так и в диалектном белорусском языке. Производные, мотивированные лексические единицы обладают неисчерпаемыми возможностями развития семантики. В белорусском языке параллельные дериваты-существительные образуются преимущественно от прилагательных, существительных, глаголов и числительных.

Многие исследователи обращают внимание на специфическую черту мотивированных, производных слов: на основе известного значения корня и аффикса, как правило, невозможно идентифицировать семантику деривата. Иными словами, значение целого (производного слова) не сводится к значениям составляющих его частей (морфем). «Надстройку», или дополнительные семантические компоненты, появляющиеся при словообразовании, называют семантическими приращениями [9, с. 86]. Свойство производных лексем иметь такие семантические приращения получило в научных трудах название фразеологичности, или идиоматичности [10, с. 5]. Например, слово *жэлезняк* обозначает в белорусских говорах ‘чугун’ (Шешк., Сл., 138) или ‘железная лопата’ (ЛАБНГ, III, к. 290), но никак нельзя объяснить, исходя из внешней формы лексемы *жэлезняк*, почему она имеет именно такие значения, а не, например, ‘железные вилы’.

Подавляющее большинство мотивированных единиц является фразеологичным. Однако отдельные языковеды отмечают также наличие нефразеологичных (неидиоматичных) лексем, когда семантическая и словообразовательная структуры находятся в соответствии [10, с. 95]. Нефразеологичные слова обычно имеют обобщенное значение ‘предмет’, максимально приближенное к категориальному значению субстантива. Такое обобщенное значение конкретизируется только признаком, на который указывает мотивирующее слово, и не содержит в себе семантических приращений: лит. *дваццатка* ‘название различных предметов, нумеруемых цифрой двадцать’ (ТСБМ); лит. *семерка* ‘название некоторых предметов, нумеруемых цифрой семь’ (ТСБМ); лит. *дзясятка* ‘название различных предметов, которые нумеруются цифрой десять’ (ТСБМ); лит. *трайнік* ‘предмет, состоящий из трех частей’ (ТСБМ).

Рядом с широкозначными, нефразеологичными лексемами в нормативном языке и в говорах могут существовать и фразеологичные, конкретизированные единицы: диал. *дваццатка* ‘доска толщиной в двадцать миллиметров’ (СГЦРБ, 114), ‘доска шириной в двадцать сантиметров; денежный знак’ (БДС, 49); диал. *сямёрка* ‘размер косы’ (Шешк., 489); лит. *дзясятка* ‘игральная карта с десятью очками; десятирублевка’ (ТСБМ) – диал. *дзясятка* ‘мера льна, пеньки – десять горстей’ (СГЦРБ, 116); диал. *трайнік* ‘гирия на три пуда; рыболовный крючок (тройной)’ (МДСГ, IХ, 123), ‘вилы с тремя рогами’ (Абаб., 109).

Связь широкозначных (нефразеологичных) и конкретизированных (фразеологичных) значений параллельных дериватов имеет характер родо-видовой корреляции, это отношения гипонимического типа.

Родо-видовая связь наблюдается также между отдельными производными от существительных (со значением места): диал. *вяршок* ‘верхняя часть чего-либо’ (СПЗБ, I, 393) – лит. *вяршок* ‘сметана’ (ТСБМ), диал. *вяршок* ‘крышка для сосуда’ (СПЗБ, I, 393), ‘окошко, прорубленное под потолком, чтобы выпускать дым’ (Нас., 49), ‘верхняя часть луковицы’ (СГЦРБ, 80); лит. *перадок* ‘передняя часть чего-либо’ (ТСБМ) – *перадок* ‘передняя половина повозок, саней’ (ТСБМ), диал. *перадок* ‘подъем ноги’ (БДС, 132).

От прилагательного образованы следующие гипонимические лексико-семантические варианты: *сінява* ‘синий цвет чего-либо, синеватый оттенок чего-нибудь; синий простор, синяя поверхность (про море, небо, ветер); синий туман, дымка’ (ТСБМ).

Своеобразно проявляется родо-видовая соотношенность между отглагольными параллельными дериватами. Обобщенное, гипонимическое (родовое) значение здесь является фразеологичным (в отличие от предыдущих примеров, где родовое значение было нефразеологичным): кроме предметного значения и значения мотивирующего глагола оно обязательно имеет семантическое приращение – значение объекта, субъекта, средства. Семантическое приращение *объекта* присутствует в следующих гиперонимах: лит. *падшыўка* ‘то, что подшито к чему-либо’ (ТСБМ); лит. *падбор* ‘то, что подобрано’ (ТСБМ); лит. *падстаўка* ‘предмет, который подставляют под что-либо’ (ТСБМ). Соответствующие видовые значения отражены в диалектных словарях: диал. *падшыўка* ‘дощечки, которыми прибивают фронтон’ (БДС, 120), ‘фанера, картон, которыми утепляют потолок, стены дома’ (СГЦРБ, 270); диал. *падбор* ‘мелкое сучье, ветви, лапки’ (СГЦРБ, 259); диал. *падстаўка* ‘предмет в виде лавочки на ножках, который подставляли под колоду’ (СГЦРБ, 267), ‘рамка для медовых сотов’ (БДС, 119).

Родо-видовое соотношение дериватов со значением *субъекта* действия проявляется в следующих случаях: лит. *круцёлка* ‘название различных предметов, которые вращаются’ (ТСБМ) – диал. *круцёлка* ‘приспособление для запираания дверей’ (БДС, 87) ‘жернова’ (ЛАБНГ, IV, к. 290), ‘круг на валике для поднятия тяжестей; игрушка’ (Шат., 139); лит. *вяртушка* ‘название различных предметов, инструментов, которые свободно вращаются’ (ТСБМ) – диал. *вяртушка* ‘качели, качалка’ (СГЦРБ, 80); лит. *піскун* ‘тот, кто часто пищит’ (ТСБМ) – диал. *піскун* ‘выюн’ (СПЗБ, III, 523); лит. *скакун* ‘о том, кто прыгает’ (ТСБМ) – диал. *скакун* ‘блоха, кузнечик’ (СПЗБ, IV, 435; ЖС, 53; БДС, 160; СПЗБ, IV, 435).

Для литературного языка характерно образование параллельных дериватов-гипонимов со значением *средства* действия: лит. *штурхач* ‘деталь, приспособление для подталкивания чего-либо; вспомогательный паровоз в хвосте поезда; буксирное судно, которое толканием движет баржи’ (ТСБМ), лит. *разак* ‘устройство для резания чего-нибудь; пила; инструмент для кислородной резки металлов’ (ТСБМ), лит. *перадатчык* ‘то, при помощи чего передается

что-либо; аппарат для передачи на расстояние сигналов, сообщений и под' (ТСБМ).

Заклучение. Таким образом, понятие гипонимии необходимо дифференцировать от понятий синекдохи и метафоры. Гипонимия и синекдоха характеризуются отношениями включения, однако при синекдохе связь значений основана на реальных отношениях «часть–целое» и является преимущественно двучленной. При гипонимии связь включения базируется на выделяемых человеческим мышлением общих признаках, что ближе к метафоре. От метафоры гипонимия отличается тем, что метафора характеризуется изменением архисемы, в то время как гипонимы имеют общую архисему, которая содержится в гиперониме.

Широкозначность можно отождествлять с гипонимией, так как широкозначное слово – гипероним – допускает образование практически неограниченного количества гипонимов в рамках заданного общего свойства или признака – архисемы.

Гипонимический характер могут иметь как связи значений структурно немотивированных слов, так и значений параллельных дериватов. Для белорусских говоров по сравнению с литературным языком характерна гипонимическая дифференциация, конкретизация семантики слов в зависимости от условий и потребностей коммуникации. Это можно объяснить тесными связями диалектного языка с устной бытовой речью, где обычно актуализируется конкретно-предметное содержание лексических единиц.

Условные сокращения

Абаб. – Абабурка, М.В. Дыялектызмы ў творах беларускіх савецкіх пісьменнікаў: Кароткі слоўнік-даведнік / М.В. Абабурка. – Мінск, 1979; **БДС** – Шаталава, Л.Ф. Беларускае дыялектнае слова / Л.Ф. Шаталава. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975; **диал.** – диалектное; **ЖС** – Жывое слова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978; **Касп.** – Каспяровіч, М.І. Віцебскі краёвы слоўнік (матэрыялы) / М.І. Каспяровіч. – Віцебск: Выданне Віцебскага Акруговага Таварыства Краязнаўства і выдавецтва «Заря Запада», 1927; **ЛАБНГ** – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 т. – Мінск: Фонд фундаментальных даследаванняў РБ, 1993–1998. – Т. 1–5; **лит.** – літаратурнае; **ЛП** – Лексика Полесья. Матэрыялы для полесскага дыялектнага слоўніка. – М.: Наука, 1968; **ЛСВ** – лексико-семантычны варыянт; **МДСГ** – Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства: міжвуз. зб. – Мінск, 1975. – Вып. 3; 1976. – Вып. 4; Беларуская мова. – Мінск, 1977–1981. – Вып. 5–10; **Нас.** – Насовіч, І.І. Слоўнік беларускай мовы / І.І. Насовіч. – Мінск: БелСЭ, 1983; **НСл** – Народная словатворчасць. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979; **СГЦРБ** – Слоўнік

гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: у 2 т. – Мінск: Універсітэцкае, 1990. – Т. 1; **СПЗБ** – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986. – Т. 1–5; **СРЛГ** – Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны. – Гродна, 1999; **Сцяшк.** – Сцяшковіч, Т.Ф. Матэрыялы для слоўніка Гродзенскай вобласці / Т.Ф. Сцяшковіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972; **Сцяшк.** – Сцяшковіч, Т.Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Т.Ф. Сцяшковіч. – Мінск, 1983; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск: БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1–5; **Шат.** – Шатэрнік, М.В. Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны / М.В. Шатэрнік. – Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1929; Янк-І – Янкоўскі, Ф.М. Дыялектны слоўнік / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1959. – Вып. 1.

Літаратура

1. Старычонок, В.Дз. Полісемія ў беларускай мове (на матэрыяле субстантываў): дыс.... д-ра філалаг. навук: 10.02.01 / В.Дз.Старычонок. – Мінск, 1997. – 233 с.
2. Семина, И.А. Широкозначность и гиперо-гипонимия как смежные явления / И.А. Семина // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: сб. ст. по итогам III Междунар. конф. – М.: ООО «Издательство «Спутник+», 2018. – С. 301–307.
3. Беляевская, Е.Г. Семантика широкозначных существительных с когнитивной точки зрения / Е.Г. Беляевская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 532. – С. 4–14.
4. Федюк, П.С. Специфика определения критериев широкозначности лексических единиц / П.С.Федюк // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 101. – С. 200–205.
5. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие / М.В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
6. Журавлев, А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А.Ф. Журавлев // Способы номинации в современном русском языке / под ред. Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1982. – С. 45–109.
7. Никитин, М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): учеб. пособие для пед. вузов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.
8. Ольховская, А.И. О гипонимическом способе развития многозначности / А.И. Ольховская // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 34–50.
9. Шмелева, Е.Я. Некоторые семантические особенности существительных со значением действующего лица / Е.Я. Шмелева // Русский язык в школе. – 1983. – № 3. – С. 85–88.
10. Ермакова, О.П. Лексические значения производных слов в русском языке / О.П. Ермакова. – М., 1984. – 152 с.

Поступила в редакцию 09.06.2020

Заголовки публицистических произведений как отражение характерных тенденций языкового функционирования

Азевич И.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск*

Актуальность предпринятого исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения комплекса авторских приёмов, с помощью которых достигаются основные цели публицистического дискурса, в их соотносённости с основными тенденциями языкового развития на современном этапе.

Цель статьи — проанализировать собранный корпус заголовков современных СМК публицистических произведений с позиций выявления в них некоторых признаков тенденций современного языкового развития в целом.

***Материал и методы.** Материалом для исследования послужили публицистические произведения государственных областной и городской общественно-политических газет «Витебские вести», «Витьбичи», опубликованные с 30 апреля 2019 года по 6 февраля 2020 года. Для решения поставленных в работе задач были использованы различные методы и приёмы анализа: наблюдения и обобщения, описательно-аналитический, систематизации, контекстуального и интертекстуального анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** Проведённый в исследовании комплексный анализ заголовков современных СМК позволил установить проявление в них некоторых характерных для современного этапа языкового развития общих тенденций, которые находят отражение как в выборе соответствующего лингвистического материала, так и (в большей степени) в специфической его организации в условиях особого коммуникативно-речевого образования, которым является заголовочный компонент публицистического текста.*

***Заключение.** Таким образом, заголовки современных СМК достаточно активно воплощают в себе тенденции современного языкового функционирования, среди которых: стремление современных коммуникативно-речевых произведений к интертекстуальности; расширение валентностных возможностей лексического материала; рост употребления лексики иноязычного происхождения, увеличение возможностей для словотворчества и авторской языковой игры; увеличение в письменной речи синтаксических конструкций, характерных для разговорной, и другие; эти особенности находят отражение в типичных моделях заголовков витебских СМИ. Анализ материала позволил выявить наиболее типичные модели построения заголовков публицистических произведений на разных языковых уровнях и обозначить способность заголовков к отражению характерных тенденций языкового функционирования в публицистическом дискурсе.*

***Ключевые слова:** тенденция развития языка, коммуникативно-речевое произведение, модель заголовка, языковая игра, стилистический приём, коммуникативная эффективность.*

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 122–126)

Headings of Journalistic Works as a Reflection of Characteristic Trends in Linguistic Functioning

Azevich I.P.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The relevance of the undertaken research is determined by the need to further study the complex of copyright techniques with which the main goals of journalistic discourse are achieved, in their correlation with the main trends in language development at the present stage.

The title is the business card of any journalistic work. It reflects the trends in the functioning of the modern language in journalistic discourse.

The purpose of the article is to analyze the characteristics of creating of the headings of journalistic works and identify a complex of characteristic trends in language functioning.

***Materials and methods.** The material for the study was the journalistic works of the state regional and city socio-political*

Адрес для корреспонденции: e-mail: drozd2929@mail.ru — И.П. Азевич

newspapers *Vitebsk Vesti* and *Vitbichi*, published from April 30, 2019 to February 6, 2020. To solve the tasks in the work, various analysis methods and techniques were used: observation and generalization methods, a descriptive-analytical method, a systematization method, contextual and intertextual analysis methods.

Results and its discussion. A comprehensive analysis of the headings of modern QMS carried out in the study made it possible to establish the manifestation in them of certain general trends characteristic of the modern stage of linguistic development, which are reflected both in the choice of the appropriate linguistic material, and (to a greater extent) in its specific organization under conditions of a special communicative-speech education, which is the heading component of a journalistic text.

Conclusion. Thus, the headings of modern QMS quite actively embody the trends of modern linguistic functioning, among which are: the desire of modern communicative-speech works for intertextuality; expanding the valency of lexical material; an increase in the use of vocabulary of foreign origin, an increase in opportunities for creation of words and author's language game; an increase in the written language of syntactic constructions characteristic of colloquial, and others; these features are reflected in typical headline models of *Vitebsk media*. The analysis of the material made it possible to identify the most typical models for constructing headings of journalistic works at different language levels and to indicate the ability of headings to reflect the characteristic trends of language functioning in journalistic discourse.

Key words: language development trend, communicative-speech work, title model, language game, stylistic device, communicative effectiveness.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 122–126)

Преобразования в экономической и социокультурной сфере жизнедеятельности общества неизменно влекут за собой и изменения в области массовой коммуникации. Облик современных средств массовой коммуникации (далее СМК), безусловно, стал другим: если в советское время внимание читателя априори сосредоточивалось на главном печатном издании или телеканале страны, то в современных условиях при наличии огромного числа совершенно разных СМК, образно говоря, в борьбе СМК за внимание потенциальной аудитории необходимо принять и выдержать не одно словесное сражение. И на начальном этапе «бой» за внимание читателей принимает находящийся в *сильной* (термин И.В. Арнольд) для восприятия текста позиции заголовков публицистического произведения, чем в первую очередь обуславливает его важную роль, заключающуюся в том, будет ли взаимодействие адресанта произведения СМК и адресата (читательской аудитории) эффективным.

Существует ряд исследований, в которых проанализированы заголовки с позиции теории текста [1–4], функциональных особенностей [5–7], в когнитивно-лингвистическом аспекте [8], с прагматических позиций — как средство манипуляций сознанием или же воплощения агрессии, вражды [9; 10]. В немногочисленных работах представлен анализ заголовков публицистических текстов отечественной периодики, публикуемых на русском и белорусском языках [11]. Отдельными учёными приводятся практические рекомендации по созданию моделей «успешных» заголовков для разных типов средств массовой коммуникации [12].

Таким образом, заголовок публицистического произведения — это его неотъемлемая часть, которая находится в сильной для восприятия всего текста позиции, закладывая и структурируя дальнейшее восприятие

всего произведения. В связи с этим актуальность предпринятого исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения комплекса авторских приёмов, с помощью которых достигаются основные цели публицистического дискурса, в их соотносённости с основными тенденциями языкового развития на современном этапе.

Вместе с тем работы, посвящённые лингвистическому анализу заголовков периодических изданий Республики Беларусь, немногочисленны (исследования С.В. Харитоновой, Е.Н. Горегляд, Т.В. Зубаревой и др.) и, как правило, посвящены аспектному анализу некоторых особенностей заголовочных конструкций.

Цель статьи — проанализировать собранный корпус заголовков современных СМК публицистических произведений с позиций выявления в них некоторых признаков тенденций современного языкового развития в целом.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили публицистические произведения государственных областной и городской общественно-политических газет «Витебские вести», «Витьбичи», опубликованные с 30 апреля 2019 года по 6 февраля 2020 года. Для решения поставленных в работе задач были использованы различные методы и приёмы анализа: наблюдения и обобщения, описательно-аналитический систематизации, контекстуального и интертекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение. Заголовок, будучи элементом текста, занимающим сильную для восприятия позицию, закономерно сосредоточивает в себе большинство интенциональных характеристик публицистического произведения, изначально сообщая читателю — в концентрированной форме (при этом нередко имплицитной) — основные целеустановки автора.

Исследователи отмечают в заголовке практически все текстовые функции: номинативную, которая объединяет все заголовки, независимо от их структуры и индивидуальных особенностей; информативную, состоящую в том, что всякое заглавие так или иначе информирует читателя о тексте; коммуникативную, согласно которой заголовок рассчитан на его восприятие и интерпретацию; воздействия, которая реализуется прежде всего в экспрессивных заголовках при помощи приёмов речевой игры, использования образных средств, приёмов художественной выразительности, юмора; рекламную – для привлечения внимания; разделительную, связанную с поликодовостью текстов современных СМИ; экспрессивно-апеллятивную, выделяющую авторскую позицию и готовящую читателя к восприятию текста [7, с. 67].

Поскольку заголовки современной публицистики, как и публицистические коммуникативно-речевые произведения нашего времени наиболее явственно и развёрнуто отражают как явления, так и процессы, характерные для современного языка в принципе, логично предположить, что в них можно обнаружить и лингвистические проявления ряда тенденций, свойственных современному языку в целом на данной стадии его развития. Именно с этих позиций мы проанализировали несколько наиболее характерных моделей заголовков в витебских областной и городской газетах «Витебские вести» и «Витьбичи».

Одной из тенденций современного языкового развития является установка практически любого коммуникативно-речевого произведения на явную диалогичность, что часто находит выражение в использовании автором лингвистических средств и способов, «приближающих» его к читателю. Одним из таких способов являются приёмы *языковой игры*, иногда квалифицируемые нынешними исследователями как характерная для развития современного языка тенденция [10].

Нередко данные приёмы реализуются с намеренным нарушением существующих сочетаемостных норм используемого лексического материала, что может быть объяснено приданием им, с точки зрения автора, коммуникативной функции. Так, осознанное нарушение сочетаемостных норм наблюдаем в заголовках типа: «*Хлеб со вкусом детства*»; «*Матч масел: льняное против оливкового*», «*Воспоминания в наследство*» и под., где обращение к приёму нарушенной валентности служит в первую очередь для привлечения внимания читательской аудитории.

Витебскими журналистами широко используется приём придания тому или иному выражению неоднозначного истолкования (в более бытовом восприятии – двусмысленности) в результате употребления полисемантического слова в пределах минимального контекста. По схеме такого рода построены заголовки «*“Забота” каждому*» (о программе «Забота» для пожилых людей), «*Пятно на здоровье*» (о псориазе), «*Услышать мир*» (о борьбе с глухотой), «*Ток жизни*»

(о предприятии «Витебскэнерго»), «*Дыхание «зелёных школ»*» (об экологическом образовании), «*“Невские берега” стали ближе*» (о конкурсе парикмахерского искусства «Невские берега»), «*Первый звонок педагогов*» (о начале учебного года для молодых специалистов-учителей), «*Вернисаж с “Иголки”*» (о выставке объединения любителей вышивки «Иголка»), «*Лёгким бывает нелегко*» (о пневмонии) и др.

Достаточно распространённым приёмом, по нашим наблюдениям, является организация высказывания по принципу контраста с привлечением как общезыковых, так и контекстуальных антонимов – ср., например: «*Дети мира – детям войны*», «*Медик с талантом поэта*», «*З маленькага цяляці пачынаецца вялікае малако*», «*Красив в строю – силен в бою*», «*Малым посёлкам – большие перспективы*», «*Безработных меньше – вакансий больше*», «*Дзве даты – адзін лёс*», «*Мини-поле для макси-побед*», «*Профиль узкий, кругозор – широкий*», «*Объект сельский – обслуживание городское*», «*Суровый мужчина и нежный отец*», «*Цёпкая Леднівічы*», «*Бизнес на подарках*». Результатом применения такого приёма можно считать проявления в современном языке тенденции к расширению возможностей лексических оппозиций, когда антонимами (в том числе иногда и общезыковыми) становятся, казалось бы, совершенно не соотносимые понятия.

Довольно удачным, с нашей точки зрения, можно считать стилистический приём повтора однокоренных слов или словоформ. По такой модели созданы следующие заголовки: «*За “Школами будущего” – будущее*», «*Первый урожай и первые рекорды*», «*Особым детям – особое внимание*», «*Надежная семья Надёжко*», «*Ирина Мышко не боится мышек*», «*Добрый человек из Добрино*» и другие.

Тенденция к проявлению интертекстуальности, своего рода метатекстовости в современном языке также находит отражение в поле заголовка – прежде всего в виде использования в них прецедентных образов, приёма аллюзий и т.д., что обнаруживаем, например, в заголовках: «*Берегите цитовидку смолоду*», «*Герои нашего времени*», «*Время выбрало нас*», «*И хлебом единым!*», «*Сам себе переписчик*», «*Жизнь после диагноза*», «*Кино все возрасты покорны*», «*Елочка! Я тебя знаю*», «*Прабабушка по имени Звезда!*», «*По ком молчит колокол?*», «*Обувщик – это звучит гордо!*», «*Станут ли деревья большими?*», «*О Надежде, вере и любви*». Успешная реализация (адекватный посыл информации и адекватное её восприятие) данной модели заголовка требует как от автора, так и от адресата определённого багажа знаний, культурной и языковой компетенции. Неумелое же использование в заголовках интертекстуальных приёмов ведёт к неоднозначной трактовке авторской интенции – так, примером неудачной попытки обыграть прецедентный образ из известного произведения М. Булгакова является, с нашей точки зрения, заголовок «*На балу у спасателей*».

Часто журналисты используют в заглавиях своих произведений имена собственные; основная цель при этом – индивидуализация названия, а также акценти-

рование внимания читателя на том, о чём пойдёт речь далее: «У «Белой Руси» – день рождения», «Повторить успех Яновского», «На встречи с Алфёровым шли семьями», «Из Казахстана – в Шапур», «Инъекции от “Рубикона”», «Розовые розы Ирины Марецкой», «Магунная дынастыя Конахаў».

Молодые журналисты достаточно часто прибегают к такому приёму, как рифмование частей заголовка; данный приём наблюдаем в следующих случаях: «Дождь не помеха, когда хочешь успеха», «Там, где дружит коллектив, есть успех и креатив», «Главное – верить и ждать, а лучшее письмо написать», «Чтобы не хандрить – дольше спать и морсы пить!», «Баня парит – силушку дарит», «Умовы для мовы» и под.

В заголовках витебских журналистов встречаются и некоторые авторские новообразования, в чём находит отражение тенденция современного языка к словотворчеству и ср., например: «**Велорансодия** осени», «**ФЭСтя** с размахом». В то же время следует отметить, что в заголовках элементов, созданных по означенному принципу, немного, что объясняется в первую очередь сложностью образования окказионализмов: не каждое новообразование способно стать удачным элементом заголовка [10].

Заголовок, как представляется, в первую очередь, должен быть понятен читателю, позволять адресату верно интерпретировать каждое входящее в него слово, однако иногда использование в заглавии редко употребляемой, в частности специализированной лексики, приводит к большему, с точки зрения привлечения внимания адресата, эффекту, нежели использование более понятных общеупотребительных лексических единиц. Такого рода приём довольно типичен, по нашим наблюдениям, для витебских газет – ср. в частности: «**Ребрендинг аграрного сектора**», «**Влчак, риджбек, американская акита**» (о выставке собак), «**Супрематизм глазами детей**». Данный приём, с нашей точки зрения, отражает общезыковую тенденцию к употреблению иноязычной лексики, особенно англицизмов и американизмов.

Одним из распространённых приёмов придания своеобразия заголовкам в современных СМК является употребление фразеологизмов разного характера, в том числе и в модифицированном виде, а также паремий (поговорок и пословиц) и иного рода идиоматических выражений. Это, по нашим наблюдениям, один из наиболее распространённых приёмов для заголовков витебских печатных изданий – ср., в частности: «**Первый блин не комом**», «**Пад ляжачы камень вада не цячэ**», «**Доверяй, но проверяй**», «**Выйти замуж – не напасть, да как бы под суд не попасть**», «**Чужих стариков не бывает**», «**Кто рано встает, тот везде успеваает**», «**ФОК шаговой доступности**», «**Долг платежом красен**», «**Любишь жалить в сети, люби и ответ нести**», «**Долг платежом страшен**», «**Безруков с золотыми руками**».

Находясь в сильной позиции по отношению ко всему тексту, заголовок «задаёт тон» восприятия по-

следующей информации, а использование в нём таких средств художественной выразительности, как метафора, перифраз, эпитет, метонимия, способствует успешному взаимодействию автора и читателя. Найдём заголовки такого плана и у витебских журналистов: «**Журавіны жураўлінай Міёршчыны**», «**В крылатой пехоте – пополнение**» (о ВДВ), «**Обрели пушистых друзей**» (о домашних животных), «**Молодость подает пример**», «**Лисички захватили Городок, Сураж в плену у подосиновиков**», «**Работа в домашних тапочках**» (об удалённой работе), «**Увлечённые делом**», «**“Снежинка” растопила паркет и сердца**» (о витебском фестивале «Витебская снежинка»), «**Золотой фонд власти**» (о районном слёте старейшин).

Дополнительные возможности для взаимодействия автора и читателя предоставляет широкое распространение в современном обществе компьютерных технологий – в частности, через реализацию аттрактивной функции заголовка при помощи выбора шрифта – ср., например: «**Спрос на обувщиков растёт**», «**НаСТОящий хлеб по-ориански**», «**ЗаМУРчателльные экскурсии**».

Синтаксическая структура заголовков республиканских и витебских газет уже являлась предметом анализа в работах лингвистов Е.Н. Горегляд и Т.В. Зуборевой. К наиболее характерным синтаксическим моделям заголовков, выделенных Е.Н. Горегляд [11], добавим ещё некоторые, выявленные нами в ходе проведённого анализа:

– использование таких конструкций экспрессивного синтаксиса, как асиндетон и синтаксический параллелизм: «**Скорость, точность, качество**», «**Ярко, убедительно, призывно**», «**Прыгажуня, разумница, адказны чалавек**», «**Частуйцеся, цалуйцеся, фліртуйце!**», «**Аддзяленне – раённае, ахоп – міжнародны**», «**Объяснить можно, оправдать – нельзя**»;

– выбор «двойных» заголовков: «**Выстрел по пролетающей цели, или По следам Юры Жданко**», «**След на земле, или Цирковая “Юность”**», «**Маршрутка изпод полы, или Почему для нелегальных перевозчиков автовокзалы – дом родной**», «**Есть ли жизнь после амнистии, или Как на Витебщине проходит ресоциализация бывших заключённых**», «**От грузчика до зампреда, или Как мечта помогла закалить характер**»;

– использование клише сказового характера: «**Как в Глыбочке хату прославляли**», «**Как невиновный чуть жертвой не стал**», «**Як у Паставах ратавалі ката**»;

– употребление побудительных и вопросительных конструкций риторического свойства: «**Что оставим потомкам?**», «**Любимый Браслав, процветай!**», «**Поступайте в грибную академию!**», «**Тот побеждает, кто землю уважает!**», «**Как получить наследство?**», «**Вход разрешён?**», «**Даёшь свет!**», «**Улыбнись, малыш, ты понравился!**».

В данном случае мы наблюдаем проявления тенденции увеличения в письменной речи синтаксических форм, характерных для разговорной речи.

Заключение. Таким образом, заголовки современных СМК достаточно активно воплощают в себе тен-

денции современного языкового функционирования, среди которых: стремление современных коммуникативно-речевых произведений к интертекстуальности; расширение валентностных возможностей лексического материала; рост употребления лексики иноязычного происхождения, увеличение возможностей для словотворчества и авторской языковой игры; увеличение в письменной речи синтаксических конструкций, характерных для разговорной, и другие; эти особенности находят отражение в типичных моделях заголовков витебских СМИ.

Результаты проведённого анализа могут оказаться полезными в практическом плане – как рекомендации для журналистов по созданию эффективных заголовков в зависимости от их функциональной направленности.

Литература

1. Виноградов, В.В. История русских лингвистических учений: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / сост. Ю.А. Бельчиков; предисл. Ю.В. Рождественского. – М.: Высш. школа, 1978. – 367 с.
2. Винокур, Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Г.О. Винокур. – М.: Наука, 1990. – 452 с.
3. Бессонов, А.С. Газетный заголовок / А.С. Бессонов. – Ленинград, 1958. – 62 с.
4. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г. Костомаров. – М.: МГУ, 1971. – 265 с.
5. Иваненкова, Н.Н. Структура и функции заголовков газеты «Союзное вече» / Н.Н. Иваненкова // Scriptamanent. – 2015. – № 21. – С. 52–55. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_25409799_59744393.pdf. – Дата доступа: 11.05.2020.
6. Корнилова, К.Е. Функции заголовков современных журналистских текстов / К.Е. Корнилова // Известия вузов. Северокавказский регион. – 2007. – Спецвыпуск. – С. 118–119. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-zagolovkov-sovremennyh-zhurnalistskih-tekstov/viewer>. – Дата доступа: 11.05.2020.
7. Панина, Н.Н. Функции газетного заголовка / Н.Н. Панина // Вестник МГОУ. – 2007. – № 2. – С. 66–68.
8. Комаров, Е.Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.Н. Комаров; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2003. – 48 с.
9. Агапова, А.Н. Заголовок в современной русской прессе: эпистемический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Н. Агапова; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2011. – 24 с.
10. Комлева, М.Н. Оказиональное слово в языке печатных СМИ новейшего времени: модели и функции (на материале газетных заголовков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.Н. Комлева; Самарский государственный университет. – Самара, 2013. – 23 с.
11. Горегляд, Е.Н. Синтаксическая структура заголовка современной газетной статьи (на материале региональной печати) / Е.Н. Горегляд // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета): сб. материалов IV Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 мая 2009 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2009. – Ч. 2. – С. 108–111.
12. Куприянова, Н.С. Модель эффективного заголовка: языковые особенности (на материале пензенских печатных СМИ) / Н.С. Куприянова, И.А. Хаистова // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2013. – № 2(6). – С. 217–221. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_20928078_20789620.pdf. – Дата доступа: 11.05.2020.

Поступила в редакцию 10.06.2020

Паремии словацкого языка в разноаспектном осмыслении

Бордюгова Л.

Университет им. Константина Философа в Нитре (Словакия)

Актуальность данной работы определяется, прежде всего, приоритетами современного этапа развития языкознания, на котором, среди прочего, возникла необходимость уточнения лингвистического и междисциплинарного (смежного с лингвистикой) статуса паремий с теоретических позиций, а также развёрнутой оценки национальных паремийных фондов с этнолингвистических и лингвокультурологических позиций.

Цель статьи — аналитически обобщить наиболее значимые для осмысления словацкого паремийного фонда этапы в их исторической последовательности, а также наметить перспективы дальнейшего рассмотрения данного явления.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил паремийный фонд словацкого языка, зафиксированный в наиболее полных и авторитетных национальных справочных источниках. При этом использовались следующие методы: общенаучные (наблюдения, описательный); специальные лингвистические (классификационный и лингвокультурологический).

Результаты и их обсуждение. Изучение имеющихся в любом языке лингвистических единиц, в той или иной степени содержащих в себе компоненты этнического и / или национального характера, в настоящее время представляет одно из наиболее значимых и многогранных направлений современной филологической науки, поскольку исследования такого рода позволяют не только выявить лингвокультурное своеобразие конкретного языка, но и, в числе прочих факторов, в конечном итоге определяют также специфику ментальности его носителей в целом.

Словацкий паремийный корпус, насчитывающий около 13 000 единиц, наиболее полно представлен в работе Адольфа Петра Затурецкого (1837–1904). Несмотря на безусловную исследовательскую ценность собранного А.П. Затурецким паремийного словацкого фонда, а также с учётом того факта, что пока никто из исследователей не представил паремийное богатство словацкого языка в более объёмном виде, всё же следует признать, что данный источник в современный период несколько утратил свою актуальность.

Заключение. Паремиологический словарь, который бы отразил достижения лингвистической науки на современном этапе — в частности, усиление внимания исследователей к этнолингвистическим, когнитивно-лингвистическим и лингвокультурологическим аспектам языковых единиц — в современной словацкой лексикографии, к сожалению, отсутствует. Между тем его создание, как представляется, существенно способствовало бы более глубокой и многоаспектной разработке данной проблемы в словацистике.

Ключевые слова: паремии, паремиология, словацистика, лингвокультурология, этнолингвистика, лексикографический источник.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 127–130)

Premias of the Slovak Language in a Multidimensional Interpretation

Bordygova L.

Constantine the Philosopher University in Nitra (Slovakia)

The relevance of this article is determined primarily by the priorities of the modern stage of the development of linguistics, at which, among other things, the need arose to clarify the linguistic and interdisciplinary (adjacent to linguistics) status of paremias from theoretical positions, as well as a detailed assessment of national paremias funds from ethno-linguistic and linguo-cultural positions.

The purpose of the article is to analytically summarize the stages that are most important for understanding the Slovak paremias fund in their historical sequence, as well as outline the prospects for further consideration of this phenomenon.

Material and methods. The research material was the paremias of the Slovak Language, recorded in the most comprehensive and authoritative national reference sources. In the research process, the following methods were used: general scientific (observation, descriptive); special linguistic (classification and linguocultural).

Адрес для корреспонденции: e-mail: lenka.bordjuhova@ukf.sk — Л. Бордюгова

Results and its discussion. The study of linguistic units available in any language, to one degree or another containing ethnic and / or national components, is currently one of the most significant and multifaceted areas of modern philological science, since studies of this kind not only reveal the linguistic and cultural identity of a particular language, but also, among other factors, ultimately determine the specifics of the mentality of its speakers in general.

The Slovak paremiic corps, numbering about 13,000 units, was most fully represented in the work of Adolf Peter Zaturecki (1837–1904). Despite the unconditional research value of the Paremi Slovakian fund collected by A.P. Zaturetsky, and also taking into account the fact that so far none of the researchers has presented the Paremi richness of the Slovak language in a more voluminous form, it should be recognized that this source in the modern period is somewhat lost its relevance.

Conclusion. The paremiological dictionary that would reflect the achievements of linguistic science at the present stage – in particular, the increased attention of researchers to the ethnolinguistic, cognitive-linguistic and linguocultural aspects of linguistic units – is unfortunately absent in modern Slovak lexicography. Meanwhile, its creation, it seems, would significantly contribute to a deeper and more multifaceted development of this problem in Slovakism.

Key words: paremias, paremiology, Slovak studies, linguoculturology, ethnolinguistics, lexicographic source.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 127–130))

Актуальность данной работы определяется прежде всего приоритетами современного этапа развития языкознания, на котором, среди прочего, возникла необходимость уточнения лингвистического и междисциплинарного (смежного с лингвистикой) статуса паремий с теоретических позиций, а также развёрнутой оценки национальных паремийных фондов с этнолингвистических и лингвокультурологических позиций.

Цель статьи – аналитически обобщить наиболее значимые для осмысления словацкого паремийного фонда этапы в их исторической последовательности, а также наметить перспективы дальнейшего рассмотрения данного явления.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил паремийный фонд словацкого языка, зафиксированный в наиболее полных и авторитетных национальных справочных источниках.

При этом использовались следующие методы: общенаучные (наблюдения, описательный); специальные лингвистические (классификационный и лингвокультурологический).

Результаты и их обсуждение. Паремийный корпус языка, включающий пословицы и поговорки, по общему мнению исследователей, наиболее ярко и многопланово отражает суть любой национальной культуры, поскольку, «пронизывая» практически все сферы жизненной деятельности человека, наряду с собственно семантикой, как правило, содержит в себе и различные культурные смыслы. Именно в этих устойчивых единицах языка, возникновение которых в большинстве своём восходит к глубокой древности, зафиксированы накопленный многими поколениями жизненный опыт, народное мировосприятие и оценка как бытовых, так и иного рода житейских ситуаций.

В паремийном фонде словацкого языка, подобно другим языкам, зафиксирована система универсальных и национальных культурных смыслов, раскрывающих своеобразие духовной сферы народа и другие

особенности жизни словацкой нации: отражая особенности жизни словацкого народа, паремии выделяют в предметах и явлениях окружающего мира наиболее существенные, с позиций этого этноса, характеристики национального быта, обычаев и традиций; взаимоотношений между людьми, социально-исторического контекста разных временных периодов. Словацкая паремиология является органичной частью национальной народной мудрости, в которой отражены этнические ценности и идеалы словацкого лингвокультурного сообщества. Через посредство языка эти паремии выражают своеобразие реального жизненного мира одной из групп западных славян: условия их жизни, особенности ментальности, характера, традиций, системы ценностей и т. д.

Прежде чем перейти к рассмотрению этапов развития словацкой паремиографии, уточним некоторые принципиально значимые для нашего исследования термины.

Первоначально паремиология трактовалась как исключительно этнологическая отрасль, в рамках которой исследование лингвистических особенностей паремийного фонда не было приоритетной задачей. На это обращает внимание Й. Млацек, заметивший, что «сбор и обработка соответствующих материалов были в первую очередь частью разносторонних или многосторонних описаний определённой этнической группы и, во-вторых, понимались как часть изучения соответствующих языков» [1, с. 180]. Лингвистическому осмыслению паремий не способствовало и отсутствие соответствующего понятийного – сугубо паремиологического – аппарата: пословицы и поговорки нередко рассматривались в рамках более развитой в конце XIX и начала XX века фразеологии (паремиологические и фразеологические единицы получили разграничение в XX веке уже в рамках утверждения качественно новой фразеологической концепции).

Для отграничения паремий от фразеологических единиц Й. Млацек предлагает применить такой кри-

терий, как возможность трансформировать паремию – пословицу или поговорку – в так называемые именные фразы, как например: *stará láska nehrdzavie – stará láska* [1, с. 48]; именно это, по мнению учёного, позволяет отличать их от единиц фразеологических. Помимо этого, отмечает Й. Млачек, паремии (пословицы и поговорки), с точки зрения современного научного знания, представляют собой сокращённые выражения народной мудрости и опыта с образным характером, которые в основном передаются конструкцией предложения [2, с. 100], что также, как правило, не присуще фразеологизмам.

Для К. Габовштяковой и Э. Крошлаковой наиболее очевидное различие – уже *внутри* паремийного фонда (между пословицами и поговорками) – заключается в том, что пословицам присуще определённое дидактическое намерение, которое у поговорок чаще всего отсутствует [3, с. 7]. Наряду с этим для разграничения пословиц и поговорок могут использоваться и некоторые критерии, такие как: пословицы, в отличие от поговорок, состоят из двух частей (чаще всего это выражение преднамеренной и / или дидактической установки, причём с использованием таких характерных грамматических форм, как императив, гномическое третье лицо единственного или множественного числа глагола); пословицы аконтекстуальны, а поговорки контекстуальны, поэтому, чтобы отграничить их друг от друга, иногда необходимо попытаться ввести интересующую единицу в собственно контекст, и т. д.

Наиболее глубокой и последовательной позицией в плане разграничения паремий и фразеологических единиц, а также разграничения внутри паремийного фонда нам видится концепция, изложенная в работе «Основы структурной паремиологии» Г. Л. Пермякова, принципиально значимыми компонентами которой являются следующие:

1. Паремии, включающие в себя пословицы и поговорки в качестве основной части, имеют лингвистические характеристики, общие с идиомами, но при этом они также обладают определёнными неязыковыми характеристиками паремиологического или фольклорного свойства.

2. Пословицы и поговорки имеют текстовую природу, в то время как их собственно идиомы – это не текст, а только элементы текста.

3. Пословицы – это фиксированные предложения, которые не нуждаются в дополнении контекстом, в то время как поговорки – это устойчивые выражения в форме предложений, которые в определённый момент нуждаются в контекстуальном дополнении.

4. Связь между пословицей и поговоркой осознаётся на фоне оппозиции *langue – parole*, причём пословица выступает в роли системной единицы, а поговорка – речевой [4, с. 133].

Основы словацкой паремиографии были заложены **Даниелем Синапиом-Горчицкой** (1640–1688), который, собрав пословицы и поговорки на определённых территориях современной Словацкой Республи-

ки и Польши, в обработанном виде опубликовал их в сборнике „Neo-forum Latino-Slavonicum“ (Nový trh latinsko-slovenský, 1678); в этот сборник автор включил 534 паремиологические единицы.

Определённый вклад в историю словацкой паремиографии внесли труды **Павла Долежала** (1700–1778) и **Юрая Рибая** (1754–1812), наиболее видных представителей словацкого Просвещения, которые отчасти способствовали актуализации лингвокультурологической составляющей осмысления собранного фольклорного материала.

В начальный период существования словацкого языка уже в качестве языка литературного появляется пятязычный (переводной) словарь, составленный **Антоном Бернолаком** (1762–1813) – „Slowár Slowenský, Česko-Lat’insko-Německo-Uherský“ (издан в 1825–1827 гг.), который стал событием в словацком историческом языкознании; в этот пятитомный труд включено около 2800 паремий, большая часть из которых является словацкими.

Наиболее полно словацкий паремийный корпус, насчитывающий около 13 000 единиц, представил в своей работе **Адольф Петр Затурецкий** (1837–1904) [5].

А.П. Затурецкий начал свою деятельность по сбору словацких паремий в 1863 году – в год основания словацкого национального культурно-просветительского общества «Матица словацкая» (Matica slovenská), целями которого были распространение просвещения среди народных масс, а также содействие развитию словацкой литературы, науки и искусства. С деятельностью общества «Матицы словацкой», местом создания которого стал словацкий город Мартин, тесно связан первый период собирательской деятельности А.П. Затурецким устойчивых единиц словацкого языка, в которой очевидным был лингвокультурологический подход. Исследователь не оставил своей паремиографической деятельности и после прекращения существования упомянутого общества в 1875 году: он, в частности, продолжил совершенствовать классифицирование собранного материала, уделив большее внимание применяемым для этого критериям [5, с. 794]. Подобная работа велась исследователем в тесной связи с его педагогической деятельностью – воспитанием молодёжи, о повышении культурного и морального уровня которой учёный постоянно заботился.

Примечательно, что А.П. Затурецкий первоначально не планировал создать собственно научный труд – он намеревался лишь опубликовать свои записи, чтобы зафиксировать собранный в устной форме паремийный материал. Однако увлечение паремиографической деятельностью побудило исследователя обратить внимание на аналогичные работы других учёных, результатом чего стало погружение А.П. Затурецкого в разноаспектное научное описание корпуса собранного лингвистического материала. Собирательская деятельность этого исследователя длилась на протяжении почти 30 лет и завершилась изданием словаря “Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádan”, кото-

рый и в настоящее время считается в Словакии самым фундаментальным сборником устойчивых, в том числе и паремийных, выражений; этот труд был опубликован в 1897 году Чешской академией в Праге.

Весь корпус входящих в словарь пословиц, поговорок и устойчивых выражений объединён автором в XX глав, разграничение которых однако с современных семантических позиций не всегда выглядит последовательным. При включении в словарь той или иной паремии А.П. Затурецкий приводит и её существующие варианты (инварианты), чем, с нашей точки зрения, усиливается научный характер подачи паремий: включая в данный источник паремии, составитель изначально подаёт их преимущественно в той форме, в которой они функционируют в литературном языке, приводя наряду с этим и диалектные варианты, где, в частности, отражено влияние на словацкий язык литовских и северо-западных брезнских диалектов (большая часть паремийного материала собрана исследователем именно на этих территориях). Помимо этого в словаре содержатся некоторые восточно-словацкие, западно-словацкие, а также гемерские пословицы и, наконец, паремии, восходящие к Библии; в ряде из входящих в сборник паремий зафиксированы также некоторые явления (определённые формы) чешского стандартного языка.

Такая пестрота паремийного материала в рассматриваемом источнике обусловлена, среди прочего, и тем фактом, что литературный словацкий язык в начале прошлого столетия имел ряд различий в написании некоторых слов и форм, отличных от норм современного словацкого письма. Наконец, необходимо учитывать и то обстоятельство, что большинство входящих в словарь паремий имеют общенациональный статус, в связи с чем зафиксированные учёным диалектные паремии не особо актуальны для массового адресата, на восприятие которого рассчитан прежде всего лексикографический источник.

Несмотря на безусловную исследовательскую ценность собранного А.П. Затурецким паремийного словацкого фонда, а также с учётом того факта, что пока никто из исследователей не представил паремийное богатство словацкого языка в более объёмном виде, всё же следует признать, что данный источник в современный период несколько утратил свою актуальность. Словацкий паремиолог Андрей Мелихерчик в статье о жизни и творчестве А.П. Затурецкого отмечал, что народные пословицы, форма и содержание которых хотя и создавались на протяжении веков, не являются собой абсолютно фиксированные значения: на протяжении своего существования они постоянно менялись и обновлялись: некоторые старые пословицы исчезли, появились пословицы, отреагировавшие на новые реальности меняющейся жизни.

Заключение. Паремийный фонд словацкого языка, как и любого другого, несомненно, является для языковеда ценнейшим источником информации – прежде всего лингвокультурологического и этнолингвистического свойства, поскольку в паремиях фиксируются народное творчество, история и традиции нации, особенности национального менталитета и т.д. Народные пословицы и поговорки можно образно определить как жемчужины и драгоценные камни народной мудрости и народного творчества; они с полным правом могут быть названы символами многовекового народного опыта, копившегося веками практически во всех сферах народной жизни.

В нынешней словацкой лексикографии, к сожалению, отсутствует паремиологический словарь, который бы отразил достижения лингвистической науки на современном этапе – в частности, усиление внимания исследователей к этнолингвистическим, когнитивно-лингвистическим и лингвокультурологическим аспектам языковых единиц. Между тем разноаспектное исследование паремийного корпуса словацкого языка, и прежде всего его комплексное описание в одном лексикографическом источнике, как представляется, существенно способствовало бы более глубокой и многоаспектной разработке данной проблемы в словацистике.

По нашему мнению, при составлении лексикографического источника подобного характера, помимо собственно лингвистического аспекта, непременно должны быть учтены этнолингвистические и лингвокультурологические характеристики включаемых в него единиц: именно эти аспекты видятся нам как приоритетные для наиболее адекватного и полного осмысления паремийного фонда словацкого языка – как и любого языка на современном этапе развития лингвистической науки.

Литература

1. Mlacek, J. Tvary a tváre frázém v slovenčine / J. Mlacek. – Bratislava: STIMUL, 2007. – 160 s.
2. Mlacek, J. Slovenská frazeológia / J. Mlacek. – Bratislava: SPN, 1977. – 120 s.
3. Habovštiaková, K. Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii / K. Habovštiaková, E. Krošláková. – Bratislava: Veda, 1996. – 176 s.
4. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988. – 236 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
5. Záturický, A.P. Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádank / A.P. Záturický. – Bratislava: Tatran, 2018. – 815 s.

Поступила в редакцию 10.06.2020

Неомифологическая эсхатология в романе «Укус ангела» П. Крусанова

Волк Е.А.

*Учреждение образования «Белорусский государственный
педагогический университет имени М. Танка», Минск*

На протяжении многих столетий художники слова постоянно обращались на страницах своих романов к волновавшей их теме последних дней и Конца света. Эсхатологические мотивы находят широкое отражение и в произведениях многих современных русских авторов, в том числе в творчестве прозаика П. Крусанова.

В статье рассматривается авторская вариация концепции Исхода времен в романе «Укус ангела» П. Крусанова, подвергаются литературоведческому анализу апокалиптические образы и мотивы в произведении, положенные писателем на неомифологическую основу.

Цель работы — выявить особенности интерпретации образа Апокалипсиса в романе «Укус ангела» русского прозаика П. Крусанова.

Материал и методы. В качестве материала для исследования выбран роман «Укус ангела» П. Крусанова (2000), поскольку идея Конца света является одним из центральных мотивов в произведении, который прослеживается на протяжении всего повествования. Для анализа апокалиптической темы используются основные приемы таких литературоведческих методов, как культурно-исторический и герменевтический, что позволяет наиболее полно и глубоко изучить эсхатологические мотивы в произведении.

Результаты и их обсуждение. Выявляется авторская концепция темы Апокалипсиса в романе «Укус ангела» П. Крусанова, для создания которой писатель моделирует оригинальную фэнтезийную реальность в жанре «имперского романа», искусно вплетая в канву повествования религиозно-мистические и мифологические мотивы, что придает произведению неомифологический колорит.

В «Укусе ангела» писатель изображает неклассическую вариацию архетипа героя-«мессии» — «Безумного Спасителя». Безумец, воплощенный в образе главного героя Ивана Некитаева, представляет собой разрушителя мира, для которого понятия добра и зла остаются чуждыми и непонятными, так как он относится к иному миру и мыслит иными категориями.

Заключение. В романе «Укус ангела» П. Крусанов переосмысливает традиционное представление образа Конца света и создает собственную оригинальную апокалиптическую концепцию.

Ключевые слова: русская литература XXI века, П. Крусанов, эсхатологический мотив, апокалипсис, неомифология, имперский роман, герой-мессия.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 131–135)

Neo-mythological Eschatology in the Novel “Bite of an Angel” by P. Krusanov

Volk E.A.

Educational Establishment “Belarusian State M.Tank Pedagogical University”, Minsk

Over the centuries, artists of the words constantly turned on the pages of their novels to the subject that worried them, the theme of last days and the end of the world. Eschatological motifs are widely reflected in the novels of many contemporary Russian authors, including the novels of the prose writer P. Krusanov.

The article considers the author’s variation of the concept of Apocalypse in the novel “Bite of an Angel” written by P. Krusanov. The apocalyptic images and motifs in the novel that were considered by the writer from the neo-mythological point of view are analyzed in the article.

The objective of the article is to identify the features of interpretation of the Apocalypse image in the novel “Bite of an Angel” by the Russian prose writer P. Krusanov.

Material and methods. The novel “An Angel Bite” by P. Krusanov (2000) was chosen as the material for the research, because the idea of Apocalypse is one of the central motifs in the novel, which can be traced throughout the whole story.

Адрес для корреспонденции: e-mail: lizzilondon@mail.ru — **Е.А. Волк**

The basic techniques of such literary methods as cultural-historical and hermeneutical are used for the literary analysis of the apocalyptic theme, which helps to make the most complete and deep research of eschatological motifs in the novel.

Findings and their discussion. *The author's concept of the Apocalypse theme is revealed in the novel "Bite of an Angel" by P. Krusanov. For the concept creation the writer simulates the original fantasy reality in the "imperial novel" genre with religious-mystical and mythological motifs, which adds a neo-mythological flavor in the novel.*

In "Bite of an Angel", the writer depicts a non-classical variation of the archetype of the character—"messiah" — "Mad Savior". The Madman, implemented in the image of the main character Ivan Nekitayev, is a destroyer of the world. The concepts of good and evil remain extraneous and incomprehensible for him, because he belongs to another world and thinks in different categories.

Conclusion. *In the novel "Bite of an Angel" P. Krusanov reinterprets the traditional representation of the Apocalypse image and creates his own original apocalyptic concept.*

Key words: *21st Century Russian literature, P. Krusanov, eschatological motive, apocalypse, neo-mythology, imperial novel, character—messiah.*

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 131–135)

В настоящее время многие писатели обращаются к теме последних дней; апокалипсиса и существования человечества после Конца света. Нередко это является следствием обеспокоенности художников слова происходящими в общественной жизни социальными и духовно-нравственными потрясениями. Создавая в своих произведениях образы эсхатологического будущего, писатели предупреждают человечество о возможных неотвратимых последствиях его действий. Собственное видение темы апокалипсиса представляет на суд читателя и прозаик П. Крусанов — автор романа «Укус ангела» (2000).

Отдельные аспекты произведения уже стали объектом исследования литературоведов. Наиболее изученным оказался мифологический пласт романа. Так, А.С. Торосян в статье «Мифопоэтика П. Крусанова: легенда об истинном правителе в романе "Укус ангела"» анализирует мифологический характер структуры произведения и мифологические мотивы в нем [1]. С.С. Пахомова также исследует тему мифа в романе, в частности мифологические образы и архетипы [2]. Д.В. Кротова осмысливает моделирование автобиографического мифа в творчестве П. Крусанова, в том числе и в «Укусе ангела» [3]. Апокалиптическая тема в произведении в полной мере не раскрывается исследователями в научных трудах, хотя тема Конца времен является одним из центральных мотивов, который прослеживается на протяжении всего повествования.

Цель работы — выявить особенности интерпретации образа Апокалипсиса в романе «Укус ангела» русского прозаика П. Крусанова.

Материал и методы. В качестве материала для исследования выбран роман «Укус ангела» П. Крусанова (2000), поскольку идея Конца света является одним из центральных мотивов в произведении, который прослеживается на протяжении всего повествования. Для анализа апокалиптической темы используются основные приемы таких литературоведческих методов, как культурно-исторический и герменевтический, что позволяет наиболее полно и глубоко изучить эсхатологические мотивы в произведении.

Результаты их обсуждения. П. Крусанов создает произведение в жанре «имперского романа», сочетая в нем черты сразу нескольких литературных жанров, таких как альтернативная история¹, антиутопия, неомифологизм, фэнтези. Автор моделирует оригинальную фэнтезийную реальность, в которой мистика, волшебство и миф проникают в объективную действительность, где они становятся обыденными и привычными явлениями для героев произведения. Неомифологический колорит роману придает тесное переплетение религиозно-мистических мотивов с мотивами мифологий разных культур (древнекитайской, древнегреческой, восточнославянской), а также альтернативных фэнтезийных мифов или мифов, отсылающих к произведениям других авторов.

Согласно разработанной И.А. Бессоновым типологии миров эсхатологической эпохи (тема последних времен), изображаемая в романе реальность соотносится с испорченным миром, приметами которого являются физическая деградация, кризис нравственности [4].

В центре повествования находится описание восхождения главного героя, Ивана Некитаева, по прозвищу Иван Чума, на российский императорский престол. Действие романа разворачивается в альтернативной реальности, вымышленной вселенной, в которой история и геополитика России идут по иному пути развития, чем в существующем мире. Время в произведении характеризуется смешением эпох и исторических периодов (например, в одно время существуют Могулистан², Курляндия³ и Гесперия⁴, а спустя всего пятнадцать лет

¹ Альтернативная история — жанр фантастики, для которого характерно изображение выдуманной, несуществующей реальности, которая могла бы быть, если бы история в один из своих переломных моментов (точек бифуркации) пошла по иному пути развития.

² Могулистан (Моголистан) — государство, образовавшееся в середине XIV века на территории Юго-Восточного Казахстана и Киргизии.

³ Курляндия — вассальное герцогство, существовавшее в западной части современной Латвии, на территории исторических областей Курземе (Курляндия), Земгале (Семигалия) и Селия (Селония), с 1561 по 1795 год.

⁴ Гесперия — древнегреческое название стран Западной Европы.

происходят оккупация Шпицбергена⁵ и разгром Оттоманской Порты⁶), однако по авторским намекам в тексте читатель может догадаться, что основные события разворачиваются на рубеже XX–XXI веков.

Тема наступления Исхода времен является одной из ключевых в романе и постепенно раскрывается на протяжении всего произведения. Эсхатологические мотивы в «Укусе ангела» оказываются неразрывно связанными с историей жизненного пути Ивана Некитаева, в образе которого заложен мощный апокалиптический заряд. Главный герой является провозвестником Конца света: именно он развязывает мировую войну, которая приведет к разрушению существующего мира и гибели человечества. П. Крусанов неслучайно называет героя распространенным русским именем *Иван*, которое с древнееврейского языка переводится как «Божья милость», «Божье вознаграждение», «Божий дар», что в эсхатологическом контексте произведения звучит иронично: Божье вознаграждение, которое заслужило человечество, – император, погрузивший мир в пучину ледящего ужаса и утопивший его в крови.

С самого рождения Иван отмечен знаком избранности. Герой был зачат от мертвого отца, став, таким образом, персонажем, принадлежащим одновременно двум мирам – миру живых и миру мертвых. Иван также принадлежит двум культурам, что делает его «межнациональным» героем: отец Ивана – русский, мать – китаянка. Умирая во время родов, она оставляет Ивана сиротой. Возникает ощущение, будто смысл существования его родителей заключался исключительно в рождении будущего правителя.

Будучи обыкновенным человеком, герой проходит своеобразный ритуал посвящения, после которого окончательно теряет связь со всем земным. Инициация происходит в реке и напоминает искаженный обряд крещения: Иван чуть не топит своего брата Петра. Этот жестокий поступок меняет внутреннюю сущность Некитаева, он как бы перерождается: на него ложится «тень безумия» и «если и было в Иване что-то от солнца <...> то это было солнце в затмении» [5, с. 18]. Герой осознает, что теперь подобен божеству: «Кровь во мне переменялась, и теперь мне всё можно» [5, с. 18]. Перерождается и Петр, который становится апостолом, распространителем безумных идей главного героя.

Стоит отметить, что обряд неслучайно связан с водой, образ которой является одним из ключевых символов в мифологических и религиозных традициях разных культур и народов. Во многих архаичных космогонических мифах вода считается стихией, служащей провозвестником воли богов. В религиозно-мифологическом мировоззрении вода является амбивалентным символом: она несет в себе и созидательное, и разрушительное начало. Так, например,

в христианской религии вода символизирует *крещение, обновление*, очищение души после осквернения или совершения греха. В то же время вода отождествляется с первобытным хаосом и орудием гнева Божьего. Стихия воды будет сопровождать героя на протяжении всей его жизни, выражая его неоднозначную и противоречивую природу.

После этой символической инициации Иван легко позволяет себе нарушить существующие в обществе табу, не получая за это никакого наказания, поскольку теперь он сам решает, что ему дозволено, а что нет, и что имеет право на существование. Так, Некитаев вступает в греховную кровосмесительную связь с родной сестрой, которая рождает от него сына Нестора, и убивает своего сводного брата Петра. Герой даже попирает законы мироздания, например, тем, что не позволяет душе Каурке обрести покой на небесах и сам ей распоряжается, создает из князя Феликса Кошкина, подсекая в его тело к мужской душе женскую душу, Адама Кадмона, первочеловека, в религиозно-мистическом и оккультном учении каббалы считавшегося выражением образа Бога в антропоморфной форме. Князь Кошкин трансформируется в страшного уродца, будто сошедшего с апокалиптических полотен средневековых художников, что отражает безумное состояние мира, находящегося в преддверии Страшного суда.

Иван Чума является героем, возмнившим себя выше всего земного и людского. В этом персонаже нет «никого – ни зверя, ни человека» [5, с. 22], а только нечеловеческое деструктивное начало. Некитаев представляет собой классический для фэнтезийного жанра архетип героя-«мессии» – «Безумного Спасителя». П. Крусанов так и называет героя в романе – Безумец. Ему присущи характерные для всех мессий признаки. Например, герой является воплощением легенды о царе-избавителе, который вершит Страшный суд и сотворяет новое царство, аскетизм помазанника как символ очищения сначала самого себя, а затем и всего мира. Однако Безумец отличается от традиционных типов мессий тем, что не является ни провозвестником Царства Небесного (Мессия Христос), ни вестником торжества царства земных радостей на земле (Мессия Антихрист). «Безумный Спаситель» – это особый, новый тип мессий, который представляет собой разрушителя мира со всеми его альтернативами, то есть понятия добра и зла чужды для героя и остаются непонятыми им, так как такой Безумец относится к другому миру и мыслит другими категориями [6, с. 43].

На протяжении всего романа рядом с Иваном находится его сестра – фея Ван Цзыдэн, которая оказывает большое влияние на поступки Некитаева. П. Крусанов неслучайно называет героиню именем служанки богини Си-Ван-Му, наиболее почитаемой из всех богов в китайской мифологии (по аналогии с Богородицей в христианстве). Си-Ван-Му является хранительницей источника бессмертия, владычицей

⁵ Оккупация Шпицбергена – военная операция в ходе Второй мировой войны.

⁶ 2 ноября 1922 года Османская империя была упразднена после поражения в Первой мировой войне.

Страны мертвых и хозяйкой стихийных бедствий и болезней (в первую очередь *чумы*), которые она насыляет на людей. Основной обязанностью служанки Ван Цзыдэн, согласно китайской мифологии, была передача приказов от Си-Ван-Му. Таким образом, писатель недвусмысленно намекает, что сестра Ивана направляет героя согласно божественному замыслу, помогая ему пройти путь от простого солдата до истинного государя ради исполнения своей сакральной цели – уничтожения мира. Ван Цзыдэн является олицетворением луны, символом женского начала, в то время как Некитаев отождествляется с солнцем, мифологическим символом мужского начала. Их сын Нестор символизирует болезненное и упадническое состояние мира накануне Исхода времен.

В «Укусе ангела» П. Крусанов обращается к эсхатологическому осмыслению эпохи Средневековья, которое проходит красной нитью через все произведение и оказывается тесно связано с его ключевыми героями и идеями.

Так, например, в романе подчеркивается особое место и исключительность русской земли во времена Страшного суда: писатель сравнивает Россию с подошвой стопы мира.

Точно также в сознании средневекового человека была прочно укоренена концепция «Москвы как Нового Иерусалима», согласно которой город становился столицей мира, Градом Небесным на земле, то есть сакральным центром, получавшим право на первоочередное обретение Царства спасения [7, с. 364]. Это объясняется тем, что, согласно христианской традиции, в смутные времена перед Концом света в Иерусалиме будет править Антихрист, что, таким образом, лишит этот город его духовной ценности, а вместо него святой землей станет Москва.

Образ воды в романе также обретает средневековую эсхатологическую коннотацию.

Помимо того, что вода, согласно христианскому учению, обладает свойствами очищения и обновления, она символизирует хтонический мир и вечные муки в аду. Приговорив брата к смертной казни через утопление, Иван Чума тем самым указывает на греховную природу Петра и на необходимость очищения его души водой⁷.

Писатель насаждает на образ Некитаева черты такого средневекового исторического персонажа, как царь Иван IV Грозный, чьи приметы явно проступают в мыслях и поступках главного героя. Например, согласно историческим документам, во времена правления царя было широко распространено мнение о том, что «царство Ивана IV занимает особое, исключительное место, и от его действий будет зависеть судьба мира» [7, с. 343]. Иван Грозный был уверен,

что одарен особой божественной милостью по подготовке и очищению мира для утопического будущего, он – «апокалиптический конюший <...> накануне Конца света», который исполняет волю Господа, и от его правления зависит судьба всего мира [7, с. 376]. Все эти мессианские помыслы государя, окрашенные апокалиптическим предвкушением, проступают в образе Ивана Чумы. И неслучайно П. Крусанов выбирает архангела Михаила, дух которого, по убеждению других героев романа, живет в главном герое. Фигура архистратига Михаила занимала мысли Ивана IV, потому что этот ангел «в преддверии Суда не только карает грешников <...>, но и содействует их спасению» [7, с. 374]. Это было созвучно стремлению царя стать избранным героем, который сможет «самолучно вершить Страшный суд на земле, дабы вверенные ему христиане представляли уже очищенными перед Божиим судом» [7, с. 373].

Иван Некитаев является в существующий мир, чтобы достичь эсхатологической цели, – осуществить преобразование реальности путем Светопреставления. Потому в романе герой и отождествляется с четвертым всадником Апокалипсиса из Откровения Иоанна Богослова. Имя этого всадника – смерть, а в некоторых переводах встречаются такие имена, как чума, мор, болезнь⁸. Неслучайным становится прозвище, которое дают люди этому герою, – Чума, то есть болезнь, считавшаяся в Средние века знаменем скорого Страшного суда.

То, что Конец света уже близок, люди замечают по апокалиптическим приметам: начинается развязанная Иваном мировая война, проливается дождь из морских ежей, рождается ребенок, на голове у которого обнаруживается чешуя из ногтей, «на Полтавщине поднявшиеся хлеба желтеют и сохнут на корню, а сестра милосердия в Триесте родила рогатое дитя» [5, с. 215] и др.

На современный лад сбываются и пророчества из Апокалипсиса Иоанна Богослова: например, адская саранча появляется в виде оружия массового уничтожения.

Всесторонне развернутая в «Укусе ангела» мысль об Исходе времен как акте *очищения* созвучна апокалиптическим представлениям символистов.

На протяжении всего романа писатель раскрывает идею о современном мире, находящемся на пороге неизбежной гибели из-за глубокого внутреннего кризиса, переживаемого людьми, и о необходимости изменений окружающей реальности для духовного возрождения человечества. Автор видит признаки внутреннего упадка во внешних приметах: разваливающейся Империей правит «смердящий, растекающийся липкой лужей труп» [5, с. 20], от Надежды Мира осталась только блуждающая неприкаянная тень.

⁷ Акт утопления имел сакральное значение. Таким путем правитель проводит своих поданных через воду, символизирующую границу реального и потустороннего мира, на *тот свет*, то есть государь в одно и то же время и карает грешника, и очищает его душу [см. подробнее «Апокалипсис Средневековья» В. Косяковой].

⁸ Так, в Откровении Иоанна Богослова говорится, что последний из всадников – «всадник, которому имя “смерть”»; и *ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными*» (Откр. 6:7–8) [8].

Судный день наступает, когда Некитаев выпускает в мир кровожадных Псов Гекаты, древнегреческой богини смерти и преисподней. В этом образе Конца света прослеживается отсылка к периоду правления Ивана Грозного, а именно к опричнине. Для *очистительного* наказания непокорных государь посылал опричников, главными атрибутами которых являлись собачьи головы на шеях их лошадей, символизирующие скорый Страшный суд.

Заключение. Таким образом, в произведении «Укус ангела» П. Крусанов переосмысливает традиционное видение темы Конца света и создает собственную вариацию Апокалипсиса, вплетая в канву повествования религиозные и мифологические мотивы, а также образы средневековой эсхатологической мысли и символистских идей о преобразовании мира.

Литература

1. Торосян, А.С. Мифопоэтика П. Крусанова: легенда об истинном правителе в романе «Укус ангела» / А.С. Торосян // Вестн. РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. – 2015. – № 3. – С. 71–76.
2. Пахомова, С.С. Мифологизация художественного пространства в романе П. Крусанова «Укус ангела» / С.С. Пахомова // Современная филология: материалы междунар. науч. конф. – Уфа, 2011. – С. 112–114.
3. Кротова, Д.В. Принципы моделирования автобиографического мифа в творчестве П. Крусанова / Д.В. Кротова // Филология: научные исследования. – 2017. – № 3. – С. 19–26.
4. Бессонов, И.А. Русская эсхатологическая легенда: источники, сюжетный состав, поэтика: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.09 / И.А. Бессонов; МГУ. – М., 2010. – 26 с.
5. Крусанов, П.В. Укус ангела / П.В. Крусанов. – СПб.: Амфора, 2007. – 669 с.
6. Галанина, Е.В. Фэнтези как неомифологическая реальность / Д.А. Батурин, Е.В. Галанина // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2016. – № 3(385). – С. 41–45.
7. Косякова, В. Апокалипсис Средневековья. Иероним Босх, Иван Грозный, Конец света / В. Косякова. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 400 с.
8. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1990. – 659 с.

Поступила в редакцию 23.04.2020

Язык и культура: новые научные направления исследований в современной китайской филологии и их прикладные аспекты

Гербик Л.Ф., Ху Цзядун

Белорусский государственный университет, Минск

Конец XX — начало XXI века в китайской филологии ознаменовалось возрождением интереса к исследованиям в области язык и культура. Для традиционной китайской гуманитаристики с древнейших времен было характерно комплексное изучение философии, истории, литературы, языка, но собственно языковые аспекты исследований выделены в современную эпоху.

Цель статьи — охарактеризовать новые направления в исследованиях взаимосвязи языка и культуры в современной китайской филологии.

Материал и методы. Характеристика основных направлений исследований в проблемном поле язык и культура дается на основании анализа нынешних научных публикаций китайских авторов. Иллюстративным языковым материалом для характеристики нефритовой культуры послужили словарные данные, извлеченные из современных и исторических словарей китайского языка. При проведении исследования были использованы следующие методы: общенаучные — наблюдение и обобщение, филологические — методы компонентного и сопоставительного анализа, а также интерпретативный.

Результаты и их обсуждение. В результате исследований в области язык и культура в конце XX в. в китайской филологии сформировалась особая дисциплина, получившее название 文化语言学 — культуролингвистика (буквальный перевод). Ее возникновение во многом обязано русскоязычным исследованиям в области страноведения, затем — культурологии и лингвокультурологии. В название данной дисциплины заложена идея о том, что имеются некоторые общие и различные черты по сравнению с научной дисциплиной лингвокультурология. Исследования в области культуролингвистики отражают специфику китайского языка и китайской культуры. Заметные результаты достигнуты при изучении языковых аспектов нефритовой культуры Китая.

Заключение. Комплексные методы культуролингвистики в китайской филологии нацелены на изучение многомерных связей языка и культуры с учетом китайской специфики. Исследования в данной области имеют теоретическое и прикладное значение.

Ключевые слова: лингвокультурология, китайский язык, китайская культура, нефритовая культура, межкультурная коммуникация.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 136–141)

Language and Culture: New Scientific Research Trends in the Contemporary Chinese Philology and their Applied Aspects

Herbik L.F., Khu Tsziaadun

Belarusian State University, Minsk

From the end of the 20th to the beginning of the 21st century Chinese philology was marked by a revival of interest in research in the field of language and culture. Since ancient times, a comprehensive study of philosophy, history, literature, language has been characteristic of traditional Chinese humanitarian studies, but the research of precisely linguistic aspects has been singled out in the contemporary era.

The purpose of the article is to characterize new directions in the study of the relationship of language and culture in contemporary Chinese philology.

Material and methods. An analysis of contemporary scientific literature by Chinese authors became the base for the characteristics of the main directions in the problem field of language and culture. The jade culture characteristics were illus-

Адрес для корреспонденции: e-mail: lgerbik@mail.ru — Л.Ф. Гербик

trated by the linguistic material of dictionary data from the contemporary and historical dictionaries of the Chinese language. The following research methods were used: general scientific (observation and generalization), philological (component and comparative analysis methods) as well as the interpretation method.

Findings and their discussion. As a result of the research in the field of language and culture in the late 20th century in Chinese philology, a special discipline has formed, called 文化语言学 – cultural linguistics (literal translation). Its occurrence is largely due to the Russian-language research in the field of regional studies, then – cultural studies and linguistic and cultural studies. The name of this discipline contains the idea that there are some common and different features in comparison with the scientific discipline of linguistic cultural studies. Research in the field of cultural linguistics reflects the specifics of the Chinese language and Chinese culture. Significant results were achieved in the study of the linguistic aspects of the jade culture of China.

Conclusion. Complex methods of cultural linguistics in Chinese philology are aimed at studying the multidimensional connections of language and culture, taking into account Chinese characteristics. Research in this area is of theoretical and applied value.

Key words: linguistic and cultural, Chinese, Chinese culture, jade culture, cross-cultural communication.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 136–141)

В данной статье освещается проблематика сравнительно новой для китайской филологии научной и учебной дисциплины, которая развивается в рамках направления *язык и культура* и в китайской филологии получила специальное название 文化语言学 (в буквальном переводе – *культуролингвистика*). Возникновение данной дисциплины в китайской филологии в конце XX в. во многом обязано русскоязычным исследованиям в области страноведения, затем – культурологии и лингвокультурологии. Название 文化语言学 – *культуролингвистика* предложено профессором Ю Жунцзе в 1993 году. В название данной дисциплины заложена идея о том, что имеются некоторые общие и различные черты по сравнению с научной дисциплиной *лингвокультурология*. Исследования в области *культуролингвистики* отражают специфику китайского языка и китайской культуры.

Особым новым направлением в китайской лингвистике является изучение лингвистических аспектов нефритовой культуры Китая. В нашей работе дается обзор научной литературы по указанной проблематике, рассматривается теоретическая и прикладная значимость исследований в этой области знания.

Для традиционной китайской гуманитаристики с древнейших времен было характерно комплексное изучение философии, истории, литературы, языка. XX век принес с собой новые исследовательские методы, новые требования к научному описанию фактического языкового материала. На протяжении нескольких десятилетий наиболее востребованным и разработанным направлением в китайской лингвистике была структурная лингвистика, базирующаяся на учении Фердинанда де Соссюра, где, разумеется, не было места для углубленного изучения взаимосвязи национальных языков и национальных культур. Появление и разработка во второй половине XX в. таких научных дисциплин, как страноведение в курсе изучения русского языка, а затем – культурология и лингвокультурология, были восприняты как своего рода про-

рыв в новую область научных исследований, которые могут проводиться и на базе китайского языка. Такие исследования имеют теоретическую и прикладную значимость. Лингвокультура, т.е. «культура, получившая объективацию в языке» [1], содержит в себе информацию, которая не всегда может быть легко понята зарубежными читателями и требует определенной расшифровки, декодирования средствами родного для читателей языка. Универсальные ценности народов во многом совпадают, но при этом культурные коды могут иметь серьезные различия, что, в частности, проявляется при реализации совместных международных проектов, причем не только в области культуры, но и в других областях сотрудничества.

Цель статьи – охарактеризовать новые направления в исследованиях взаимосвязи языка и культуры в современной китайской филологии.

Материал и методы. Научный обзор и характеристика основных направлений исследований в проблемном поле *язык и культура* в китайской филологии дается на основании анализа нынешних научных публикаций китайских авторов. Иллюстративным языковым материалом для характеристики проблематики нефритовой культуры – одного из наиболее важных направлений исследований в указанной области – послужили словарные данные, извлеченные методом частичной выборки из словарей современного китайского языка. При проведении исследования были использованы следующие методы: общенаучные – наблюдение и обобщение, филологические – компонентного и сопоставительного анализа, а также интерпретативный.

Результаты и их обсуждение. 1. Исследование языка и культуры в китайской филологии. Термины лингвокультурология и культуролингвистика. Начало исследований в области *язык и культура* в китайской лингвистике относится к последним десятилетиям XX века. Развитие этого направления напрямую связано с возникновением страноведения

как учебной и научной дисциплины, с которой китайские лингвисты познакомились благодаря работам Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Исторический обзор литературы по данному вопросу дан в статье Ван Янчжен «От лингвострановедения к лингвокультурологии» [2]. Автор упоминает следующие важные факты. В 1985 году профессор Шанхайского университета иностранных языков Цзи Юаньлун опубликовал в третьем выпуске журнала «Иностранные языки» статью под названием «Новая языковая дисциплина – страноведение русского языка», в которой впервые были представлены направления изучения русского страноведения в Китае [2, с. 27]. На Международной конференции по сравнительной лингвистике в Ханчжоу в 1996 году В.Г. Костомаров предложил к рассмотрению вопросы терминологии, определил принципы выделения логоэпистемы как единицы описания языка и культуры [2]. Продолжая данный исторический обзор, отметим, что в дальнейшем, исследуя такие явления, как лексический фон слова, языковая картина мира, прецедентный текст, характеристики языковой личности, китайские ученые Ю Жунцзе, Чжоу Чжэньхэ, Чэнь Цзяньминь, Шэнь Сяолун, сформулировали основные положения исследований языка и культуры, актуальные для китайской филологии.

Автором термина 文化语言学 – *культуролингвистика* является ученый-диалектолог Ю Жунцзе. В статье «Диалекты и китайская культура», опубликованной в третьем выпуске журнала Университета Фудань в 1985 году, он писал: «Исследование характеристик китайского языка в контексте китайской культуры может помочь теоретическому осмыслению фактов китайского языка» [3]. Предложенный им термин 文化语言学 – *культуролингвистика* отличается от термина 语言文化学 – *лингвокультурология* порядком иероглифов (русскоязычный перевод термина 文化语言学 – *культуролингвистика* предложен автором данной статьи. – Ху Цд.). Китайский язык кардинально отличается от индоевропейских языков и требует иных принципов описания; именно по этой причине и был введен новый термин.

Исследования Чэнь Цзяньмина затрагивают проблематику коммуникативной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики. Чэнь Цзяньмин обратил внимание на коммуникативную ценность языка и выразил мысль о том, что теоретический переход от структурной лингвистики к культуролингвистике будет означать фокусирование внимания на применении языка, что, в свою очередь, поможет его всестороннему изучению [4].

Шэнь Сяолун в статье «Изучение языка культурного метода» в 1986 г., развивая идеи Ю Жунцзе, высказал мысль о том, что «появление такой дисциплины, как китайская культуролингвистика, является историческим поворотом в лингвистических исследованиях в Китае, поскольку в рамках данной дисциплины возможно сочетание методов различных гуманитарных наук – философии, социологии и др., что очень важно

именно для китайской филологии. Исследования в области культуролингвистики позволят вернуться к традициям китайской филологии, где всегда была важна гуманитарная составляющая и значительное место в исследованиях отводилось философии» [4].

2. Нефритовая культура Китая и ее языковое воплощение. Особым направлением в области изучения языка и культуры является исследование лингвистических аспектов нефритовой культуры Китая. Данному вопросу до настоящего времени была посвящена только одна работа на русском языке – статья «Нефритовая культура Китая: лингвистический аспект» [5]. В упомянутой публикации мы обращали внимание на то, что в русскоязычной научной литературе не освещена проблематика данной области современных междисциплинарных исследований, хотя они занимают важное место в современной китайской гуманитаристике (русский перевод термина *нефритовая культура* предложен автором статьи. – Ху Цд.) [5]. Нефритовая культура (без упоминания термина) достаточно хорошо описана и в научной, и в научно-популярной литературе как материальная культура Китая, но изучение лингвистических аспектов относится к молодым направлениям китайской науки.

Нефрит – один из неофициальных символов Китая. Этот камень играл большую роль в жизни китайцев с древнейших времен и в настоящее время продолжает пользоваться большой популярностью; из него изготавливаются разнообразные женские и мужские украшения, произведения искусства, предметы для бытового использования, он применяется в промышленном производстве. Китай является крупнейшим экспортером нефрита во многие страны. Всемирную известность имеет Музей Нефрита в Китае, где представлены тысячи изделий из этого камня: украшения императоров и членов их семей, вазы, скульптуры, подсвечники, картины на нефрите, разнообразные декоративные элементы для украшения помещений и внешней облицовки зданий, музыкальные инструменты, хозяйственные поделки, древние предметы для богослужения и жертвоприношения, для гадания, ритуальные изделия и просто красивые камни необычной формы и расцветки.

Почитание нефрита восходит к Конфуцию, в трудах которого нефрит был метафорически описан как символ благородного человека – символ выносливости (внутренняя волокнистая структура камня такова, что он может выдерживать большие нагрузки, не растрескиваясь), символ скромности и правдивости («он не прячет своих изъянов»), символ неброской, но честной красоты.

В нынешнем китайском языке существует более 100 слов для названий разных видов нефрита, оттенков его цвета и звука. Слово *нефрит* имеет множество метафорических значений; иероглиф *нефрит* входит составной частью во многие слова китайского языка, привнося в них семантику драгоценности. Тем не менее проявления нефритовой культуры в языке не столь

очевидны, как в материальной культуре: и в написании иероглифов, и в структуре слов произошли изменения, обусловленные историческим развитием языка. Сегодня семантика нефрита передается двумя ключами: *нефрит* и *король*. Систематизация знаний об особенностях языкового выражения нефритовой культуры в китайской филологии началась в 90-е годы XX века. В настоящее время исследования нефритовой культуры в Китае ведутся по нескольким направлениям.

Литературоведческий аспект исследований представлен в статье Чжан Вэй «Анализ нефритовой культуры древнего Китая из “Книги песен”» (один из древнейших памятников китайской литературы; содержит записи древних песен, гимнов и стихов различных жанров, созданных в XI–VI вв. до н.э.; отбор и редакция произведений приписывается Конфуцию) [6]. Мао Хэннань в статье «Нефрит в культуре – нефритовая культура в стихотворениях древнего Китая» пишет, что в древней поэзии метафора *нефрит* часто использовалась для описания всех хороших людей или вещей. Например: *лицо нефрита; нефритовая девушка; стройная девушка, как нефрит* и т.д. Вкусная и красивая еда называется *нефритовой едой* и т.д. [7].

Философский аспект нашел отражение в статье Лю Сучинь «Конфуцианство, Буддизм, Даосизм и нефритовая культура». Исследователь сравнила и проанализировала мнения представителей разных религиозных и философских течений о нефрите [8]. Су Чан в статье «Столкновения и интеграции конфуцианства, буддизма и даосизма в династиях Хань и Тан в нефритовой культуре» оценила функции, цели и стиль нефрита в разные периоды, исследовала столкновения и интеграцию конфуцианства, буддизма и даосизма в династиях Хань и Тан [9].

В историческом аспекте, имеющем большое значение для прикладных задач лексикографии, проблема исследуется в работах Ван Чжэнь [10], Шен Хайхуа [11].

Вопрос написания слов *с точки зрения современного китайского языка* рассмотрен в статье Чэнь Шоуцзян «Ключ ‘король’ должен совпадать со значением иероглифа». В качестве рекомендации автор отмечает, что иероглиф *нефрит* необходимо употреблять для обозначения именно нефрита в прямом значении слова. Для переносных значений следует использовать языковой знак *король* [12].

Нефрит – это общепризнанный в Китае символ, обладающий глубоко положительной семантикой, а слово *нефрит* – лингвистический код счастья и процветания.

Языковые компоненты нефритовой культуры несут в себе национально-культурную семантику, которая сложно передается при переводе на русский, как и на другие европейские языки, поскольку характеристики алфавитного и иероглифического письма принципиально различны. Структура слова, состоящего из нескольких иероглифов в китайском языке такова, что в нем могут сочетаться несколько лексических

значений. Замена или изменение порядка иероглифов внутри слова приводит к изменению семантической структуры и, следовательно, изменению значения слова. Иероглиф, находящийся внутри слова, не всегда поддается прямому (буквальному) переводу, особенно если содержит в себе национально-культурный компонент значения с фоновой семантикой, но для межкультурной коммуникации может быть особенно важным понимание именно национально обусловленных фоновых значений слова. Сема ‘нефрит’ содержится во многих словах с предметным и абстрактным значением. Она включена в слова с артефактным значением (наименования разнообразных изделий из нефрита), в слова с абстрактным значением, а также в слова с конкретным значением, которые не имеют непосредственного отношения к нефриту, но имеют семантику драгоценности. Метафорические значения ярко проявляются в образных выражениях, идиомах, где при помощи «нефритовых слов» выражается чувство прекрасного.

3. Элементы нефритовой культуры в диалоге культур. В русском языке слово *нефрит* не является столь же частотным, как в китайском языке. В русских фразеологизмах, пословицах и поговорках гораздо чаще употребляются такие слова лексико-семантической группы «Драгоценные металлы и камни», как *золото, серебро, алмаз, бриллиант, рубин* (и их производные): *золотые руки, золотое сердце, алмаз и бриллиант два брата красавцы* и др. Тем более необычным явлением для русского языка является то, что семантический компонент ‘нефрит’ может являться составной частью не только имен собственных, но и имен нарицательных: *государство* (国), *государственная печать* (玉玺), *ли* (высший принцип); *дэ* (правильный); *бао* (сокровище).

Иероглиф со значением ‘нефрит’ в составе имени (собственного или нарицательного) – это своеобразный культурно-языковой код, который «программирует» счастливое и долговечное будущее для обозначаемого явления.

В качестве примера сочетания двух разных лингвокультур в международном проекте рассмотрим номинации китайско-белорусского индустриального комплекса «Великий камень», который представляет собой технопарк, собравший на своей территории высокотехнологичные производства. Индустриальный парк получил свое название по названию белорусской деревни, на территории которой он построен. Первоначальное официальное название проекта было более технократичным и не включало в себя топоним «Великий камень». Новое официальное название с включением данного топонима зафиксировано в Указе Президента Беларуси № 326 от 30 июня 2014 г.

В белорусских и китайских СМИ комплекс «Великий камень» получил вторичную номинацию и определяется как «Жемчужина экономического пояса Шелкового пути». В названии технопарка (*Великий камень*) и его метафорическом определении (*жемчужина*)

на) мы наблюдаем взаимодействие двух лингвокультурных традиций – белорусской и китайской. С одной стороны, употребление слова *камень* в названиях населенных пунктов нехарактерно для китайской топонимики, но оно, тем не менее, принято для названия совместного проекта. С другой стороны, в белорусском и русском языках метафора *жемчужина* обычно не используется для вторичной номинации промышленных индустриальных объектов. Как правило, *жемчужиной* называют уникальные явления, имеющие отношение к категории прекрасного. Эта метафора основана на том, что в раковине находится только одна жемчужина, неповторимая по своей окраске и форме. Метафора *жемчужина* в русском и белорусском языках применима по отношению к произведениям искусства, природным явлениям; это определенный поэтический образ. Например: *Нарочь – жемчужина белорусского края*, *Стихотворение «Зорка Венеры» – жемчужина поэтического творчества М. Богдановича*.

В китайском языке слово *жемчужина* имеет иной диапазон метафорических значений. В его семантическую структуру входит сема ‘*нефрит*’, что значительно расширяет сочетаемостные возможности данной лексемы. В китайской лингвокультуре традиционно важную роль играет семантика драгоценных камней. К настоящему времени в технопарке проложены проспекты *Минский* и *Пекинский*, новые улицы получили названия *Рубиновая*, *Сапфировая*. Китайское написание слов *рубин* и *сапфир* также включает в себя иероглиф со значением ‘*нефрит*’, что не передается при переводе и обуславливает некоторое несоответствие в прочтении семантики одних и тех же названий в русском и китайском языках. Нефрит символизирует не только и не столько красоту, сколько надежность, прочность, основательность.

Вместе с тем для китайского читателя не вполне понятно название населенного пункта и индустриального объекта «Великий камень»; эта номинация в межкультурном диалоге также нуждается в особом разъяснении. В Китае есть только четыре города, в название которых входит сема *камень*, но в связи с историческими изменениями языка эта сема уже не прочитывается современными китайцами в указанном значении: 石家庄 (*Шицзячжуан*), 石河子 (*Шихэз*), 黄石 (*Хуан Ши*) и 石嘴山 (*Шизуйшань*). Для традиционной китайской лингвокультуры важное значение имеет слова *гора*. Гора – это символ защиты, надежности, устойчивости.

В русском и белорусском языках уверенность в защите выражается при помощи хорошо известных фразеологизмов *как за каменной стеной*, *як за каменной сцяной*. Рельеф Беларуси, как и средней полосы России, в основном равнинный, холмистый, здесь нет высоких гор. Крупные камни, валуны или большие скопления камней – это, как правило, свидетельства глубокой истории, тех времен, когда на территории Беларуси остановился и начал таять ледник, оставляя после себя эти памятные знаки – теперь уже глубокой

древности. Каменные столбы и камни необычной формы сохраняются на культовых местах древних славян. В топонимике Беларуси слова с корнем *камен-* / *камен’* – встречаются гораздо чаще, чем в китайской топонимике (где более значимым является слово *гора*): *Великий камень*, *Каменец*, *Каменка*, *Каменный Лог*, *Каменная горка*, *Каменецкая башня*, *Каменная улица*, *Каменногорская улица* и др. В каждой области и в каждом районе Беларуси есть населенные пункты, в название которых входит слово с корнем *камен* / *камен’* – ; в этом легко убедиться, обратившись к подробной карте Беларуси.

Семантика камня, важная для белорусской лингвокультуры, в совместном китайско-белорусском проекте дополнена семантикой драгоценного камня, важной для лингвокультуры Китая. Обратим внимание также на то, что символический знак технопарка «Великий камень» (камень-гора) своими очертаниями напоминает одновременно и гору (большая высота), и валун (округлой формы).

Обращаясь к материалам сайтов посольств Китайской Народной Республики и Республики Беларусь можно видеть, что значительное место на данных цифровых площадках официальных дипломатических структур отводится освещению событий культурной дипломатии с использованием разнообразных поликодовых средств (поликодовых текстов, инфографики, иллюстрированных тематических заставок и т.д.); все это требует от читателя специальных знаний для понимания семантики вербальных и невербальных компонентов поликодовых структур в межкультурной коммуникации.

Активизация исследований в области «язык и культура» в китайской филологии в последние десятилетия XX в. была в значительной степени обусловлена появлением таких прикладных дисциплин, как страноведение, затем – лингвострановедение, культурология и лингвокультурология в русскоязычной научной литературе. Значительная часть исследований проводится с целью сопоставительных характеристик языков и лингвокультур. В настоящее время в китайской филологии активно развивается культурологическое направление исследований, которое получило специальное название – 文化语言学 *культуролингвистика* (в буквальном переводе). Учитывая существование термина *лингвокультурология*, авторы названного китайского термина стремились подчеркнуть общие и различные черты в проблемных исследовательских полях названных дисциплин: культуролингвистика сосредоточена на изучении специфических китайских реалий, фактов языка и культуры. Особый характер взаимосвязи языка и культуры в китайском языке можно видеть на примере исследований нефритовой культуры. Семантический компонент ‘*нефрит*’ в китайском языке входит в семантическую структуру многих слов и идиоматических выражений; это важный компонент китайского национально-культурного кода, имеющий языковое выражение и сложно передающийся при переводе на другой

язык. При переводе на русский язык (как и на другие европейские языки) лингвистические элементы нефритовой культуры нередко теряются или передаются не полностью, в связи с чем для раскрытия значимости этого семантического компонента нередко требуется специальный лингвокультурологический комментарий.

Заключение. Таким образом, что исследования в области *язык и культура* в китайской филологии ведутся по двум основным направлениям. Во-первых, продолжает развиваться прикладное направление исследований, обусловленное целями преподавания иностранных языков и расширением сфер межкультурной коммуникации. Именно прикладные цели в свое время задали вектор исследований в проблемной области *язык и культура*. Во-вторых, важным этапом развития указанной проблематики в китайской филологии стало формирование новой междисциплинарной научной и учебной дисциплины, сосредоточившей свое внимание на китайских реалиях и получившей специальное название *культуроллингвистика*. Оба направления исследований в китайской филологии активно развиваются и в целом направлены на достижение единой цели – более глубокое понимание связи языка и культуры.

Литература

1. Маслова, В. Лингвокультурология / В. Маслова [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/03.php. – Дата доступа: 16.10.2019.
2. 王仰正. 从语言国情学到语言文化学. 解放军外国语学院学报. 2011年第2期, 第27页 = Ван Янчжен. От лингвострановедения к лингвокультурологии / Ван Янчжен // Вестник Института иностранных языков при НОАК. – 2011. – № 2. – С. 27.
3. 游汝杰. 中国语言文化学导论. 高等教育出版社. 1993年. 共184页. = Ю Жуцзе. Введение в культуроллингвистику китайского языка / Ю Жуцзе // Высшее образование. – 1993. – 184 с.
4. 文化语言学 = Культуроллингвистика. Корпус статей Байду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wenku.baidu.com/view/28667507de80d4d8d15a4f39.html>. – Дата доступа: 31.03.2012.
5. 徐 Цзядун. Нефритовая культура Китая: лингвистический аспект / Ху Цзядун // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2020. – № 1. – С. 59.
6. 常维. 诗经中的玉文化. [J]. 上海博物馆学报2002年第一期第24页 = Чжан Вэй. Анализ нефритовой культуры Древнего Китая по материалам «Книги песен» / Чжан Вэй // Вестник музея Шанхая. – 2002. – № 5. – С. 24.
7. 毛恒年. 王和泉. 文学苑囿中的无瑕美玉 浅谈中国古代诗词歌赋中的玉文化. [J]. 宝石和宝石学杂志2005年第二期第: 42–44页 = Мао Хэннянь, Ван Хэцюань. Безупречный и красивый нефрит в литературном саду. Немного о нефритовой культуре в древних китайских стихах / Мао Хэннянь, Ван Хэцюань // Драгоценный камень и геммология. – 2005. – № 2. – С. 42.
8. 刘苏秦. 儒释道与玉文化. [J]. 中国历史博物馆杂志. 1994年第一期第44页 = Лю Сучинь. Конфуцианство, буддизм, даосизм и нефритовая культура / Лю Сучинь // Журнал «Музей китайской истории». – 1994. – № 1. – С. 44.
9. 苏常. 汉唐时期的玉文化与儒释道的交流碰撞. [J]. 中国地理杂志出版社. 2015年第63页 = Су Чан. Столкновения и интеграции конфуцианства, буддизма и даосизма в династиях Хань и Тан в нефритовой культуре / Су Чан // Журнал китайского университета Геонаука. – 2015. – С. 63.
10. 王辰. 玉字旁及古中国文化. [J]. 广东师范大学学报2008年第五期第18页 = Ван Чжэнь. Иероглифы с ключом ‘нефрит’ и его отражение в древней китайской культуре / Ван Чжэнь // Вестник Гуансийского педагогического университета. – 2008. – № 5. – С. 18.
11. 沈海华. 王字旁还是玉字旁. [J]. 中国汉语教学2009年第九期第16页 = Шень Хайхуа. Ключ ‘король’ или ключ ‘нефрит’ / Шень Хайхуа // Обучение китайскому языку в школе. – 2009. – № 9. – С. 16.
12. 陈寿江. 王字旁应符合玉字含义. [J]. 教育科学论坛. 2007年第四期第35–36页 = Чэнь Шоуцзянь. Ключ ‘король’ должен совпадать со значением иероглифа / Чэнь Шоуцзянь // Форум образования и научного исследования. – 2007. – № 4. – С. 35.

Поступила в редакцию 02.06.2020

Принципиальная схема решения задачи автодополнения пользовательских поисковых запросов на русском языке и ее анализ

Голяк Ю.Д.

Белорусский государственный университет, Минск

В работе исследуется проблема автоматического дополнения поисковых запросов для информационных систем с интерактивным пользовательским естественно-языковым интерфейсом.

Цель статьи — постановка задачи автодополнения поискового запроса пользователя, ее анализ, принципиальная схема решения и обоснование требуемой для этого функциональности лингвистического процессора.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили массивы реальных поисковых запросов, представленные в открытом доступе в известных базах данных. Методология включает в себя статистический анализ и формально-лингвистические методы.

Результаты и их обсуждение. Функциональность автоматического дополнения пользовательского запроса является неотъемлемой частью поисковых систем. Известные решения задачи, как правило, опираются на автоматически формируемую историю проведенного поиска. Однако существует ряд приложений, для которых такое решение по объективным причинам неприемлемо, чем обусловлена необходимость дальнейших исследований в этой области. В работе предлагается формальная постановка задачи автодополнения запроса и принципиальная схема ее решения с учетом предполагаемой «истории» поиска на базе текстов предметной области. Приводятся классификация типов пользовательских запросов и их синтаксических структур, а также функциональность базового лингвистического процессора, необходимого для решения целевой задачи, и требования к дополнительному модулю формирования подсказок для предполагаемых запросов.

Заключение. Предложенный подход к решению целевой задачи позволяет избежать традиционной зависимости от истории поиска и учесть специфику поискового пространства, обеспечивая, что очень важно, высокорелевантную реакцию поисковой системы.

Ключевые слова: автодополнение, поисковый запрос, предиктивный ввод, автоматический лингвистический анализ текста, синтаксическая структура запроса, лингвистический процессор.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 142–147)

Conceptual Scheme of the Solution for the Problem of User Search Query Autocompletion in Russian and its Analysis

Goliak J.D.

Belarusian State University, Minsk

The paper investigates the problem of automatic search query completion for information systems with an interactive natural-language user interface.

The purpose of the work is the formal definition of the problem of user search query automatic completion and its analysis, creation of the principle scheme of the solution and description of the functionality of a linguistic processor required for the target task.

Material and methods. The materials for the study include the lists of real search queries available for open access. The research methods are statistical analysis and formal linguistic methods.

Findings and their discussion. The functionality of automatic user search query completion is an essential part of search engines. Common solutions of the problem often rely on an automatically gained user search history. However, there are applications that cannot use this solution for objective reasons, which necessitates further research in this area. The paper proposes the formal definition of the problem of automatic completion of a query and principle scheme of its solution

considering the pre-assumed search “history” based on the texts of the domain area. The classification of types of user queries and their syntactic structures, as well as the functionality of the basic linguistic processor required to solve the target problem and the requirements for an additional module for query suggestions generation are described.

Conclusion. The proposed approach to target problem solution gives an opportunity to avoid the traditional dependence on the search history and to take into account the specifics of the search space, providing a highly relevant reaction of the search system.

Key words: Query Type-Ahead, search query, predictive query input, automatic linguistic text analysis, syntactic structure of a query, linguistic processor.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 142–147)

Автодополнение (автоматическое завершение, предиктивный ввод) пользовательского запроса, в дальнейшем QTA (Query Type-Ahead), является необходимой функциональностью практически в любых современных информационных системах с интерактивным пользовательским естественно-языковым (ЕЯ) интерфейсом. Большинство современных поисковых систем, реализующих автодополнение запроса, опираются на автоматически неявно фиксируемую в процессе их эксплуатации историю проведенного поиска в виде списков наиболее частотных пользовательских запросов и/или их наиболее информативных фрагментов [1–3]. Как отмечается в [4], такое решение не всегда является оптимальным, а иногда и вовсе невозможным. Например, в ряде сфер история пользовательских запросов может быть конфиденциальной информацией. Поэтому актуальным для рассматриваемой задачи является случай, когда поисковое пространство, во-первых, заранее «известно» поисковой системе и, во-вторых, представляет собой относительно постоянную полнотекстовую базу данных (ПБД), например, БД текстов некоторой предметной области. Как показали проведенные исследования, эффективным решением задачи здесь представляется идея предварительного, т.е. до эксплуатации системы, формирования «истории», но не уже осуществленного, а предполагаемого поиска, в виде множества P так называемых подсказок, автоматически распознаваемых в самой ПБД, поскольку именно ей будут адресованы пользовательские запросы.

Цель статьи – постановка задачи автодополнения поискового запроса пользователя, ее анализ, принципиальная схема решения и обоснование требуемой для этого функциональности лингвистического процессора.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили списки поисковых запросов к базе Topic Explorer, представленные в [5], (в количестве 8 тысяч запросов); списки запросов, предложенные в [6] для решения задачи вложенной сегментации запроса (в количестве 10 тысяч запросов), и базы запросов, предоставленные в качестве данных для решения задач из области ранжирования запроса на соревновательной платформе kaggle.com [7] (в количестве 10 тысяч запросов). Указанные источники в оригинале содержат англоязычные запросы, однако мы исходим

из предположения о том, что общее представление об их длине, синтаксической и особенно семантической структуре можно, в определенной степени, распространить и на случай русского языка, являющегося в данном контексте фокусом нашего исследования. Информация для анализа на собственно русскоязычном материале была почерпнута в процессе работы с сервисом wordstat.yandex.ru [8], позволяющем получить статистику запросов в Яндексе, включающих некоторое заранее заданное слово или словосочетание, и похожих на них запросов. Использованные методы – статистический экспертный анализ и методы компьютерной лингвистики.

Результаты и их обсуждение. Пусть вводимый пользователем запрос в определенный момент времени представляет собой цепочку

$$W_1 W_2 \dots W_n, \quad (1)$$

где каждое W_i , $i = 1, \dots, n-1$, $n > 1$, является словом естественного языка, а W_n , $n \geq 1$ – словом либо префиксом слова. Задача автодополнения запроса вида (1), в определенной степени уже отображающего информационную потребность пользователя, заключается в автоматическом формировании списка таких, в идеале, грамматически и семантически корректных цепочек слов естественного языка, которые включают в себя члены цепочки (1), то есть речь идет не только о последовательном завершении строки вводимого запроса, рассматриваемого в качестве его префикса, но о более сложной процедуре, предполагающей, в общем случае, погружение уже набранной пользователем части запроса в контекст, а именно дополнение ее в начале, в конце и даже внутри. При этом предлагаемые цепочки могут содержать не все слова из (1). В любом случае они должны быть отранжированы по их релевантности относительно исходной цепочки. Кроме того, процедура автодополнения может применяться к вводимому запросу неоднократно (фрагментарно).

Исходя из того, что пользователи в большинстве своем следуют уже сложившейся практике формирования поисковых запросов и что они традиционно в той или иной степени ориентированы на ключевой поиск, может быть предложена следующая принципиальная схема решения задачи построения множества

подсказок для автодополнения пользовательских запросов в рассматриваемом случае:

- экспертный анализ на основе общедоступных источников наиболее частотных поисковых запросов и классификация их типов;
- классификация синтаксических структур запросов для каждого из их типов;
- автоматический лингвистический анализ ПБД с целью распознавания в ее текстовых документах полученных на предыдущем этапе синтаксических структур и выбор из ПБД всевозможных соответствующих им лексических наполнений, что и составляет множество Р.

Классификация типов поисковых запросов. Проведенный экспертный анализ показал, что наиболее частотные поисковые запросы можно разделить на следующие основные типы:

- одно или несколько несогласованных ключевых слов (*грассирование; купить телефон Минск; Белавиа билет; отдых январь; Миоры погода; распродажи обуви Минск*);
- короткие грамматически согласованные словосочетания (*извержение вулкана в Исландии; срочная починка телефона; выбрать недорогой подарок; уровень пробок на дорогах; сделать нотариальный перевод на белорусский*);
- вопросительные предложения (*как настроить будильник на телефоне?; где находятся Азоры?; каковы причины резкой поломки двигателя?; что такое контргайка?; как предотвратить коррозию металла?*);
- утвердительные предложения (*ноутбук перегревается и шумит кулер; болит голова после сна; холодильник слабо охлаждает; не приживаются саженцы персика; быстро разряжается батарея телефона*);
- комбинация двух последних типов, часто без знака препинания между ними (*ноутбук перегревается и шумит кулер что делать?; болит голова после сна как лечить?; холодильник слабо охлаждает, какого мастера вызвать?; не приживаются саженцы персика, какой нужен климат?; быстро разряжается батарея телефона: чинить или под замену?*).

Классификация синтаксических структур запросов каждого типа. Анализ запросов каждого типа (кроме 1) позволил дать следующую классификацию их синтаксических структур.

Словосочетания:

- именные группы: *лазерная хирургия, хирургия глаза, изготовление ключей, ареал обитания тушканчиков*;
- именные группы с предложно-падежными зависимыми конструкциями: *добыча руды в шахтах; антикоррупционные законопроекты при парламентской системе; осложнения после лазерной коррекции зрения; просмотр сериалов без регистрации*;

- именные группы с причастным оборотом: *заболевания, передающиеся воздушно-капельным путем; средства, понижающие температуру; картины, проданные за самые высокие цены; акции, выросшие в цене за последнее время*;
- глагольные группы с прямым объектом: *купить телефон, забронировать отель; отремонтировать обувь, скачать реферат*;
- глагольные группы с косвенным объектом: *выжить при низкой температуре, выспаться за два часа, выиграть в казино, подготовиться к ЦТ*;
- глагольные группы с прямым и косвенным объектами: *лечить грипп при помощи народных средств, вывести пятно от вина; сделать прививку от гриппа, вырастить черешню на даче*;
- глагольные группы с причастным оборотом: *встроить деталь, снабженную витой резьбой; восстановить гладкость поверхности, поврежденной механически; купить стиральную машину, оснащенную системой самоочистки; восстановить данные с диска, который был отформатирован*.

Вопросительные предложения:

- простые: *как лечить простуду у ребенка?; где найти японский рис в Минске?; чем можно предотвратить коррозию металла?; куда отправить ребенка летом?*;
- сложносочиненные: *почему появляется ржавчина и темнеет металл?; как варить лапшу и жарить курицу для тайских блюд?; как избавиться от пятен, но сохранить цвет ткани?; сколько стоит новый айфон и где его купить?*;
- сложноподчиненные: *как открыть консервную банку в походе, когда нет ножа?; как отличить поганку от боровика, если не разбираешься в грибах?; как дрессировать собаку, которая попала в дом взрослой?; как завести автомобиль, если кончилось топливо?*.

Утвердительные предложения:

- простые: *перегревается двигатель; поднимается температура у ребенка; перестала плодоносить яблоня; продается квартира*;
- сложносочиненные: *шумит кулер и греется системный блок; аккумулятор работает, но автомобиль не заводится; купил термос, а он не держит температуру; наушники подключены, но звука нет*;
- сложноподчиненные: *скрипит дверь, даже если смазать машинным маслом; мигает индикатор разрядки батареи, когда аккумулятор заряжен; хочу вернуть товар, который был куплен больше месяца назад; не принимают товар по гарантии, хотя гарантийный срок еще не истек*.

Комбинация двух последних типов:

- сочетание двух простых предложений, нередко без знака препинания между ними: *протекает кран вызвать сантехника; разбился телефон найти ремонт; аренда машины в минске где и как оформить; болит голова к какому врачу идти*.

Очевидно, что лексическое наполнение именно таких синтаксических структур в той или иной степени будет выражать информационную потребность пользователя с помощью его поискового запроса. И если это наполнение «подтолкнет» его здесь к использованию лексических фрагментов из ПБД, это обеспечит на этапе поиска гарантированно релевантную реакцию системы.

Ориентируясь на полученную классификацию синтаксических структур запросов основных типов, можно дать их формальное определение в терминах металингвистических переменных с целью последующего построения паттернов для алгоритма автоматического распознавания потенциальных подсказок в предполагаемом поисковом пространстве и построения их списка при условии, что существует или может быть построен лингвистический процессор, оперирующий при автоматическом анализе текстов из указанного пространства теми же металингвистическими переменными.

То есть речь идет о так называемом базовом лингвистическом процессоре (БЛП) [9], который является необходимой составляющей для решения большого числа задач в области автоматической обработки текста [10]. Проведенные исследования показали, что для решения целевой задачи в качестве такового может быть использован доступный нам известный многоязычный БЛП IHS Goldfire (далее просто БЛП), поддерживающий работу с текстами на шести языках: английском, немецком, французском, японском, китайском и русском [11].

Функциональность базового лингвистического процессора. Процедура автоматического лингвистического анализа с помощью БЛП предполагает поэтапную обработку текста, причем на каждом из этих этапов входное представление текста определенным образом обрабатывается и обогащается лингвистической информацией. Описываемая функциональность опирается на лингвистическую базу знаний (ЛБЗ), которая, как правило, включает в себя декларативные и процедурные знания о ЕЯ. Как отмечается в [12], к декларативным знаниям относят словари различного назначения, классификаторы свойств ЕЯ на различных уровнях его глубины, статистические данные о ЕЯ и т.п., а процедурную часть ЛБЗ составляют так называемые лингвистические правила (паттерны) различного рода, которые в совокупности и в сочетании с декларативной частью ЛБЗ представляют собой определенную лингвистическую модель ЕЯ.

Рассмотрим этапы такой обработки на примере следующего предложения, извлеченного из документа в формате PDF:

В большинстве случаев влаго- отталкивающие покрытия помогают предотвратить повреждения металла, вызываемые коррозией (в т.ч. «жёлтую» ржавчину - хим. ф. FeO(OH)H₂O).

Этап 1. Форматирование и нормализация текста. Необходимость первого вспомогательного этапа

лингвистического анализа (ЛА) обусловлена существованием различных форматов документов, и для упрощения процесса их обработки производится преобразование текста в некоторый единый формат, максимально сохраняющий стилистическую и структурную разметку документов. Кроме того, на данном этапе осуществляются разбиение текста на параграфы, выделение заголовков, подзаголовков и разделов, а также производится фильтрация вспомогательного текста (в случае обработки интернет-документов к вспомогательному тексту можно отнести, например, тексты кнопок, меню и т.д.). Этот модуль унифицирует разрозненные символы, несущие одно и то же значение в тексте (например, в нашем предложении он приведет к единому виду кавычки разного начертания, удалит лишние пробелы), исправляет неканоничные написания сокращений (*т.ч.* будет приведено к *т.ч.*), а также восстанавливает слова, поврежденные переносом между строками в исходном тексте (*влаго- отталкивающие* будет восстановлено к *влагоотталкивающие*, *корро- зией* – к *коррозией*). Таким образом, на выходе этапа 1 исходное предложение будет выглядеть следующим образом:

В большинстве случаев влагоотталкивающие покрытия помогают предотвратить повреждения металла, вызываемые коррозией (в т.ч. «жёлтую» ржавчину – хим. ф. FeO(OH)H₂O).

Этап 2. Лексический анализ текста. На этапе лексического анализа текста прежде всего распознаются границы его слов и предложений. Здесь же частично или полностью решаются задачи распознавания имен собственных, аббревиатур, электронных адресов, цифровых и других знаковых комплексов. Этот вид ЛА иначе называют сегментацией текста. В большинстве случаев границы слов определяются правилами, основанными на учете пробелов и знаков препинания, а предложений – знаков препинания и следующего за ним слова, написанного с прописной буквы. Однако на практике далеко не всегда можно опереться на эти признаки. Ярким примером в этом отношении могут послужить в рассматриваемом предложении сокращения с точками и формула, содержащая в себе скобки, которые обычно являются отдельным «словом», но в этом случае должны остаться внутри неразрывной единицы текста, за которой следует уже самостоятельная закрывающая скобка: '*FeO(OH)H₂O*'.

В результате этого этапа обработки в предложении будут определены следующие словарные элементы:

<i>В</i>	<i>(в</i>
<i>большинстве</i>	<i>т.ч.</i>
<i>случаев влагоотталкивающие</i>	<i>«жёлтую»</i>
<i>покрытия</i>	<i>ржавчину</i>
<i>помогают предотвратить</i>	<i>–</i>
<i>повреждения</i>	<i>хим.</i>
<i>металла, вызываемые</i>	<i>ф.</i>
<i>высокой</i>	<i>FeO(OH)H₂O).</i>
<i>влажностью</i>	

Этап 3. Лексико-грамматический анализ текста.

Задачей лексико-грамматического анализа текста является определение лексико-грамматической категории каждого его слова с учетом его морфологии и контекста. Множество всех лексико-грамматических категорий ЕЯ обычно задается заранее разработанным классификатором его лексико-грамматических свойств, основанным на разделении слов на категории, обозначаемые тегами, на основании принадлежности к определенной части речи. Рассматриваемое предложение в тегированном виде будет выглядеть следующим образом:

В_IN большинстве_NCNR случаев_NCPG влавоотталкивающие_JPO покрытия_NCPO помогают_V3P предотвратить_VB повреждения_NCPA металла_NCMG, вызываемые_LPPA коррозией_NCFI, (LQ в_IN т.ч._NC «LQ желтую_JFA» RQ ржавчину_NCFI –: хим._NC ф._NC FeO(OH)H2O_FO)_RQ ._,

где, например, тег *IN* обозначает предлог, *NCNR* – нарицательное существительное среднего рода в предложном падеже, *NCPG* – нарицательное существительное множественного числа в родительном падеже, *VB* – инфинитив глагола и т.д. Полный список лексико-грамматических тегов для русского языка в рассматриваемом БЛП включает 247 тегов.

Этап 4. Синтаксический анализ текста. На этапе синтаксического анализа осуществляется распознавание в каждом предложении синтаксических отношений и представление их, как правило, в виде

функционального или синтаксического дерева, в котором для слов предложения указывается их грамматическая функция и определяется тип синтаксической связи между ними. В этот момент из предложения извлекаются канонизированные именные группы (*большинство_NCPO случаев_NCPG, коррозия_NCFI, повреждения_NCPO металла_NCMG, влавоотталкивающие_JPO покрытия_NCPO*), а также глагольные группы с 14-компонентной структурой, в данном случае единственная такая группа (табл. 1).

Уже сами синтаксические деревья могут быть полезны для решения многих задач в сфере автоматической обработки текста. В случае решения задачи автодополнения запроса такие их компоненты, как, например, простые именные группы, являются, очевидно, основой формирования подсказок типов **единичные ключевые слова и именные словосочетания**, а глагольные группы – практически всех остальных типов подсказок, включающих предикат.

Этап 5. Семантический анализ текста. На уровне семантического анализа БЛП распознает отношения между концептами, выраженными именными группами, в рамках так называемой CAO-структуры: Субъект – Акция (Предикат) – Объект. Причём, каждый элемент в этой структуре может иметь атрибуты [9; 12]. В общем случае структура такого отношения состоит из семи полей (плюс служебное восьмое поле). Любое из полей может оставаться пустым в

Таблица 1

1. Подлежащее 1 (с атрибутом)	влавоотталкивающие_JPO покрытия_NCPO
2. Сказуемое 1	помогают_V3P предотвратить_VB
3. Именная часть сказуемого 1	–
4. Прямое дополнение 1	повреждения_NCPA металла_NCMG
5. Предлог 1	в_IN
6. Косвенное дополнение 1	большинстве_NCNR случаев_NCPG
7. обстоятельство 1	–
8. Подлежащее 2	–
9. Сказуемое 2	вызываемые_LPPA
10. Именная часть сказуемого 2	–
11. Прямое дополнение 2	–
12. Предлог 2	–
13. Косвенное дополнение 2	коррозией_NCFI
14. обстоятельство 2	–

Таблица 2

CAO-структура	CAO 1	CAO 2
1. Субъект	влавоотталкивающие покрытия	коррозия
2. Акция	помогать предотвратить	вызывать
3. Объект	повреждения металла	повреждения металла
4. Атрибут прилагательное	–	–
5. Предлог	в	–
6. Непрямой объект	большинстве случаев	–
7. Атрибут наречие	–	–
8. Оригинальное представление акции в тексте	помогают предотвратить	вызываемые

зависимости от наполнения конкретного предложения. Структура двух семантических отношений САО из рассматриваемого примера выглядит следующим образом: табл. 2.

Важно заметить, что такие структуры действительно отражают уже не столько синтаксис предложения, сколько семантические отношения в нем: выполняя в пассивном залоге синтаксическую роль непрямого объекта, *коррозией_NCFI* по сути является субъектом относительно акции *вызывать_VB*, выраженной в предложении при помощи причастия, что и отражается во второй САО-структуре.

Полученные структуры служат основой для формирования будущих подсказок, поскольку:

- канонизированные **именные группы** в полях **субъект** и **объект** САО-структуры по сути являются уже готовыми подсказками: *коррозия, повреждения металла, влагоотталкивающие покрытия* (именная группа *большинство случаев* должна быть отфильтрована как нерелевантная);
- из **прямого дополнения 1**, **сказуемого 2** и **косвенного дополнения 2** синтаксической структуры можно «собрать» подсказку вида **именная группа с причастным оборотом** *повреждения металла, вызываемые коррозией*;
- из поля **акция** второй САО-структуры, где причастие *вызываемые* приведено к начальной глагольной форме *вызывать*, и **объекта** той же структуры конструируется подсказка вида **глагольная группа с прямым объектом** *вызывать повреждения металла*, которая станет подходящим дополнением к запросу, например, начинающемуся с префикса *‘что может’*.

Подразумеваемые при этом преобразования могут быть описаны в виде соответствующих лингвистических правил (паттернов), реализация которых требует дополнительной функциональности БЛП. Она же потребуется, как показал проведенный анализ, и при формировании следующих видов подсказок:

- **сказуемое 1** и **прямое дополнение 1** синтаксической структуры можно объединить для получения подсказки вида **глагольная группа с прямым объектом** (*помогают предотвратить повреждения металла*), но личная форма глагола *помогают* кажется не уместной для запроса. Здесь требуется приведение глагола к форме единственного числа *‘что’ помогает предотвратить повреждения металла* или возможность оставить в подсказке только смысловой глагол из предиката *предотвратить повреждения металла*;
- вторую САО структуру, за исключением служебного поля, целесообразно использовать в качестве подсказки вида **простое утвердительное предложение** *коррозия вызывает повреждения металла*, однако начальная форма глагола не позволяет сделать эту конструкцию согласованной и требует приведения глагола к нужной форме *вызывает*.

Заключение. Таким образом, формирование подсказок на основе описанных компонентов синтакси-

ческих и семантических структур возможно из любого предложения ПБД при соблюдении определенных условий, таких как достаточная информативность компонентов указанных структур, их лексико-грамматическое соответствие требованиям синтаксических типов подсказок, вхождение в заданные семантические группы, грамматическая согласованность компонентов, отсутствие личных имен и иных персональных данных, исключение обценной и ненормативной лексики, ограничение по длине подсказки и др. Безусловно, в состав дополнительной функциональности БЛП необходимо включить возможность ранжирования и классификации компонентов по определенным грамматическим и семантическим критериям. Все это в совокупности с БЛП и составляет лингвистический процессор решаемой задачи.

Литература

1. Incremental query refinement: US Patent 9245052 B2 / Brett D. Brewer, Oliver Hurst-Hiller (2012/2014).
2. Search entry system with query log autocomplete: US6564213B1 / Eric Paul Burke, Duke Fan, Alan Wada, Jawahar Malhotra, Brian Coe. (2005/2008).
3. Search query suggestions based on personal information: US Patent 9317585 B2 / Maureen Heymans, Ashutosh Shukla, Harish Rajamani, Matthew E. Kulick, Bryan C. Horling, Jennifer E. Fernquist, Weniger". (2013/2014).
4. Голяк, Ю.Д. Автодополнение поискового запроса на основе автоматического извлечения подсказок из проиндексированных документов предметной области / Ю.Д. Голяк // Вести БГПУ. Сер. 1, Педагогика. Психология. Филология. – 2018. – № 3. – С. 91–95.
5. Reidsma, M. (2016). Summon Topic Explorer Results by Search Query [Data set]. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.47723> [Electronic resource]. – Mode of access: <https://zenodo.org/record/47723#.XS4aS-gzaHs>. – Date of access: 07.04.2020.
6. Rishiraj. (2018). Supplementary Material for Nested Segmentation of Web Search Queries [Data set]. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.1137746> [Electronic resource]. – Mode of access: <https://zenodo.org/record/1137746#.XS4iNegzaHs>. Date of access: 07.04.2020.
7. Krapamih: search-queries [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.kaggle.com/krapamih/search-queries#searchterms.txt>. – Date of access: 07.04.2020.
8. Wordstat.Yandex [Electronic resource]. – Mode of access: <https://wordstat.yandex.ru/>. – Date of access: 07.04.2020.
9. Чеусов, А.В. Разработка алгоритмов и технологии построения многоязычного базового лингвистического процессора: дис. ... к-та техн. наук: 05.13.17 / А.В. Чеусов. – Минск, 2013. – 116 л.
10. System and method for automatic semantic labeling of natural language texts: Patent EP2406731A4 / J. Todhunter, I. Sovpel, D. Pastanohau. (2010).
11. IHS Goldfire [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ihf.com/pdf/IHS-Goldfire-Platform-Whitepaper_140823110915517432.pdf. – Date of access: 07.04.2020.
12. Чернышевич, М.В. Система автоматического сентимент-анализа текстов на английском языке: дис. ... к-та филол. наук: 10.02.21 / М.В. Чернышевич. – Минск, 2019. – 150 л.

Поступила в редакцию 21.04.2020

Городское ономастическое пространство: основные компоненты (на материале внутригородских названий белорусского и французского городов)

Дорофеенко М.Л.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск*

Отдельные фрагменты городского ономастического пространства часто выступают объектом исследования в трудах белорусских и зарубежных ученых, анализируются в различных аспектах: номинативном, лексикографическом, лингвокультурологическом, коммуникативном, прагматическом. В настоящее время актуальность приобретают научные работы, предполагающие комплексное изучение городского ономастического пространства.

Цель данного исследования — установление основных компонентов ономастического пространства белорусского и французского городов.

Материал и методы. *Материалом послужили внутригородские названия белорусских и французских городов. В работе использовались дескриптивный, ареальный и сравнительно-сопоставительный методы.*

Результаты и их обсуждение. *Ономастическое пространство города многослойно, многомерно и полифункционально, именно поэтому оно объединяет множество разрядов онимной лексики, зафиксированной на конкретной территории. В данной статье исследован сегмент наименований географических объектов, представленных названиями районов / микрорайонов, линейных и точечных объектов. В каждом из трех сегментов выявлены наиболее исследованные единицы, а также единицы, выступающие перспективными объектами для изучения. Кроме того, установлено, что уточнения требует терминологический аппарат, объединяющий урбанонимные дефиниции, объем которых в белорусской и французской онимных системах может различаться в силу различных факторов.*

Заключение. *На фоне исследования отдельных сегментов городского ономастического пространства актуальным представляется построение его комплексной модели, предполагающей изучение всех компонентов в различных аспектах, а также достижение терминологической определенности по ряду понятий в области урбанонимики.*

Ключевые слова: *внутригородское название, ономастическое пространство, урбаноним.*

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 148–151)

City Onomastic Space: Main Components (on the Material of Intracity Names of Belarusian and French Cities)

Darafeyenka M.L.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Certain fragments of urban onomastic space are often the object of research in the works of belarusian and foreign scientists, and analyzed in various aspects: nominative, lexicographic, linguoculturological, linguocreative, communicative, pragmatic. Currently, scientific works involving the comprehensive study of urban onomastic space are becoming relevant.

The aim of this study is to establish the main components of the onomastic space of belarusian and french cities.

Material and methods. *The material of the study was the intracity names of belarusian and french cities. The work used descriptive, areal and comparative methods.*

Findings and their discussion. *The onomastic space of the city is multi-layered, multi-dimensional and multi-functional, which is why it combines many bits of onomastic vocabulary fixed in a particular territory. This article explores the segment of names of geographical objects represented by the name of the city, names of districts / neighbourhoods, linear and point objects. In each of the three segments, the most studied units are identified, as well as units that act as perspective objects for*

study. In addition, it has been established that clarification is required by the terminology apparatus, which unites urbanonym definitions, the volume of which in belarusian and french onyms systems may differ due to various factors.

Conclusion. Against the background of the study of certain segments of urban onomastic space, the construction of its complex model, involving the study of all components in various aspects, as well as the achievement of terminological certainty on a number of concepts in the field of urbanonymics, seems relevant.

Key words: intraurban name, onomastic space, urbanonym.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 148–151)

Внутригородские названия достаточно часто выступают объектом исследования в трудах белорусских и зарубежных ученых. При этом многие работы характеризуются изучением отдельных фрагментов городского пространства в номинативном, структурном, лексикографическом, лингвокультурологическом, коммуникативном, прагматическом контекстах. В настоящее время актуальность приобретают научные исследования, предполагающие комплексное изучение городского ономастического пространства, в состав которого входит множество названий, выполняющих роль своеобразных пространственных, социальных, культурных ориентиров, так как помогают отличить один объект от другого, связывают пространство города с системой названий.

Постепенно сложившаяся ономастическая система конкретной территории (города, района, области) характеризуется своими специфическими закономерностями организации, определенной изменчивостью или устойчивостью к воздействию экстралингвистических факторов. Для построения комплексной модели городского ономастического пространства следует прежде всего выявить его основные компоненты и пути их исследования. Среди ономастических трудов, посвященных данной проблематике, можно назвать те, в которых анализируются динамика внутригородского ономастикона (преимущественно годонимов и эргонимов) в историко-культурном аспекте [1], антропонимы и урбанонимы в аспекте связи имени с обществом [2], городской топонимикой в контексте комплексной лексикографической репрезентации [3] и т.д.

В настоящее время стали появляться научные работы, посвященные исследованию системы названий внутригородских объектов в сравнительном ключе, а также динамике развития совокупности онимов одного города или нескольких городов одной страны. Менее многочисленны труды, в которых изучается городское ономастическое пространство населенных пунктов разных стран. В этом плане актуально наше исследование, цель которого – установление основных компонентов ономастического пространства белорусского и французского городов. До сих пор белорусские и французские внутригородские названия не являлись объектом комплексного сопоставительного исследования. В отдельных наших работах осуществляется сравнительное изучение одного из элементов

городского онимического пространства: проанализированы отантропонимные урбанонимы Витебска (Беларусь) и Реймса (Франция), репрезентирующие национально-культурную информацию [4].

Материал и методы. В качестве иллюстративного материала приводятся наименования двух белорусских и двух французских городов: Витебска и Орши, Страсбурга и Реймса. В работе использовались дескриптивный, ареальный и сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Ономастическое пространство города многослойно, многомерно и полифункционально, именно поэтому оно объединяет множество разрядов онимной лексики, зафиксированной на конкретной территории. В данной статье остановимся подробнее на сегменте наименований географических объектов.

Наиболее часто употребляемый термин, использующийся в научных трудах для обозначения внутригородских названий, – *урбаноним*, который определяется в словаре Н.В. Подольской как «собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [5, с. 139]. Во французской ономастике для обозначения внутригородских объектов может использоваться и термин *toponyme urbain* ‘городской топоним’. Следует отметить, что до сих пор ономатологи работают над определением границ понятия *урбаноним* и установлением круга имен собственных, которые рассматриваются в качестве его подразрядов. Появляются работы, посвященные исследованию номинаций географических объектов внутри поселений разного типа [6].

Сегмент городского ономастического пространства, представленный наименованиями географических объектов, может включать следующие компоненты:

– **названия районов / микрорайонов.** Территории белорусских городов могут делиться на районы, которые в свою очередь могут подразделяться на микрорайоны. В ономастической терминологии собственное имя любой территории, области, района определяется термином *хороним* [5, с. 145]. Н.В. Подольская уточняет, что *хоронимы* могут быть административными («собственное имя любой административно-территориальной единицы, имеющей определенные границы, принятое в официальных документах, в том числе название государства, республики, края, области,

штата» [5, с. 145–146]), городскими (вид хоронима и вид урбанонима, наименование части территории города – района, квартала, парка [5, с. 146]), природными (наименование любой природно-ландшафтной области [5, с. 146]). В городском ономастическом пространстве названия районов и микрорайонов формируют класс городских хоронимов: *Первомайский район* (Витебск), *Октябрьский район* (Витебск); *микрорайон Билево* (Витебск).

Как правило, основной административной единицей французского города является *quartier* ‘квартал, район’: *Bourse – Esplanade – Krutenau* (Strasbourg), *Centre-ville* (Reims). Термин *choronyme*, использующийся во французской ономастике, определяется как «имя собственное большой земной географической или административной единицы: *Africa, Toscana, Bretagne, La Mancha*» [7];

– **названия линейных объектов.** В широком смысле к городским линейным объектам могут быть отнесены не только адресные объекты (улицы, переулки, проспекты и др.), но и линии электропередач, связи, трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие подобные сооружения, используемые для графического представления протяженных объектов на плане. Наиболее изученным сегментом являются наименования, выполняющие адресную функцию. Среди типов линейных объектов, зарегистрированных на территориях исследуемых белорусских городов, – улицы (*ул. Актёров Ерёменко*, Витебск; *ул. Якуба Коласа*, Орша), переулки (*Авиационный пер.*, Витебск; *Дальний пер.* Орша), проспекты (*Московский пр-т*, Витебск; *пр-т Текстильщиков*, Орша), шоссе (*Бешенковичское шоссе*, Витебск), проезд (*пр-д Гоголя*, Витебск; *Шкловский пр-д*, Орша) и др. В ономастической терминологии названия линейных объектов в городе, таких как проспект, улица, линия, переулок, проезд, бульвар, набережная, обозначаются термином *годоним* [5, с. 52].

В системах названий исследуемых французских городов зафиксированы следующие типы линейных объектов: *rue* ‘улица’ (*rue de Genève*, Strasbourg; *rue de la Méditerranée*, Reims), *boulevard* ‘бульвар’ (*boulevard de Lyon*, Strasbourg; *boulevard Franchet d’Espèrey*, Reims), *avenue* ‘проспект’ (*avenue d’Alsace*, Strasbourg; *avenue du Général de Gaulle*, Reims), *allée* ‘аллея’ (*allée des Droits de l’Homme*, Strasbourg; *allée Claude Monet*, Reims), *passage* ‘проезд’ (*passage de Londres*, Strasbourg; *passage d’Italie*, Reims), *chemin* ‘дорога’ (*chemin Haut*, Strasbourg; *chemin de Champfleury*, Reims). Во французской терминологии также употребляется термин *hodonyme (odonyme)* ‘годоним’ с целью обозначения наименований улиц, скверов, шоссе, дорог, путей сообщения, в том числе железнодорожных, различных мостов и других объектов [7].

Для обозначения названий городских линейных объектов в ономастической литературе можно встретить несколько терминов – более детальный – *годоним*, более обширные – *урбаноним*, *городской*

топоним, при этом термин *урбаноним* является более применяемым, во французской понятийной системе термин *urbanonyme* ‘урбаноним’ менее частотен, более употребимы *toponyme urbain* ‘городской топоним’, *hodonyme (odonyme)* ‘годоним’.

Годонимы являются наиболее изученными компонентами городского ономастического пространства. Тип линейных объектов входит в состав наименования и является номенклатурным термином, набор которых, как правило, отличается в ономастических системах разных городов и стран. Наиболее частотными в данном разряде являются улицы ввиду их количественного превалирования относительно других элементов городского ландшафта.

Детализация терминологического аппарата приводит к созданию новых терминов (например, некоторые названия, ставшие объектом исследования, получают свое собственное наименование в системе имен собственных), что может свидетельствовать в какой-то степени о дивергентности процесса ономастического терминообразования. Относительно недавно внимание ономастологов обратилось к названиям мостов, для обозначения которых был предложен термин *гефиро-ним* [8, с. 274];

– **названия точечных объектов.** Данный сегмент можно назвать одним из разнородных, так как он включает значительное количество разрядов имен собственных – наименований элементов планировочной структуры города: площадей (*пл. Победы*, Витебск; *Центральная пл.*, Орша; *place Gutenberg*, Strasbourg; *place Royale*, Reims); объектов городской инфраструктуры: коммерческих (*Elema*, Витебск; *ANNA’S La boutique*, Reims), культурных (*Художественный музей*, Витебск; *musée d’Art moderne et contemporain*, Strasbourg); культовых (*Церковь Казанской иконы Божией Матери*, Витебск; *Свято-Успенский кафедральный собор*, Витебск; *cathédrale Notre-Dame de Strasbourg*, Strasbourg; *cathédrale Notre-Dame de Reims*, Reims), транспортных, например, остановок (*остановка «Дворец Снопта»*, Витебск; *station Université*, Strasbourg; *station Opéra*, Reims), мест общественного питания («*Васильки*», Витебск; *Les Chefs d’Oeuvre d’Alsace*, Strasbourg, *Le Grand Café*, Reims), отдельных зданий и домов и др.

Ономастическая терминология, сложившаяся в данном сегменте, не всегда характеризуется однородностью в плане определения статуса и объема понятия, соответствующих тому или иному термину.

Одним из разработанных разрядов являются *эргонимы* (эргоним – «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [5, с. 151]). До сих пор ученые уделяют внимание данному разряду онимов, так как нет единого мнения относительно объема единиц, входящих в его состав, дискутируется и набор объектов, названия которых могут относиться к эргонимам. Во французской терминологической системе функцио-

нирует термин *ergonyme*, который определяется как имя собственное продукта или марки [7]. Для обозначения названий предприятий может использоваться описательная дефиниция *nom d'entreprise* 'наименование предприятия'.

В славянской терминологической системе употребляются следующие понятия: *агороним* (название площади, рынка); *эक्клезионимы* (название места проведения обряда); *ойкодомонимы* (наименования зданий, домов). Во французской ономастике для обозначения некоторых разрядов имен собственных могут употребляться термины описательного плана, построенные по модели *наименование чего-либо*.

Полагаем, что не все городские географические объекты можно категорично отнести к тому или иному сегменту ономастического пространства. К примеру, новым объектом исследования являются названия жилых комплексов: российские ониматологи выявляют продуктивные модели прецедентной номинации как специфической составляющей урбанонимного пространства [9]. Р.В. Разумов и С.О. Горяев полагают, что данные онимы попадают в поле значений термина *ойкодомоним*, однако уточняют, что названия жилых комплексов занимают промежуточное место в ономастической системе [10]. С одной стороны, жилой комплекс – «это совокупность жилых объектов, объединенная общим архитектурным проектом. Как правило, комплексы жилых домов имеют единую территориально-пространственную целостность, спроектированы в одном стиле и представляют собой гармоничную застройку» [11]. Возможно, с учетом территориальной протяженности наименования жилых комплексов имеют общие черты и с хоронимами. С другой – отдельные дома жилого комплекса, получившие названия, можно отнести к ойкодомонимам.

Следует отметить, что наряду с официально закрепленными, то есть зарегистрированными в юридических документах, названиями в рамках каждого рассмотренного сегмента городского ономастического пространства можно обнаружить и неофициальные наименования – не имеющие письменной фиксации, функционирующие на определенной территории и имеющие узкую сферу употребления. Если неофициальной топонимии посвящено достаточно большое количество работ, то неофициальная урбанонимия по-прежнему требует внимания лингвистов.

Заключение. Таким образом, в сегменте названий географических объектов городского ономастического пространства его основными компонентами являются названия районов / микрорайонов, линейных и точечных объектов. Наиболее разработаны названия внутригородских объектов, выполняющие адресную функцию, и наименования различных организаций, учреждений, предприятий, рассматривающиеся уче-

ными в различных аспектах. Уточнения требует терминологический аппарат как в сфере белорусской, так и французской ономастики: при наличии специальных терминов для обозначения тех или иных названий в двух системах может не совпадать объем понятий, ими обозначаемый; в одной из систем могут наблюдаться как терминологические лакуны, так и терминологическая избыточность.

Литература

1. Ворошилова, Е.В. Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Ворошилова; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2007. – 19 с.
2. Олейникова, С.Д. Ономастическое пространство г. Моршанск: социальный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.Д. Олейникова; Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 2007. – 23 с.
3. Никитина, Т.Г. Городской топонимикон: уникальное и универсальное (на материале г. Пскова) / Т.Г. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 6(72). – Ч. 2. – С. 128–130.
4. Дорофеев, М. Л. Национально-культурное наследие в урбанонимии Беларуси и Франции / М.Л. Дорофеев // Ономастика Поволжья: материалы XVII Междунар. науч. конф., Великий Новгород, 17–20 сент. 2019 г. / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; редкол.: В.Л. Васильев [и др.]. – Великий Новгород, 2019. – С. 377–381.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
6. Мезенко, А.М. Наименования топографических объектов в пределах поселения: сопоставительный аспект / А.М. Мезенко // Вестник КГУ: специальный выпуск. – 2017. – С. 113–117.
7. The International Council of Onomastic Sciences [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-fr.pdf>. – Дата доступа: 02.04.2020.
8. Супрун, В.И. Колоронимы в названиях мостов: Синий мост в художественном тексте / В.И. Супрун, А.В. Данилов // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; сост.: А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеев, Ю.В. Дулова, О.В. Шеверина; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск, 2018. – С. 271–281.
9. Соколова, Т.П. Прецедентность в номинации жилых комплексов / Т.П. Соколова // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф., Арзамас, 13–16 сент. 2016 г. / Арзамасский филиал ННГУ; редкол.: Л.А. Климковой [и др.]. – Арзамас–Саров, 2016. – С. 343–346.
10. Разумов, Р.В. Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами / Р.В. Разумов, С.О. Горяев // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 76–97.
11. Жилой комплекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realt.by/wiki/term/zhiloi-kompleks/>. – Дата доступа: 02.04.2020.

Поступила в редакцию 27.05.2020

Творчество Владимира Крупина в контексте почвеннической прозы

Кабылкова А.А.

Белорусский государственный университет, Минск

В современной русской литературе получает новый виток развития почвенничество. Тема духовно-нравственного возрождения на основе православных ценностей становится ведущей в творчестве Владимира Крупина.

Цель статьи — кратко охарактеризовать нравственно-философские, эстетические ориентиры Владимира Крупина и рассмотреть способы их художественного воплощения в контексте почвеннической прозы.

Материал и методы. На основе произведений В. Крупина различных этапов творчества рассматриваются поднимаемые им проблемы духовного бытия. Используются биографический метод, структуралистский, культурно-исторический.

Результаты и их обсуждение. Параллели между творчеством В.Н. Крупина и классиками русской литературы позволяют говорить о продолжении писателем национальных традиций русской литературы прошлого. В то же время его произведения актуальны и в контексте литературы начала XXI века. В статье характеризуются произведения Крупина, созданные в 2000–2010-е годы, выявляются особенности их художественной образности, жанровое своеобразие, аксиологические установки, значение в духовной жизни российского общества.

Заключение. Сегодня творчество Владимира Николаевича Крупина, лидера почвеннического крыла русской литературы, — то связующее звено между русской классикой и литературой века XXI, которое позволяет сохранить национальные традиции прошлого и способствовать плодотворному развитию литературы в современных условиях.

Ключевые слова: почвенничество, духовность, православие, нравственность, жанр, образ.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 152–156)

The Works of Vladimir Krupin in the Context of Modern Soil Prose

Kabylkova A.A.

Belarusian State University, Minsk

In modern Russian literature the idea of a new direction in the Russian philosophical thought, called soil prose, gets a new round of development. The theme of spiritual and moral revival on the basis of Orthodox values becomes the leading one in the works of Vladimir Krupin.

The purpose of the article is to describe briefly Vladimir Krupin's moral, philosophical and aesthetic guidelines and to consider ways of their artistic embodiment in the context of soil prose.

Material and methods. On the basis of the works of V. Krupin at various stages of creativity, the problems of spiritual life are examined. The biographical, structuralist, cultural and historical methods are used.

Findings and their discussion. Parallels between the work of V.N. Krupin and the classics of Russian literature allow us to talk about continuing by the writer of the national traditions of Russian literature of the past. At the same time, his works are relevant in the context of literature at the beginning of the 21st century. The article describes the works of Krupin, created between 2000 and 2010, identifies features of their artistic imagery, genre identity, axiological attitudes, importance in the spiritual life of Russian society.

Conclusion. Currently, the work of Vladimir Nikolaevich Krupin, the leader of the soil wing of Russian literature, is the link between Russian classics and the literature of the 21st century, which allows preserving the national traditions of the past and contributing to the fruitful development of literature in modern conditions.

Key words: soil prose, Orthodoxy, spirituality, morality, genre, image.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 152–156)

Русская литература конца XX – начала XXI в. представляет собой уникальное явление, в котором находит отражение сочетание традиций классической литературы и современных тенденций. В 2000–2010-е годы наряду с новыми темами, проблемами, методами остаются актуальными и вопросы, характерные для литературы прошлого. Более того, некоторые темы возрождаются после периода запрета. С падением цензуры в 1990-е годы в русскую литературу возвращается тема православия, появляется возможность открыто говорить о духовности, вере, нравственности в контексте христианской традиции. Новый виток получает почвенничество – направление русской философской мысли, утверждающей ценность особой «национальной почвы» (православия) как основы духовного и общественно-политического развития России.

Именно почвеннические идеи становятся ведущими в творчестве современного русского писателя В.Н. Крупина.

Цель статьи – кратко охарактеризовать нравственно-философские, социокультурные, эстетические ориентиры Владимира Крупина и рассмотреть основные способы их художественного воплощения в контексте почвеннической прозы.

Материал и методы. На основе произведений В. Крупина различных этапов творчества рассматриваются основные поднимаемые им проблемы духовного бытия. Используются биографический, основанный на связи между литературными текстами и биографией автора; структуралистский, позволяющий рассмотреть все уровни художественного текста; культурно-исторический, дающий возможность изучить произведение в контексте конкретной культурно-исторической обстановки; метод литературной герменевтики.

Результаты и их обсуждение. В творчестве Крупина можно выделить следующие этапы:

1. 70-е гг. XX века – начало творческого пути, который характеризуется приобщением Крупина к почвенничеству, вхождением в число писателей-«деревенщиков». Публикации первого периода творчества В.Н. Крупина – сборник рассказов «Зерна», повесть в рассказах «Варвара», сборник «Ямщицкая повесть» (все 1974), повесть «На днях или раньше» (1977).

2. 80-е гг. XX века – переходный в творчестве В.Н. Крупина этап между «деревенской прозой» и публицистикой. Для данного периода характерны как отдельные черты стиля предыдущих лет, а именно стиля «деревенской прозы», так и новые тенденции: активное использование фольклора, обращение к элементам публицистики, постепенное увеличение доли почвеннических идей. В эти годы созданы повесть в письмах «Сороковой день» (1981), повесть «Боковой ветер» (1982), «Повесть о том, как...» (1985), «Вятская тетрадь» (1987), повесть «От рубля и выше» (1981), книга «Живая вода» (1982).

3. Конец 80-х – начало 90-х гг. XX века – этап расцвета публицистического таланта Крупина. Дан-

ный этап можно считать итоговым по отношению к предшествующим: в тематике, проблематике, образах присутствуют черты стиля всех предшествующих периодов. На первый план выходит особый интерес к взаимодействию социального и нравственно-религиозных аспектов окружающей писателя действительности. Идеи, которые развивались на протяжении долгих лет, достигают максимальной точки. Проблемы, волновавшие писателя еще в начале творческого пути, не угасают, однако Крупин ищет пути разрешения этих проблем, он утверждает: «Россию спасет Православие» [1]. Произведения данного периода – «Спасенье погибших» (1988), повесть «Как только, так сразу» (1992), повесть «Прощай, Россия, встретимся в раю» (1991), статьи «До чего, хриstopродавцы, вы Россию довели», «Крест и пропасть», «Горе горькое» (1993).

4. Конец 90-х гг. XX – начало XXI века – в это время получают развитие идеи, представленные в написанных ранее произведениях. Крупин убежден: «В вере православной для Руси спасение и утверждение» [2, с. 3–4]. Произведения, созданные в данный период, – повесть «Люби меня, как я тебя» (1998), повесть «Арабское застолье», рассказы «Она на паперти стояла», «Марусины платки», «Зимние ступени», цикл очерков «Крупинки».

5. Современный этап творчества писателя (нулевые – 10-е годы XXI века) связан с доминированием в текстах писателя темы православия. Произведения данного этапа творчества – повести «Великоречья купель» (1990), «Крестный ход», «Последние времена» (обе 1994), «Слава Богу за все. Путевые раздумья» (1995), сборники «Детский церковный календарь» (2002), «Русские святые» (2002), «Повести последнего времени» (2003), «Освящение престола. Будни сельского храма. Записки прихожанина» (2005), «Незакатный свет. Записки паломника» (2007), «Дымка» (2007), «Афон. История и современность Святой Горы» (2008), «Святая Земля. Там, где прошли стопы Его» (2009), «Скоро утро, но еще ночь» (2009), «Босиком по небу. Книга о детях для детей и взрослых» (2009), «Время горящей спички (рассказы о церкви)» (2013), «Пока не догорят высокие свечи...» (2013), «Ввысь к небесам. История России в рассказах о святых» (2014), «Железный почтальон. Рассказы о праведниках и грешниках» (2014), «Море житейское» (2016). Кроме того, Крупин как публицист представляет свои рассказы, эссе, статьи в интернете.

На формирование нравственно-философской и эстетической позиции писателя оказала большое влияние культурная традиция предшественников.

Во-первых, начиная с первых публикаций, у Крупина часто встречаются образы, сюжеты, формы, используемые одним из основоположников почвенничества, – Ф.М. Достоевским. Обращение к эпистолярному жанру («Сороковой день» – «Бедные люди»), образы детей («Бумажные цепи», «Дымка», «Анютин» – «Мальчик у Христа на елке», герои романов «Братья Карамазовы», «Униженные и оскор-

бленные»), образ Оптиной пустыни («Ввысь к небесам. История России в рассказах о святых» – «Братья Карамазовы») – через эти общие для творчества представителей разных эпох мотивы передаются идейные установки, связанные со значимостью православных ценностей в жизни человека. Также из наследия XIX века Крупин выделяет Н.С. Лескова, что находит отражение в работе над образами праведников. Особое внимание к категории совести, активное использование малых жанровых форм, религиозные мотивы – все эти аспекты детально проработаны Лесковым и реализуются на основе современных реалий в творчестве Крупина. В то же время тематический круг у Крупина расширяется, включая в себя актуальные для начала XXI века проблемы глобализации, развития социума в эпоху информатизации, пересмотра отношения общества к традиционным нравственным ценностям.

Во-вторых, в творчестве Крупина продолжают традиции, заложенные писателями-эмигрантами начала XX века. Если Б. Зайцев и И. Шмелев были разделены с православной Россией территориально, то Крупин некоторое время не имел возможности открыто говорить о значении религии в жизни общества по идеологическим причинам. Обращение к теме православия, продолжение традиций почвенничества – те факторы, которые объединяют творчество Крупина и Шмелева, Зайцева, обнажают параллели между повестями (путевыми очерками) «Богомолье» и «Крестный ход» Шмелева, повестью «Преподобный Сергей Радонежский» и очерком «Сергий Радонежский» Зайцева, повестью «Афон» и сборником «Святой Афон. Сердце православия» Крупина. Синтез элементов религиозной и светской литературы, использование общих тем, сюжетов позволяют говорить о преемственности традиций почвенничества начала XX – XXI века.

В-третьих, на формирование художественной позиции Крупина большое влияние оказало творчество его современников: представителей почвенничества 1960–1970-х годов. Несмотря на частое употребление термина «деревенская проза» считаем важным подчеркнуть (вслед за А.Ю. Горбачевым, Г.А. Цветовым, А.М. Мартазановым) маскирующий характер данного термина, так как почвенничество в годы советской власти было признано явлением реакционным. Крупин же, как и В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, Е. Носов, дает ему положительную оценку, обращает преимущественное внимание на базовые для почвенничества православные ценности. Это находит отражение в образах праведников (герои произведений А. Солженицына «Матренин двор», В. Лихоносова «Марья», В. Распутина «Прощание с Матерой», В. Крупина «Варвара»). Также образ нарратора, появляющийся в повестях «Живая вода», «Повесть о том, как», характерен для почвеннической прозы середины XX века: это деревенский (или городской, но находящийся в деревне) житель с традиционной для сельского человека философией, основанной на постулатах православия.

Эволюция идейно-эстетических взглядов Крупина в 2000–2010-е годы приводит к практически полному доминированию в его творчестве темы православия, проблем духовного бытия человека. В рассказах, очерках, статьях, созданных писателем в начале XXI столетия, формируется особая концепция личности. Ее отличительные черты обуславливаются восприятием Крупиним писательской деятельности как одной из форм служения Богу.

Продолжая традиции, заложенные в его более раннем творчестве (психологизм, внимание к социальной проблематике, обращение к истории России), писатель предлагает и новые подходы к представлению традиционных тем. Среди персонажей современных книг Крупина можно выделить несколько отдельных групп, через описание которых писатель выражает свою позицию как глубоко верующий христианин.

Нравственным ориентиром у Крупина в 2000–2010-е годы становятся святые. Сложившийся уже в раннем творчестве Крупина образ праведника в произведениях XXI века претерпевает эволюцию, достигая пика духовности – святости. Как и в сборниках Г.П. Федотова «Святые Древней Руси», архимандрита Тихона «Несвятые святые». Крупин в книге «Ввысь к небесам. История России в рассказах о святых» подчеркивает, что именно православные ценности должны быть нравственной основой общества, в том числе и современного. При этом Крупин детально прорабатывает лишь одну из добродетелей, характерных для того или иного святого. Но в совокупности возникает обобщенный образ канонизированного святого – пример для верующих. В создании образов святых (Владимир Красное Солнышко, страсто-терпцы Борис и Глеб, Петр и Феврония Муромские и другие), а также юродивых (Василий Блаженный, Ксения Петербургская) Крупин активно использует элементы стиля, характерные для литературы Древней Руси: структурные элементы житийной литературы, цитацию Священного Писания, религиозную лексику. При этом текст нередко дополняется иллюстрациями, фотографиями, комментариями с точки зрения современности.

Одним из важнейших элементов системы образов художественного произведения является образ нарратора. В 2000–2010-е годы в большинстве случаев образ нарратора приближен к личности самого Крупина. И во многом это обуславливает жанровую специфику текстов. Автор часто использует жанры публицистики («Положить злу предел», «Что в народе, то и в погоде», «Русская классика и народность – хранители нравственности», «Дело не в знаниях. Размышления ко дню учителя», «Школу спасет классика» и другие), очерки («Да не усну в смерть!», «Первая исповедь», «Материнская молитва», «Удел Божией Матери», «Тяжесть креста», «Дорога Великоречья»), дневники («Тают снега. Весенний дневник», «Снежный туман. Зимний дневник»), паломнические записки («Святая Земля. Там, где прошли стопы Его»).

В центре художественного пространства всего корпуса текстов автора находится Дом – символ гармонии, спокойствия, уверенности в будущем. «Прототипом» для писателя послужил образ его собственного дома («Господь посетил», «Вечер на дворе»). Именно семья заложила основы духовности писателя, привила любовь к православию. «Мне повезло, что у меня родители из верующих семей. Оба дедушки пострадали из-за религиозных убеждений. Всегда была икона в семье. Да, было трудно, но вместе с тем это вспоминается радостно, потому что создавало единение, любовь друг к другу. Это очень важное переживание: я воочию убеждался, что Господь Россию не оставлял», – вспоминает писатель [3].

Дом соотнесен у писателя с универсализацией высшего порядка. Сакральной основой мироздания, по Крупину, является храм. В произведениях 2000–2010-х годов этот образ встречается намного чаще, чем образ дома, что подчеркивает особое значение именно духовной составляющей мироздания в целом. Основным методом создания образов храмов, монастырей, икон становится религиозный экфрасис. Пример эффективного использования экфрасиса мы видим в сборнике «Ввысь к небесам. История России в рассказах о святых». Крупин описывает те объекты, с которыми знаком лично, поэтому перед читателями предстают яркие, точные образы.

Описывая в том числе и православные святыни России, Крупин стремится ввести в текст самую важную, на его взгляд, философскую категорию: «русская идея». Впервые открыто употребив сам термин в 1998 году в повести «Люби меня, как я тебя», в 2000-е годы Крупин использует его все чаще. В повести «Передай по цепи» (2004–2010) эта идея становится ведущей. Автор трактует «русскую идею» по-своему, представляя вариант восприятия России как души мира. При этом православная вера Крупиным рассматривается как главный источник духовности и нравственности. Если в некоторых публицистических статьях есть отдельные упоминания католицизма, то в художественных текстах о других конфессиях не говорится никогда, все творчество посвящено именно образам и мотивам православия.

Способы художественной реализации духовных ориентиров писателя обуславливают выбор жанровых форм и стилистических элементов. Все чаще Крупин обращается к жанрам древнерусской литературы (житие), наполняет современные произведения религиозной лексикой, а описания, стилизованные «под старину», напротив, – актуальными в XXI веке комментариями, иллюстрациями.

Реалии начала XXI века, культурная ситуация в стране, особенности исторической эпохи – все это накладывает отпечаток на выбор жанровых форм, в которых создаются произведения Крупина. Сегодня это все чаще небольшие повести, рассказы, очерки, публицистические статьи, которые объединяются в циклы. На страницах интернет-порталов активно публи-

куются очерки, посвященные важнейшим вопросам жизни общества (политика, культура, искусство, образование, духовность). В начале XXI века гражданская позиция, занимаемая писателем, активное участие в культурной жизни государства повышают его авторитет в мире современной русской литературы.

В произведениях начала 10-х годов XXI века Крупин расширяет и круг потенциальных читателей. Прежде всего, это интеллигенция, в силах которой направить общество по пути духовного возрождения на основе традиционных православных ценностей. Именно такие люди, по мнению Крупина, могут быть носителями «русской идеи», которая призвана спасти социум от духовного кризиса. Большое количество отсылок к истории христианства, обрядности православия предполагает, что читатель может быть знаком с этой темой и сможет увидеть новый, свежий взгляд на актуальные для него проблемы. Вместе с тем Крупин стремится сохранить и круг обычных читателей, равнодушных к проблемам нравственности. Для этого он выходит за рамки привычных для него жанров. Кроме привычного эпоса («Последний бастион Святости. Господи, спаси Россию!», 2013), появляются лиро-эпическое произведение («Река, родник и старики», 2013), пьеса («“Олл райт!” – сказал Емеля», 2014). При этом Крупин использует модель хронотопа, создающую внутренние границы в мире героя. Автор противопоставляет категории «прошлое» – «настоящее» – «будущее», несколько идеализируя прошлое, анализирует современность и с оптимизмом смотрит в будущее.

У Крупина немало сподвижников. Например, В. Распутин, автор сборника «Сибирь, Сибирь», одна из главных тем которого – божественное начало природы. По мнению писателя, природа – это связующее звено между Человеком и Богом. И чтобы Человек мог прийти к Богу, он обязательно должен через сопереживание соединиться с Природой и только после может сделать шаг вперед. Как и Крупин, Распутин поддерживает идею особого предназначения России в нравственном спасении нынешнего социума. Но Распутин конкретизирует: источником духовных сил должна быть Сибирь как место сосредоточения органической цивилизации.

В качестве идеолога предстает А. Проханов в книге «Поступь Русской Победы». Роль православия в истории России, в ее духовном возрождении – главная тема третьей части книги «Псалмы Русской Победы». Как бы успешны ни были промышленность, дипломатия, экономика страны, основой ее будущего должна быть духовность, – убежден писатель.

Тема духовного единения – одна из основных тем творчества В. Личутина. В трилогии «Раскол» (1994) он показывает, насколько опасна разобщенность, к каким необратимым последствиям она может привести. В сборнике «Душа неизъяснимая. Размышления о русском народе» (2012) писатель говорит о духовной природе русской души. Книга пропитана любовью и

безграничным уважением к русскому народу, который, несмотря на многочисленные испытания судьбой, стремится к сохранению духовного единства и национальной самобытности.

В произведениях А. Сегеня («Поп», серии киносценариев «Последняя осень патриарха», «Выстрелы в Донском монастыре», «Хождение за три пустыни», «Распахнутые окна») в центре внимания историческое прошлое как источник православной традиции современности. Обращаясь к конкретным событиям минувших дней, автор вновь подчеркивает идею объединяющей роли православия в жизни общества. Духовная соборность выступает как основа русского характера.

Несмотря на то, что в сегодняшней русской литературе с каждым годом возрастает интерес к теме значимости православия в жизни, появляется все больше произведений, посвященных духовной жизни общества, после смерти В. Распутина именно Крупин воспринимается как лидер современного русского почвенничества. Отличительная особенность творчества Крупина – это многогранность представления идей почвенничества. Они реализуются на уровне тематики (православная обрядность, история, современность), системы образов (святые, юродивые, миряне, дети), жанровой структуры (житие, паломничество, повесть, рассказ, очерк, поэма, комедия, конспект). Кроме того Крупин уделяет особое внимание социальной роли православия. При этом гражданско-патриотический пафос органично дополняет художественные произведения, придавая им актуальное звучание. Именно творчество Крупина соединяет в себе традиции возрожденного почвенничества середины XX века и новаторство почвенничества века XXI, концентрируя важнейшие вопросы духовного бытия, завещанные православием.

В настоящее время Крупин занимает должность сопредседателя правления Союза писателей России. Заслуги литератора отмечены орденом Дружбы народов (1984), премией газеты «Неделя» (1983), журнала «Наш современник» (1992), им. А.П. Платонова «Умное сердце» (1995). 26 мая 2011 года в зале Церковных соборов Храма Христа Спасителя Владимир Николаевич был избран Первым лауреатом Патриаршей литературной премии имени святителей Кирилла и Мефодия. Это признание значимости вклада Крупина в русскую литературу и его роли в процессе духовно-нравственного возрождения России.

Творчество Крупина актуально не только в России. Общее историческое и культурное прошлое Российской Федерации и Республики Беларусь, степень распространения православия на территории двух стран, духовная потребность в обращении к Богу позволяют говорить о значимости проблемного поля произведений Крупина и на территории нашей страны. Образы и мотивы творчества русского писателя перекликаются с подобными белорусскими образами. Так, святая Евфросинья Полоцкая стала главной героиней произведений О. Ипатовой, В. Ковтун, В. Орлова, Л. Гениуш, В. Лукши, Л. Рублевской, Л. Дранько-Майсюка, О. Лойки. Православные мотивы звучат в произведениях Р. Бородулина, Х. Лялько, В. Аксак, И. Богданович, В. Козько.

В контексте белорусской литературы Крупин так же актуален, как и в современной русской литературе, так как в его произведениях отражаются значимые и близкие для народного менталитета духовные ориентиры добра, молитвенности, веры, честности, самопожертвования.

Заключение. Сегодня творчество Владимира Николаевича Крупина – то связующее звено между русской классикой и литературой века XXI, которое позволяет сохранить национальные традиции прошлого и способствовать плодотворному развитию литературы в современных условиях. После ухода из жизни В. Белова и В. Распутина именно Крупин воспринимается как лидер почвеннического направления в русской литературе наших дней, концентрируя в своих произведениях важнейшие вопросы духовного бытия, завещанные православием.

Литература

1. Крупин, В.Н. Притчи о России [Электронный ресурс] / В.Н. Крупин // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. Православие. Самодержавие. Народность. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2014/03/29/pritchi_o_rossi. – Дата доступа: 27.08.2014.
2. Крупин, В.Н. Пока не догорят высокие свечи...: избр. проза / В.Н. Крупин. – М.: Смирение, 2013. – 416 с.
3. Бражников, И. Крупин Владимир Николаевич [Электронный ресурс] / И. Бражников, М. Тюренков // www.pravaya.ru радикальная ортодоксия. – Режим доступа: <http://www.pravaya.ru/ludi/451/9765?print=1>. – Дата доступа: 08.12.2013.

Поступила в редакцию 15.06.2020

Жанровое своеобразие сказочной повести в прозе Т. Янссон

Крикливец Е.В. *, Дыдо А.Р. *

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

***Государственное учреждение «Витебская областная библиотека
имени В.И. Ленина», Витебск*

Сказочная повесть представляет собой специфическую жанровую разновидность повести, объединившую жанровые признаки сказки и повести. Сказочная повесть конструирует аллегорическую «микромодель» мира; при помощи разных типов художественной условности выявляет и раскрывает социально-исторические и нравственно-этические закономерности, в чем проявляется метонимическая сущность жанра повести.

Цель статьи — выявить семантические и морфологические особенности сказочной повести в прозе Т. Янссон.

Материал и методы. Материалом исследования послужили повести Т. Янссон «Маленькие тролли и большое наводнение», «Комета прилетает» и «Шляпа волшебника». Используемый в работе метод контекстного анализа позволил выявить функцию жанрообразующих факторов сказочной повести.

Результаты и их обсуждение. В статье представлена жанровая модель повести и определены структурные особенности сказочной повести. В анализируемых повестях Т. Янссон «Маленькие тролли и большое наводнение», «Комета прилетает» и «Шляпа волшебника» установлена специфика субъектно-объектной организации, пространственно-временного континуума, сюжетно-композиционной организации; раскрыты коммуникативные задачи сказочной повести. Сказочные повести Т. Янссон представляют собой аллегорическую модель социума. Создавая портреты вымышленных персонажей, писательница отражает аксиологические ориентации этого социума, диапазон которых широк: от семейных ценностей до попытки постижения философских истин. Т. Янссон подчеркивает хрупкость частного мира перед лицом космоса и его беспомощность перед лицом катастрофы. Этому подчинена пространственно-временная организация произведений, границы пространства в которых расширяются от «своего» безопасного пространства до пространства испытаний и вселенной в целом.

Заключение. Жанровая разновидность сказочной повести позволила писательнице в иносказательной форме поднять общечеловеческие проблемы и проблемы современного ей общества, при этом выразив надежду на торжество гуманистических идеалов и ценностей.

Ключевые слова: зарубежная литература, повесть, сказочная повесть, жанровая модель повести.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 157–161)

Genre Originality of the Fairy Tale Narrative in Prose by T. Yansson

Kriklivets E.V. *, Dydo A.R. *

**Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk*

***State Establishment “Vitebsk Region V.I. Lenin Library”, Vitebsk*

The fairy tale narrative is a specific genre type of the story which unites genre features of the fairy tale and the narrative. The fairy tale constructs the allegoric “micro model” of the world; with the help of different types of artistic conventionality it reveals social and historical as well as moral and ethic regularities in which the metonymic essence of the genre of the story manifests itself.

The purpose of the article is to reveal semantic and morphological features of the fairy tale narrative in prose by T. Yansson.

Material and methods. T. Yansson’s narratives “Little Trolls and a Big Flood”, “The Comet Flies in” and “The Magician’s Hat” were the research material. The applied method of the context analysis made it possible to reveal the function of genre forming factors of the fairy tale narrative.

Findings and their discussion. The genre model of the narrative is presented in the article; structural features of the fairy tale narrative are identified. In the analyzed T. Yansson's narratives "Little Trolls and a Big Flood", "The Comet Flies in" and "The Magician's Hat" the specificity of the subject-object organization, the space and time continuum, the story and composition organization are identified; the communicative tasks of the fairy tale narrative are revealed. T. Yansson's fairy tale narratives are an allegoric model of the society. Creating portraits of the imagined characters the writer reflects axiological landmarks of this society, the range of which is wide: from family values to the attempt to understand philosophic truths. T. Yansson stresses the fragility of the private world when facing the cosmic space and its helplessness when facing the disaster. The space and time organization of the works, the boundaries of space in which expand from "one's own" safe space to the space of tests and the universe itself, are subject to it.

Conclusion. The genre type of the fairy tale narrative made it possible for the writer to allegorically raise general human problems as well as problems of the contemporary society while expressing the hope for the victory of humanistic ideals and values.

Key words: foreign literature, narrative, fairy tale narrative, genre model of the narrative.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 157–161)

Жанровый канон повести формировался на протяжении длительного исторического периода и приблизился к современному терминологическому пониманию лишь в 30-е годы XIX века.

Изучение истории жанра повести демонстрирует постепенное усложнение методов и приемов художественного освоения действительности (продиктованное усложнением самой действительности). От безыскусных форм, восходящих к устному повествованию, повесть стремится к проникновению в тайны человеческого характера, в механизмы общественного движения.

Каноническая структура повести на протяжении всей истории существования жанра обусловлена доминантным изображением человека в его отношениях с окружающей средой, с миром. Каждая новая эпоха в развитии общества формирует новые представления о человеке, о его месте в мире, о системе приоритетных духовных и социальных ценностей. Это приводит к появлению новых жанровых разновидностей повести, к интеграции или дифференциации жанровых структур. Но основой всех модификаций остаются своиственные повести традиционные способы освоения действительности.

Как правило, повесть освещает отдельный этап или значительный эпизод из жизни героя, отражает его эволюцию, происходящую под воздействием жизненных обстоятельств. При этом герой изображен внутри своего ближайшего окружения, или «микросреды» [1, с. 221], то есть предметом и средством художественного осмысления жизни становятся в повести частные ее проявления. Очевидно, что в лучших образцах жанра «микросреда» выступает моделью «макромира», становится средством раскрытия различных аспектов общественных отношений, общественного сознания, формой выражения мировосприятия, присущего той или иной эпохе. Иными словами, для повести характерен индуктивный способ постижения действительности.

Повесть, будучи «мобильным», открытым для новых эстетических принципов жанром, сохранила константные признаки, свойственные ее содержанию и форме. Внимание к частным проявлениям общих тенденций определенного культурно-исторического периода обусловило проблемное поле повести. Повесть тяготеет к актуализации морального, нравственно-психологического конфликта, который (даже при отсутствии социальных перипетий) может быть самодостаточным в контексте данного жанра.

Сказка как фольклорный жанр появилась настолько давно, что очень сложно определить точное время ее возникновения. Это «один из основных жанров устного народнопоэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое, художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» [2, с. 880]. Слушатели воспринимали сказку, прежде всего, как игру фантазии, поэтический вымысел. Но у этого жанра есть и связь с действительностью, которая определяет тематику, идейное содержание, характер образов, мотивов, сюжетов, деталей повествования, язык.

Фольклорные сказки происходят из тотемических мифов первобытнообщинного общества. Поэтому во многих сказках отражены анимизм, тотемизм, ранние общественные отношения, обычаи инициации и представления того времени. В эпоху феодализма в сказках появляются образы рыцаря, короля, царя, царевича. Тема торговли, капитала, денег начинает интересовать сказочников, живущих в среде капиталистических отношений, из-за чего в их произведениях чаще изображаются купцы, контраст богатства и бедности.

Многие сказки известны в нескольких вариантах, потому что, несмотря на сходные культурно-исторические условия жизни разных народов, сказки имеют свой особый национальный характер, в них отражены географические и этнические особенности, уклад жизни того или иного народа.

Наиболее характерные группы сказок, которые можно выделить в любом национальном фольклоре:

сказки о животных, авантюрно-новеллистические, волшебные, бытовые, а также иные подвиды этого жанра (докучные сказки, сказки-небылицы и др.).

Литературная сказка (принадлежащая перу конкретного автора), в отличие от народной, не бытовала до публикации в устной форме и не имела вариантов. Литературная сказка отражает авторский взгляд на мир, его представление о жизни и идеи. «Литературная (авторская) сказка тесно связана с народной темой, сюжетом, мотивом, нередко и стилем. В творчестве писателей сказка обрела самостоятельность и художественную неповторимость, хотя и удержала в себе ряд фольклорных особенностей: в жанровых приемах, в трактовке чудес. Возникновение авторских сказок ознаменовало высокий подъем профессиональной литературы и ее движение на пути к национальной самобытности» [3, с. 303].

Стиль и поэтика авторских сказок очень разнообразны: это сказки-новеллы, сказки-повести, сказки-поэмы, сказки-рассказы, сказки-пьесы, сказки-басни, сказки-притчи, сказки-стихотворения. Писатели могут брать за основу фольклорные сюжеты, эксплуатировать образы сказочных персонажей, наделенные определенными функциями, строить хронотоп по фольклорно-мифологическим законам, использовать народную поэтическую речь.

Цель статьи – выявить семантические и морфологические особенности сказочной повести в прозе Т. Янссон.

Материал и методы. Материалом исследования послужили повести Т. Янссон «Маленькие тролли и большое наводнение», «Комета прилетает» и «Шляпа волшебника». Используемый в работе метод контекстного анализа позволил выявить составляющие жанровой структуры повести и раскрыть жанрово-видовые особенности сказочной повести. Однако надо понимать, что предлагаемая структура представляет собой некую абстрактную модель жанра, его «эталонный» тип, выведенный на основе сравнения конкретных литературных произведений.

Результаты и их обсуждение. Попытку составления «эталонной» модели, являющейся инвариантом конкретных произведений, М. Бахтин назвал стремлением «нащупать основные структурные особенности», отражающие «направление собственной изменчивости» жанра, «внутреннюю меру» жанра [2, с. 454].

Две позиции в изучении жанра: с точки зрения его архаики (канонизации) и изменчивости (деканонизации) – Х. Дуброу определил как функциональную антиномию жанра: жанр как канон (к проблеме литературной традиции) и жанр как преодоление канона (к проблеме литературного обновления) [4, с. 106–107].

Исследуя поэтику современной драмы, С.Я. Гончарова-Грабовская предлагает двуплановую модель жанра: «План содержания отражает жанр на семантическом уровне, а план структуры – на морфологическом» [5, с. 19–20]. Данный взгляд на жанр представляется продуктивным, поэтому, углубляя анализ

жанровой специфики повести, мы также считаем возможным выделить в ней семантическую и морфологическую составляющие.

Следовательно, что строение и внутренняя организация целостной жанровой модели повести включает в себя *семантическую* (жанровое содержание, субъектная организация, тип героя, пространственно-временная организация) и *морфологическую* (коммуникативная стратегия, сюжетно-композиционная организация, речевая организация) составляющие.

Специфика структурной организации *сказочной повести* состоит в следующем:

1. Особенность жанрового содержания сказочной повести заключается в том, что сказочная повесть конструирует аллегорическую «микромодель» мира; отражая «часть от целого», стремится к постижению действительности вообще (индуктивный способ познания). Воплощая систему «человек (сказочный персонаж) и мир» в отдельных проявлениях, допуская взаимодействие лирических и эпических мотивов, сказочная повесть при помощи разных типов художественной условности выявляет и раскрывает социально-исторические и нравственно-этические закономерности, в чем проявляется метонимическая сущность жанра повести.

2. Автор в сказочной повести выражен в разной степени. Повествование может быть организовано как от первого (повествующее и повествуемое «я» совпадают), так и от третьего лица. В произведении могут присутствовать автобиографические элементы.

3. Герои сказочной повести чаще всего делятся на две группы: обычные люди (как правило, дети), которые живут по законам реального мира, и волшебные персонажи, которых главные герои встречают, попадая в сказочный мир. Обе группы персонажей наделяются живыми характерами, привычками, особенностями речи и поведения. Героями сказочной повести могут выступать и животные, и одушевленные предметы. Повесть-сказка использует достаточно большой набор самых разнообразных средств для характеристики героев, так как рассчитана на возрастную категорию читателей, которые уже имеют определенные представления про мир и окружающую действительность. Как и в народной сказке, персонажи могут с легкостью быть дифференцированы на положительных и отрицательных.

4. Пространственно-временная организация сказочной повести чаще всего обусловлена индивидуально-авторскими решениями. Автор создает или принципиально новый пространственно-временной континуум, или моделирует пространство–время, близкое к реальному с включениями в него волшебных (фантастических) элементов.

5. Коммуникативные задачи сказочной повести:

- социокультурная (приобщение новых поколений к общечеловеческому и этническому опыту, аккумулированному в интернациональном мире сказок и сказочных повестей);

- воспитательная (формирование навыка отличать доброе от злого, хорошее от плохого);
- креативная (способность выявлять, формировать, развивать и реализовать творческий потенциал личности, ее образное и абстрактное мышление);
- эстетическая (формирование языковой культуры личности, владение многозначностью и образительно-выразительным богатством речи);
- компенсаторная (искусство в целом, в частности, сказка и сказочная повесть, приходит на помощь человеку, раздвигая границы его индивидуального жизненного опыта).

6. На уровне сюжетно-композиционной организации сюжетообразующее значение в сказочной повести приобретает вторичная художественная условность (мифологическая, фантастическая, гротескная, сатирическая). Сюжеты повести-сказки чаще всего развиваются в двух измерениях – реальном и фантастическом. При этом фантастический мир представляет собой аллегорическое изображение мира реального, либо две части художественной модели мира находятся в оппозиционных отношениях. Антитеза в целом выступает одним из основных композиционных приемов сказочной повести: в произведениях противопоставляются такие глобальные категории, как добро и зло, жизнь и смерть, честь и бесчестие и т.п.

7. Наличие в сказочной повести реального и фантастического измерений, аллегории как основного способа художественного миромоделирования обусловило доминирование эстетических элементов романтизма и модернизма на уровне стилистической организации произведений. Кроме того, генетическая связь сказочной повести с жанрами устного народного творчества объясняет апеллирование писателей к фольклорно-мифологической образности и стилистическим приемам.

Рассмотрим, как названные особенности сказочной повести реализуются в творчестве Туве Янссон.

Повествование в повестях «Маленькие тролли и большое наводнение», «Комета прилетает» и «Шляпа волшебника» ведется от третьего лица. При этом часть своих размышлений автор как бы делегирует центральному герою. В повести «Комета прилетает» интересен образ Снусмумрика. Показательна трансформация персонажа в разных редакциях повести. В редакции 1946 года Снусмумрик – бродячий поэт, готовый сочинять стихи по любому поводу, громкий, эксцентричный, эгоистичный, создающий проблемы всем остальным; в более поздних редакциях автор превратила персонажа в невозмутимого и немногословного бродягу, в уста которого можно было вложить размышления о социальных и экзистенциальных проблемах общества.

Кроме того, в анализируемых повестях прослеживаются автобиографические мотивы. Так, прототипом Снусмумрика стал журналист, член парламента Атос Казимир Виртанен, друг и несостоявшийся муж Т. Янссон. В повести «Шляпа волшебника» Т. Янс-

сон создает образы Тофслы и Вифслы, в основе которых – личная драма писательницы и ее возлюбленной Вивики Бэндлер в обществе, порицающем гомосексуальные связи. Тофсла и Вивсла говорят на языке, который не вполне понятен остальным. Пара держится за руки и носит с собой чемодан, внутри которого – рубин, символ любви.

Т. Янссон создает мир, населенный волшебными персонажами, поведение и взаимоотношения которых представляют собой проекцию на человеческий социум. Героями повести «Маленькие тролли и большое наводнение» являются Муми-тролль, его мама и папа, маленький зверек, Большой Змей, Тюлиппа (девочка с голубыми волосами), хатифнатты (маленькие странники без чувств), пожилой господин, муравьиный лев, морской тролль, мальчик с ярко-рыжими волосами, кошка с котятками, хемуль, господин Марабу (птица), два морских черта. Наиболее детально в повести изображена мама Муми-тролля как образец доброты, заботливости, отваги, решительности и самоотверженности. Идеализация образа героя – характерная особенность сказочной повести, соответствующая дидактической задаче такого рода произведений: создать образец для подражания.

Повесть «Комета прилетает» представляет собой аллегорическое осмысление общества периода Второй мировой войны. В повести – обилие персонажей, многие из которых, как беженцы, покидают свои дома в Муми-далене, опасаясь приближения кометы. Заметно эволюционирует главный герой – Муми-тролль. В анализируемой повести он искренний, отзывчивый, храбрый, романтичный, готовый на все ради фрекен Снорк. Есть в повести персонажи, иллюстрирующие различные типы поведенческих реакций. Снифф – трусливый, хвастливый, полагающий, что все его проблемы – из-за его маленького роста. Выхухоль постоянно философствует, считает все действия окружающих суетой, ждет конца света. Снусмумрик курит трубку, любит старую одежду, хорошо играет на губной гармошке, рассказывает интересные истории. Он является символом абсолютной свободы, ассоциируется с человеком, достигшим полного спокойствия и порвавшим с материальным миром. Снорк – излишне серьезный любитель проводить собрания по любому поводу. Фрекен Снорк – олицетворение женского начала – плетет из травы спальные циновки, варит целебные супы от боли в животе, украшает уши цветами, носит на левой ноге браслет [6].

Если в повестях «Маленькие тролли и большое наводнение», «Комета прилетает» предметом аллегорического осмысления Т. Янссон становилась соответственно семейная и социальная проблематика, то в повести «Шляпа волшебника» писательница углубляет философскую проблематику. Появляется образ Волшебника, безуспешно пытающегося отыскать Королевский рубин (как смысл существования). Образ Морры – чрезвычайно опасного существа, чуждого Муми-даллену – представляет собой воплощение

мирового зла, замораживающего все, к чему прикасается. В системе персонажей всех трех повестей любопытны образы хатифнаттов (маленьких странников без чувств). Выступая олицетворением равнодушия, они нарушают привычную сказочную дифференциацию героев на положительных и отрицательных, оставаясь в «маргинальном» положении. Обильно «насекая» пространство своих сказочных повестей самыми разнообразными персонажами, Т. Янссон показывает многообразие общества, состоящего из людей разных социальных сословий, придерживающихся разных взглядов, разных жизненных позиций, проявляющих разные стереотипы поведения.

Моделирование художественного пространства во всех трех анализируемых повестях соотносится с фольклорно-мифологической традицией. В повестях есть «свое» обжитое пространство Муми-далена с привычными локациями: дом, крыльцо, веранда, сад, дровяной сарай, погреб. Пространство, располагающееся за границами Муми-далена, – это пространство приключений (испытаний): самая глухая чаща дремучего бора, болото, дорога, крутая обрывистая гора, заколдованный сад пожилого господина, океан, морской берег, самая высокая вершина колючей горной гряды и др. Традиционно сказочный герой должен был преодолеть череду испытаний (пройти инициацию) и вернуться в дом в новом статусе, прежде всего, духовном. Иногда описание испытаний, через которые приходится проходить героям, приобретает апокалипсический характер: наводнение, которое уносит дом, построенный папой Муми-тролля, ожидание кометы, которая вот-вот должна коснуться Земли. Т. Янссон создает ощущение хрупкости и незащищенности маленького мира перед лицом большой стихии (природной или социальной). В повести «Шляпа волшебника» хронотоп расширяется до Луны и «всего мирового пространства» [7, с. 196], что в большей степени усиливает контраст маленьких наивных героев и огромного непознанного космоса.

В повестях Т. Янссон «Маленькие тролли и большое наводнение», «Комета прилетает», «Шляпа волшебника» очевидно доминирует фантастическая условность. Фантастическое здесь фигурирует и как прием (свет, исходящий от тюльпанов и других цветов; эскалатор, въезжающий в недра горы; платье, которое

можно использовать в качестве воздушного шара, и др.), и как сюжетообразующий фактор. Действие всех повестей развивается исключительно в фантастическом измерении, никогда не соприкасаясь с реальным. При этом нельзя не отметить, что, создавая художественную модель сказочного мира, Т. Янссон апеллирует к национальному фольклору, генетически возводя своих героев к скандинавским троллям и домовым.

Заключение. Таким образом, сказочные повести Т. Янссон представляют собой аллегорическую модель социума. Создавая портреты вымышленных персонажей, писательница отражает аксиологические ориентации этого социума, диапазон которых широк: от семейных ценностей до попытки постижения философских истин. Т. Янссон подчеркивает хрупкость частного мира перед лицом космоса и его беспомощность перед лицом катастрофы. Этому подчинена пространственно-временная организация произведений, границы пространства в которых расширяются от «своего» безопасного пространства до пространства испытаний и вселенной в целом. Доминирующая фантастическая условность позволила писательнице в иносказательной форме поднять общечеловеческие проблемы и проблемы современного ей общества, при этом выразив надежду на торжество гуманистических идеалов и ценностей.

Литература

1. Головкин, В.М. Историческая поэтика русской классической повести / В.М. Головкин. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 274 с.
2. Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. – М.: «Советская энциклопедия», 1971. – Т. 6.: Приказка – «Советская Россия». – 1040 с.
3. Энциклопедический словарь юного литературоведа / сост. В.И. Новиков. – М.: Педагогика, 1988. – 416 с.
4. Dubrow, H. Genre / H. Dubrow. – London, etc., 1982. – 133 p.
5. Гончарова-Грабовская, С.Я. Комедия в русской драматургии 1980-х–1990-х годов (жанровая динамика и типология) / С.Я. Гончарова-Грабовская. – Минск: БГУ, 1990. – 224 с.
6. Янссон, Т. Комета прилетает: [повесть-сказка] / Т. Янссон. – М.: Азбука, 2014. – 192 с.
7. Янссон, Т. Шляпа волшебника; Маленькие тролли и большое наводнение: [сказки]: пер. со швед. / Т. Янссон. – М.: АСТ, 2008. – 222 с.

Поступила в редакцию 06.05.2020

Фразеологизмы семантического микрополя «праздничная пища» в русском и китайском языках

Ма Лун

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Микрополе «праздничная пища» привлекает особое внимание во фразеологии русского и китайского языков, так как традиционные национальные блюда связаны с различными обрядами и праздниками, а кулинарная лексика наполнена сакральным смыслом и несет обрядовое значение. Фразеологические единицы обладают ярко выраженной национально-культурной спецификой и подчеркивают особенности национального мировоззрения, служат ярким примером образного отражения действительности в языке.

Цель статьи — сопоставить и проанализировать фразеологические единицы микрополя «праздничная пища» двух неродственных языков — русского и китайского — для выявления универсального и уникального в семантике данных единиц.

Материал и методы. Для составления рабочей картотеки были использованы фразеологические и толковые словари русского и китайского языков. Материалом исследования послужили 986 русских и 624 китайские фразеологические единицы семантического поля «пища»; в качестве основного метода исследования фразеологических единиц русского и китайского языков выступает сравнительно-семантический анализ.

Результаты и их обсуждение. Фразеологические единицы микрополя «праздничная пища» в своем лексическом составе содержат указание на сферу материальной культуры, что обуславливает безэквивалентность или неполную межъязыковую эквивалентность слов и устойчивых оборотов, входящих в состав семантического поля.

В статье ставится задача сопоставить и проанализировать фразеологические единицы микрополя «праздничная пища» двух генетически и структурно неродственных языков — русского и китайского для выявления универсального и уникального в семантике данных единиц, рассмотреть основные виды межъязыковых совпадений и расхождений; описать фразеологические единицы как средства выражения лингвокультурной информации в языковой картине мира русского и китайского языков.

Заключение. Среди фразеологических единиц семантического микрополя «праздничная пища» значительную группу составляет безэквивалентная лексика. В русском языке национально-культурной спецификой значения обладают названия изделий из теста: хлеб, калач, кулич, каравай, кисель, крендель, пряник, бублик, сайка, оладья; названия первых блюд: тюря, щи, уха; напитков: мед, пиво.

К безэквивалентным фразеологическим единицам микрополя «праздничная пища» в китайском языке относятся: 八宝饭 бабаофань — сладкий рис с цукатами; 年糕 няньгао — новогодний пирог; 馒头 маньтоу — паровые пампушки; 月饼 юэбин — лунная лепешка; 凉粉 лянфэнь — холодная закуска из желатинообразной вермишели из бобового крахмала; 粉丝 фэнсы — вермишель из крахмала зеленого горошка; 包子 баоцзы — паровый пирожок; 馄饨 хуньтунь — ушки в бульоне; 汤圆 таньюань — клецки (из рисовой муки со сладкой или мясной начинкой).

Ключевые слова: сравнительно-семантический анализ, русский язык, китайский язык, фразеологические единицы, семантическое поле «пища».

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 162–167)

Phraseological Units of the Semantic Micro-Field “Holiday Food” in Russian and Chinese

Ma Lun

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The Holiday Food micro-field attracts special attention in the phraseology of the Russian and Chinese languages, since traditional national dishes are associated with various rites and holidays, and the culinary vocabulary is filled with a sacred meaning and has a ceremonial meaning. Phraseological units have a pronounced national and cultural specificity and reflect the features of the national worldview, serve as a vivid example of the figurative reflection of reality in the language.

The purpose of the article is to compare and analyze phraseological units of Holiday Food micro-fields of the two unrelated languages, Russian and Chinese, aiming at revealing the universal and the unique in the semantics of these units.

Material and methods. Phraseological and explanatory dictionaries of the Russian and Chinese languages were used to compile the working card index. The research material was 986 Russian and 624 Chinese phraseological units of the Food

semantic field. The comparative semantic analysis is the main method of studying Russian and Chinese phraseological units.

Findings and their discussion. *Phraseological units of the Holiday Food micro-field in their lexical composition contain an indication of the sphere of material culture, which causes non-equivalence or incomplete inter-linguistic equivalence of words and set expressions that are part of the semantic field.*

The article seeks to compare and analyze the phraseological units of the Holiday Food micro-field of the two genetically and structurally unrelated languages, Russian and Chinese, aiming to identify the universal and the unique in the semantics of these units, to describe the key types of cross-language commonalities and differences, to describe phraseological units as a means of expression of linguistic and cultural information in the language world picture of the Russian and the Chinese languages.

Conclusion. *Among the phraseological units of the semantic micro-field Holiday Food, a significant group consists of non-equivalent vocabulary. In the Russian language, the names of dough products have a national and cultural specificity: bread, roll, cake, loaf, kissel, pretzel, gingerbread, bagel, saika, pancakes; the names of the first dishes: tyurya, shchi, ukha; drinks: honey, beer.*

The non-equivalent phraseological units of the micro-field of Holiday Food in the Chinese language include: 八宝饭 babaofan – sweet rice with candied fruit; 年糕 niangao – New Year cake; 馒头 mantou – steam dumplings; 月饼 yuebin – moon cake; 凉粉 liangfen – cold appetizer topped gelatinous noodles from bean starch; 粉丝 fensi – vermicelli from the starch of green peas; 包子 baozi – steam pie; 馄饨 hundun – ears in the broth; 汤圆 tangyuan – dumplings (made from rice flour with sweet or meat filling).

Key words: *comparative semantic analysis, the Russian language, the Chinese language, phraseological units, the Food semantic field.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 162–167)

В силу первостепенной важности для жизни человека концепты семантического поля «пища» широко представлены во фразеологии, пословицах и поговорках, в мифах, различных видах искусства, религии, литературе и т.д. Они по-разному группируются и вербализуются в разных языках в тесной зависимости от лингвистических и культурных факторов. Исследование фразеологических единиц (далее ФЕ) семантического поля «пища» в русле антропоцентрической парадигмы и составляющей (когнитивно-лингвистической, лингвокультурологической и др.) представляет новый аспект сопоставительного изучения русских языковых единиц в зеркале китайских.

Цель статьи – сопоставить и проанализировать ФЕ микрополя «праздничная пища» двух неродственных языков – русского и китайского – для выявления универсального и уникального в семантике данных единиц.

Материал и методы. Для составления рабочей картотеки были использованы фразеологические и толковые словари русского и китайского языков. Материалом исследования послужили 986 русских и 624 китайские ФЕ семантического поля «пища». Методология, развиваемая в рамках лингвокультурологии, связывает национальную маркированность фразеологизмов с образной мотивированностью, которая «напрямую связана с мировидением народа-носителя языка». Лингвострановедческий подход, инициированный трудами Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и др. русскими и зарубежными лингвистами, изучает единицы языка, которые имеют реальные прототипы (идиоэтнические реалии) во внеязыковой действительности. Поэтому в качестве основного метода ис-

следования ФЕ русского и китайского языков выступает сравнительно-семантический анализ.

Результаты и их обсуждение. В русской и китайской культурах блюда из теста и крупы составляли основу традиционного питания, служили повседневной пищей и в то же время входили в число основных традиционных ритуальных и праздничных кушаний. В русском языке зафиксированы наименования: *тесто*, разновидности теста: *квашня*, *опара*, а также изделия из него, которые ассоциативно связываются с характеристиками человека: 1) его фигуры, комплекции – *квашня* ‘толстый, рыхлый человек’; *как на опаре киснуть* ‘полнеть, поправляться’; *сухарь* ‘об очень худом человеке’; *сдобная* ‘красивая, полная’; 2) характера: *тертый калач* ‘опытный, выдавший виды человек’; *из одного теста сделаны* ‘лицо или группа лиц ничем не отличается по взглядам, образу жизни, характеру, манере поведения от другого лица или группы лиц’.

Персонификация теста, т.е. олицетворение, отождествление его с человеком, с человеческой сущностью, по мнению исследователей, восходит к глубокой древности. В основе отмеченных фразеологизмов лежит гастрономическая метафора, уподобляющая одинаковых по своим внутренним поведенческим свойствам людей пищевым продуктам (кулинарным изделиям) [1, с. 271].

Для обозначения физического и психического состояния человека в русском языке частотными являются лексемы с процессуальной семантикой ‘киснуть, бродить’. Так, «кислое», будучи изменяющимся, растущим, указывает, с одной стороны, на здоровое состояние крепнущего организма: как на опаре киснуть ‘набираться сил, крепнуть’. Однако скисание, осмыс-

ляемое как разложение материи, сопоставимо со старением, болезнью, унынием; ср. о человеке 'раскваситься', 'расслабиться, раскиснуть'. В паремиологии скисание ассоциируется с бездельем: *глупый киснет, а умный все промыслит*.

Кроме того, закваска и хлебная опара, основными качествами которых является «непрерывность» (своего рода преемственность) и постоянный рост, в русской лингвокультуре символизировали достаток и обеспеченную жизнь [2, с. 15]. Образ поднимающегося на дрожжах теста в семантической структуре образных слов и выражений служит средством характеристики быстрого физического роста человека и других живых существ или интенсивного увеличения материальных богатств на основе базовой метафоры: *брожение – это рост, движение, жизнь: расти как на дрожжах* 'быстро и интенсивно прибавлять в росте (о человеке), в количестве (об имуществе, деньгах и т.п.)'. Закваска в противоположность пресной пище может символизировать скорость, ловкость, хитрость, ср.: *плут на закваске испечен, а дурак на пресной водичке; в воре, что в море, а в дураке, что в пресном молоке*.

Консистенция теста в русской культуре ассоциируется с возрастом, опытом человека в рамках оппозиции «густая» – «жидкая пища»: *молодо – жидко, старо – круто, а середовая пора одним днем стоит*.

В русской культуре к обрядовой и праздничной пище исследователи относят: *каравай, калач, кулич, пирог, хлеб-соль, блины, кашу* и др., к обрядовым напиткам – *квас, мед, пиво*, которые широко представлены во фразеологии и паремиологии. Особую значимость из сакральных продуктов питания имеет обрядовый хлеб – *каравай* и *калач* в виде кольца. Эти изделия выпекались в календарные и семейные праздники.

Блин. Нами отмечено 28 единиц с данным компонентом: *блин не клин, брюха не расколет; блины – брюху не порча; мужик одних горячих блинов не наестся* и др. Данная обрядовая пища была связана, прежде всего, с идеей жертвоприношения предкам. Поэтому ритуальное поедание блинов характерно чаще всего для поминального обряда. На Масленицу блины клали на окно, чтобы предки подкрепились паром. Блины как мучная пища характеризуются и символикой плодородия – на кутью первый блин несли овечкам, чтобы они целый год были здоровыми. Некоторые исследователи в круглой форме блинов видят олицетворение солнца и объясняют поедание блинов на Масленицу как символический акт почитания «молодого» весеннего солнца и присоединение к его животворящей силе, ср.: *без блина не масленица, без пирога не именинник; масленица без блинов, именины без пирогов не бывают*.

Калач. Нами зафиксировано 24 единицы с компонентом *калач*: *в Москве калачи, как огонь горячи; ешь калачи, пока горячи; калачик – сестрица, а аржануха – родной братец; калачом только брюхо раздразнишь*. Калачи были для простого народа лакомством только в праздничные дни, ср.: *калачик – сестрица, а аржануха – родной братец; молить калачи* (об обрядовом угощении

с молитвами, вином и белым хлебом, которое, по суеверным представлениям, приносит удачу рыбакам) [3, с. 361].

Каравай – большой хлеб круглой формы – как символ плодородия занимает центральное место в системе народного календаря. Свадебные караваи символизируют рождение новой семьи, переход в новый статус. Образ каравая широко отражен в русских пословицах и поговорках: *на чужой каравай рта не разевай, а пораньше вставай и свой начинай; не ломай каравай, а ножом режь да ешь; сыр-каравай ломай, а наших молодых не отдавай; сыр-каравай примите, золоту гривну положите*.

Человек, ушедший из дома, сравнивается с отрезанным ломтем в рамках оппозиции *часть – целое, доля – недоля*, ср.: *отрезанный ломоть к хлебу не приставишь* 'ушедшего из дома, из семьи, не вернешь назад'. Образ отрезанного ломтя хлеба восходит к древнейшим представлениям славян, в которых хлеб являлся символом мира, коллективной, общей доли [4, с. 127].

Данный смысл отражен также в поговорке *переломить пирог*, которая восходит к обряду сватовства – сват переносит пирог трижды через руки родителей невесты, ломает и дает им по куску.

Пирог. Особую значимость на Руси имели пироги. В скоромные дни они начинялись бараньим, говяжьим и заячьим мясом, а также мясом и рыбой с кашей или лапшой. В постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможными родами рыб [3, с. 112]. С компонентом *пирог* нами зафиксировано 56 паремий. Следует отметить, что *пирог, калач, бублики* как изделия из теста, не имеющие обобщающего смысла «самый главный пищевой продукт», в отличие от лексемы *хлеб* могут приобретать отрицательные коннотации: *пироги до того доведут, что и хлеба не дадут; ешь пироги, а хлеб вперед береги* 'пироги баловство, расточительство, стоит помнить о черном дне'; *хлеб с водою, да не пирог с бедою (с лихвою); велик пирог, да в середине плох; не к лицу пироги разбирать, коли и хлеба нет; и калачи приедаются; калач скоро приестся, а хлеб никогда; калач хлебу не замена; смешать Богородицу с бубликами*.

Зафиксированы близкие по значению, но разные по компонентному составу русские и китайские ФЕ: рус. *пирог ни с чем* / кит. 空心汤圆 – 有名无实 – букв. *полые клецки (из рисовой муки со сладкой или мясной начинкой) – номинальный* 'одна видимость, мало толку'.

В китайском языке к семантическому микрополю «праздничная пища» относятся наименования: 年糕 *няньгао* – новогодний пирог; 月饼 *юэбинс* – лунная лепешка (лепешки со сладкой начинкой к осеннему празднику луны 15/VIII по лунному календарю); 馄饨 *хуньтунь* – круглые ушки (мелкие пельмени, сваренные в бульоне); 饺子 *цзяоцзы* – пельмени; 八宝饭 *бабаофань* – сладкий рис с цукатами; 汤圆 *танюань* – клецки (из рисовой муки со сладкой или мясной начинкой). Особую популярность в китайской кухне имеют 饺子 *цзяоцзы* – пельмени, фарш

которых бывает различным и изменяется по сезонам.

Хуньтунь (馄饨) – важная обрядовая еда в день зимнего солнцестояния – особые рисовые клецки из сладкого теста, которые на Севере называли хуньтунь, на Юге просто «шариками» (туаньцзы, туаньюаньцзы). Клецки символизировали первозданный хаос хуньтунь, считавшийся в китайской традиции прообразом полноты бытия. Символом всеобъемлющей полноты и завершенности являлась их шарообразная форма, которую на Юго-Востоке называли «небесной округлостью». Идея совершенной полноты была неотделима от представления о единстве всех членов рода, поэтому готовить и есть шарики хуньтунь полагалось сообща всем членам семьи: 公要馄饨婆要面 – 众口难调 – букв. *дедушка хочет хуньтунь, а бабушка хочет лапшу* ‘все вкусы примирить невозможно’.

В китайском фольклоре существует легенда о происхождении обычая есть рисовые клецки в день зимнего солнцестояния (бытовавшая в провинции Фуцзянь), которая указывает на значение клецок из рисовой муки как символа жизненной силы и средства воссоединения живых и мертвых. Рисовые клецки готовили к самому короткому дню года даже в Пекине, где не было принято приносить родственникам и друзьям поздравления по образцу новогодних. У жителей Пекина сохранилась поговорка: 冬至饺子夏至面 – букв. *в зимний солнцеворот едят хуньдунь, в летний солнцеворот едят лапшу*.

Няньгао (年糕) – новогодний пирог – сладкое кушанье из муки клейкого риса, которое готовят на Новый год, новогоднее круглое печенье (нянь бин), клецки хуньдунь, пампушки с фаршем из баранины и свинины, ср.: 大年夜的年糕 – 热门货 – букв. *новогодний пирог в канун Нового года ‘товар, пользующийся огромным спросом, ‘широко популярные товары’*.

На Севере к обрядовой пище относились пельмени, на Юге – вино, настоенное на ветвях «счастливых деревьев» (персика и кипариса). Все эти кушанья служили символом изобилия и достатка в доме.

Цзяоцзы (饺子). На встрече Нового года и новогодней трапезе должны были присутствовать все члены семьи, причем посторонние лица не допускались и даже двери дома закрывались, что выражало идею единения семьи и рода, включая умерших представителей. Поскольку слово *цзун* было омонимом слова «клан», пельмени *цзунцзы* нередко в обрядах слыли символом кровных уз [5]. Данный смысл сохранился в паремииологии: 过年吃饺子 – 都是一家人 – букв. *в китайский Новый год есть пельмени ‘все члены семьи вместе’*; 大年初一吃饺子 – 没外人 – букв. *первый день китайского Нового года есть пельмени – нет чужого человека ‘все родные, не надо стесняться’*.

Слово 饺子 *цзяоцзы* в китайском языке имеет значение «мучные изделия с фаршем в форме половины круга». Впервые зафиксировано в эпоху «Чин» (1644 – 1911 н.э.) у автора Сюй К [6]. Данная единица относится к фоновой лексике, поскольку помимо разновидностей фарша, по которым называют в китайском языке сорта пельменей, данные изделия различаются по раз-

мерам и способам варки. Кроме того, если для русских людей пельмени относятся к повседневной пище, то для китайцев пельмени – праздничная еда.

Юаньсяо (元宵). Через две недели после наступления Нового года, 15 числа первого месяца, отмечается веселый праздник фонарей – Дэн цзе или Юань сяо цзе. Название праздника происходит от специального кушанья *юань сяо* – небольших плотных шариков из рисового теста, варенных в кипящей воде или масле, со сладкой начинкой из сахара (бай тан).

Праздник начала лета Ся цзе или праздник летнего солнцестояния Дуанью («Истинная середина»), Тяньчжун цзе – «Праздник Небесной середины», отмечается пятого числа пятого месяца лунного календаря. Это второй по значимости праздник после Нового года, который неразрывно связан с представлениями о границе между первой и второй половинами года, он знаменовал собой переход от весеннего цветения к осеннему увяданию. Будучи кульминацией роста светлого, активного начала *Ян*, летний праздник символизировал начало отступления силы *Ян* перед смертоносным началом *Инь*, а также идею встречи человеческого и божественного.

Цзунцзы (粽子). Главной обрядовой едой в период летнего праздника были сваренные на пару особые пельмени с начинкой из клейкого риса и различных приправ. Эти пельмени в форме треугольных пирамид называли метафорически *цзунцзы* или *цзюэшу*, что значит «рогатое просо», поскольку по форме они напоминают бараньи рога, а начинкой их могло служить и просо. В древности цзунцзы полагалось есть в день летнего солнцестояния, но впоследствии они оказались связанными с праздником 5-го дня месяца, став его общепризнанным символом: 未吃端午粽, 寒衣不可送; 吃了端午粽, 还要冻三冻 – букв. *поел цзунцзы 5-й луны – клади теплую одежду в сундук; не поел цзунцзы 5-й луны, не расставайся с теплой одеждой*; ср. также: 端午节吃饺子 – 与众不同 – букв. *праздник начала лета (5-го числа 5-го месяца по старому календарю) есть пельмени – выделяться из массы ‘раздельно с другими’*.

Первое упоминание в литературе о *цзунцзы* принадлежит Чжоу Чу, жившему в III в. По свидетельству ученого, жители Центрального Китая накануне летнего солнцестояния готовили пельмени с начинкой из риса, приправленного солеными каштанами, жужубами и чесноком. Рис заворачивали в листья цидании, чтобы пельмени «имели вид свернутых вместе сил Инь и Ян [5, с. 51]. Таким образом, *цзунцзы* выступали своеобразным символом всей космической ситуации в момент летнего праздника, когда кульминация светлого начала *Ян* несла в себе рост и усиление темного начала *Инь*.

Юэбин (月饼). Главной обрядовой едой в праздник Середины осени были лунные лепешки *юэ бин* – крупные до 30 см в диаметре, выпеченные из сероатой (цвета лунного сияния) пшеничной или рисовой муки с добавлением сахара и различных специй. На поверхности

лепешек изображали популярные лунные символы – хозяйку Луны, лунного зайца или счастливые иероглифы. Во время жертвоприношений полагалось выставлять 13 лунных лепешек, что символизировало «полный» лунный год, сплоченность и довольство в семье.

Популярная легенда приписывала лунным лепешкам особую роль в избавлении Китая от монгольского владычества в XIV в. Обычай есть и дарить лунные лепешки в этот праздник служил помимо прочего и укреплению чувства национального единства китайцев [5, с. 88].

В китайской паремиологии частотен образ лапши. В паремиологии *лапша* символизирует силу, долголетие, поэтому данный продукт всегда можно увидеть на новогоднем или свадебном столе.

Следует отметить, что в русской фразеологии представления о макаронных изделиях почти никак не переосмыслены, за исключением единичных выражений, ср: *расти большой, да не будь лапшой* (*тянись верстой, да не будь простой*), где *лапша* связывается с таким свойством человека, как простоватость, недалекость. В фразеологизме *лапшу на уши вешать* ‘говорить неправду, обманывать’ образ *лапши* не символизирует ценность и употребляется в целях создания иронии.

В свою очередь каша была одним из главных обрядовых блюд славян; обладала символикой плодородия, обилия, роста, приумножения достатка. Данные устойчивые смыслы получили отражение в обрядовых практиках, фольклоре, а также в семантике фразеологизмов [7, с. 29].

В русской лингвокультуре образ каши синонимичен образу хлеба. Символический смысл *каши* ‘основа питания, дающего жизненную силу’ подтвержден в паремиологии: *щи да каша – пища (мать, жизнь) наша; где щи да каша, там и место наше; каша – мать наша, хлебец – кормилец; без каши обед не в обед; русского мужика без каши не накормишь* [7, с. 30].

В русском языке образная парадигма слов, мотивированных лексемой *каша*, связана с отрицательными коннотациями ‘что-то запутанное, сложное; неразбериха, путаница’; *каша в голове* ‘отсутствие понимания, порядка в мыслях’. Семантика выражений *заваривать кашу* ‘затевать сложное, хлопотное дело; создавать сложную ситуацию’ и *расхлебывать кашу* ‘с трудом справляться с негативными последствиями каких-л. непродуманных действий’ содержит устойчивые культурные смыслы: ‘хлопотность’, ‘сложность’, ср.: *сам кашу заварил, сам и расхлебывай; заварил кашу – кто-то будет ее расхлебывать; заварили кашу, что и в рот не лезет*.

Другая единица *каши не сvariшь* с кем-л. ‘не договоришься, не сделаешь общего дела’ актуализирует смысл ‘коллективность’, корни которого уходят в обрядовые действия, практики артельного труда и питания, что отражено в поговорках: *где каша, тут и наши; ешь кашу, да говори нашу* [7, с. 29].

К традиционной обрядности относятся фразеологизмы *березовая каша, вербная каша, калиновая*

каша – обрядовые каши, которые варились в вербное воскресенье и некоторые другие праздники [8, с. 180]. При этом фразеологизм *березовая каша* имел два значения: 1) весенняя обрядовая каша с березовыми почками; 2) ритуальное битье. В настоящее время первое значение практически утрачено, а осталось только второе, которое изменилось и стало обозначать «хлестание ветвями, порку розгами, вообще битье», отсюда современный фразеологизм *дать березовой кашей* [8, с. 121].

В славянской культуре *каша* является одним из главных блюд в начальной и конечной фазах жизненного цикла. Образ *каши* (манной) в русской культуре ассоциируется с младенческим возрастом. Такие культурные смыслы, как ‘жизненная важность’, ‘ценность’ вошли в семантику фразеологизма: *мало каши ел (съел)*, у которого 2 значения: 1) ‘слаб физически, неокрепший (обычно о молодом человеке, который физически не готов к чему-л.)’; 2) неопытен, недостаточно сведущ в чем-л.’ В то же время в средних фазах жизненного цикла важнейшая роль отводится хлебу и хлебобулочным изделиям.

В китайском языке образ каши представлен незначительно. Вместе с тем данное блюдо имеет несомненную символическую ценность: как и в русской культуре, каша входила в состав обрядовых кушаний, в частности *腊八粥 labazhou лабачжоу* – «каша Восьмерки месяца ла», которую готовили к 8-му дню 12 месяца [5].

Позднее в китайском фольклоре обряд приготовления каши лабачжоу оказался связанным с мотивами буддизма и конфуцианства. В действительности история данного обряда восходит к архаическим новогодним празднествам ла, о которых свидетельствует само название последнего месяца в народном лунном календаре китайцев. В старину празднества ла символизировали очищение от поветрий старого года, рождение новой жизни, плодородие, о чем свидетельствуют поверья о том, что лабачжоу надо есть целый день, дабы урожай был обильным и т.п. [5].

Отмечено 3 близких по смыслу, но разных по способу выражения фразеологизма, где в русском языке отмечается образ каши, а в китайском представлены другие образы: рус. *мало каши ел* / кит. 吃的盐少 – букв. *мало соли ел*; рус. *заварил кашу* / кит. 花椒掉进米饭里 – *маленький (饭) 了* – букв. *душистые перцы подали в рисе – искать осложнений ‘незадача’*; рус. *сам кашу заварил, сам и расхлебывай* / 自酿苦酒自己喝 – букв. *сам изготовил горькую водку, а потому сам и пью* ‘сам сделал зло, сам и решаю проблемы’.

Заключение. Для объективного описания национально-культурной специфики наименований блюд в русском и китайском языках как репрезентанта яркого фрагмента национальной культуры важными являются положения страноведческой концепции, акцентирующие значимость национально-культурного содержания слова (как денотативного, так и фонового), и те положения лингвокультурологической концепции,

которые предполагают учет особенностей ценностной языковой картины мира, находящей воплощение, прежде всего, на лексическом уровне языка при особой значимости культурных коннотаций и соотношении значения языковых единиц с концептами национальной культуры в сопоставительном аспекте [9–11].

Среди фразеологизмов семантического микрополя «праздничная пища» значительную группу составляет безэквивалентная лексика. В русском языке национально-культурной спецификой значения обладают названия изделий из теста: *хлеб, калач, кулич, каравай, кисель, крендель, пряник, бублик, сайка, оладья*; названия первых блюд: *тюрю, щи, уха*; напитков: *мед, пиво*. Данные лексемы репрезентируют наличие лакун понятийного характера. Фоновые фразеологизмы содержат слова *блины, каша, колбаса, лапша, варенье, водка, вино* и др. Часть из них имеет эквиваленты в китайском языке: *салат, ветчина, печенье* и др.

К безэквивалентным фразеологизмам микрополя «праздничная пища» в китайском языке относятся: *八宝饭 бабаофань* – сладкий рис с цукатами; *年糕 няньгао* – новогодний пирог; *馒头 маньтоу* – паровые пампушки; *月饼 юэбин* – лунная лепешка; *凉粉 лянфэнь* – холодная закуска из желатинообразной вермишели из бобового крахмала; *粉丝 фэнсы* – вермишель из крахмала зеленого горошка; *包子 баоцзы* – паровой пирожок; *馄饨 хуньтунь* – ушки в бульоне; *таньюань* – клецки (из рисовой муки со сладкой или мясной начинкой). Фоновая лексика представлена следующими единицами: *茶 ча* – чай; *饭 фань* – рис; *粥 зhou чжоу* – каша; *面 (мian)* – лапша; *饺子 jiaozi* – пельмени; *饼 бин* – лепешка, *馅饼 хянбин* – пирожок с начинкой.

Таким образом, фразеологические лакуны русского языка – это названия выпеченных изделий: *каравай, крендель, пышка, бублик, кулич, калач, сайка* и др. В китайском языке им соответствует единственное слово *面包 mianbao* – хлеб.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с. – (Фундаментальные словари).
2. Пьянкова, К.В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / К.В. Пьянкова; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
3. Костомаров, Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: утварь, одежда, пища, питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, прием гостей / Н.И. Костомаров; сост. С.Л. Николаева. – М.: Экономика, 1993. – 393 с.
4. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии. – СПб.: Наука, 1993. – 237 с.
5. Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: годовой цикл / редкол.: Р.Ш. Джарылгасинова (отв. ред.) [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии. – М., 1989. – 360 с.
6. 汉典 (Толковый словарь китайского языка он-лайн) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.zdic.net>. – Date of access: 02.04.2010.
7. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / М.Л. Ковшова; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М., 2009. – 48 с.
8. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 202 с.
9. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Верещагин, Е.М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение: сб. ст. / под ред. Е.М. Верещагина. – М., 1982. – 179 с.
11. Бао Хун. Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках / Бао Хун // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Проблем. группа «Общ. фразеология»; отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1999. – 336 с.

Поступила в редакцию 10.06.2020

Рэнамінацыя ўнутрыпаселішчных аб'ектаў: сутнасць, фактары, тыпы, прычыны, перыяды

Мезенка Г.М.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле разглядаюцца некаторыя праблемныя аспекты працэсу рэнамінацыі ўнутрыпаселішчных аб'ектаў, выяўляюцца фактары, якія абумоўліваюць гэты працэс, падкрэсліваецца неабходнасць адрозніваць два тыпы рэнамінацыі — перайменаванне і аднаўленне былых назваў, вызначаюцца прыкметы, па якіх іх можна дыферэнцыраваць. Асабліва ўвага надаецца прычынам і перыядам перайменаванняў.

Мэта даследавання — вызначэнне асаблівасцей працэсу рэнамінацыі ўнутрыпаселішчных лінейных і тэрытарыяльных аб'ектаў.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі дадзеныя Дзяржаўнага кадастравага агенцтва Рэспублікі Беларусь, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці; метады — дэскрыптыўны, класіфікацыйны, супастаўляльны, элементы статыстычнага.

Вынікі і іх абмеркаванне. Сярод існуючых у наш час змен назваў унутрыгарадскіх і ўнутрысельскіх аб'ектаў неабходна адрозніваць паміж сабой два розныя, хаця і нечым падобныя працэсы — перайменаванне і аднаўленне былых найменняў. Нягледзячы на тое, што назвы гэтых працэсаў маюць адзін і той жа сінонім (змена), яны значна адрозніваюцца зместава. Вылучаем некалькі прыкмет, па якіх іх можна дыферэнцыраваць, — колькасную і выніковую. Перайменаванні вуліц, завулкаў і іншых лінейных і тэрытарыяльных аб'ектаў унутры горада выраза на падзяляюцца на два тыпы ў залежнасці ад таго, у выніку якой дзейнасці яны з'явіліся: 1) як вынік стыхійнай намінацыйнай дзейнасці, калі працуе фактар “прыроды рэаліі”; 2) як вынік валавых рашэнняў гарадскіх улад. Існавала тры разнавіднасці прычын, якія выклікалі перайменаванні другога тыпу. У развіцці беларускай урбаніміі было пяць актыўных перыядаў перайменаванняў.

Заклучэнне. Рэнамінацыю можна разглядаць як другую намінацыю ўнутрыпаселішчнага аб'екта, якая, аднак, істотна адрозніваецца ад намінацыі як першага іменавання лінейных і тэрытарыяльных аб'ектаў. Іх адрозненне пацвярджаецца, у першую чаргу, тым, што вывучэнне працэсаў рэнамінацыі вылучае якасна новыя праблемы, якія не разглядаліся ў рамках тэорыі намінацыі.

Такім чынам, стварэнне тэорыі рэнамінацыі ўяўляецца адной з актуальных і перспектывных задач сучаснай анамаліі.

Ключавыя словы: віконім, намінацыя, рэнамінацыя, унутрыпаселішчны аб'ект, сацыякультурныя рэаліі, урбанізм.

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 168–171)

Renomination of Intra-Settlement Objects: Essence, Factors, Types, Causes, Periods

Mezenka H.M.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article examines certain problematic aspects of the process of renaming intra-settlement objects, identifies the factors that determine this process, emphasizes the need to distinguish between two types of renaming — renaming and restoration of the former names, identifies features by which they can be differentiated. Particular attention is paid to the causes and periods of renaming.

The purpose of the study is to determine distinctive features of the process of renaming of intra-settlement linear and territorial objects.

Material and methods. The study was based on data obtained from the State Cadastral Agency of the Republic of Belarus, the National Historical Archive of Belarus, the State Archives of Vitebsk Region; the following methods were used — descriptive, classification, comparative, elements of statistic method.

Findings and their discussion. Among the current changes in the intra-city and intra-village objects, it is necessary to distinguish between the two different, although somewhat relatable, processes — renaming and restoration of the former

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: mezenka1@yandex.ru — Г.М. Мезенка

names. Despite the fact that the names of these processes have the same synonym (change), they differ significantly in content. We identify several signs by which they may be differentiated – quantitative and resultative. Renaming streets, alleys and other linear and territorial objects within the city is clearly divided into two types depending on the activity as a result of which they appeared: 1) as a result of spontaneous nominative activity, when the factor “nature of reality” works; 2) as a result of the willful decisions of the city authorities. There were three kinds of reasons that caused renaming of the second type. There were five active periods of renaming in the development of Belarusian urbanonymy.

Conclusion. Renaming can be considered as a secondary nomination of an intra-settlement object, which, however, differs significantly from the nomination as a primary naming of linear and territorial objects. Their difference is confirmed, first of all, by the fact that the study of renaming processes highlights qualitatively new problems which have not been considered within the theory of nomination.

Thus, the creation of the theory of renaming is one of the crucial and promising tasks of modern onomastics.

Key words: viconym, nomination, renaming, intra-settlement object, social and cultural realities, urbanonym.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 168–171)

Развіццё лінгвістычнай навукі сёння абумоўлівае ўкараненне антрапалагічнай парадыгмы, якая прадугледжвае тлумачэнне моўных адзінак у сувязі з асобай іх носбіта, яго духоўнай культурай, у даследаванні мовы. Рэалізацыя антрапалагічнай парадыгмы звязана найперш з этналінгвістыкай, анамастыкай, сацыялінгвістыкай – навукамі, галоўнае месца ў якіх займае карэляцыя мова – культура народа. Зварот да ўрбананімнага матэрыялу ў рамках адзначаных падыходаў да моўных фактаў мэтазгодны па розных прычынах: па-першае, таму, што ўрбананімы захоўваюць у сабе культурную інфармацыю, а культурная інфармацыя замацоўваецца ва ўнутранай форме моўных адзінак; па-другое, назвы ўнутрыпаселішчніх аб’ектаў забяспечваюць захаванасць традыцыйных мадэляў наймення; па-трэцяе, урбананімы цесна звязаныя і з іншымі сферамі культуры доследнага рэгіёна.

Сучасныя лінгвістычныя тэорыі разглядаюць анамастычны тэкст як фрагмент нацыянальна-моўнай карціны свету, якая ўяўляе сабой “ментальную рэпрэзентацыю культуры” і адлюстроўвае спецыфіку яго ўспрымання і “карціравання” з улікам асаблівасцей мыслення прадстаўнікоў той ці іншай культуры.

Пэўную цікавасць з гэтага пункту гледжання ўяўляюць факты рэнамінацыі, пад якой часта разумеюць перайменаванне ўнутрыпаселішчніх аб’ектаў, якія ўбудовуюцца ў існуючы анамастыкон, становяцца часткай яго тапанімнай прасторы і ўносяць істотныя змены ў яго культурны фонд. Вывучэнне фактаў рэнамінацыі ўнутрыпаселішчніх аб’ектаў мае важнае значэнне для аналізу ўрбананіміі і радзей віканіміі, паколькі дазваляе прасачыць працэсы асваення пэўным урбананіміконам / віканіміконам іншай рэчаіснасці, выявіць дыялектыку катэгорый “сваё” – “іншае” ў гэтым працэсе, прасачыць спецыфіку адлюстравання ў анамастыконе, які прымае паняцці, што абазначаюць рэаліі і канстанты “іншай” культуры. Такім чынам, даследаванні, накіраваныя на аналіз асаблівасцей рэнамінацыі ўнутрыпаселішчніх аб’ектаў, знаходзяцца ў рэчышчы найноўшай парадыгмы мовазнаўства, арыентаванай на антрапацэнтрычны падыход да мовы.

Вывучэнне тэорыі пытання сведчыць аб тым, што сістэмнае апісанне спецыфікі рэнамінацыі ў анамастыцы да гэтага часу не было прадметам спецыяльнага разгляду.

Сказанае вышэй абумоўлівае актуальнасць дадзенага даследавання, якая пацвярджаецца адсутнасцю спецыяльных прац, накіраваных на сістэмнае вывучэнне анамастыконаў у аспекце тэорыі рэнамінацыі.

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца вызначэнне асаблівасцей працэсу рэнамінацыі ўнутрыпаселішчніх лінейных і тэрытарыяльных аб’ектаў.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі дадзеныя Дзяржаўнага кадастравага агенцтва Рэспублікі Беларусь, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці; метады – дэскрыптыўны, класіфікацыйны, супастаўляльны, элементы статыстычнага.

Вынікі і іх абмеркаванне. Уяўляецца неабходным, перш чым пачаць размову пра рэнамінацыю, адзначыць, што сярод існуючых у наш час змен унутрыгарадскіх і ўнутрысельскіх аб’ектаў трэба адрозніваць паміж сабой два падобныя працэсы – *перайменаванне* і *аднаўленне былых найменняў*. Нягледзячы на тое, што назвы гэтых працэсаў маюць адзін і той сінонім – змена, – яны значна разыходзяцца зместам.

Сутнасць *рэнамінацыі* ва ўрбананіміі заключаецца ў называнні (“адлюстраванні”) “свайго” дэнатата сродкамі неіснуючага (“чужога”) урбананімікона, у працэсе якога можа адбывацца некаторае пераўтварэнне (змяненне) тых уласцівасцей, на падставе якіх папярэднія назвы ўзніклі.

Сутнасць *аднаўлення былой назвы* зусім іншая і заключаецца ў адлюстраванні “свайго” дэнатата сродкамі “свайго”, але парушанага ўрбананімікона. А вось вынікі гэтага працэсу вельмі падобныя на вынікі перайменавання, бо, па-першае, пры адраджэнні былой назвы звычайна не адбываецца вяртання ведаў пра тыя ўласцівасці, на падставе якіх яна ўзнікла; па-другое, былая назва праз пэўны адрэзак часу пачынае ўносіць істотныя змены ў культурны фонд сучаснага ўрбананімікона, перастае карэляваць з новымі.

Магчыма, менавіта таму так часта сустракаем неразборлівасць аўтараў публікацый у тэрмінах “перайменаванне” і “адраджэнне былой назвы” і перавагу ў выкарыстанні першага з іх.

На карысць спецыяльнага вывучэння рэнамінацыі гаворыць і актывізацыя ў пачатку XXI ст. пытанняў пра змену і адраджэнне старых найменняў. Пры гэтым, на жаль, ва ўсе часы абмеркаванне іх выклікала і выклікае залішнія эмоцыі. Актualнымі ў гэтым сэнсе застаюцца словы расійскага гісторыка, культуролага, ганаровага члена Рускага геаграфічнага таварыства Г.А. Багуслаўскага, выказаныя ім у канцы 80-х гг. мінулага стагоддзя: “Сённяшняя павышаная грамадская цікавасць да пытанняў, якімі займаецца тапаніміка, адначасова і жыватворная, і небяспечная. У шырокае абмеркаванне пытанняў аб найменнях і перайменаваннях уносіцца занадта шмат эмоцый ... назіраецца тэндэнцыя да палітызацыі шэрага пытанняў, якія павінны вырашацца на навуковай аснове” [1, с. 3].

Гістарычна першым па часе сярод рэнамінацыйных працэсаў з’явілася *перайменаванне* геаграфічных аб’ектаў. З усіх існуючых класаў геаграфічных аб’ектаў пераймяноўваліся культавыя будынкі, паселішчы [2] і асабліва вуліцы, завулкі і іншыя ўнутрыпаселішчныя аб’екты. Трэба адзначыць, што перайменаванні першага з пералічаных класаў аб’ектаў адбываліся вельмі рэдка, але менавіта яны аднымі з першых знайшлі пісьмовую фіксацыю ў дакументах. Што да перайменаванняў унутрыгарадскіх аб’ектаў Беларусі, то яны сустракаюцца ў дакументах, пачынаючы з XVIII ст. Зразумела, гэта не азначае, што да ўказанага часу ўнутрыгарадскія аб’екты не пераймяноўваліся. Мяркуем, перайменаванні, якія спадарожнічаюць росту гарадоў, назіраліся заўсёды. Аднак характарызаваўся яны ў кожным з пазначаных класаў аб’ектаў адрознымі асаблівасцямі. Вылучым некалькі прыкмет, па якіх іх можна дыферэнцыраваць.

Колькасная прыкмета. Агульная колькасць замены назваў касцёлаў і цэркваў ні ў якое параўнанне з колькасцю перайменаваных вуліц і іншых лінейных аб’ектаў не ідзе. Пры гэтым працэнт іх палічыць немагчыма з-за частай змены на працягу гісторыі палітыка-адміністрацыйных і сацыякультурных рэалій на даследаванай тэрыторыі. Адзначым толькі, што змены назваў касцёлаў і цэркваў звычайна карэлявалі з унутры- і міжканфесійнымі перыпетыямі. Так, напрыклад, вядомы з XVII ст. у Магілёве *касцёл Успення Багародзіцы* ў 1782 г. быў перайменаваны ў *касцёл Св. Станіслава* [3, с. 513]. Наогул за чатыры папярэднія стагоддзі зафіксавана каля двух дзясяткаў такіх перайменаванняў, у той час як змены ўнутрыгарадскіх лінейных аб’ектаў толькі за адно XX стагоддзе і толькі ў адным горадзе Магілёве налічваюць каля 100 выпадкаў (гл.: [4]).

Выніковая прыкмета. Перайменаванні вуліц, завулкаў і іншых лінейных і тэрытарыяльных аб’ектаў унутры горада выразна падзяляюцца на два тыпы

ў залежнасці ад таго, у выніку якой дзейнасці яны з’явіліся:

а) як вынік стыхійнай намінацыйнай дзейнасці (разбурэння гарадоў і вуліц у час войнаў, росту і змянення аблічча вуліц, узвядзення новых больш значных аб’ектаў на іх і да т.п., іншымі словамі, калі працуе фактар “прыроды рэаліі”, яе роля ва ўрбананімным кантэксце). Напрыклад, мінская *Зыбіцкая вуліца*, што сфарміравалася ў другой палове XVI–XVII ст. і атрымала назву ад асновы слова *зыбка* ‘няўстойлівая, забалочаная’, у 1866 г. была перайменавана ў *Балотную вул.*, а ў 1882 г., калі яна ўжо была занята гандлёвымі крамамі, магазінамі, цырульнямі, – у *Гандлёвую вул.* [5];

б) як вынік валявых рашэнняў гарадскіх улад (магчымых разнастайных указаў, пастановаў, рашэнняў). Пачалі адбывацца ў сярэдзіне XIX ст.

Існавала тры разнавіднасці прычын, якія выклікалі перайменаванні гэтага тыпу. Першая прычына – наяўнасць аднолькавых назваў у розных раёнах горада. Напрыклад, у Віцебску ў другой палове XIX ст. былі перайменаваны дзве з *Пакроўскіх*, дзве з *Гразных*, тры з *Кавальскіх вуліц*. Пазней такая практыка выкарыстоўвалася і прадаўжае выкарыстоўвацца ў выпадках пашырэння тэрыторыі горада за кошт далучаных вёсак, якія мелі ў сваіх віканіміконах падобныя на існуючыя ў горадзе назвы вуліц. Другая прычына – змена статусу аб’екта, калі, напрыклад, вуліца ператвараецца ў праспект. Трэцяя прычына – ідэалагізацыя і палітызацыя беларускай урбананіміі, якая пачалася з 1918 г.

У развіцці беларускай урбананіміі было некалькі актыўных перыядаў перайменаванняў.

Першы з іх прыходзіцца на 1860-я гг., больш дакладна, на гады пасля падаўлення паўстання Кастуся Каліноўскага (1863–1864 гг.), калі пад змену падпадалі назвы, што мелі дачыненне да каталіцызму. Напрыклад, у Мінску ў гэтыя гады былая *Бернардзінская вуліца* набывае назву *Манастырская*, *Дамініканскую вуліцу* пачынаюць імянаваць *Петрапаўлаўскай*, *Францысканскую* – *Губернатарскай* і г.д.

Другі, звязаны з Кастрычніцкай рэвалюцыяй 1917 г., якая змяніла сацыяльную структуру грамадства і моцна паўплывала на ўрбананіміконы беларускіх гарадоў, прыходзіцца на 1920-я гады, калі асноўнай базай для перайменаванняў сталі прозвішчы асоб, што прымалі актыўны ўдзел ва ўсталяванні савецкай улады (вул. *Дзяржынскага*, *Валадарскага*, *Урыцкага* і інш.), кіраўнікоў пралетарыяту (вул. *Леніна*, *К. Маркса*, *Энгельса*, *Каменева* і інш.); лексіка, якая адлюстроўвае новыя сацыялістычныя адносіны, новы грамадскі лад (*Камуністычная*, *Сацыялістычная*, *Камунальная*, *Камсамольская*, *Піянерская вул.* і інш.).

Трэці пачаўся пасля Вялікай Айчыннай вайны і звязаны з імкненнем увекавечыць у памяці нашчадкаў падзеі Вялікай Айчыннай, імёны яе герояў. Вынік гэтага перыяду – вялікая колькасць мемарыяльных назваў, дадзеных у гонар Герояў Савецкага Саюза, вядо-

мых генералаў, радавых удзельнікаў вайны, вядомых партызан і падпольшчыкаў.

Чацвёрты і самы актыўны этап перайменаванняў унутрыгарадскіх аб'ектаў – 60–80-я гг. База перайменаванняў гэтага перыяду, з аднаго боку, падобная на базу папярэдняга, а з другога – больш арыентавана на прозвішчы дзяржаўных дзеячаў БССР і СССР, а таксама тых, хто прымаў актыўны ўдзел у вызваленні пэўнага горада, і ўраджэнцаў гэтых месцаў (мінскія вуліцы Казлова (да 1967 г. *Даўгабродская*), Прытыцкага (да 1971 г. *Ракаўская шаша*), Сурганава (да 1979 г. *Друкарская*), праспект Машэрава (да 1980 г. *Паркавая магістраль*, пракладзеная ў 1961-м), вуліца Кісялёва (да 1983 г. *Старажоўская*), у Мёрах вуліцы Ермака, Ізварына, у Талачыне – вул. Жаўтухіна, Нарчыка, Смірнова, у г.п. Ушачы – вул. П. Броўкі і г.д.).

На 90-я гг. прыпадае пачатак пятага – паслясавецкага перыяду. Сваёй базай ён падобны на чацвёрты, але адрозніваецца больш шырокім распаўсюджаннем пры перайменаваннях прозвішчаў прадстаўнікоў навукі, мастацтва і культуры – касманаўтаў-беларусаў, беларускіх пісьменнікаў, паэтаў, драматургаў, асветнікаў, акцёраў, кампазітараў.

Асаблівую ролю ў працэсе рэнамінацыі павінен адыгрываць “фактар рэнамінатара”. Выступаючы ў якасці суб'екта рэнамінацыі, рэнамінатар не толькі правільна ацэньвае сваё стаўленне да новай назвы аб'екта, але і магчымасці карыстальнікаў назвы ў адносінах да ўспрымання дадзенага наймення. Ён павінен вызначыць ступень вядомасці матывацыі жыхарам населенага пункта, ступень засвоенасці прапанаванай рэаліі. Неабходна адзначыць, што менавіта гэты фактар вельмі рэдка ўлічваўся пры рэалізацыі першага тыпу рэнамінацыі. Так, вынікі выбарчага анкетавання сведчаць аб павярхоўным веданні маладымі жыхарамі Віцебска гісторыі роднага горада, захаванай у назвах вуліц, аб некаторай ілжывай прадвызначанасці ўспрымання мемарыяльных назваў, пры якой любая назва-прысвячэнне тлумачыцца як прысвоенае ў гонар рэвалюцыянера або ўдзельніка Вялікай Айчыннай вайны.

Рэзюмуючы выкладзенае, неабходна адзначыць, што аналізаваны тып рэнамінацыі ўнутрыгарадскіх аб'ектаў, асабліва пры праммерным яго выкарыстанні, вядзе да масавага знішчэння народнай урбаніміі, да сцірання індывідуальнасці гарадоў.

Што да другога тыпу рэнамінацыі – аднаўлення былых назваў, – то сутнасць, дынаміка дзеяння, фактары, што яго абумоўліваюць, і магчымасці будучы разгледжаны намі ў наступнай публікацыі. Цяпер толькі падкрэслім, што менавіта ён – той шлях, ідучы па якім, магчыма адраджэнне нацыянальную урбанімію.

Заклучэнне. Такім чынам, працэс рэнамінацыі ўнутрыпаселішчых рэалій абумоўлены некалькімі фактарамі: а) фактарам “прыроды рэаліі” і яе ролі ва ўрбаніміі ці віканіміі кантэксту; б) “фактарам рэнамінатара”, які адлюстроўвае яго кагнітыўны багаж, яго стаўленне да апазіцыі “рэнамінатар – карыстальнік назвы” і абранай ім формы перадачы назвы; в) фактарам храналогіі з'яўлення новай назвы ў прымаючым урбаніміі кантэксту ці віканіміі (найперш пры адраджэнні былых назваў).

У аснове працэсу рэнамінацыі павінны ляжаць характарыстыкі рэаліі (вуліцы, завулка, плошчы, будынка і інш.), якія адлюстроўваюць яе прыналежнасць да зыходнай або новай культурнай сітуацыі, асаблівасці яе функцыянавання ў новым кантэксту, а таксама яе эматыўныя характарыстыкі.

Выбар новай прапярэльнай часткі для існуючага лінейнага ці тэрытарыяльнага аб'екта павінен быць зарыентаваны на галоўныя асаблівасці ўрбаніміі кантэксту, захаванне яго нацыянальна-культурнай спецыфікі, а таксама на ўлік ролі дадзенай анамастычнай адзінкі ў пэўным урбаніміі кантэксту. Стварэнне новай намінацыі адзінкі свядома ці несвядома павінна ацэньвацца рэнамінатарам з пункту гледжання яе ўспрымання адраджаючымі.

Рэнамінацыю можна разглядаць як другасную намінацыю ўнутрыпаселішчнага аб'екта, якая, аднак, істотна адрозніваецца ад намінацыі як першапачаткова імянавання лінейных ці тэрытарыяльных аб'ектаў. Іх адрозненне пацвярджаецца, у першую чаргу, тым, што вывучэнне працэсу рэнамінацыі вылучае якасна новыя праблемы, якія не разглядаліся ў рамках тэорыі намінацыі.

Такім чынам, стварэнне тэорыі рэнамінацыі ўяўляецца адной з актуальных і перспектывных задач сучаснай анамастыкі.

Літаратура

1. Богуславский, Г.А. Знания и эмоции / Г.А. Богуславский // Городские имена: Вчера и сегодня (Вопросы ленинградской топонимики): тез. докл. – Ленинград, 1989. – С. 3–4.
2. Кавалёва, А.В. Слоўнік назваў перайменаваных паселішчаў Беларусі / А.В. Кавалёва; пад рэд. В.В. Шура. – Мінск: Права і эканоміка, 2013. – 140 с.
3. Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск: БелСЭ. – 1972. – Т. 6. – 624 с.
4. Улицы Могилёва: сто лет назад и сегодня [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://yandex.by/search/>. – Дата доступу: 27.05.2020.
5. Зыбцкая улица [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступу: 28.05.2020.

Паступіў у рэдакцыю 03.06.2020

Определение и особенности лексикографирования негативно-оценочной лексики

Никитенко Т.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются подходы к лексикографическому описанию негативно-оценочной лексики в толковых словарях нормативного типа. Вначале анализируются формальные средства представления оценочного компонента в словарной статье — с помощью словарных помет. Далее представлено исследование дефиниции слов, с помощью которых лексему можно квалифицировать как оценочную единицу.

Цель работы — установление критериев отнесения глагола к негативно-оценочным словам, а также анализ подходов к лексикографическому описанию оценочных единиц в толковых словарях.

Материал и методы. Исследование выполнено на материале глагольной лексики, извлеченной из толковых академических словарей современного русского языка XX в. — начала XXI в. Тематически анализируемые глаголы являются разнородными. В работе использованы такие методы, как прием сплошной выборки материала, анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, описательно-аналитический метод.

Результаты и их обсуждение. По формальному критерию — наличию оценочной пометы — была сделана сплошная выборка слов и лексико-семантических вариантов объемом 808 единиц, из которых глаголов — около 150 единиц. Это свидетельствует о том, что не все оценочные глаголы в толковых словарях формально маркируются как таковые. В исследовании также были предложены дополнительные параметры определения оценочного глагола исходя из его толкования.

Заключение. На примере глагольной лексики русского языка показано, что лексикографирование оценочных слов в толковых словарях осложняется отсутствием строгой унификации словарных помет. Это свидетельствует о недостаточном взаимодействии теории стилистики и практической лексикографии. В двух из трех рассмотренных толковых словарях оценочные пометы являются разновидностью стилистических помет, т.е. отдельную группу не составляют. Определено, что дефиниционный анализ также не может служить надежным критерием квалификации негативно-оценочной единицы вследствие того, что оценочная информация часто трудно отделима от дескриптивного значения.

Ключевые слова: негативно-оценочный глагол, лексикографирование, дефиниция, толковый словарь, помета, квалификатор.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 172–175)

Qualifying and Lexicographic Features of Pejorative Words

Nikitenko T.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The study considers approaches to lexicographic displaying of pejorative words in the academic dictionaries.

The purpose of the article is establishing the criteria of referring a verb to pejorative vocabulary as well as analyzing approaches to lexicographic description of evaluation units in academic dictionaries.

Material and methods. The data was collected from the academic explanatory dictionaries of Modern Russian published in the 20th — early 21st cc. The pejorative verbs in question are represented by different topical domains. The main methods employed in the research are component, definitional and descriptive analyses.

Findings and their discussion. In accordance with the formal criterion that is considering dictionary labels, the negatively evaluative words were extracted from the explanatory dictionaries. The total number was estimated as 808 units. There are about 150 verbs among them. This low number can be due to the failure to label all of the evaluative verbs. The research proposes additional criteria for qualifying a lexical unit as evaluative based on its definition.

Conclusion. Based on the Russian language verb vocabulary the study shows lexicographic approaches to displaying pejorative verbs in explanatory dictionaries are complicated due to the lack of harmonization of dictionary labels. These are consequences of poor interdisciplinary connection of stylistics and lexicography. Three dictionaries have been studied, in two of them evaluative labels are treated as stylistic markers. The definition analysis is stated not to be so reliable for qualifying pejorative units either since evaluation information is often difficult to separate from the descriptive meaning.

Key words: pejorative verb, lexicographic approach, definition, explanatory dictionary, dictionary label, qualifier.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 172–175)

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatnikita@gmail.com — Т.В. Никитенко

Вопрос о квалификации лексической единицы как оценочной рассматривается в лингвистике в общетеоретическом аспекте и в практических целях. Например, в практике лексикографии одним из наиболее сложных заданий является словарное представление лексикализованной оценки, встроенной в содержание лексемы (в отличие от контекстной оценки) и имеющей в языке постоянный статус. Кроме того, в относительно новом направлении, сформировавшемся на стыке языка и права, – юрислингвистике – решаются различные задачи, ориентированные на проведение лингвистических экспертиз. Одной из основных таких задач является разработка методики квалификации отрицательно-оценочной лексики (опознание «неприличной» формы слова, оскорбления и др.) [1; 2].

Цель статьи заключается в установлении критериев отнесения глагола к негативно-оценочным словам, а также анализе подходов к лексикографическому описанию оценочных единиц в толковых словарях. Поскольку «способностью обозначать субъективное отношение как таковое обладают в первую очередь глаголы» [3, с. 23], именно эта часть речи была избрана для исследования.

Материал и методы. Материал составила выборка глагольной лексики из толковых академических словарей современного русского языка XX в. – начала XXI в. Проанализированы следующие издания: «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (далее БТС) [4]; «Словарь русского языка» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой (далее МАС) [5]; «Толковый словарь русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой (далее ТСРЯ) [6]. Тематически анализируемые единицы являются разнородными. В картотеку включены глаголы как простые с точки зрения их деривационной структуры, так и производные. В работе использовались следующие методы: прием сплошной выборки материала, анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, описательно-аналитический метод.

Все дефиниции анализируемых в данной публикации глаголов приводятся по «Большому толковому словарю русского языка» под ред. С.А. Кузнецова.

Результаты и их обсуждение. Лексикографическое описание оценочного слова (или отдельного лексико-семантического варианта многозначного слова) – специфическая задача для лексикографов, поскольку семантическая структура оценочной единицы осложнена: на собственно семантическую информацию наслаивается оценочное содержание (например, см. работы [7–9]). Словарей, в которых оценочные слова описываются как отдельный лексикографический объект, по-видимому, не существует. Следует отметить попытки создания подобных работ по результатам диссертационных исследований [10]. Кроме того, ведется подготовительная работа по созданию базы данных отрицательно-оценочной лексики русского языка [11].

Основные способы экспликации оценочного компонента значения лексемы в словарной статье условно можно разделить на а) *формальные*, имеющие явное

выражение, и б) *интегрированные*, не имеющие четкого самостоятельного выражения. К первым относятся 1) словарные пометы, 2) комментарии или примечания к лексикографируемому слову. Интегрированное представление прагматической информации заключается в собственно дефиниции лексемы. Очевидно, к интегрированным способам с большой долей осторожности можно отнести иллюстрирующие примеры (цитаты), характеризующие описываемое слово.

Формальное выражение оценочного компонента семантики слова. На абстрактном уровне оценка выступает как семантический инвариант, который реализуется в ряде значений, таких как одобрение / неодобрение, похвала / осуждение, почтение / пренебрежение, презрение, отвращение и др. Подобный спектр оценочных значений дает основание для выделения соответствующего перечня оценочных помет.

Употребление пометы, основная функция которой в сокращенной форме уточнить характеристику лексикографируемой единицы, не раскрытой полностью в других частях словарной статьи, является самым частым способом формального выражения оценки. В структуре словарной статьи помета размещается обычно после заголовочного слова перед дефиницией.

В вопросе квалификации словарной единицы как оценочной по наличию пометы есть ряд существенных сложностей. Об этом неоднократно говорилось в лингвистической литературе по данной теме. Например, авторы монографии «Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка» указывают на следующий круг проблемных аспектов использования стилистических (в широком смысле) маркеров:

1) отсутствие взаимодействия между стилистикой как лингвистической дисциплиной и лексикографической практикой;

2) наличие противоречий в использовании стилистических помет как между различными словарями, так и в пределах одного словаря;

3) наличие проблем, связанных с содержанием и употреблением отдельных конкретных помет [12, с. 15].

В словаре под ред. Н.Ю. Шведовой система используемых помет никак теоретически не обосновывается и не описывается: пометы приводятся в общем списке принятых сокращений. Всего указываются пять негативно-оценочных маркеров: *грубое, пренебрежительное, презрительное, неодобрительное, уничижительное*; амбивалентной является помета *ироничное*. Вместе с тем замечено, что в русской лексикографии второй половины XX в. сложилась практика, согласно которой пометы, отражающие прагматическую характеристику лексикографируемого словника, называют *стилистическими*. Так, в МАС и БТС оценочные маркеры не выделяют в отдельную группу, а трактуют как подгруппу стилистических помет [4, с. 16; 5, т. I, с. 9]. Например, в МАС, являющемся академическим словарем нормативного типа, среди стилистических помет выделяется подгруппа маркеров, «указывающих эмоциональную окраску слова» [5, т. I, с.

10], в числе которых четыре отрицательно-оценочные пометы: *бранное слово*, *пренебрежительное*, *презрительное*, *неодобрительное*. Также снабжаются маркером дериваты, выражающие уничижительное значение при помощи суффикса субъективной оценки – *уничижительное*. Правда, в перечне помет в части «Как пользоваться словарем» она отсутствует, но вычленяется из списка условных сокращений. В БТС, продолжателе традиций академических словарей [4, с. 4], разработана достаточно разветвленная система маркеров. Оценочные пометы классифицируются как функционально-стилистические и размещаются в подгруппе «пометы, передающие эмоционально-экспрессивную оценку» [4, с. 16]. К негативно-оценочным относятся шесть помет: *неодобрительное*, *пренебрежительное*, *уничижительное*, *презрительное*, *бранное*, *грубое*. Вне сферы литературного языка находятся слова с пометой *вульгарное*. В перечне также присутствуют амбивалентные пометы *шутливое* и *ироничное*; в отдельную подгруппу выделяются пометы, связанные с суффиксами субъективной оценки.

Параллельно отметим необходимость четко понимать различие между собственно стилистической и экспрессивно-оценочной характеристикой слова. Собственно стилистические пометы определяют книжную и разговорную формы литературного языка, а также могут указывать на хронологическое расслоение лексики, в то время как оценочные пометы призваны отразить узуальный компонент семантики слова или одного из его значений. Как известно, в современных национальных языках принято выделять три основных стиля: 1) нейтральный, 2) книжный, 3) разговорный. Оценочную лексику можно охарактеризовать с точки зрения ее принадлежности к данной трехчленной оппозиции «книжный – нейтральный – разговорно-фамильярный», где книжные и разговорные единицы являются ее маркированными членами. Например, в БТС выделяются стилистические пометы, характеризующие а) книжную форму современного русского языка (*книж.*, *офиц.*, *публ.*, *трад.-поэт.*, *нар.-поэт.*, *трад.-лит.*), а также пометы, характеризующие б) разговорную лексику (*разг.*, *разг.-сниж.*, *фам.*, *трад.-нар.*, *нар.-разг.*, *проф.* (профессионально-разговорное), *жарг.*) [4, с. 15]. Результаты нашего исследования показывают, что в значительном количестве случаев оценочные глаголы сопровождаются собственно стилистической и оценочной пометами одновременно. Ср.:

(1) *кликнуть* 2. (*разг. презр.*) ‘крикливо выражать что-л.’;

(2) *кляузничать* (*разг. пренебр.*) ‘писать, подавать куда-л., кому-л. мелкие жалобы, сутяжничать’;

(3) *натаскать* 2. (*разг. неодобр.*) ‘извлечь без разбора, произвольно из разных книг, источников’;

(4) *окопаться* 2. (*разг. пренебр.*) ‘избегая чего-л., укрыться, найти себе спокойное, удобное место’;

(5) *повадиться* (*разг. неодобр.*) 1. ‘приобрести привычку, взять в обыкновение делать что-л. (обычно нежелательное для кого-л.)’; 2. ‘взять в обыкновение часто ходить куда-л.’;

(6) *расплодиться* 2. (*разг. неодобр.*) ‘появиться, начать существовать в большом количестве’.

При этом в подавляющем большинстве маркированные оценочные глаголы относятся к разговорному стилю речи. Встречаются лишь единичные примеры принадлежности пейоративных глаголов к книжному стилю. Ср.:

(7) *подвизаться* (*книжн. часто неодобр.*) ‘действовать, работать в какой-л. области’.

На такую особенность стилистически маркированной лексики, как иметь оценочное значение, ранее неоднократно указывалось в исследованиях по теории стилистики, ср.: «слова с определенной стилистической значимостью легко приобретают эмоционально-оценочные оттенки» [13, с. 11]. А тот факт, что большинство стилистически маркированных оценочных глаголов относятся к разговорному стилю, объясняется так: «Главное коммуникативное средство в разговорной речи – глагол...» [14, с. 30].

Вместе с тем следует указать на значительную сложность и непоследовательность разделения стилистической и оценочной характеристики лексемы. Например, в БТС глагол *активничать* ‘быть активным; проявлять чрезмерную активность’ сопровождается пометой *неодобрительное*; эта же лексема в ТСРЯ квалифицируется как *разговорное*. В БТС *актерствовать* ‘быть актером (через отсылочное толкование: о том, кто притворяется кем-л. или каким-л., скрывая истинные мысли, чувства и т.п., или позирует, рисует в расчете на благоприятное впечатление, успех у окружающих)’ имеет только стилистическую квалификацию – *разговорную*, в ТСРЯ – оценочную *неодобрительную*.

Негативно-оценочная лексика далеко не всегда является стилистически маркированной: среди проанализированных глаголов встречаются нейтральные единицы. Ср.:

(8) *вербовать* 2. (*неодобр.*) ‘привлекать на свою сторону’;

(9) *конъюнктурить* (*неодобр.*) ‘руководствоваться в своей деятельности соображениями конъюнктуры’;

(10) *услужить* 2. (*неодобр.*) ‘раболепствуя, выслуживаясь, угодить чем-л. кому-л.’.

Интегрированное выражение оценочного компонента семантики слова. По формальному критерию – наличию негативно-оценочной пометы – из БТС была сделана сплошная выборка слов и лексико-семантических вариантов, объем которой составил 808 единиц. В данной выборке, представленной всеми знаменательными частями речи, глаголов насчитывается порядка 150 единиц. Эти статистические данные свидетельствуют о том, что, во-первых, существенным лексическим средством выражения узуальной оценки в русском языке являются прилагательные и существительные, во-вторых, далеко не все оценочные глаголы в толковых словарях формально маркируются как таковые.

В настоящем исследовании были установлены дополнительные параметры определения оценочного глагола исходя из его толкования. Если учесть, что спектр оценочных значений остается прежним (одобрение / неодо-

брение, похвала / осуждение, почтение / пренебрежение и др.), то оценочные глаголы можно определить:

1) по наличию таких квалификаторов в дефиниции, как *неодобрительно* (с *неодобрением*), *презрительно* (с *презрением*), *пренебрежительно* (с *пренебрежением*) и др.;

2) по наличию в дефиниции квалификатора *плохо* (либо его стилистического синонима).

Например, у глагола *выругать*, относящегося к разговорному стилю речи, помимо значения 'отругать' (*выругать за непослушание*) отмечается еще одно – 'отозваться неодобрительно, критически резко о ком-, чем-л.' (*Газета выругала труппу за архаизацию пьесы*). Второе значение, очевидно, содержит оценку, которая встроена в содержание предиката. В данном случае действительность (*архаизированная пьеса*) оценивается субъектом (*газета*) негативно. «Выругивая» объект (*труппу*), субъект пытается показать свое отрицательное отношение. В этом высказывании представлена общая оценка, т.е. подведен аксиологический итог (*архаизированная пьеса* – это плохо, и за это труппу раскритиковали в резкой форме). Ни один из проанализированных толковых словарей не маркирует глагол *выругать* как негативно-оценочную единицу. Так, ТСРЯ определяет его через отсылку к глаголу *ругать*; МАС характеризует *выругать* как разговорный глагол в значении 'обозвать бранными словами, выбрать' с дополнительным оттенком (через две прямые черты) 'отозваться о ком-, чем-л. неодобрительно, высказать порицание кому-, чему-л. в резких словах'. Толкование глагола из БТС было приведено выше.

Комментируя пример с данным глаголом, важно отметить следующее обстоятельство. Оценка представляет собой один из видов модальности. Оценочное, или субъективное, значение противопоставляется дескриптивному, т.е. объективной информации, и определяется как *прагматическое*. Особенность прагматической информации состоит в том, что она часто интегрирована непосредственно в лексическое значение слова. В таких случаях оценочное значение лексикографически предстает как семантическое, а «словарь, как впрочем и другие достаточно формализованные лингвистические средства, следует определенному канону описания» [7, с. 144]. Это же наблюдение подтверждает Е.М. Вольф: «В выражениях естественного языка, которые приписывают объекту те или иные свойства, оценочный и дескриптивный компоненты неразрывно связаны и во многих случаях неразделимы» [3, с. 24]. Как представляется, тесная связь оценочной и дескриптивной информации осложняет точное определение негативно-оценочных единиц путем дефиниционного анализа.

Заключение. Оценочная лексика, очевидно, не имеет четко заданных границ: выделяются единицы, бесспорно квалифицируемые как оценочные, и единицы, определяемые как «условно оценочные», в которых доля дескриптивной (собственно семантической информации) существенна. Последние представляют наибольшую сложность в опознании и квалификации. На примере

глагольной лексики русского языка показано, что лексикографирование оценочных слов в толковых словарях осложняется отсутствием строгой унификации словарных помет. Сложившаяся ситуация свидетельствует о недостаточном взаимодействии теории стилистики и практической лексикографии. В двух из рассмотренных трех толковых словарей оценочные пометы являются разновидностью стилистических помет, т.е. отдельную группу не составляют. Перечень помет во всех проанализированных изданиях приблизительно одинаков; в словаре под ред. С.А. Кузнецова он самый представительный и отличается большей системностью. Дефиниционный анализ не может служить надежным критерием квалификации глагола как негативно-оценочной единицы вследствие того, что оценочная информация часто трудно отделима от дескриптивного значения.

Литература

1. Иваненко, Г.С. Лексикография и лингвистическая экспертиза: перспективы взаимоотношений / Г.С. Иваненко // Юрислингвистика. – 2018. – № 7/8. – С. 98–118.
2. Кусов, Г.В. Диагностика квалифицирующего признака «неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе / Г.В. Кусов // Культура и текст. – 2013. – № 1(14). – С. 93–114.
3. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 260 с.
4. Новейший большой толковый словарь русского языка / [авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: А.П. Евгеньев (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
7. Апресян, Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю.Д. Апресян // Избранные труды: в 2 т. – М., 1995. – Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка, 1995. – С. 135–155.
8. Зайнульдинов, А.А. Лексикографическое описание эмоционально-оценочной лексики в русском и испанском языках / А.А. Зайнульдинов, Э.Ф. Керо Хервилья // Вопросы языкознания. – 2019. – № 2. – С. 96–110.
9. Трипольская, Т.А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.А. Трипольская. – Томск, 1985. – 18 с.
10. Тихонова, М.А. Аксиология в контексте лексикографии: модель «Словаря оценочной лексики русского языка»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.А. Тихонова. – М., 2016. – 200 с.
11. Кочергина, К.С. Лингвистическая база данных отрицательно-оценочной лексики: концепция, структура, наполнение / К.С. Кочергина // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 446. – С. 29–40.
12. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / В.М. Круглов, В.В. Истратий, Д.Р. Гамирова [и др.]. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 442 с.
13. Винокур, Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий / Т.Г. Винокур. – 2-е изд. – М.: Книжный дом: «Либроком», 2009. – 104 с.
14. Крысин, Л.П. О словарном представлении лексики некodифицированных подсистем языка / Л.П. Крысин // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2010. – Т. 69, № 1. – С. 28–43.

Поступила в редакцию 09.06.2020

Национально-культурная специфика некоторых фразеологизмов арабского языка с зоонимическим компонентом в сопоставлении с русскими

Сабуни И.Э.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск*

Статья посвящена сопоставительному анализу одной из групп фразеологизмов, функционирующей в двух неродственных языках — арабском и русском; рассмотрение фразеологических единиц осуществляется в рамках лингвокультурологического подхода, актуализировавшегося в языкознании в конце прошлого — начале нынешнего столетия, что обуславливает важность проводимого исследования.

Цель работы — проанализировать одну из групп фразеологизмов арабского языка (имеющих в своем составе компонент — название птиц) в сопоставлении с некоторыми из аналогичных в структурно-семантическом отношении фразеологизмами русского языка для выявления присутствующих в них элементов лингвокультурного характера, обусловленных принадлежностью к определенному национально-культурному пространству.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужили двенадцать фразеологизмов арабского языка с компонентом-орнитонимом, отобранных методом сплошной выборки из ряда лексикографических источников арабского языка, а также сходные по структуре и семантике фразеологизмы русского языка, отобранные аналогичным способом из «Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией В.Н. Телия.

Для выполнения исследования, помимо методики сплошной выборки, применялись методы: общенаучные (наблюдения, описательный и обобщения) и специальные (интерпретативный, сопоставительный, выявления культурных смыслов).

Результаты и их обсуждение. В ходе проведенного анализа установлено, что группа фразеологизмов с компонентом-орнитонимом достаточно активно функционирует как в арабской, так и в русской лингвокультурах, несмотря на явную отдаленность последних друг от друга, что обусловило и значительные отличия в языковых картинах мира в целом. Фразеологизмы же, входящие в данную группу в обоих языках, обнаруживают явное как семантическое, так и структурное сходство.

Заключение. Наблюдение за функционированием образов птиц (их символических значений, воплощенных в составе фразеологизмов) во фразеологическом фонде арабского и русского языков позволяет утверждать, что данная группа фразеологизмов отражает определенные национально-культурные особенности каждого из народов, которым они принадлежат.

Сопоставление фразеологизмов с компонентами-орнитонимами в сравниваемых лингвокультурах дает возможность заключить, что на данном участке русской языковой картины мира конкретно-образный компонент фразеологизмов представлен более разнообразно, в то время как в арабской языковой картине мира акцент делается преимущественно на родовом обозначении птиц как представителей животного мира.

Ключевые слова: русистика, арабистика, лингвокультура, фразеологическая единица, сопоставительный анализ, зоонимический компонент, национально-культурное своеобразие.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 176–179)

National and Cultural Specificity of Some Phraseological Units of the Arabic Language with a Zoonymous Component in Comparison with the Russian Ones

Saboune I.E.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is devoted to a comparative analysis of one of the groups of phraseological units which operates in two unrelated languages – Arabic and Russian; consideration of phraseological units is carried out in the framework of the linguistic and cultural approach, actualized in linguistics at the end of the past – the beginning of this centuries, which determines the relevance of the study.

Адрес для корреспонденции: e-mail: ilonasaboune64@gmail.com – И.Е. Сабуни

The purpose of this study is to analyze one of the groups of phraseological units of the Arabic language (which have a component of the name of birds) in comparison with some of the phraseological units of the Russian language that are structurally and semantically similar aiming to identify elements of a linguistic and cultural nature present in them, due to their belonging to a certain national cultural space.

Material and methods. The material for the study was twelve idioms of the Arabic language with an ornithonym component, selected by the method of continuous sampling from a number of lexicographic sources of the Arabic language, as well as phraseological units of the Russian language similar in structure and semantics, selected in a similar way from the "Big Phraseological Dictionary of the Russian Language" edited by V.N. Telia.

To carry out the study, in addition to the continuous sampling technique, the following methods were applied: general scientific (observation, descriptive and generalization) and special (interpretative, comparative, identifying cultural meanings).

Findings and their discussion. In the course of the analysis, it was revealed that the group of phraseological units with the ornithonym component is quite active in both Arabic and Russian linguistic cultures, despite the obvious remoteness of the latter from each other, which also led to significant differences in the linguistic pictures of the world as a whole. Phraseological units, which are included in this group in both the languages, exhibit explicit both semantic and structural similarities.

Conclusion. Observation of the functioning of the images of birds (their symbolic meanings embodied in phraseological units) in the Arabic and Russian language phraseological fund allows us to state that this group of phraseological units reflects certain national and cultural characteristics of each of the peoples to which they belong.

A comparison of phraseological units with ornithonymic components in the compared linguistic cultures makes it possible to conclude that in this section of the Russian language picture of the world, the concrete-shaped component of phraseological units is more diverse, while in the Arabic language picture of the world the emphasis is mainly on the generic designation of birds as representatives of the animal world.

Key words: Russian studies, Arabic studies, linguistic culture, phraseological unit, comparative analysis, zoonymic component, national and cultural identity.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 176–179)

Фразеология любого языка представляет собой уникальный пласт языковых единиц, интересных для исследования не только в аспектах сугубо лингвистических (в этимологическом, структурном, семантическом, с точки зрения вхождения в различные системные группы и т.д.), но и с этнолингвистических и / или лингвокультурологических позиций, поскольку фразеологический фонд той или иной нации – это для современного языкознания уже можно считать общепризнанным, даже аксиоматическим, фактом – фиксирует в себе характерные особенности быта и традиций, народной психологии и нравов, ценностных ориентиров и, конечно же, национально-культурного своеобразия.

Так, российский лингвист С.Г. Тер-Минасова подчеркивает: «Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [1, с. 14]. Известный исследователь В.Н. Телия относительно лингвокультурологических позиций собственно фразеологизмов отмечает, что «...особую роль в ... трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет ... фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено ... культурно-национальное мировидение» [2, с. 231].

Фразеологические единицы (далее ФЕ) стали предметом лингвистического осмысления достаточно давно; однако если в первой половине XX столетия они иссле-

довались преимущественно в структурном, семантическом и стилистическом аспектах (см., в частности, работы: «Избранные труды. Лексикология и лексикография» В.В. Виноградова [3], «Устойчивые фразеологизмы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии» В.Л. Архангельского [4], «Русская фразеология» В.П. Жукова [5], «Русская фразеология» Л.И. Ройзензона [6], «Очерки по общей фразеологии: фразеосочетания в системе языка» М.М. Копыленко и З.Д. Поповой [7] и др.), то для современного этапа лингвистического знания приоритетными являются исследования ФЕ с позиций когнитивной лингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии и других новейших направлений как языкознания, так и междисциплинарных, сопряженных с языкознанием, областей. Эти исследования активно проводятся с конца XX столетия, в частности, представителями школы, которую сформировала В.Н. Телия и ее ученики, – см., например, работы: «Что такое фразеология?» [8], «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» [9] и др.

Новые исследования ФЕ обусловили и расширение диапазона сопоставительных фразеологических исследований, в которых закономерно актуализировались аспекты, позволяющие выявить и описать прежде всего те компоненты фразеологизмов, что зафиксировали информацию о национально-культурном своеобразии носителей определенного языка: лингвокультурологический, когнитивно-лингвистический и под.

Цель работы – проанализировать одну из групп ФЕ арабского языка (ФЕ, имеющие в своем составе

зоонимический компонент – названия птиц, или *орнитонимы*) в сопоставлении с некоторыми из аналогичных в структурно-семантическом отношении ФЕ русского языка для выявления присутствующих в них элементов лингвокультурного содержания, обусловленных принадлежностью к определенному национально-культурному пространству.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужили двенадцать ФЕ арабского языка с зоонимическим (орнитонимическим) компонентом, отобранных методом сплошной выборки из учебного русско-арабского фразеологического словаря А.М. Фавзи [10], арабско-русского словаря Х.К. Баранова [11], из пособия Ю.Н. Кудрявцева «Арабский народно-разговорный язык Алжира: обычаи и фольклор» [12], а также шесть сходных по семантике ФЕ русского языка, отобранных аналогичным способом из «Большого фразеологического словаря русского языка» В.Н. Телия [9].

Для выполнения исследования, помимо методики сплошной выборки, применялись методы: *общенаучные* (наблюдения, описательный и обобщения) и *специальные* (интерпретативный, сопоставительный, выявления культурных смыслов).

Результаты и их обсуждение. В качестве рабочего нами принято определение фразеологизма, предложенное В.Н. Телия, которая под ФЕ понимает «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [2, с. 43].

В группу ФЕ с зоонимическим компонентом объединяются фразеологизмы, в составе которых есть зоонимы – номинации представителей животного мира. Эта группа описывается исследователями как довольно устойчивая, поскольку ФЕ с компонентом-зоонимом можно встретить практически во всех языках. При этом в них, наряду с образами животных, общими для фразеологического фонда различных лингвокультур, функционируют и редкие, и даже уникальные, зоонимические образы, характерные лишь для фразеологизмов отдельных лингвокультур либо только для одной из них. Кроме этого, в разных лингвокультурах за аналогичными зоонимическими образами могут закрепляться отличные, а иногда и прямо противоположные значения. Всё сказанное обуславливает несомненный исследовательский потенциал ФЕ с зоонимическим элементом – прежде всего в аспекте выявления в них лингвокультурной значимости, воплощающей элементы национально-специфической картины мира.

В настоящей публикации, как выше было сказано, в корпус отобранного материала входит двенадцать ФЕ, в составе которых функционируют следующие орнитонимы: *птица* (7), *пташка* (2), *курица* (2), *петух*.

В отобранном для анализа фразеологическом материале арабского языка наиболее многочисленной оказывается группа ФЕ с орнитонимом «птица», в которую входят:

- 1) قَلِيْمَجْ أَرْوِيْطْ غَنْصِيْ لِيْمَجْ لَاشِيْرْلَا (прекрасные перья делают прекрасных птиц) [10, с. 375];
- 2) مَشْعُ يَفِ الْاَحَاثِرِيْ اَلْ رَوْفَصْعْ لَكَ (каждая птица любит свое гнездо) [11, с. 489];
- 3) عَقَبَتْ اَمْلَاكُشَا يَلْعُ رَوِيْطَلَا (птицы садятся по своему подобию) [11, с. 152, 414];
- 4) فَاثَاكَ يَبْرِيَامْ فَايْ عَمَلَا رِيْطَلَا (птица, не любящая летать, не наберет силы) [12, с. 83];
- 5) هَءَانْ غَ يَلَا عَمْتَسِيْ نَا بَحِي رِيْطْ لَكَ (каждая птица наслаждается своим пением) [13];
- 6) قَرَجَشْلَا يَلْعُ دَرَشْعْ الْوَدِيْلَا يَفِ رِيْطْ (лучше птица в руке, чем десять на дереве) [14, с. 352];
- 7) رِيْطَلَا مَسْوَرْ يَلْعُ مَنَّاكَ (как будто на их головах (сидят) птицы) [15, с. 95].

Во всех приведенных ФЕ номинация «птица» употребляется в иносказательном (аллегорическом) значении, обозначая чаще всего живое существо, прежде всего человека (примеры 1–5), или же какое-либо явление (в редких случаях – предмет), отличающееся определенными свойствами (например, *очень мобильный, непостоянный* и под., как в примере 7).

В отобранном для анализа фразеологическом материале арабского языка также отмечается немногочисленная группа ФЕ с орнитонимом «пташка», в которую входят:

- 8) رِيْنَسْتْ اِنْضِرَابْ شَاْعَجْلَا نَا (даже мелкие пташки в нашем краю становятся орлами) [15, с. 7];
- 9) مَسَارْ رِيْ فَاَصْعْ رَاطْ (в его голове летают пташки) [16, с. 432].

В приведенных ФЕ номинация «пташка», как это должно быть свойственно номинации в составе фразеологизма, имеет переносный смысл: в первом случае указывает на незначительность положения человека, во втором – на несобранность, разбросанность мыслей, ведущих к нелогичным действиям и поступкам.

В двух фразеологизмах функционирует номинация домашней птицы – «курица», причем в одном из них наряду с номинацией домашней птицы «петух», отличной от первой лишь по половой принадлежности:

- 10) قَلْبُ بَزْمَلَا يَلْعُ اَمْنِيْ عُوْ تَوْمَتْ عَجَا جَلَا (даже когда курица умирает, глаза ее смотрят на мусорную кучу) [13];
- 11) تَنَا بَحِي كَيْدَلَاكَ عَجَا جَلَا حِي صَتْ اَمْدَنْ ع (когда курица кукарекает как петух, ее режут) [15, с. 19].

В одном из фразеологизмов компонентом является номинация «петух»:

- 12) هِيْمْدَقْ لَسْ غَتْ اَمْدَنْ عْ كَيْدَلَا مَايَا رَشْ (худший день петуха, когда моют его ноги) [15, с. 70].

К некоторым из приведенных ФЕ достаточно легко подобрать семантически сходные и / или даже тождественные фразеологизмы русского языка, в состав которых также входят орнитонимы, – ср., в частности:

1. Араб. *Птица в руке лучше, чем десять на дереве* – рус. *Лучше синица в руке, чем журавль в небе* [17, с. 223].

Эти ФЕ, функционирующие в разных (неродственных) лингвокультурах, обладают явно сходной семантикой, выражая позицию человека, который предпочитает иметь что-то реальное (пусть и небольшое) в противовес тому, кто мечтает о чем-то прекрасном и грандиозном, но вряд ли достижимом.

2. Араб. *Каждая птица любит свое гнездо*, и *Каждая птица наслаждается своим пением* – рус. *Каждый кулик свое болото хвалит* [17, с. 136] и *Каждая курица свой насест хвалит* [17, с. 136].

3. Араб. *Прекрасные перья делают прекрасных птиц* – рус. *Видно птицу по полету* [17, с. 69].

Сопоставление ФЕ с компонентом-орнитонимом, имеющих безусловно сходные (а иногда тождественные) значения в арабском и русском языках, позволяет утверждать, что в данной группе фразеологизмов компонент-орнитоним с более выраженной национально-культурной окрашенностью гораздо чаще представлен во ФЕ русского языка: если в арабских ФЕ в большинстве случаев употребляется лишь орнитоним, обозначающий родовую принадлежность этого класса животных (чаще всего это, как можно убедиться, номинация «птица», которая встречается во всех четырех приведенных выше арабских фразеологизмах), то в русских ФЕ эти номинации образуют значительно больший и семантически разнообразный диапазон.

В семантически сходных с арабскими русских фразеологизмах орнитоним «птица» также присутствует (последняя пара примеров), однако в целом, как можно наблюдать, орнитомический компонент отличается в русских ФЕ значительно большим разнообразием. В идиомах русского чаще фигурируют более конкретные – *видовые* – наименования птиц, распространенных на определенной территории (в основном это территория Среднеевропейской равнины): *журавль*, *синица*, *кулик*.

Заключение. Наблюдение за функционированием образов птиц (их символических значений, воплощенных в составе ФЕ) во фразеологическом фонде арабского и русского языков позволяет утверждать, что данная группа фразеологизмов, как и многие другие объединения ФЕ, отражает определенные национально-культурные особенности каждого из народов, которым они принадлежат.

Сопоставление ФЕ с компонентами-орнитонимами, которые занимают заметное место в обеих сравниваемых лингвокультурах, дает возможность заключить, что на указанном участке русской языковой картины мира конкретно-образный компонент фразеологического фонда более разнообразен, в то время как в арабской языковой картине мира акцент делается

преимущественно на родовом обозначении птиц как представителей животного мира.

Литература

1. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. коммуникация» / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 261 с.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография: избр. тр. / В.В. Виноградов; [отв. ред. и авт. предисл. В.Г. Костомаров; АН СССР, Отд-ние литературы и яз.]. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
4. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразеологизмы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Ростов н/Д: РГУ, 1964. – 124 с.
5. Жуков, В.П. Русская фразеология: учеб. пособие / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2006. – 408 с.
6. Ройзензон, Л.И. Русская фразеология: учеб. пособие / Л.И. Ройзензон; М-во высш. и сред. спец. образования. Самарк. гос. ун-т им. А. Навои. – Самарканд: Самарк. ун-т, 1977. – 119 с.
7. Копыленко, М.М. Очерки по общей фразеологии: фразеосочетания в системе языка / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2010. – 190 с.
8. Телия, В.Н. Что такое фразеология? / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1966. – 86 с.
9. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Электронный ресурс] / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Аст-пресс книга, 2006. – 784 с. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm>. – Дата доступа: 20.06.2020.
10. Фавзи, А.М. Учебный русско-арабский фразеологический словарь / А.М. Фавзи, В.Т. Шкляров. – М.: Русский язык, 1989. – 616 с.
11. Баранов, Х.К. Арабско-русский словарь / ок. 42 000 слов / Х.К. Баранов. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 928 с.
12. Кудрявцев, Ю.Н. Арабский народно-разговорный язык Алжира: обычаи и фольклор / Ю.Н. Кудрявцев. – М.: Вост. лит., 2006. – 238 с.
13. Шарбатов, Г.Ш. Арабские пословицы и поговорки: пер. с араб. / Г.Ш. Шарбатов. – М.: Изд-во иност. лит., 1961. – 61 с.
14. قراؤ، دمع اليناه/فيندرال قيبخشلا لاثمال، دمع اليناه. ن.ام.ع. بابشلاو فقاقتلا. 1978.
15. Абуль-Фадль аль-Майданий. Арабские пословицы и поговорки [Электронный ресурс] / пер. с араб. И. Салбуратов. – Режим доступа: <https://1lib.eu/book/3091237/762df5?regionChanged>. – Дата доступа: 28.05.2020.
16. عبطلا، 1-2 ع.ج، لاثمال ع.ج، ينادي ل.دمج ن.ب.دمج أ. عبطلا، 1-2 ع.ج، لاثمال ع.ج، ينادي ل.دمج ن.ب.دمج أ. 462، ص. 1972، رفغل راد، فيناتلا.
17. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.

Поступила в редакцию 10.06.2020

Перевод многообъектной семантики в однообъектную как способ минимизации семантических вычислений

Святошчик М.И.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет»,
Минск

Многообъектность или, в терминологии Люсьена Теньера, полиактантность — лишь иллюзия, возникающая из-за свёртки описания наблюдателем детерминированных этапов события (суперпозиции макропроцессов, если использовать теоретические основания комбинаторной семантики). Так называемый «глагольный узел»: ‘писать письмо’, ‘писать ручкой’, ‘писать дедушке’, ‘писать за столом’, ‘писать в кабинете’ и т.д. — возникает в результате экономии коммуникатором времени и мускульной энергии (известный принцип экономии Андре Мартине), однако если пропущенные в описании этапы события восстановить при помощи рекурсивной реконструкции — широко используемого в комбинаторной семантике метода, то «полиактантность» тут же сменяется одноактантностью: ‘писать письмо, используя ручку’, ‘писать письмо и отправлять его дедушке’, ‘писать письмо, сидя за столом’, ‘писать письмо, находясь в кабинете’. Подобный подход, впервые применённый В.В. Мартыновым и затем развитый А.Н. Гордеем, в статье прослеживается весьма чётко.

Цель статьи состоит в выявлении «иллюзии» полиактантности и доказательстве возможного перевода многообъектной семантики в однообъектную, возникающего из-за свёртки описания наблюдателем детерминированных этапов события (суперпозиции макропроцессов).

Материал и методы. Фактическим материалом для данного исследования послужили литературные источники, размещённые на сайте <http://tapaz.by/web/viewer.html?file=11.pdf>. Методологически предлагаемая публикация ориентирована на работы в области комбинаторной семантики Виктора Владимировича Мартынова, Александра Николаевича Гордея. В качестве основных методов были избраны следующие: анализ научных, научно-методических источников, метод контент-анализа, метод моделирования, метод обработки данных.

Результаты и их обсуждение. В статье подробно описаны перечень акций и их вербальных обозначений по В.В. Мартынову и семантический классификатор макропроцессов и их лингвистических репрезентантов по А.Н. Гордею, автор приводит собственный иллюстративный материал, комментируя каждый пример, и в итоге приходит к выводу о возможности перевода многообъектной процессуальной семантики в однообъектную.

Заключение. Перевод многообъектной семантики в однообъектную поможет открыть новые перспективы для семантических вычислений, а также избежать чрезмерного усложнения в формализованном описании события

Ключевые слова: семантика, многообъектность, однообъектность, минимизация, семантические вычисления, макропроцессы, семантические роли, индивид, акция, субъект, объект.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 180–184)

Translating Multi-Object Semantics into Single-Object Semantics as a Method of Minimizing Semantic Calculations

Svyatoshchik M.I.

Educational Establishment “Minsk State Linguistic University”, Minsk

Multi-personality or, in Lucien Tenier’s terminology, polyactancy is only an illusion arising from the observer’s creep description of the deterministic stages of an event (superpositions of macroprocesses if one uses the theoretical bases of combinatorial semantics). The so-called “verb knot”: write a letter, write with a pen, write to the grandfather, write at a table,

Адрес для корреспонденции: e-mail: svyatoshchikm@mail.ru — М.И. Святошчик

write in the study etc., arises as a result of saving time and muscle energy by the communicator (the known Andre Martine principle of saving), but if the missing stages of the event are restored by recursive reconstruction – a widely used method in the combinatory semantics, then polyactancy is immediately substituted by single actancy – to write a letter using a pen, to write a letter and send it to the grandfather, to write a letter sitting at a table, to write a letter while in the office. Such an approach, first applied by V.V. Martynov and then developed by A.N. Gordey, is very clear in the article.

The purpose of the study is to identify the “illusion” of polyactancy and to prove the possible translation of multi-object semantics into single-object semantics, arising from the curl of the observer’s description of the deterministic stages of the event (superposition of macroprocesses).

Material and methods. The actual material for this study was literary sources from <http://tapaz.by/web/viewer.html?file=11.pdf> website; methodologically the proposed study is focused on work in the field of combinatorial semantics by Viktor Vladimirovich Martynov, Alexander Nikolaevich Gordey. The following main methods were chosen: analysis of scientific, scientific and methodological sources, the method of content analysis, the method of modeling, the method of data processing.

Findings and their discussions. The author details the list of actions and their verbal designations according to V.V. Martynov and the semantic classifier of macroprocesses and their linguistic representatives according to A.N. Gordey, gives his own illustrative material, commenting on each example, and eventually comes to the conclusion that it is possible to translate multi-object procedural semantics into single-object semantics.

Conclusion. The translation of multi-object semantics into single-object semantics will help to open new perspectives for semantic calculations, as well as avoid excessive complication in the formalized description of the event.

Key words: semantics, multi-personality, single-personality, minimization, semantic calculations, macroprocesses, semantic roles, individual, action, subject, object.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 180–184)

Единственная известная мне роскошь – это роскошь человеческого общения.

Антуан де Сент Экзюпери

На сегодняшний день общение, обмен информацией, восприятие людьми друг друга – это действительно роскошь. В суе различных жизненных ситуаций мы часто стремимся по своим делам, к своим целям, забывая о самом простом – общении с друзьями, близкими. Коммуникация двух и более говорящих – это не что иное, как кодирование и декодирование информации. Говорящий всегда пытается донести все свои мысли как можно коротко и ясно, экономя при этом время и мускульную энергию, чего не приемлет слушающий, который, в свою очередь, хочет слышать максимально развёрнутую информацию, совсем не учитывая при этом отрезок времени.

Минимизируя всевозможное количество слов при общении, говорящий производит свёртку макропроцессов, семантических элементов, под чем мы и понимаем термин *минимизация* в комбинаторной семантике.

Цель статьи состоит в выявлении «иллюзии» полиактантности и доказательстве возможного перевода многообъектной семантики в однообъектную, возникающего из-за свёртки описания наблюдателем детерминированных этапов события (суперпозиции *макропроцессов*).

Материал и методы. При написании данной работы были использованы статьи в периодических изданиях Республики Беларусь и Российской

Федерации, а также работы в области комбинаторной семантики Александра Николаевича Гордея, собранные на ТАПАЗ-2, <http://tapaz.by/web/viewer.html?file=11.pdf>, искусственного интеллекта Виктора Владимировича Мартынова, обзор литературы Люсьена Теньера, Андре Мартине и др. В данных источниках подробно рассмотрены понятие полиактантности, многообъектности, классификация В.В. Мартынова о выделении глаголов (акций), известный принцип экономии времени и мускульной энергии Андре Мартине и др.

В качестве основных методов были избраны следующие: анализ, синтез и обобщение научных, научно-методических источников.

Результаты и их обсуждение. Мы предлагаем рассмотрение перевода многообъектной семантики в однообъектную как один из способов минимизации семантических вычислений. «Семантика, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто её созерцает» [1].

Известный отечественный ученый А.Н. Гордей разграничивает физические и информационные процессы, представленные в табл., поскольку на предельно абстрактном семантическом уровне физический процесс рассматривается как воздействие одного индивида на другой посредством своей оболочки, а информационный – благодаря определенному влиянию своей среды [2].

Семантические элементы (макропроцессы), выделенные заведующим кафедрой теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, доктором филологических наук, профессором А.Н. Гордеем

		I	II	III	IV
A	a	1 воспринимание <i>притягивание 57</i>	2 запоминание <i>скапливание 58</i>	3 осмысливание <i>ужимание 59</i>	4 понимание <i>присоединение 60</i>
	b	5 перенимание <i>вбирание 61</i>	6 заучивание <i>накапливание 62</i>	7 обдумывание <i>центрирование 63</i>	8 усваивание <i>ассимилирование 64</i>
	c	9 прочувствование <i>перевбирание 65</i>	10 созерцание <i>концентрирование 66</i>	11 переживание <i>центрифугирование 67</i>	12 изведывание <i>диссимилирование 68</i>
	d	13 отвергание <i>выделение 69</i>	14 изглаживание <i>разуплотнение 70</i>	15 переосмысливание <i>отжимание 71</i>	16 изживание <i>отъединение 72</i>
B	a	17 сообщение <i>подведение 73</i>	18 рекламирование <i>наращивание 74</i>	19 внушение <i>прижимание 75</i>	20 констатирование <i>подсоединение 76</i>
	b	21 объяснение <i>введение 77</i>	22 пропагандирование <i>нагнетание 78</i>	23 доказывание <i>вжмание 79</i>	24 удостоверивание <i>соединение 80</i>
	c	25 ниспослание <i>проведение 81</i>	26 вещание <i>распространение 82</i>	27 просветление <i>выжмание 83</i>	28 явление <i>разъединение 84</i>
	d	29 затемнение <i>выведение 85</i>	30 шифрование <i>осаживание 86</i>	31 дискредитирование <i>оттеснение 87</i>	32 дезавуирование <i>отсоединение 88</i>
C	a	33 информирование <i>затрагивание 89</i>	34 заинтересовывание <i>обволакивание 90</i>	35 уверение <i>обжмание 91</i>	36 предрасположение <i>формование 92</i>
	b	37 наставление <i>вскрытие 93</i>	38 обучение <i>наполнение 94</i>	39 убеждение <i>сжмание 95</i>	40 воспитание <i>формирование 96</i>
	c	41 пронимание <i>пронизывание 97</i>	42 преисполнение <i>переполнение 98</i>	43 преобразование <i>разжмание 99</i>	44 перевоплощение <i>выхолащивание 100</i>
	d	45 донимание <i>пробивание 101</i>	46 зомбирование <i>вздымание 102</i>	47 умопомрачение <i>распускание 103</i>	48 умалишение <i>аннигилирование 104</i>
D	a	49 воспоминание <i>рекристаллизование 105</i>	50 воссоздание <i>реинтегрирование 106</i>	51 возобновление <i>регенерирование 107</i>	52 воспроизведение <i>реформование 108</i>
	b	53 репродуцирование <i>рекуперирование 109</i>	54 рекультивирование <i>реабилитирование 110</i>	55 возрождение <i>реактивирование 111</i>	56 воскрешение <i>реанимирование 112</i>

В табл. полужирным шрифтом даны физические макропроцессы:

A – группа активизации;
B – группа эксплуатации;
C – группа трансформации;
D – группа нормализации;

I a – подгруппа среда-оболочка,
b – подгруппа оболочка-ядро;
c – подгруппа ядро-оболочка;
d – подгруппа оболочка-среда.

II – ряд инициации;
III – ряд аккумуляции;
IV – ряд амплификации.

Действительно, для передачи информации необходим материальный носитель, который оказывает на объект физическое воздействие, а по изменениям, которые происходят в предметах после их физического взаимодействия, можно судить о характере самого взаимодействия. Например, в процессе обучения (информационного процесса) преподаватель или лектор использует голосовые связки, напрягая их, он увеличивает амплитуду звуковых волн (материального носителя) и может оглушить учеников, т.е. оказать на них физическое воздействие.

В физическом мире могут проходить всевозможные изменения и действия. Для того чтобы передать все эти изменения и действия, В.В. Мартынов клас-

сифицирует глаголы («акции»). Он утверждает, что нет других акций, кроме внешнего движения («воздействует», «трогает» и т.д.), внутреннего движения («колеблется», «прорывается» и др.), создания, сохранения, уничтожения, противодействия. Всё это многообразие описывается трёхчленной структурой САО – субъект, акция, объект.

А если рассмотреть предложение «Дедушка идёт», сразу же возникает вопрос: а где же тут трёхчленность? Она легко воспроизводится: «Дедушка (С) помещает (А) себя с самим собой (О) в пространстве».

Внук (С) рисовал (А) карандашом солнце (О).

Чем же является слово *карандашом*? Исходя из теории В.В. Мартынова, в которой он выделяет лишь один объект, субъект и акцию, *карандаш* будет выполнять роль инструмента исполнителя акции.

Внук (С) рисовал (А) карандашом (И) солнце (О).

Семантические единицы, являющиеся языковым соответствием участников ситуации, называются семантическими ролями.

Список ролей индивида:

- а) субъект;
- б) инструмент:
 - активатор,
 - супрессор,
 - усилитель,
 - преобразователь;
- в) медиатор:
 - ориентир,
 - локус,
 - транспортёр,
 - адаптер,
 - материал,
 - прототип,
 - источник;
- г) объект;
- д) продукт.

Индивид – разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира.

Акция – воздействие одного индивида на индивидов:

- *субъект* – инициатор акции, – реципиент акции,
- *инструмент* – исполнитель акции (ближайший к субъекту индивид),

- *медиатор* – посредник акции (ближайший к объекту индивид). Медиатор, являющийся ближайшим окружением объекта, играет дополнительную роль *локуса*. В зависимости от того, какой предельный индивид выступает в роли инструмента (оболочка субъекта или его среда), воздействие подразделяется на *физическое* или *информационное*.

Рассмотрим свёртку физических и информационных макропроцессов на примерах:

1. *Мама (Субъект) набирает (Акция) дочери (Ориентир).*

(набирать – процесс физический, в значении «звонить»).

В любом процессе есть физическая и информационная составляющая.

В данном случае наблюдатель делает акцент на физической составляющей.

При помощи рекурсивной реконструкции мы можем восстановить или сжать цепь макропроцессов. При этом необходимо соблюдать 3 правила реконструкции: 1. Простота. 2. Минимальность. 3. Наглядность.

При восстановлении полной цепи макропроцессов, получаем:

1. Мама фиксирует устройство (*телефон – инструмент*).
2. Нажимает (затрагивает) при помощи пальцев кнопки (*Объект*).
3. Кнопки вызывают запрос.
4. Набирается соответствующий номер.
5. Инициация сигнала.
6. Поступает соединение.
7. Распознавание абонента.
8. Инициация информационного запроса.

В данном примере наблюдаются физические макропроцессы: *сообщение* – № 17 (табл.) – запуск первичного сигнала, *прижатие* – № 75 (табл.) – нажатие на кнопки.

Рассмотрим пример свёртки информационного макропроцесса:

2. *Мама набирает дочери.*

(набирать – процесс информационный, в значении «печатать sms»).

Развёртка данного предложения следующая: *Мама (Субъект) набирает (Акция) дочери (Ориентир).*

Данная развёртка включает в себя следующую последовательность:

1. Мама фиксирует телефон.
2. При помощи *кнопок (инструмент)* кодирует информацию.
3. Набирает *sms (объект)*.
4. Выбор абонента – *дочь (ориентир)*.
5. Отправление.
6. Перемещение *sms* из ближайшего окружения мамы в ближайшее окружение дочери.
7. Транслирование *sms* по сети.
8. При этом другие абоненты не смогут стать адресатами.
9. *Sms* перемещается в ближайшее окружение дочери.
10. Передача прав от мамы к дочери.
11. Открытие *sms*.
12. Восприятие дочерью информации.
13. Декодирование.

Здесь наблюдаются процессы *кодирования*, *шифрования* (написание *sms*), *транслирования* (оправления, перемещения) и *декодирования* (дочь читает *sms*) информации.

Реконструкция макропроцессов приводит к установлению одно-однозначных (векторных) соответствий между процессом и объектом.

«Каждой цепочке (комбинации элементарных символов) должен соответствовать один и только один смысл» [3, с. 4].

Благодаря данной цепи чётко прослеживается векторный (одно-однозначный) переход между макропроцессами, когда один процесс становится условием протекания второго.

В.В. Мартынов неоднократно подчёркивал, что «множество примитивов должно не постулироваться, а рекурсивно исчисляться, для чего примитивы должны быть распределены в семантическом поле по степени близости» [4].

Исходя из рассмотренных нами примеров, можно заметить, что последовательности действий, макропроцессов, достаточно длинные. Для упрощения данных цепочек на ТАПАЗ-2 предусмотрены семантические поля. Семантические поля – комплекс языковых единиц, объединённый интегральным, общим семантическим признаком; иными словами, имеющий некоторый общий компонент значения. Одним из наиболее ярких примеров семантического поля является поле обозначения цветов, которое состоит из нескольких цветовых цепей (*красный – розовый – розоватый – малиновый; синий – голубой – голубоватый – бирюзовый* и т.д.). Общий семантический компонент здесь – ‘цвет’. Семантические поля ТАПАЗ-2 описывают роли индивида, их макропроцессы. К примеру: *Мальчик пишет письмо. Семантическое поле номинативной единицы ручка – инструмент, макропроцесс: кодирование.*

Исследование показало, что один макропроцесс может переходить в другой макропроцесс, при этом они непосредственно связаны между собой.

Заключение. Данные макропроцессы, являясь разными объектами, также могут преобразоваться, исходя из таблицы семантических элементов, в категорию одного семантически сходного макропроцесса, что доказывает возможность перевода многообъектной семантики в однообъектную. Это, несомненно, поможет открыть новые перспективы для семантических вычислений, а также избежать чрезмерного усложнения в формализованном описании события.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – С. 23.
2. Гордей, А.Н. Дедуктивная теория языка / А.Н. Гордей. – Минск: Беларуская навука, 1998. – С. 33.
3. Мартынов, В.В. О книге А.Н. Гордея «Дедуктивная теория языка» / В.В. Мартынов // Дедуктивная теория языка / А.Н. Гордей. – Минск: Беларуская навука, 1998. – С. 3–5.
4. Мартынов, В.В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний / В.В. Мартынов. – Минск: ЕГУ, 2001. – С. 116.

Поступила в редакцию 27.05.2020

Концепция рекламной коммуникации Л. де Соссюра: ключевые понятия и взаимосвязи

Солодовникова Т.В.

Белорусский государственный университет, Минск

Луи де Соссюр — крупный швейцарский лингвист, внучатый племянник Фердинанда де Соссюра (1857–1913), основоположника семиологии и структурализма, идеи которого оказали огромное влияние на дальнейшее развитие науки о языке.

Цель статьи — рассмотреть ключевые понятия и взаимосвязи концепции рекламной коммуникации Луи де Соссюра.

Материал и методы. *Поскольку в данной публикации представлены теоретико-методологические подходы к трактовке ключевых понятий рекламной коммуникации в концепции швейцарского лингвиста Л. де Соссюра, то материалом для проведения анализа послужили его фундаментальные работы. При этом применялись общенаучные методы систематизации и анализа материала.*

Результаты и их обсуждение. *Центральными понятиями в концепции рекламной коммуникации Л. де Соссюра являются пресуппозиции, манипулирование и ангажированность. Статья представляет собой эскизный обзор данных понятий в трактовке швейцарского лингвиста. В своих трудах Л. де Соссюр предлагает охватить парадигмой пресуппозиций (дискурсивных пресуппозиций) не только часть уже имеющегося у собеседника знания, но и тот контент, который возникает в высказывании как предпосылка значения и его релевантности. В своей концепции Л. де Соссюр на примере дискурсивных пресуппозиций демонстрирует, что понимание, будучи естественным спонтанным когнитивным процессом, заканчивается формированием умозаключений по поводу того, что представляется правдоподобным или заслуживает согласия. Обосновывается подход к понятию ангажированности с позиции слушающего, а не говорящего. Подобное положение приведет, как следствие, к выявлению механизмов продуцирования языковых форм говорящим, который формулирует высказывание в соответствии с известными ему принципами интерпретации, применяемыми слушателем.*

Заключение. *Пресуппозиции, часть уже имеющегося у собеседников знания, затрагивающего идею значения, инкорпорируются в когнитивное окружение адресата и позволяют объяснить многие эффекты вербальной коммуникации, процесс формирования убеждений, идеологий, построение стратегий манипулирования. Подход Л. де Соссюра к проблеме манипулятивного дискурса разнится с общепринятыми положениями, сложившимися в рамках дискурс-анализа, когнитивистики и социальных наук: при анализе манипулятивного дискурса исследователь должен обращаться не только к процессам понимания, но анализировать комплексный путь от понимания к вере. Исследование влияния ангажированности является одним из ключевых понятий при изучении рекламного дискурса, поскольку создатели рекламы не могут нести ответственность за ее скрытый смысл, так как его выявление связано с особенностями прочтения и обработки информации, представленной в рекламе, самими потребителями рекламы.*

Ключевые слова: *рекламная коммуникация, Л. де Соссюр, пресуппозиция, манипуляция, манипулятивный дискурс, ангажированность.*

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 185–191)

L. de Saussure's Concept of Advertising Communication: Key Concepts and Relationships

Solodovnikova T.V.

Belarusian State University, Minsk

Louis de Saussure is a major Swiss linguist, the great-nephew of Ferdinand de Saussure (1857–1913), the founder of semiology and structuralism, whose ideas had a huge impact on the further development of the science of language.

The purpose of the article is to consider the key concepts and relationships of Louis de Saussure's concept of advertising communication.

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatianasolodovnikova2015@gmail.com — Т.В. Солодовникова

Material and methods. Since the article presents theoretical and methodological approaches to the interpretation of the key concepts of advertising communication in the comprehension of the Swiss linguist L. de Saussure, the material for the analysis is his fundamental works. At the same time, general scientific methods of systematization and analysis of the material were used.

Findings and its discussion. The central concepts in the comprehension of advertising communication by L. de Saussure are presuppositions, manipulation and engagement. The article is a sketch review of these concepts in the interpretation of the Swiss linguist. In his works, L. de Saussure proposes to cover with the paradigm of presuppositions (discursive presuppositions) not only a part of the knowledge already available to the interlocutor, but also the content that appears in the statement as a prerequisite for meaning and its relevance. In its concept, L. de Saussure, using the example of discursive presuppositions, demonstrates that understanding, being a natural spontaneous cognitive process, ends up forming conclusions about what seems plausible or worthy of agreement. The author substantiates the approach to the concept of engagement from the position of the listener, not the speaker. This situation will lead, as a consequence, to the identification of mechanisms for producing language forms by the speaker, who formulates the statement in accordance with the principles of interpretation known to him, applied by the listener.

Conclusion. Presuppositions, a part of the existing interlocutor's knowledge that affects the idea of meaning, are incorporated into the addressee's cognitive environment and allow explaining many effects of verbal communication, the process of forming beliefs, ideologies, and building manipulation strategies. L. de Saussure's approach to the problem of manipulative discourse differs from the generally accepted positions that have developed within the framework of discourse analysis, cognitive science and social sciences: when analyzing manipulative discourse, the researcher must address not only the processes of understanding, but also analyze the complex path from understanding to faith. The study of the influence of engagement is one of the key concepts in the study of advertising discourse, since, as L. de Saussure notes, the creators of advertising can not be held responsible for its hidden meaning, since its detection is associated with the peculiarities of reading and processing information presented in advertising by the advertising consumers themselves.

Key words: advertising communication, L. de Saussure, presupposition, manipulation, manipulative discourse, engagement.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 185–191)

Луи де Соссюр – крупный швейцарский лингвист, внучатый племянник Фердинанда де Соссюра (1857–1913), основоположника семиологии и структурализма, идеи которого оказали огромное влияние на дальнейшее развитие науки о языке. Вдохновленный идеями своего выдающегося предка, Луи де Соссюр получил филологическое образование в Женевском университете (там же, где когда-то учился и работал Фердинанд де Соссюр) и в 2000 г. защитил диссертацию, посвященную системе прошедших времен во французском языке в семантико-прагматическом аспекте. Ученый с мировым именем, Луи де Соссюр ведет активную исследовательскую деятельность не только в области теории и методологии исследования значения и его составляющих, но и в русле междисциплинарных изысканий – приемы аргументации в различных типах дискурса, семантические и прагматические эффекты убеждения в речи (пресуппозиции, модальность, дейксис, анафора и т.д.) [1; 2], технологии манипулирования общественным сознанием и формирование современных идеологий [3; 4]. В настоящее время Луи де Соссюр – профессор Университета Невшател (Швейцария), директор Института наук о коммуникации и познании (Institut des sciences de la communication et de la cognition), приглашенный профессор университетов Женевы, Фрибурга, Лугано, университетского колледжа Лондона, Техасского университета в Остине, Афинского национального университета им. Каподистрии.

Цель статьи – рассмотреть ключевые понятия и взаимосвязи концепции рекламной коммуникации Луи де Соссюра.

Материал и методы. Поскольку в данной публикации представлены теоретико-методологические подходы к трактовке ключевых понятий рекламной коммуникации в концепции швейцарского лингвиста Л. де Соссюра, то материалом для проведения анализа послужили его фундаментальные работы. При этом применялись общенаучные методы систематизации и анализа материала.

Результаты и их обсуждение. Одним из центральных понятий лингвистической концепции Л. де Соссюра является понятие пресуппозиции. Пресуппозиция является одним из понятий прагматики, непосредственно затрагивающих процессы естественного понимания языка человеком и потому позволяющих объяснять факты, которые занимают центральное место в рамках дискурс-анализа, такие как убеждение, идеология, манипуляция, а также схожие эффекты вербальной коммуникации.

Пресуппозициям традиционно приписывается как семантическое, так и прагматическое значение, в частности, за счет их способности заполнять семантические пробелы, как, например, при разрешении анафоры. В литературе они рассматриваются как часть предположительно уже имеющегося у собеседников знания, что затрагивает идею значения [5, p. 38]. Так, с точки зрения самого значения, предпосылки долж-

ны быть истинными, чтобы высказывание могло быть истинным или ложным, т.е. чтобы оно могло иметь какой-либо смысл.

Л. де Соссюр в своей работе предлагает охватить парадигмой пресуппозиций (дискурсивных пресуппозиций) и тот контент, который возникает в высказывании как предпосылка не только значения, но и релевантности [5, p. 38].

Интерпретация пресуппозиций как в классическом, так и в дискурсивном смысле имеет специфику: они не склонны к изменениям и интерпретируются «поверхностно», минуя критическую оценку и контроль на предмет релевантности, так как дискурсивные пресуппозиции инкорпорированы в когнитивное окружение (*cognitive environment*) адресата как предпосылки релевантности.

Если пресуппозиция подвергается сомнению, как следствие, возникают сомнения в релевантности высказывания. Подобный ход в общении является нежелательным, так как оспаривание пресуппозиции, во-первых, не вносит желаемый вклад в обмен (взаимодействие, общение); во-вторых, «угрожает лицу» предыдущего собеседника; в-третьих, демонстрирует то, что знания, считавшиеся для адресата фоновыми, на самом деле таковыми не являлись, что свидетельствует о невежестве (пренебрежении) последнего [5, p. 48].

Аккомодация прагматической пресуппозиции – один из когнитивных процессов, содержащих «полезные пробелы» («*useful gaps*»), т.е. допускающих случайные ошибки в обмен на эффективность, которую они приносят в обыденное общение и взаимодействие [5, p. 43].

В сфере семантического и прагматического значения пресуппозиции обычно заключают в себе старую информацию и ассимилируются в качестве фонового знания. Новая информация, напротив, релевантна сама по себе; в информативной коммуникации поиск релевантности не допускает фокусирования на уже известном материале, так как он не вносит никакого вклада. Презумпция релевантности высказывания постулирует пресуппозиции как релевантную информацию.

В своей концепции Л. де Соссюр на примере дискурсивных пресуппозиций демонстрирует, что понимание, будучи естественным спонтанным когнитивным процессом, заканчивается формированием умозаключений по поводу того, что представляется правдоподобным или заслуживает согласия. Данные выводы, однако, не определяются исключительно пониманием, так как пропозиции могут подвергаться рефлексивной или интуитивной оценке. Дискурсивные пресуппозиции в то же время предполагают когнитивные искажения, вызванные предположительно уже имеющимся знанием.

Обратимся теперь к специфике манипулирования как одного из типов языкового функционирования и речеиспользования. Рассмотрение проблемы манипулятивного дискурса через призму вопроса о понимании естественного языка отличается от подходов,

сложившихся в рамках дискурс-анализа и социальных наук. В то же время как против социологического, так и против когнитивного подхода можно выдвинуть определенные возражения, связанные с субъективизмом и «лингвистической интуицией» аналитика, которые наделяют каждый текст той или иной степенью манипулятивности. В этой связи Л. де Соссюр предполагает, что при анализе конкретного манипулятивного дискурса обычный метод прагматики остается неизменным, однако применяется по отношению к ложной, вводящей в заблуждение коммуникации, и, соответственно, должен обращаться не только к пониманию, но и к комплексному пути от понимания к вере («*the complex way that leads from comprehension to believing*») [4, p. 114].

Многие исследователи, рассматривающие сферу манипуляции в контексте лингвистики, дискурс-анализа, психологии или политологии, сталкиваются с размытостью, семантической сложностью и отсутствием четкого определения концепта манипуляции. Это особенно применимо к анализу специфического поведения по отношению к другим индивидам и, в частности, к типу лингвистического и коммуникативного поведения. Манипуляция в отношении человека может подразумевать навязывание ему определенного поведения для достижения цели и удовлетворения интересов манипулятора без учета целей и интересов манипулируемого. Однако тот факт, что индивид, в отличие от вещи, обладает сознанием, позволяющим ему преследовать собственные интересы, вынуждает признать, что манипулированием охватываются только определенные аспекты познания человека, в частности, рассуждение, проверка на правдоподобие (*checking for likeliness*), эмоции и др.

Манипулятивный дискурс можно рассматривать как дискурс, продуцируемый с целью убедить адресата в наборе пропозиций определенного типа с использованием определенных стратегий. Цель говорящего достигается, если пропозиции дефективны в истинно-условном или истинно-функциональном плане (*truth-conditionally / truth-functionally defective proposition*), т.е. если они были бы отвергнуты слушателем при обычных условиях. Цель достигается, когда этот набор пропозиций инкорпорируется в когнитивное окружение (*cognitive environment*) слушателя.

В контексте манипулятивного дискурса манипуляция предполагает использование средств или стратегий, подразумевающих наложение на объект определенных не осознаваемых им ограничений, при отсутствии которых говорящий не сможет изменить убеждения и поведение слушателя. Скрытые стратегии являются необходимым условием манипуляции, позволяющим вызвать у адресата искреннюю приверженность передаваемым дискурсом пропозиций; свобода мысли или ее иллюзия, очевидные или менее очевидные стратегии сами по себе не могут дать такого эффекта.

Что касается непосредственно манипулятивного дискурса, при его трактовке можно ориентироваться

на две линии рассуждений, элементы которых, дополняя друг друга, создадут более целостную картину. Первая предполагает отождествление с типом дискурса на основе формальных оснований: либо некоторые языковые формы обнаруживаются только в манипулятивном дискурсе, или сам манипулятивный дискурс поддерживается уникальным типом структуры. Второй подход – отождествление с типом использования языка – наделяет понятие манипулятивного дискурса признаком интенциональности, указывает на намерение говорящего предложить и утвердить в сознании слушателя предположения, которые были бы отвергнуты последним при нормальных условиях [4, р. 117].

Таким образом, лингвистические и формальные компоненты задействуются говорящим с целью запустить определенные процессы прагматического уровня, чтобы повлиять на умственное состояние слушателя.

Рассматривая пропозиционное содержание манипулятивных высказываний, нельзя не обратить внимание на частое отождествление манипуляции с ложью. Ложь, будучи не менее сложным понятием, не сводится к произнесению пропозиций, которые являются неправдивыми или предполагаются таковыми. Она подразумевает получение некоторой значимой выгоды. В то же время ложь не всегда манипулятивна; это позволяет говорить о том, что манипуляция связана не только с понятиями лжи и намерения, но и с интересом со стороны слушателя: говорящий произносит высказывание, чтобы заставить слушателя вести себя в соответствии с интересами манипулятора и, возможно, против интересов самого адресата.

По мнению Л. де Соссюра, стратегии, используемые манипулятором с целью не допустить проверку на истинность, правдоподобность, приемлемость и непротиворечивость, прежде всего связаны с необходимостью предотвратить идентификацию манипулятивных намерений говорящего [4, р. 126].

Локальные стратегии применяются для ограничения интерпретации на уровне обработки высказывания; глобальные участвуют в создании адекватных социальных и психологических условий для получения нерационального согласия. Оба типа стратегий могут быть как лингвистическими, так и неллингвистическими.

Локальные стратегии ориентированы на создание неясности в общем плане: неясная мысль, представленная с большой самоуверенностью (надменностью) и авторитетом, приводит к путанице понятий (противоречивости послания, *double-bind*). Такие стратегии включают в себя пресуппозиционные утверждения (*presuppositional assertions*), среди которых выделяются риторические средства, в частности, риторические вопросы, имеющие значительный эффект за счет весомых пресуппозиций. Неправомерное использование концепций часто встречается в политическом дискурсе, например, когда говорящий ссылается на не существующих на самом деле референтов и утверждает, таким образом, их существование с помощью пресуппозиционных средств (*presuppositional means*).

Немотивированное употребление аналогий, метафор, размытых терминов осложняет расшифровку реальной информации, определяющей дискурс, вследствие чего у слушателя снижается или исчезает способность распознать логические ошибки и другие дефекты дискурса. Неясность также может сыграть на чувстве некомпетентности, возникающем в уме слушателя: последний оказывается в замешательстве, так как не может доверять собственной интуиции в плане бессмысленности дискурса и вместо этого считает себя недостаточно компетентным для его понимания. В письменно выраженном дискурсе прагматический эффект достигается также за счет гарнитуры шрифта, расположения текста на странице, изображений и др.

К известным лингвистическим глобальным стратегиям относятся употребление и повторение специфических коннотативных слов, провоцирующих, при нормальных условиях, пресуппозиции с символическим значением, обобщение новой терминологии, использование аббревиатур, акронимов, чисел. Последняя стратегия, в частности, способствует утрате личной и институциональной индивидуальности, созданию атмосферы обезличенности и принятия ее в качестве конвенциональной и устоявшейся практики.

Неллингвистические глобальные стратегии включают, прежде всего, групповое давление. Другая, более важная в контексте согласия с дефективными высказываниями и аргументами, стратегия – достижение манипулятором в сознании слушателя (и в общественном мнении) определенного образа. Экстремальным проявлением этого являлся культ личности в диктатурах двадцатого века как создание образа наиболее компетентного, гениального человека, высшего ума. В демократических обществах схемы манипуляции обусловлены процессом убеждения: чем более слушатели уверены в говорящем, тем более они ему верят, так как уверенность ослабляет критическое мышление и затраты энергии (ибо, согласно теории релевантности, человеческий разум имеет установку на путь наименьших усилий, а опровержение предположения о том, что говорящий достоин доверия, затратно).

Лингвистические стратегии являются ключевыми для получения манипулятором искреннего согласия. За счёт неясности в широком и глобальном смысле даже те аспекты дискурса, которые кажутся простыми и понятными, вызывают у слушателя проблемы при их интерпретации. Тривиальные аргументы, нарушающие правила логики, приводят к необоснованным обобщениям и способствуют общей неопределенности дискурса, хотя предполагают ясность и рациональность рассуждения.

Феномен манипуляции порождает вопрос о том, почему слушатели, обладая рациональными средствами, перестают корректно их использовать для распознавания намерений манипулятора. Теория релевантности, предложенная швейцарским лингвистом, выделяет два уровня намерений говорящего, которые необходимо признать слушателю для осуществления процесса интерпретации:

1) распознавание коммуникативного намерения говорящего, его стремления сообщить информацию адресату, что порождает ожидание релевантности;

2) прагматическое обогащение (формирование набора предположений о значении, которое говорящий вкладывает в высказывание).

Согласно Л. де Соссюру, процесс получения логических выводов продолжается с целью выявить другие типы информации (цели говорящего и последствия в общении), если адресат имеет основания предполагать релевантность последствий этого взаимодействия, таких как обогащение его знания о реальности или избежание рискованной ситуации в самом взаимодействии. Данная информация должна подвергнуться оценке, так как впоследствии она будет принята как убеждение или отвергнута [4, p. 136].

Вопросы возникают и по поводу причин, по которым манипулятивное намерение не распознается слушателем, несмотря на очевидные или достаточные основания подозревать манипулирование. С когнитивной точки зрения, обычные когнитивные способности просто эксплуатируются манипулятором. Учитывая, что слушатель презюмирует релевантность высказывания и начинает обработку информации, отрицание высказывания становится более затратной операцией. Возникает проблема когнитивного диссонанса, что активно используется в практике маркетинга по телефону, когда сотрудники начинают общение с потенциальным потребителем вопросом, ответ на который будет, скорее всего, утвердительным.

Интуитивное осознание феномена манипуляции также объясняет тот факт, что индивид иногда предпочитает избежать подобной речи (будто следуя рефлексу самозащиты), чтобы не подвергнуться убеждению, так как, в конечном счете, сложно сопротивляться продолжительной убедительной речи, в частности, при недостатке интеллектуальных средств критической оценки (особенно при недостаточной образованности). Очевидно, что осведомленность людей относительно некоторых ключевых механизмов манипулирования уменьшает их подверженность манипуляции.

Еще одно когнитивное понятие, необходимое для понимания сущности современной рекламной коммуникации, – понятие ангажированности.

Понятие ангажированности говорящего и вопрос о ее значимости при построении аргументации, в том числе и в рекламной коммуникации, охватывает различные уровни анализа, в частности, определение иллокутивной силы интенций/намерений говорящего (т.е. типа речевого акта, который задействует говорящий, и действий, необходимых для совершения данного акта) и самого содержания пропозиций, которые могут быть восприняты участником общения как предполагаемые или истинные [6, p. 475].

В общем плане ангажированность говорящего предполагает систему его убеждений. Так, озвучивая некоторое содержание, говорящий демонстрирует

собственную убежденность в истинности фактов, охватываемых данным высказыванием.

Л. де Соссюр, анализируя ангажированность с точки зрения прагматики, в своих работах отстаивает позицию, альтернативную классической, и утверждает, что ангажированность как феномен психологический должна рассматриваться только в свете механизмов понимания, т.е. с перспективы слушателя, а не говорящего [7]. В пользу концепции ангажированности как психологического явления выдвигаются аргументы, постулирующие перспективу слушателя как рационального агента, способного вычислить смысл оstenсивных высказываний (*le sens d'énoncés ostensifs inférentiels*). В ходе дискуссии о явных и неявных компонентах смысла рассматриваются конкретные проблемы, сопряженные с таким подходом. В итоге выдвигаются следующие гипотезы:

1) приписывание ангажированности неотделимо от процесса выведения смысла (*l'attribution d'engagement est indissociable du processus de dérivation du sens*);

2) достоверность, с которой возможно сделать вывод об ангажированности говорящего, ограничивается степенью релевантности высказывания [7, p. 216].

Эта концепция интуитивно понятна, поскольку мотивация описания условий реальности опирается, прежде всего, на тот факт, что говорящий утверждает их удовлетворительность. Помимо прочего, она также используется для различения типов речевых актов, поскольку определенные иллокутивные конфигурации (*configurations illocutionnaires*) – модальности, вопрос или запрос – модифицируют природу ангажированности говорящего по отношению к содержанию. Ангажированность также позволяет прояснить намерения говорящего при осуществлении им речевого акта; наконец, она затрагивает, в более общем плане, тот факт, что для говорящего предполагается совершение им самим определенного лингвистического акта.

В то же время для получателя информации выявление содержания, которое действительно подразумевал говорящий, на основе лингвистических форм в контексте предполагает сложный процесс, содержащий долю неопределенности и даже риска [6, p. 475].

Что касается определения основ, которые позволяют утверждать ангажированность говорящего, то они включают в себя факты, воспринимаемые извне (например, аналитиком) и потенциально оцениваемые при наблюдении за тем, что произносится и что делается оратором.

Согласно другому, более сложному подходу, ангажированность охватывает то, что может восприниматься как подразумеваемое говорящим при произнесении высказывания [6, p. 476].

Психологическая перспектива делает возможным наблюдение за точкой зрения слушателя: приверженность говорящего для нас заметна только в качестве гипотезы, психологически поддерживаемой обычным получателем информации. Ключевым является соблюдение условий и хода развития вывода, получаемого

на основе слов и действий говорящего. Наиболее важным представляется наблюдение за формированием вывода у получателя как у организма, подверженно-го внешнему воздействию, в отличие от анализа происходящего в разуме говорящего без этого фильтра [7, p. 222].

Изучение ангажированности с точки зрения слушателя приведет, как следствие, к изучению механизмов продуцирования языковых форм говорящим, который формулирует высказывание в соответствии с известными ему принципами интерпретации, применяемыми слушателем. Однако совсем в другом измерении находятся вопросы о психосоциальных факторах, которые заставляют говорящего хотеть передать конкретное сообщение в конкретный момент. Говорящий не обладает способностью сделать абсолютно надежный прогноз в отношении доступных слушателю баз данных и его возможности контекстуализировать должным образом лингвистический стимул, чтобы развить его в явной форме и прийти к соответствующим выводам, что, в свою очередь, порождает неопределенность в общении.

При условии, что утверждения хорошо сформулированы и не представляют собой неразрешимую двусмысленность, а контекст является достаточно явным для собеседников для того, чтобы интерпретацию можно было предсказать без существенного риска, адресат, естественно, будет считать говорящего приверженным его словам, то есть всем гипотезам, высказанным его утверждением.

В связи с понятием ангажированности возникает множество вопросов, в частности, о концепции ангажированности в отношении к убеждениям. Представляется, что оценка убеждений говорящего может быть осуществлена только посредством выраженных во вне индикаторов (*indices publics*), лингвистических форм, которые сами по себе являются только частичными показателями того, что говорящий принимает за правду. Это можно продемонстрировать на примере подмены тезиса – демагогического приема, основанного на опровержении позиции говорящего, которую он на самом деле не занимал. Функционирование и убедительность такого приема возможны, вероятно, по причине того, что убеждения, которым действительно привержен говорящий, не являются объективно изучаемыми фактами, а большинство языковых форм по сути своей не однозначны.

Приверженность психологическому – когнитивному подходу к понятию ангажированности требует обращения аналитика / исследователя к психологическому измерению. Так, исследователь выступает в качестве универсального адресата, поскольку обладает прагматической компетенцией, которая состоит в использовании контекстуализации для выведения значения, вероятно соответствующего информативным намерениям говорящего. Роль прагматической и когнитивной концепции ангажированности проявляется, в частности, при исследовании

ошибочной аргументации для описания и объяснения логических ошибок (софизмов) с точки зрения их функционирования и эффективности [7, p. 217].

Влияние ангажированности важно при изучении рекламного дискурса. Как указывает Л. де Соссюр, создатели рекламы не могут нести ответственность за ее скрытый (*implicit*) смысл, так как его выявление связано с особенностями прочтения и обработки информации, представленной в рекламе, самими потребителями рекламы. Согласно классическому наблюдению в теории понимания естественного языка неявные значения относятся к ответственности адресата, т.е. ангажированность автора (говорящего) соответствует явному значению. Однако эта проблема осложняется следующим: чем проще контекстуализация, тем больше привержен говорящий неявным значениям. Первый подход мог бы иметь место, если бы информация была нейтральной, однако в случае с рекламой, по мнению Л. де Соссюра, это не так.

В результате проведенного анализа основных трудов швейцарского лингвиста Л. де Соссюра установлены ключевые понятия, необходимые для понимания онтологической сущности современной рекламной коммуникации: пресуппозиции, манипулирование и ангажированность.

Пресуппозиции, часть предположительно уже имеющегося у собеседников знания, затрагивающего идею значения, инкорпорированы в когнитивное окружение адресата как предпосылки релевантности, позволяют объяснить многие эффекты вербальной коммуникации, процесс формирования убеждений, идеологий, построение стратегий манипулирования.

Подход Л. де Соссюра к проблеме манипулятивного дискурса, разновидностью которого очевидно является рекламный, разнится с общепринятыми положениями, сложившимися в рамках дискурса-анализа, когнитивистики и социальных наук. Швейцарский лингвист выдвигает возражения, связанные с субъективизмом и «лингвистической интуицией» аналитика, которые наделяют каждый текст той или иной степенью манипулятивности.

По мнению Л. де Соссюра, при анализе манипулятивного дискурса, где манипулирование – один из типов языкового функционирования и речиспользования, исследователь должен обращаться не только к процессам понимания, но анализировать комплексный путь от понимания к вере. Скрытые стратегии являются важным условием манипуляции. Как указывает Л. де Соссюр, стратегии, используемые манипулятором с целью не допустить проверку на истинность, правдоподобность, приемлемость и непротиворечивость, прежде всего связаны с необходимостью предотвратить идентификацию манипулятивных намерений говорящего. Устанавливаются два типа стратегий манипулирования: локальные и глобальные. Локальные стратегии применяются для ограничения интерпретации на уровне обработки высказывания; глобальные участвуют в создании

адекватных социальных и психологических условий для получения нерационального согласия. Оба типа стратегий могут быть как лингвистическими, так и нелингвистическими.

В качестве ответа на вопрос, почему, обладая рациональными средствами, адресат перестает корректно их использовать для распознавания намерений манипулятора, Л. де Соссюр выдвинул теорию релевантности, согласно которой для осуществления процесса интерпретации слушателю необходимо сначала распознать коммуникативное намерение говорящего, а затем сформировать набор предположений о значении, которое говорящий вкладывает в высказывание. При этом слушатель презюмирует релевантность высказывания и начинает обработку информации, в то время как отрицание высказывания становится более затратной операцией. Возникает проблема когнитивного диссонанса, что активно используется в практике рекламной коммуникации.

Анализируя ангажированность с точки зрения прагматики, Л. де Соссюр в своих работах отстаивает позицию, альтернативную классической, и утверждает, что ангажированность как феномен психологический должна рассматриваться только в свете механизмов понимания, т.е. с перспективы слушателя, а не говорящего. Как указывает швейцарский лингвист, изучение ангажированности с точки зрения слушателя приведет, как следствие, к изучению механизмов продуцирования языковых форм говорящим, который формулирует высказывание в соответствии с известными ему принципами интерпретации, применяемыми слушателем.

Закключение. Исследование влияния ангажированности является одним из ключевых понятий при изучении рекламного дискурса, поскольку, как отмечает Л. де Соссюр, создатели рекламы не могут нести ответственность за ее скрытый смысл, так как его выявление связано с особенностями прочтения и обработки информации, представленной в рекламе, самими потребителями рекламы.

Литература

1. De Saussure, L. Des mots et des couleurs. Essai de linguistique / L. de Saussure. – Paris: Hermann, 2017. – 260 p.
2. De Saussure, L. Background relevance / L. de Saussure // Journal of Pragmatics. – 2013. – № 59. – Pp. 178–189.
3. Morency, P. Explicitness, implicitness and commitment attribution: A cognitive pragmatic approach / P. Morency, S. Oswald & L. de Saussure // Belgian journal of linguistics. – 2008. – № 22. – Pp. 197–220.
4. De Saussure, L. Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century. Discourse, Language, Mind / L. de Saussure & P. Schulz. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. – 329 p.
5. De Saussure, L. Cognitive Pragmatics Ways into Discourse Analysis: the Case of Discursive Presuppositions / L. de Saussure // Lodz Papers in Pragmatics. – 2012. – № 8.1. – Pp. 37–59.
6. Oswald, S. L'engagement comme notion cognitive associée au destinataire / S. Oswald & L. de Saussure // Proceedings of the IADA Workshop. Word meaning in Argumentative Dialogue, 15–17 May, Milan, 2008; ed. By G. Gobber, S. Cantarini [etc.]. – Milan: Università Cattolica del Sacre Cuore, 2008. – Pp. 475–488.
7. Oswald, S. Argumentation et engagement du locuteur : pour un point de vue subjectiviste / S. Oswald & L. de Saussure // Nouveaux cahiers de linguistique française. – 2009. – № 29. – Pp. 215–243.

Поступила в редакцию 07.05.2020

Семантическая структура и сочетаемостные возможности слов с латинским корнем *doctor-* и его синонимов в германских и восточнославянских языках

Степаненко С.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Актуальность данного исследования обусловлена приоритетностью для современного языкознания проблемы синонимических отношений, а также отчасти — принципом отбора исследовательского материала, предполагающего сопоставление синонимических явлений в ряде языков индоевропейской семьи (германских и восточнославянских).

Цель статьи — наблюдение за сформировавшимися языковыми синонимическими отношениями у пары синонимов, которая в русском языке выглядит как доктор — врач и при этом имеет аналоги в ряде других европейских языков, с синхронно- и диахронно-семантических позиций.

Материал и методы. Материалом для данного исследования послужили одноязычные словари — толковые и этимологические русского, белорусского, немецкого и английского языков.

При этом использовались следующие методы: описательно-аналитический, сравнительно-этимологический, сопоставительный, поисковый метод при работе со словарями.

Результаты и их обсуждение. В процессе семантико-этимологического анализа синонимической пары доктор — врач были рассмотрены данные как современных толковых словарей привлечённых для анализа языков, так и материал этимологического свойства, содержащийся в специальных этимологических словарях, что позволило установить своеобразие системного функционирования данных номинаций как в составе синонимической пары, так и в изолированном варианте.

Заключение. Таким образом, в германских языках, немецком и английском мы наблюдаем картину, отличную от той, что имеет место в сравниваемых восточнославянских языках: в немецком языке данная синонимическая пара функционирует именно в виде синонимической дихотомии, хотя и имеет некоторые семантико-стилистические особенности; в системе же английского языка обнаруживается лишь номинация *doctor*, не вступающая в синонимические отношения с какой-либо иной.

Ключевые слова: синонимия, семантика, этимология, синхрония, диахрония, германские языки, восточнославянские языки.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 192–195)

Semantic Structure and Composition Possibilities of Words with the Latin Root *doctor-* and its Synonyms in Germanic and Eastern Slavic Languages

Stepanenko S.M.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The relevance of the research is due to the contemporary linguistics priority problem of synonymic relations and partly due to the principle of the research material selection which involves comparing synonymic phenomena in a number of languages of Hindu-European family (Germanic and Eastern Slavic).

Адрес для корреспонденции: e-mail: stepanenkokosnezhana@mail.ru — С.М. Степаненко

The purpose of the article is observation of the shaped language synonymic relations of a synonym pair which in Russian is doctor – medical doctor and at the same time has similarities in a number of other European languages from the synchronic- and diachronic-semantic positions.

Material and methods. *The research material is one-language dictionaries, explanatory and etymological, of the Russian, Belarusian, German and English languages. The following research methods were used: the descriptive analytical, the comparative etymological, the comparative, the search method in dictionary work.*

Findings and their discussion. *In the course of a semantic etymological analysis of the synonymic pair doctor – medical doctor both data of the contemporary explanatory dictionaries used to analyze the languages and etymological material from special etymology dictionaries were considered, which made it possible to identify the peculiarities of the system functioning of these nominations both within the synonymic pair and in an isolated pattern.*

Conclusion. *We thus observe in the Germanic languages, German and English, a different situation compared to the Eastern Slavic languages under comparison: in German the synonymic pair functions precisely as synonymic dichotomy although it has some semantic and stylistic features, while in the system of the English language only the nomination “doctor” is found which does not form synonymic relations with any others.*

Key words: *synonymy, semantics, etymology, synchrony, diachrony, Germanic languages, Eastern Slavonic languages.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 192–195)

Одним из центральных вопросов современной лингвистики остаётся проблема изучения синонимических отношений, формирующихся между языковыми единицами разных уровней (лексико-семантического, морфемо-словообразовательного, грамматического, стилистического и иных). Будучи отражением одного из наиболее распространённых типов отношений, складывающихся в языковой системе, синонимия представляет собой явление, характерное практически для всех языков, в особенности – находящихся на достаточно высокой стадии своего развития (имеющих статус языков национальных) и соответственно располагающих длительной историей своего формирования. Актуальность данного исследования, таким образом, обусловлена прежде всего приоритетностью для нынешнего языкознания рассматриваемой проблемы, а также отчасти – принципом отбора исследовательского материала, предполагающего сопоставление синонимических явлений в ряде языков индоевропейской семьи (германских и восточнославянских).

Наиболее широкое распространение синонимия находит на лексико-семантическом уровне (лексическая синонимия), где это явление выглядит наиболее представительным и функционально разнообразным. Этот тип синонимии Л.А. Новиков в одном из авторитетных справочных лингвистических пособий («Языкознание. Большой энциклопедический словарь») определяет следующим образом: «**Синонимия** (от греч. *synonymia*) – одноимённость) представляет собой тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений» [1, с. 446]. Традиционно различают синонимию *языковую* и *речевую*: синонимические отношения слов, зафиксированные в словарях (преимущественно толковых и специальных синонимических), отражают явление языковой синонимии; речевая синонимия на-

блюдается в определённых контекстуальных условиях, в частности – «в художественной речи писателей и поэтов, способных к нетрадиционному новаторству» [1, с. 446]. Именно в лексической синонимии чаще всего соединяются самые разнообразные факты языка – относящиеся к разному времени, различным местностям и речи различных слоев населения и т.п.

Цель статьи – наблюдение за сформировавшимися языковыми синонимическими отношениями у пары синонимов, которая в русском языке выглядит как *доктор – врач* и при этом имеет аналоги в ряде других европейских языков, с синхронно- и диахронно-семантических позиций.

Материал и методы. Материалом для данного исследования послужили одноязычные словари: русского («Словарь русского языка» С.И. Ожегова [2], «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера [3]), белорусского («Глумачальны слоўнік беларускай мовы» [4], «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» [5]), немецкого («Das Bedeutungswörterbuch» [6], «Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache» [7]) и английского языков («Толковый словарь английского языка Oxford=Oxford Concise School Dictionary» [8], «The Oxford Dictionary of English Etymology» [9]). Причинами выбора данных словарей явились авторитетность изданий для определённого языка и наличие в них словарных статей, посвящённых избранным в качестве объекта анализа номинациям.

При этом использовались следующие методы: описательно-аналитический, сравнительно-этимологический, сопоставительный, поисковый метод при работе со словарями.

Результаты и их обсуждение. В русском языке в настоящее время функционирует синонимическая пара *доктор – врач*; рассмотрим значение каждого из её компонентов. В современном толковом словаре русского языка отмечены следующие значения слова

доктор: «1. То же, что врач. 2. *чего*. Высшая учёная степень, а также лицо, которому присуждена эта степень» [2, с. 218]. С этимологических позиций данная номинация интерпретируется как заимствованное «через нем. *Doktor* или польск. *doctor* из лат. *doctor*» [3, с. 523].

Второй компонент синонимической пары – слово *врач* – в современном толковом словаре подаётся как однозначное: «лицо с высшим медицинским образованием, лечащее больных» [2, с. 129]; с этимологических позиций данное слово рассматривается как происходящее от корня сугубо славянского: «болг. врач “колдун”, сербохорв. врач “прорицатель”, словен. *vrac* “врач”. Эти слова производят от *врать* и *ворчать*. В таком случае первонач. знач. “заклинатель, колдун”» [3, с. 361].

Во втором из сравниваемых восточнославянских языков – белорусском – о первом компоненте рассматриваемой синонимической пары в современном толковом словаре данного языка содержатся следующие сведения: «*Доктар* – Урач, лекар. *Доктар навук* *якіх* – самая высокая вучоная ступень у СССР; асоба, якой прысуджана гэтая ступень» [4, с. 188]. Этимология данной номинации описывается в специальном (этимологическом) словаре: «слова гэтая было ўжо ў ст.-бел. мове: *докторь* ‘доктар; настаўнік багаслоўя’ (тут яно лічыцца паланізмам: польск. *doctor* ад лац. *doctor*)» [5, с. 141].

Второй компонент рассматриваемой синонимической пары современный белорусский толковый словарь определяет как: «*Урач* – асоба з вышэйшай медыцынскай адукацыяй; доктар» [10, с. 47]; при этом в этимологическом словаре белорусского языка данное слово отсутствует.

Таким образом, в восточнославянских языках, русском и белорусском, оба компонента синонимической пары *доктор* – *врач* представлены практически тождественно: у первого компонента отмечаются два сходных значения, указывается на его заимствованный для обоих языков характер и проникновение в них через языки-посредники (через немецкий либо польский языки), а также восхождение к исходному латинскому корню *doctor*.

Сведения о втором компоненте анализируемой синонимической пары более скудные (так, в частности, в белорусский этимологический словарь слово *врач* вообще не включено), однако ясно, что в обоих языках оно является однозначным и что образовано от общеславянского корня, который в разных славянских языках подвергся определённым семантическим трансформациям, не утратив при этом смысловой общности.

В немецком языке синонимическая пара *доктор* – *врач* представлена словами *der Doktor* – *der Arzt*. В толковом словаре современного немецкого языка первый компонент синонимической пары, слово *доктор*, толкуется как: «1. высшая учёная степень присваивается на основании письменной работы и

устного экзамена на факультете; 2. человек, который имеет степень доктора; 3. (*разг.*) врач» [6, с. 268]. Происхождение данного слова охарактеризовано как «заимствованное в конце XIV века из средн. латыни *doctor* “учитель” – к лат. *docere* “учить”» [7, с. 151].

Второй компонент синонимической пары немецкого языка, слово *врач*, в толковом словаре имеет следующее значение: «человек, изучавший медицину и имеющий государственное разрешение на лечение больных» [6, с. 117]. Этимология данного компонента описывается как «заимствованное в IX веке древневерхнем. *arzāt* (средневерхнем. *arzet*, *arzāt*) из поздней латыни *archiater* греч. *archiateros* “старший врач”. Это был титул придворного врача древних князей, сначала среди Селевкидов в Антиохии. От римских врачей это перешло к франкским Меровингам. Титул перешёл от королевских врачей к личным врачам духовных и светских личностей и уже в древневерхненемецкий период стал общим обозначением профессии. Это вытесняло древнегерманское наименование медиков/врачей: древневерхнем. *lachi*, готск. *lekeis* “знахарь”» [7, с. 50].

Во втором из привлекаемых для анализа германских языков – английском – данная синонимическая пара не функционирует в принципе: в лексической системе английского языка присутствует лишь один её компонент – лексема *doctor*, обладающая, по данным толковых словарей современного английского языка, следующими значениями: «1. Человек, обученный лечить больных или пострадавших. 2. Человек, имеющий учёную степень (степень доктора) в университете» [8, с. 140]. С точки зрения происхождения, Оксфордский словарь английской этимологии интерпретирует слово *доктор* как заимствованное «в XIV веке от древнефранцуз. *doctor*, непосредственно от средн. латин. *doctor* “религиозный учитель, советник, учёный” – *docere* “показать, научить, побуждать знать”» [9, с. 280].

Заключение. Таким образом, в германских языках, немецком и английском мы наблюдаем картину, отличную от той, что имеет место в сравниваемых восточнославянских языках: в немецком языке данная синонимическая пара (*доктор* – *врач*) функционирует именно в виде синонимической дихотомии, хотя и имеет некоторые семантико-стилистические особенности (в частности, наличие третьего значения); в системе же английского языка обнаруживается лишь номинация *doctor*, не вступающая в синонимические отношения с какой-либо иной.

В то же время семантическое сходство всех рассматриваемых номинаций во всех привлечённых для анализа языках очевидно, хотя и сопровождается разного рода стилистическими различиями, приобретёнными в ходе исторического функционирования языка.

Семантическая общность номинаций с корнем *doctor*-, которые, в отличие от номинации *врач*, обнаруживаются во всех привлечённых для анализа языках, в значительной степени обусловлена их общей этимологией, в отношении которой все этимологиче-

ские источники практически единодушны, отсылая к первоначально латинскому происхождению слова, которое впоследствии могло быть заимствовано другими языками различными путями (в частности, через какой-либо язык-посредник).

Литература

1. Новиков, Л.А. Синонимия / Л.А. Новиков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и образование», 2006. – 1200 с.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А–Д): пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва / М. Фасмер; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 2: Г–К / [рэд. тома А.Я. Баханькоў]. – Мінск: Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1978. – 768 с.
5. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 3. Г–І [Р.У. Краўчук, В.У. Мартынаў, А.Я. Супрун, Н.В. Івашына; рэд. В.У. Мартынаў]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 408 с.
6. Duden, Das Bedeutungswörterbuch / hrsg. Von der Dudenredaktion: [red. bearb.: B. Eickhoff, A. Haller-Wolf, A. Klosa [et al.]]. – 3., neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim [etc.]: Dudenverlag, 2002. – 1103 s.
7. Duden, Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache: [die Geschichte der deutschen Wörter bis zur Gegenwart: 20 000 Wörter und Redewendungen in ca. 8 000 Artikeln]: auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibregeln / hrsg. Von der Dudenredaktion. – 4., neu bearb. Aufl. – Mannheim [etc.]: Dudenverlag, 2007. – 960 s.
8. Хокинс, Дж. Толковый словарь английского языка Oxford=Oxford Concise School Dictionary: 40 000 слов и выражений / Дж. Хокинс, Э. Делаханты, Ф. Макдональд. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – I–IV, 556.
9. Onions, C.T. The Oxford dictionary of English etymology / C.T. Onions, G.W.S. Friedrichsen, R.W. Burchfield. – Oxford: At The Clarendon Press, 1996. – 1024 p.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск: БелСЭ, 1977–1984. Т. 5. Кніга 2: У–Я / пад агул. рэд. акадэміка АН БССР К.К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). – 608 с.

Поступила в редакцию 10.06.2020

Феномен одиночества сквозь призму черного юмора социальных сетей

Храбан Т.Е., Степаненко Е.А.

Военный институт телекоммуникаций и информатизации, Киев (Украина)

Выражение психологических и эмоциональных состояний и переживаний человека через особые единицы языка и речи, которое сегодня все чаще становится объектом исследования различных лингвистических направлений (психолингвистики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, социолингвистики), определяет актуальность данной статьи.

Цель работы — проанализировать манифестацию психоэмоционального состояния одиночества на языковом уровне.

***Материал и методы.** Исследование проводилось в украинском секторе социальной сети Facebook. Материалом послужили паттерны черного юмора, актуализирующие тему переживания одиночества. Были использованы психолингвистические методы: дискурс-анализ, метод контекстуального и интуитивно-логического интерпретационного анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** В исследовании для описания одиночества важное значение имеет положение, суть которого состоит в том, что все эмоции, за исключением базовых (радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, горе, стыд, интерес, вина, смущение), являются сложными конструкциями. В работе были проанализированы эмоции, возникшие в процессе синкретизма разных элементов, но при этом обязательным условием для включения этой сложной эмоции в процесс анализа было поставлено присутствие эмоции одиночества как одного из компонентов. Поскольку дескрипция одиночества связана с характеристикой эмоционального состояния, то на языковом уровне этот феномен интерпретировался через категорию эмотивного значения.*

***Заключение.** Манифестация одиночества в черном юморе социальных сетей характеризуется яркой эмоциональной окраской. Одиночество является многогранным феноменом, имеющим яркую эмоциональную окраску. Одиночество — это субъективное переживание, зависящее как от социального контекста, так и от самой личности. Переживание одиночества на языковом уровне в черном юморе манифестируется в следующих эмотивных значениях: 'превосходство', 'отчуждение', 'чувство обиды', 'ненужность', 'изолированность', 'разочарование', 'страх', 'гнев', 'отчаяние', 'жадность к себе', 'разочарование'.*

***Ключевые слова:** эмоция, эмотивное значение, одиночество, черный юмор, социальные сети.*

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 196–201)

The Phenomenon of Loneliness through the Prism of Black Humor of Social Networks

Khraban T.E., Stepanenko E.A.

Military Institute of Telecommunications and Information Technologies, Kiev (Ukraine)

The expression of psychological and emotional states of the person through special language and speech units, which is more and more often the research object of different linguistic trends (psycholinguistics, cognitive linguistics, discourse studies, social linguistics), determines the relevance of the article.

The aim of the article is to analyze the manifestation of the psycho-emotional state of loneliness at the language level.

***Material and methods.** The research was conducted in the Ukrainian sector of the social network Facebook. The patterns of black humor actualizing the theme of experience of loneliness were chosen as the material for this study. Psycholinguistic research methods were used: discourse analysis, the method of contextual and intuitive logical interpretation analysis.*

***Findings and their discussion.** For describing loneliness we followed the doctrine the essence of which is that all emotions, except for basic ones (joy, surprise, sadness, anger, disgust, contempt, grief, shame, interest, guilt, embarrassment), are complex structures. The work analyzed the emotions that arise in the process of syncretism of various elements but the*

presence of the emotion of loneliness as one of the component was set as a prerequisite for including this complex emotion in the analysis process. Since the description of loneliness is associated with the characterization of the emotional state, at the language level this phenomenon was interpreted through the category of emotive value.

Conclusion. The manifestation of loneliness in social network black humor is characterized by bright emotional coloring. Loneliness is a multifaceted phenomenon having a strong emotional inflection. Loneliness is a subjective feeling which depends both on the social context and on the personality itself. The experience of loneliness at the language level in black humor manifests itself in the following emotive values: 'superiority', 'estrangement', 'feeling of resentment', 'feeling of being neglected', 'isolation', 'disappointment', 'fear', 'anger', 'despair', 'pity to yourself', 'disappointment'.

Key words: emotion, emotional value, loneliness, black humor, social networks.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 196–201)

Новая социальная реальность, которая характеризуется использованием информационных ресурсов во всех системах функционирования общества посредством современных информационно-коммуникационных технологий, стала маркером XXI столетия. На фоне появления нового коммуникативного пространства Интернет социальные сети (как глобальное системное явление информационного общества), обладающие большим потенциалом влияния на лингвокультурные процессы, становятся основным пространством групповой и межличностной коммуникации. Аудитория социальных сетей активна в формировании новых культурных смыслов, что благоприятствует возникновению или модификации широкого спектра психолингвистических феноменов. В последнее время все большую популярность и востребованность в социальных сетях приобретает черный юмор. Исследование черного юмора в контексте виртуальной коммуникации как особой среды общения позволяет исследователям более чутко реагировать на новые тенденции на уровне формата онлайн-коммуникации, а также значительно расширить круг лингвистических проблем благодаря вовлечению в изучение языковых феноменов экстралингвистических аспектов (психологических, гендерных, социальных, культурологических и др.). Выражение психологических и эмоциональных состояний и переживаний человека через особые единицы языка и речи, которое сегодня все чаще становится объектом исследования различных лингвистических направлений (психолингвистики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, социолингвистики), определяет актуальность данной статьи.

И. Домбровская отмечает, что, «несмотря на нетождественность механизмов смыслообразования и юмора, психологический механизм юмора в своих эмпирических проявлениях сливается с феноменологией смысла, определения, творчества, общения» [1]. Это утверждение акцентирует внимание на том, что юмор представляет собой многогранный феномен, исследование которого необходимо проводить на базе комплексного междисциплинарного подхода. Максимально широкое определение предметной области изучения юмора позволило объединить исследова-

тельские интересы лингвистов, психологов, социологов, философов, физиологов, педагогов и других. Для подготовки этой публикации значимыми стали научные работы в области психологии, для которых характерно представление о неразрывной связи юмора и эмоций, – L. Kugler, C. Kuhbandner [2], A. Samson, J. Gross [3] (доказано, что юмор является индикатором эмоционального состояния человека); в области психолингвистики – Е. Галеевой [4] (рассмотрены механизмы психолингвистического обеспечения развития эмоций); лингвистики – А. Тимошук [5] (проанализированы основные стилистические средства, которые часто используются для создания комического эффекта) и других.

Цель статьи – проанализировать манифестацию психоэмоционального состояния одиночества на языковом уровне на материале паттернов (типичных образцов) черного юмора социальных сетей.

Материал и методы. Исследование проводилось в украинском секторе социальной сети Facebook. Материалом послужили паттерны черного юмора, актуализирующие тему переживания одиночества. Для продуктивного научного описания и истолкования черного юмора считаем оправданным использование таких психолингвистических методов, как дискурс-анализ, метод контекстуального и интуитивно-логического интерпретационного анализа. Применение этих методов оправдано, поскольку они нацелены на акцентирование смыслов интуитивно-логическим и интерпретационным путем, то есть на основании своей интуиции и своего опыта, которые являются частью общественного опыта.

Результаты и их обсуждение. Для данного исследования актуальным является определение юмора, предложенное R. Martin: юмор – это, по сути, положительная эмоция, вызываемая в социальных контекстах когнитивным процессом оценки шуточного, несерьезного высказывания. В социальных взаимодействиях юмор приобретает много различных форм, включая «консервированные шутки», спонтанные шутки и непреднамеренные забавные высказывания и действия [6]. Юмор находится постоянно в развитии. Эволюция юмора «зависит и от биологической эволюции психики, и от логики культуры, вплоть до логики смены парадигмальных научных

понятий» [1]. И если способность субъекта выявлять, фиксировать и осмысливать комическое и эмоционально на него реагировать связана с наличием определенного уровня абстрактно-логического мышления, то необходимость продуцирования шуток обусловлена своими специфическими моментами [7, с. 73]. Существуют различные подходы, пытающиеся объяснить предпочтения тех или иных форм юмора в коммуникации. С точки зрения психологии, по мнению ряда ученых (М. Евстафьева, К. Lehman, L. Burke, R. Martin, J. Sultan, D. Czech и др.), тяготение к черному юмору связано с такими эмоциональными состояниями, как растерянность перед опасностью; тревога, связанная с неопределенностью будущего; беспомощность. Черный юмор определяется как вид юмора, который касается следующих внушающих страх феноменов: смерть, болезнь, уродство, инвалидность, война – и используется для выражения абсурда, бесчувственности, парадокса и жестокости современного мира. Персонажи или ситуации обычно гиперболизируются далеко за пределы обычной сатиры или иронии, что требует дополнительных когнитивных усилий для создания или восприятия шуток. Кроме того, черный юмор, часто использующий языковые средства, которые характерны для создания трагизма, иногда приравнивается к трагическому фарсу и воспринимается как нездоровый, отталкивающий, психопатический, извращенный, но часто и очень смешной [8, с. 160]. С позиции когнитивного подхода черный юмор является одной из форм ценностной рефлексии, для которой характерно смещение модально-оценочной направленности через несовместимость и преувеличение, что в значительной степени присуще всем юмористическим текстам. Освоение реальности в форме черного юмора специфично, это преломление ситуации через призму объективных представлений об идеале и действительности [8, с. 56].

Для объективного изучения характеристик черного юмора необходимо различать его тематические доминанты: «У юмора не всегда есть цель (которая, как известно, характеризует любую деятельность), но всегда есть предмет, поэтому юмор всегда связан с психическим отражением. Что бы не вычленилось в объекте как предмет юмора – безобразие, нелепость, несоответствие, противоречие, ненормативность – это всегда восприятие или рецепция этой нелепости, несоответствия и т.д. в объекте. Возможен и активный поиск восприятий, окрашенных юмором, как возможна вообще и “тонка за эмоциями”. Таким образом, к характеристике предметной отнесенности юмора добавляются характеристики субъектной активности, как внешне, так и внутренне направленной» [1].

Одной из тематических доминант черного юмора является одиночество и все, что имеет отношение к нему. Обращение в черном юморе к теме одиночества не случайно: «с недавних пор одиночество стали называть социальным бедствием, социальной болезнью, “многоликой” и “коварной”, вызывающей одновре-

менно сострадание и протест» [10, с. 3]. Н. Покровский выделил такие аспекты одиночества, общие для любых его проявлений и необходимые для понимания этого феномена: это – особая форма самовосприятия, утверждение своей «самости», говорящее в то же время о некоем разладе во внутреннем мире личности; предполагает полную погруженность человека в самого себя и носит целостный, всеохватывающий характер; характеризуется отсутствием или разрывом социальных связей человека и порождает целый комплекс отрицательных эмоций у субъекта [6, с. 11]. Проблема описания одиночества сама по себе является чрезвычайно сложной, «предполагающей как минимум существование различных моделей-концептов, определяющих различные “замеры” состояния, называемого одиночеством» [10, с. 4]. В данном исследовании для описания одиночества важное значение имеет положение, суть которого состоит в том, что все эмоции, за исключением базовых (радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, горе, стыд, интерес, вина, смущение), являются сложными конструкциями. В работе были проанализированы эмоции, возникшие в процессе синкретизма разных элементов, но при этом обязательным условием для включения этой сложной эмоции в процесс анализа было поставлено присутствие эмоции одиночества как одного из компонентов.

Поскольку дескрипция одиночества связана с характеристикой эмоционального состояния, то вполне логично на языковом уровне интерпретировать этот феномен через категорию эмотивного значения [11] или близкую ему по значению категорию эмосемы, понимаемой как «специфический вид сем, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака “эмоция” и семных конкретизаторов ‘любовь’, ‘презрение’, ‘унижение’ и др., список которых открыт и которые варьируют упомянутый семантический признак (спецификатор) в разных словах по-разному» [12, с. 84].

Анализ паттернов черного юмора, отражающих различные аспекты переживания одиночества, позволил выделить такие эмотивные значения:

1. ‘Превосходство’. Специфика данного эмотивного значения в черном юморе состоит в том, что оно отражает индивидуалистический тип мировоззрения, согласно которому признается превосходство интересов отдельного человека над интересами коллектива и общества, а также возможность влияния и изменения окружающего мира в соответствии с его индивидуальными потребностями субъекта. Основными паттернами черного юмора, содержащими эмотивное значение ‘превосходство’, являются шутки, выражающие *ощущение своей уникальности* (*Я с детства знала, что со мной что-то не так. Все мечтали стать принцессами, а я – ведьмой*); иллюзорное превосходство, при котором субъект переоценивает свои собственные качества и способности по отношению к тем же качествам и способности других людей (*С каждым человеком нужно говорить*

в формате его бреда; Я раньше думал, что глаза людей излучают солнечный свет, но теперь понял, что это солнце просвечивает сквозь пустую башку); понимание свободы как свободы субъекта мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями (Я не хочу ругаться матом, и обижаться не хочу. Сейчас найду свои патроны, и будет так, как захочу); вседозволенность (Никогда не следует ни на кого злиться. От этого дрожат руки и сбивается прицел); автономное существование индивида (Не хочу хвастаться, но я избегал контакта с людьми еще до коронавируса). В приведенных примерах проявляется механизм психологической защиты некоторого образа «Я», который субъект сознательно или бессознательно конструирует для эффективного функционирования в обществе. Хотя ощущение своей уникальности и превосходства может помочь добиться успеха, оно часто сопровождается одиночеством.

2. 'Отчуждение'. Фигурирование этого эмотивного значения в черном юморе связано с переживанием отчужденности человека от общества, поскольку дистанцирование и отвержение других приводит к тому, что субъект чувствует себя оторванным от окружающего мира. Рассмотрим следующие примеры: «Расскажи про свое хобби». – «Я люблю наблюдать за ядовитыми змеями в дикой природе. Знаешь, ни с чем не сравнится то чувство риска, когда ты смотришь на них вблизи и знаешь, что в любой момент они могут тебя укусить и...». – «Ты работаешь в женском коллективе?» – «Да»; «Добро пожаловать в наш дружный коллектив». – «Можно я открою окно?» – «Мы здесь таких не любим». Данные паттерны отображают ситуацию, где отвержение является способом манипулирования, который используется практически любыми коллективами, особенно существующими достаточно долго. К человеку, который ведет себя не по правилам сложившегося коллектива, с большой вероятностью будут применяться такие суггестивные тактики и приемы, как неприятие, игнорирование, дистанцирование, до тех пор, пока он не станет таким, как все. Подобное отношение болезненно воспринимается субъектом, а видом реагирования на отвержение и отчуждение может стать отрицание важности близких отношений, что ведет к одиночеству. Доминирующая личность с ярко выраженными агрессивными тенденциями в шутках, относящихся к жанру черного юмора, демонстрирует свою независимость от других людей: Не кричите, пожалуйста. Мне трудно Вас игнорировать; Сосед сильно рассердился, когда узнал, что я о нем такого же мнения, какого он обо мне. Избегание конфронтации, конфликтов, дискуссий и ситуаций «соперничества» характерно для личности, которая не испытывает обостренного негативного чувства одиночества: По данным прокуратуры треть всех преступлений совершается под воздействием алкоголя. Только подумайте – почти 70% совершают трезвые! Увидел трезвого – перейди на другую сторону улицы – зачем рисковать.

3. 'Чувство обиды'. В паттернах черного юмора обида представлена как событие, причин для которого – огромное количество, но которое оценивается субъектом как нанесение ущерба для чести или статуса, несправедливое нарушение прав, оскорбительное отношение. Чувство обиды – переживание этого события, которое может проявляться в виде протеста, обвинений (Решила проверить, знают ли друзья дату моего рождения и перенесла ее на неделю раньше во всех социальных сетях. Первым меня поздравил муж), агрессии (Не расстраивайся, если тебя никто не замечает! Из тебя может выйти отличный снайпер!), переживаний страдания (Успех – это когда тебя даже не знают, но уже ненавидят). Манифестация чувства обиды используется для привлечения внимания и давления на партнера. Чувство обиды – сложная эмоция, это сочетание нескольких, причем разнонаправленных эмоций, но среди них обязательно присутствует одиночество, к которому могут примешиваться страдание, гнев, страх, вина, стыд.

4. 'Ненужность'. Спецификой этого эмотивного значения в шутках жанра черного юмора – наличие в нем таких семантических маркеров, которые расширяют и дополняют значение рассматриваемого номинанта, как 'бесполезность', 'не востребуемость', 'никчемность' (Каждый день вижу столько бесполезных людей, а ведь они могли стать чьими-то органами; «А ты когда-нибудь боялась меня потерять?» – «Один раз, когда мы бежали к маршрутке, а деньги на проезд были у тебя»). Приведенные паттерны отображают процесс, когда у субъекта под воздействием негативного эмоционального давления активизируются психологические защитные механизмы, что приводит к желанию абстрагироваться, уединиться и изолироваться. В дальнейшем, на уровне бессознательного, субъект создает вокруг себя непроницаемую стену, избегая всякого взаимодействия с окружающим миром. Такие эмоциональные переживания ненужности и невостребованности возникают, когда внешняя угроза, от которой защищала психика, ушла, но стена изоляции, а как последствия – и одиночества, так и осталась.

5. 'Изолированность'. Особенностью этого эмотивного значения в паттернах черного юмора является присутствие в нем семантических маркеров 'способность быть одному', 'уединенность': Раньше при встрече снимали шляпу. Сейчас из уха достают наушник. В знак особого уважения – два; Раньше я опасалась, что меня могут бросить и забыть... Теперь я опасаясь, что меня могут запомнить и найти. Активизация семантического компонента 'уединенность' свидетельствует о возможности позитивной оценки одиночества в жизни человека в том случае, когда полная самостоятельность от остальных людей направлена на саморегуляцию и рефлекссию, проверку своих мыслей и чувств. Изолированность как условие позитивного проявления состояния одиночества может быть важной частью работы для художников, писателей, музыкантов, которые отражают не только события, но и собственные впечатления от них.

6. 'Разочарование'. Разочарование, понимаемое как результат работы механизма психологической защиты, используемого для спасения от боли отвержения, предательства, утраты, неудачи, обычно указывает на причину одиночества: *Если ты начинаешь разочаровываться в людях – не пугайся, ты – на правильном пути; Две причины, по которым я не доверяю людям: 1. Я их не знаю. 2. Я их знаю.*

7. 'Страх'. Эмотивное значение 'страх' получает в паттернах черного юмора конкретизацию, например, 'страх ответственности и потери личного пространства' (*Вчера был у нее дома. Все стены обвешаны ружьями для охоты. Что меня напрягает больше всего – она меня постоянно называет «зайчик»*); 'страх разочарования' (*Третий день подряд мне снится свадьба. Я уж испугался, что это к отношениям или женитьбе, но обошлось – сонник говорит, что это к беде или смерти*); 'страх повторения неудачного опыта' (*А доверять сейчас вреднее, чем курить*). В данных примерах отображается ситуация, когда субъект колеблется между страхом отношений и страхом одиночества (*«Зачем ты постоянно спрашиваешь меня, когда я женюсь на тебе?» – «Мне нравится видеть страх в твоих глазах»*; *«Милый, может я останусь у тебя ночевать?» – «Поздно, я уже вызвал лифт»*). При этом возникает парадокс: субъект стремится к отношениям, но как только они становятся возможными, он делает все, чтобы их избежать или разрушить.

8. 'Гнев'. Эмотивное значение 'гнев' в контексте одиночества приобретает в черном юморе отличительные черты: оно сигнализирует о нарушении личного пространства личности, в результате чего субъект начинает испытывать внутренний дискомфорт. Это ведет к созданию негативной модели отношений, проявляющейся в категорическом социальном избегании, защитном или враждебном отношении к другим (*Мой психолог сказал: «Напиши письмо человеку, который тебя бесит и сожги его».* – *«Хорошо, а с письмом что делать?»*). Вторжение в личное пространство чревато серьезными последствиями, вплоть до разрыва отношений (*Не знал, что состою в отношениях, пока со мной не начали их выяснять*). Нами были также отмечены эмотивные значения, которые отражают деятельностный аспект значения 'гнев', а именно: 'воинственность' (*Если Вам кажется, что у меня опустились руки, Вы ошибаетесь – я наклонилась за топором*), 'бунтарство' (*«Я хочу дарить людям тепло!» – «Положи канистру с бензином на место»*), 'нетерпеливость', 'несдержанность' (*Детство – это когда ты не паришься из-за чьего-то мнения. Тебе просто плевать, обсыпал урода песком – и все*), 'устрашение' (*Не злите меня, и так трупы прятать негде. Шучу я, шучу, мест еще достаточно*), 'агрессия' (*Переубедить Вас мне не удастся. Поэтому сразу перейдем к оскорблениям; Самый сильный ход в шахматах – это удар доской*).

9. 'Отчаяние'. Цель этого эмотивного значения в черном юморе, отражающего аспект одиночества, – манифестация эмоциональных особенностей процесса переживания одиночества: *Господи, я действительно просил, чтобы у меня наконец-то появился хоть кто-нибудь! Но почему глисты?* Сходным функционалом обладает также эмотивное значение 'жалость к себе' (*Хотел было поплакаться, что меня никто не любит, но пара человек портит мне статистику*).

10. 'Разочарование'. Спецификой данного эмотивного значения в шутках жанра черного юмора в ракурсе одиночества является то, что оно отражает цинизм, понимаемый как мировоззрение, для которого характерно откровенно вызывающе-пренебрежительное и презрительное отношение к такому высшему чувству, как любовь: *«Что такое любовь на расстоянии?» – «Это когда ты на работе, кровать дома, а алкоголь – в баре»*; *Ничего с женщинами не сложно. Обнял, сказал, что красивая, умная. Если ничего в голову не лезет, спросил: «Я не понял, ты похудела, что ли?»*. Готово. Вы – идеальный мужик. Значение 'разочарование' включено в ситуацию, когда субъект всю жизнь опирается на разочарования прошлого, полностью отрицает возможность полноценных человеческих отношений и насмехается над ними. Такие паттерны черного юмора можно охарактеризовать как саркастические, грубые, аморальные.

Заключение. Манифестация одиночества в черном юморе социальных сетей характеризуется яркой эмоциональной окраской. Анализируя различные паттерны черного юмора, размещенные в социальной сети Facebook, можно сделать вывод о том, что одиночество – это субъективное переживание, зависящее как от социального контекста, так и от самой личности. Переживание одиночества на языковом уровне манифестируется в следующих эмотивных значениях: 'превосходство', 'отчуждение', 'чувство обиды', 'ненужность', 'изолированность', 'разочарование', 'страх', 'гнев', 'отчаяние', 'жалость к себе', 'разочарование'. В большинстве случаев одиночество репрезентируется имплицитно, оно зашифровано в языковых единицах, коннотация которых часто модулирует то или иное эмотивное значение.

Литература

1. Домбровская, И.С. Юмор в контексте развития / И.С. Домбровская. – Т/О «Neformat», 2014. – 280 с.
2. Kugler, L. That's not funny! – But it should be: effects of humorous emotion regulation on emotional experience and memory / L. Kugler, C. Kuhbandner // Front. Psychol. – 2015. – № 6. – P. 1296.
3. Samson, A.C. Humour as emotion regulation: the differential consequences of negative versus positive humour // A.C. Samson, and J.J. Gross / Cogn. Emot. – 2012. – № 26. – С. 375–384.
4. Галеева, Е.В. Психолингвистические основы вербального обозначения эмоций / Е.В. Галеева // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 4. – Том 7. – С. 126–129.

-
5. Тимошук, А. Феномен черного юмора: особливості використання в рекламній комунікації [Электронный ресурс] / А. Тимошук. – Электрон. текстовые дан. – Національний університет «Острозька академія», 2015. – Режим доступа: <https://naub.oa.edu.ua>, свободный.
 6. Покровский, Н.Е. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки / Н.Е. Покровский, Г.В. Иванченко. – М.: Логос, 2008. – 408 с.
 7. Грабарчук, О.Н. Юмор в пространстве современной украинской культуры / О.Н. Грабарчук, Н.В. Рибачук // Гуманітарний часопис. – 2018. – № 2. – С. 72–79.
 8. Willinger, U. Cognitive and emotional demands of black humour processing: the role of intelligence, aggressiveness and mood // U. Willinger, A. Hergovich, M. Schmoeger [et al.] / Cogn Process. – 2017. – № 18. – P. 159–167.
 9. Мусийчук, М.В. Профилактика суицидального поведения на основе изменения модально-оценочной направленности средствами черного юмора / М.В. Мусийчук // Тюменский медицинский журнал. – 2013. – № 3. – С. 55–56.
 10. Пузанова, Ж.В. Социологическое измерение одиночества : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01 / Ж.В. Пузанова ; ГОУВПО «Российский университет дружбы народов». – М., 2009. – 298 с.
 11. Ветюгова, Л.А. Лексические средства выражения и описания эмоций в немецком языке [Электронный ресурс] / Л.А. Ветюгова. – Электрон. текстовые дан. – Пятигорский государственный лингвистический университет, 2008. – Режим доступа: https://www.pglu.ru/upload/iblock/626/uch_2008_iii_00035.pdf, свободный.
 12. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 190 с.

Поступила в редакцию 30.03.2020

Темпорально-пространственная симметрия китайского языка: способы выражения

Чекулаева А.С.

Белорусский государственный университет, Минск

Работа посвящена исследованию темпорально-пространственной симметрии китайского языка. Подробно рассматривается ряд директивов, участвующих в образовании не только локативов, но и темпоративов, дается характеристика модели построения сложных директивов с темпоральной семантикой.

Цель статьи — сравнительный анализ способов выражения темпорально-пространственной ориентации в китайском языке.

Материал и методы. Материалом исследования послужили предложения, отобранные методом случайной выборки из трех корпусов китайского языка: Корпуса текстов Пекинского университета, Корпуса текстов Пекинского лингвистического университета, Корпуса современного китайского языка Государственного комитета по языковой политике и реформе. Использованы описательный метод, метод сопоставительно-типологического анализа, нелинейные методы (таблицы).

Результаты и их обсуждение. Рассмотрен ряд директивов, участвующих в образовании локативов и темпоративов. Проведен анализ модели построения сложных директивов с темпоральной семантикой и словообразовательной активности антонимических пар директивов. Установлены средства выражения расстояния и динамического характера пространственно-временных отношений. Охарактеризованы принципы построения сложных темпоративов и локативов, придаточных времени и места.

Заключение. Для темпорально-пространственной симметрии китайского языка характерны использование схожих средств для образования локативов и темпоративов, выражения расстояния и динамического характера отношений; схожесть моделей и принципов построения сложных темпоративов и локативов, придаточных времени и места.

Ключевые слова: директив, локатив, темпоратив, темпоральная ориентация, пространственная ориентация, темпорально-пространственная симметрия.

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 202–206)

The Temporal-Spatial Symmetry of the Chinese Language: Ways of Expression

Chekulayeva A.S.

Belarusian State University, Minsk

This article is devoted to the study of temporal-spatial symmetry of the Chinese language. A number of directives which participate in shaping not only locatives but also temporatives are considered in detail. The model of building complex directives with temporal semantics is characterized.

The purpose of the article is a comparative analysis of the ways of expressing temporal-spatial orientation in the Chinese language.

Material and methods. The material of the study is the sentences selected by random sampling from three Chinese language corpora: Peking University Text Corpus, Peking Linguistic University Text Corpus, State Chinese Language Policy and Reform Committee Modern Chinese Corpus. The main research methods were a descriptive method, a comparative typological analysis method and non-linear methods (tables).

Findings and their discussion. A number of directives involved in the formation of locatives and temporatives are described. The author made the analysis of the model for constructing complex directives with temporal semantics and word-building activity of antonymic pairs of directives. Means of expressing the distance and dynamic nature of temporal-spatial relationship are established. The principles of constructing complex temporatives and locatives, clauses of time and place are described.

Conclusion. The temporal-spatial symmetry of the Chinese language is characterized by: the use of similar means for the formation of locatives and temporatives, expressing the distance and dynamic nature of relations, the similarity of models and principles for constructing complex temporatives and locatives, clauses of time and place.

Key words: directive, locative, temporative, temporal orientation, spatial orientation, temporal-spatial symmetry.

(Scientific notes. — 2020. — Vol. 31. — P. 202–206)

Большинство исследований на тему пространственно-временных отношений посвящено отдельному рассмотрению категорий темпоральности и моделей времени в картине мира носителей китайского языка [1–4] или категорий места [5], в том числе в лингводидактическом освещении [6].

Исследования же, затрагивающие сопоставительный аспект, как правило, сравнивают средства выражения пространственных [7] или временных [8] отношений в разноструктурных языках: русском и китайском. Сопоставительные исследования ставят перед собой лингводидактическую цель [9].

Цель статьи – сравнительный анализ способов выражения темпоральной и пространственной ориентации в китайском языке.

Материал и методы. Материалом исследования послужили предложения, отобранные методом случайной выборки из трех корпусов китайского языка: 北京大学语料库 (Корпус текстов Пекинского университета), 北京语言大学汉语语料库 (Корпус текстов Пекинского лингвистического университета), 国家语委现代汉语语料库 (Корпус современного китайского языка Государственного комитета по языковой политике и реформе). Использованы описательный метод, метод сопоставительно-типологического анализа, нелинейные методы (таблицы).

Результаты и их обсуждение. Как правило, директивы или «существительные-направления» (方位词)¹ принято рассматривать в качестве средства обозначения пространственной ориентации и образования локативов (处所词), т.е. существительных, имеющих «пространственные значения» [10, с. 14]. Однако при сочетании с существительными директивы способны образовывать «темпоративные словосочетания» [10, с. 15] или темпоративы (时间词), выражающие «временную отнесенность или временной отрезок» [10, с. 14]. Таким образом, первоначально передаваемые директивами «пространственные отношения могут переноситься на временные» [11, с. 239].

Рассмотрим более подробно на примерах, как один и тот же односложный директив 内 («внутри») служит средством передачи пространственных и временных отношений в китайском языке:

车厢内很舒适, 设有空调 (《美国的交通运输业小议》金振东) (букв. «**В вагоне** очень уютно, установлен кондиционер» («Краткие комментарии о промышленности путей сообщения и транспорта США», Цзинь Чжэньдун)), в данном примере статическое обстоятельство места (отвечает на вопрос *где?*) выражено локативом 车厢内 (букв. «в вагоне»), образованным при помощи директива 内 («внутри»);

当然, 在短时间内很难真正了解中国 (《从法国的大学到中国的大学》罗端·傅雷特) (букв. «Конечно, **за короткий период** тяжело по-настоящему понять Китай» («Из французского университета в китайский университет», Лотуань Фулэйтэ)). В приведенном примере

обстоятельство длительности времени (отвечает на вопрос *за какой промежуток времени?*) выражено темпоративом 在短时间内 (букв. «за короткий период»), образованным при помощи директива 内 («внутри»).

Количество директивов, участвующих в создании темпоратива, более ограничено, по сравнению с рядом директивов, образующих локативы. Так, при передаче временных отношений в китайском языке не используются такие директивы, как 东 («восток»), 南 («юг»), 西 («запад») и 北 («север»); 左 («слева») и 右 («справа»); 对 («напротив»). Редко употребляются следующие директивы:

1) 外 («внешний»): 期外 «за пределами данного срока», 五帝之外 «за пределами эпохи Пяти императоров»;

2) 旁 («сбоку»), в темпоративных конструкциях имеет значение «к наступлению, перед, к»: 旁天亮 «к рассвету, перед рассветом»; 旁太阳下落的时候 «к заходу солнца, перед закатом».

Директив 间 («среди») может образовывать темпоративные конструкции и имеет следующие значения:

а) «на протяжении, в течение»: 到乾隆年间, 又有沈德潜与全祖望的文字狱 (《吴敬梓及其〈儒林外史〉》吴小如) (букв. «**В годы** правления императора Цяньлуна было вновь возбуждено судебное дело против Чэнь Дэцяня и Цюань Цзுவана» («У Цзинцзы и его “Неофициальная история конфуцианцев”», У Сяожу));

б) «во время, в момент», например, 正说话[之]间 «как раз во время разговора...»: 正说话间, 长松从粥场回来了 (《黄河东流去》李準) (букв. «**Как раз во время беседы** Чан Сун вернулся от Юй Чана» («Река Хуанхэ течет на восток», Ли Чжунь));

в) переводится наречием времени или существительным с предлогом «в»: 晚间 «вечером»; 午间 «в полдень»; 夜间 «ночью»: 夜间, 弟兄们放下走累了玩辛苦了的身躯在褥上做梦 (《剿匪》杜林树) (букв. «**Ночью** братья уснули на матрасах, устав от ходьбы и игр» («Уничтожая бандитов», Ду Линьшу)).

Помимо приведенных выше примеров с директивами 内 («внутри») и 间 («среди»), семантика «в процессе», «в течение» также может быть передана при помощи директивов 里 («внутри») и 中 («посередине»):

夜里车少, 尽可以加速地开 (《山风》周嘉俊) (букв. «**Ночью** машин мало, поэтому можно ехать как можно быстрее» («Горный ветер», Чжоу Цзяцзюнь));

В此后的一百多年中, 这里仍是一个以佛教为主的地地区 (《中国宗教史》王友三) (букв. «**В течение последующих ста с лишним лет** в этом регионе по-прежнему главенствующую роль играл буддизм» («История религий Китая», Ван Юсань)).

² Однако метафорический перенос пространственной семантики допускается при обозначении приблизительного количества (в том числе в составе обстоятельства времени): 晚上6点左右, 美琪大戏院的门口开始人潮如涌 (《美的使者—周洁的沉思》罗端·傅雷特) (букв. «Около 6 часов вечера у входа в Театр Мэйци стал толпиться народ» («Прекрасный гонец: размышления Чжоу Цзе», Чжоу Цзе)). В данном примере мы не рассматриваем слово 左右 (букв. «приблизительно, примерно») как средство создания темпоратива, поскольку оно относится к числительному, а не ко всему темпоративу в целом.

¹ Более подробно о директивах, их видах и способах образования см. [12].

Классическими примерами использования директива 上 «вверху» в постпозиции могут служить темпоративы 早上 «утром» и 晚上 «вечером»:

她老是叽叽咕咕, 唠唠叨叨, 早上、晚上都在枕边吵得人心烦 (《战争和人》王火) (букв. «Она постоянно что-то бормотала и болтала без умолку, беспокойно металась в постели *утром* и *вечером*» («Война и люди», Ван Хо)).

Несмотря на активность антонимической пары 上 «вверху» и 下 «внизу» в процессе передачи временных отношений, постпозитивное употребление директива 下 «внизу» не всегда коррелирует с 上 «вверху»: по-китайски можно сказать 晚上 «вечером» или 早上 «утром», но сочетания 晚下 или 早下 не существует. Однако это не означает, что директив 下 «внизу» не используется в постпозиции при образовании темпоративов: об этом свидетельствует наличие таких примеров, как 年下 «новогодние дни (*период до, во время и после праздника Весны*)» и 节下 «к празднику, под праздник»:

乡长在年下刚娶了一个才十五岁长得很漂亮的妻子 (《夜》丁玲) (букв. «*Под новый год* волостной старшина как раз взял в жены красавицу всего 15 лет от роду» («Ночь», Дин Лин));

整个“节下”半个月, 没有下雪雨 (《黄河东流去》李準) (букв. «Целых полмесяца “*под праздник*” не было ни снега, ни дождя» («Река Хуанхэ течет на восток», Ли Чжунь)).

Стоит отметить, что при создании темпоратива допускается использование не только односложных директивов (простых方位词), но и сложных директивов (составных方位词), образованных по модели: *морфема* 之 или 以 + директив. Антонимическая пара односложных директивов 前 «вперед» и 后 «позади» образует многосложные директивы со значением «до» (以前 или 之前) и «после» (以后 или 之后)³.

一小时之后, 对面的黑云岭上, 接连飞起了三颗红色的信号弹 (《东方》魏巍) (букв. «*Через час* над горным хребтом напротив, над которым вились черные тучи, подряд взмыли ввысь три красные сигнальные ракеты» («Восток», Вэй Вэй)).

“你得几点钟回去?”他说。“七点以前” (《朱门》林语堂) (букв. «Во сколько ты должен вернуться? – Он сказал: “*До семи часов*”» («Красные ворота», Линь Юйтан)).

Однако директив, участвующий в образовании темпоратива, не может сочетаться с «локативными суффиксами» 边 («бок»), 面 («поверхность»), 头 («оконечность»)⁴: сложные директивы, образованные таким способом, могут участвовать только в создании локатива. Так, темпоратив «три дня назад» можно построить

³ Антонимическая пара 以上 «свыше» / 以下 «менее» употребляется при обозначении не времени, а количества: 他十岁以下 «ему меньше десяти лет»; 这个西瓜有十斤以上 «этот арбуз весит более 5 кг».

⁴ Аналогично в русском языке: наречие или предлог внутри является «комбинированным образованием» [11, с. 237] (внутри ← в нутри (в нутре)), а «вторая часть этимологически является существительным» [11, с. 237].

двумя способами: 三天前 (односложный директив) и 三天以前 (или 三天之前) (двусложный директив).

Наибольшей активностью при образовании темпоративов обладают две антонимические пары: 前 «вперед» и 后 «позади»; 上 «вверху» и 下 «внизу». Употребление вышеуказанных пар директивов при обозначении временных отношений является следствием «вторичной метафоризации»: «из пространственного взаиморасположения развивается значение иерархии – господства и подчинения, значение качества “лучше/хуже” и порядковое значение “первое/второе” (во временном плане – “предшествующее и последующее”))» [4, с. 35].

Рассмотрим подробно «пару пространственных координат» [4, с. 37] 前 «вперед» и 后 «позади». В табл. 1 представлена продуктивность оппозиции вышеуказанных директивов в процессе образования темпоративов.

Проанализировав продуктивность антонимической пары директивов 前 «вперед» / 后 «позади» при образовании темпоративов, можно заметить интересную особенность восприятия времени носителями китайского языка: к будущему человек повернут спиной, поскольку не имеет представления о том, что произойдет дальше. Существует другая точка зрения, согласно которой для китайцев «протекание времени воспринимается ретроспективно и релятивизируется последовательностью вступления на этот путь людей: те, которые идут вперед, уходят в прошлое раньше»: 前人 = предшественники (буквально «вперед идущие люди») и 后人 = потомки (буквально «следующие за [нами] люди») [4, с. 38].

Антонимическая пара директивов 上 «вверху» и 下 «внизу» также отличается достаточно высокой степенью продуктивности при образовании темпоративов (табл. 2):

Анализ данных табл. 1 и 2 позволяет увидеть, что некоторые родовые понятия, обозначающие промежуток времени, могут употребляться с двумя антонимическими парами: например, слово 月 «месяц». Однако существует определенная градация в обозначении последовательности временного промежутка: антонимическая пара 前 «вперед» / 后 «позади» употребляется при образовании темпоративов со значением «позапрошлый» / «следующий за следующим», соответственно. А антонимическая пара 上 «вверху» / 下 «внизу» применяется при образовании темпоративов со значением «прошлый» / «следующий», соответственно. Особенностью китайского языка является то, что некоторые родовые понятия с темпоральной семантикой могут сочетаться с двумя антонимическими парами директивов: так, сочетания «позапрошлый месяц» / «через месяц» можно перевести на китайский язык двумя способами (前月/后月 и 上上(个月)/下下(个月)). Дублирование директивов 上 «вверху» / 下 «внизу» представляет собой способ передачи семантики «позапрошлый» / «следующий за следующим» для тех родовых понятий, которые не употребляются с антонимической парой директивов 前 «вперед» / 后 «позади». Например, 星期 «неделя»:

**Продуктивность антонимической пары директивов 前 «вперед» / 后 «позади»
в процессе образования темпоративов**

Родовые понятия	Директив 前 «вперед»	Директив 后 «позади»
世 «век»	前世 «предыдущие века»	后世 «последующие века»
年 «год»	前年 «позапрошлый год»	后年 «через год»
月 «месяц»	前月 «позапрошлый месяц»	后月 «через месяц»
天 «день»	前天 «позавчера»	后天 «послезавтра»

Таблица 2

**Продуктивность антонимической пары директивов 上 «вверх» / 下 «вниз»
в процессе образования темпоративов**

Родовые понятия	Директив 上 «вверх»	Директив 下 «вниз»
年 «год»	上年 «прошлый год»	下年 «будущий год»
月 «месяц»	上(个)月 «прошлый месяц»	下(个)月 «следующий месяц»
旬 «декада»	上旬 «первая декада»	下旬 «последняя декада»
星期 «неделя»	上(个)星期 «прошлая неделя»	下(个)星期 «следующая неделя»
周 «неделя»	上周 «прошлая неделя»	下周 «следующая неделя»
午 «полдень»	上午 «до полудня»	下午 «после полудня»

上上(个)星期 «позапрошлая неделя» / 下下(个)星期 «через неделю».

Для выражения расстояния во временных или пространственных отношениях используется предлог 离, произошедший от глагола 离 «держаться в отдалении», «отстоять далеко от»:

1) «на расстоянии в...; от» (применяется при образовании локатива): 我听说她是太太的表亲, 住得离北京不远 (《京华烟云》林语堂) (букв. «Я слышал, что она родственница жены, живет *недалеко от Пекина*») («Облака дыма над столицей», Линь Юйтан)).

2) (о времени) «[осталось ...] до...» (используется при образовании темпоратива): 离下班只有二十分钟了<...> (《穆斯林的葬礼》霍达) (букв. «*До конца рабочего дня* осталось всего 20 минут <...>») («Мусульманские похороны», Хо Да)).

В процессе образования темпоратива и локатива, выступающего в качестве динамического обстоятельства времени и динамического обстоятельства места соответственно, наблюдается явная симметрия в употреблении пары директивов: 从...到... «с ... до...» (указание на временные отношения) / «от ... до...» (указание на пространственные отношения):

Динамическое обстоятельство времени («с какого времени? по какое время?»): 大家从早到晚都是生活在人堆里 (《赤地之恋》张爱玲) (букв. «*С утра до вечера* все находились в толпе людей») («Любовь на выжженной земле», Чжан Айлин)).

Динамическое обстоятельство места («откуда? куда?»): 那时还没有公共汽车, 从西直门到西山是骑驴去的 (《冰心全集第八卷》冰心) (букв. «В то время еще не было автобусов, и *от квартала Сичжимэнь до горы Сишань* приходилось добираться верхом на осле») («Полное собрание сочинений Бин Синь, том 8», Бин Синь)).

Следует отметить, что сложный (составной) темпоратив и сложный (составной) локатив в китайском языке одинаково подчиняются принципу построения от большего к меньшему⁵:

1961年的12月26日, 是中国人民的伟大领袖六十九岁诞辰 (《穆斯林的葬礼》霍达) (букв. «*26 декабря 1961 года* – 69-й день рождения великого вождя китайского народа») («Мусульманские похороны», Хо Да)).

翠芝道: “是王府街四十一号” (《半生缘》半生缘) (букв. «Цуй Чжи сказала: “*Это улица Ванфу, дом номер 41*”») («Половина судьбы», Чжан Айлин)).

Говоря о темпорально-пространственной симметрии китайского языка, нельзя не упомянуть о схожести моделей построения придаточных времени и места, а именно при помощи структур ...的时候 и ...的地方 соответственно, которые ставятся в конце подчиненного предложения:

⁵ В русском языке данный принцип привычен при обозначении сложного локатива (например, адреса), однако для сложного темпоратива (например, даты с указанием числа, месяца и года) характерен обратный порядок.

那天我去了码头，我到的时候你已经走了 (《战栗》余华) (букв. «В тот день я пошел на причал, *когда я пришел*, он уже ушел») («Дрожащий от страха», Юй Хуа)).

我原不认得他，因为在我教书的地方，常会见他，所以认得 (《春明外史》张恨水) (букв. «Сначала я не был с ним знаком, но из-за того, что я часто видел его *там, где преподавал*, поэтому и познакомился») («Дрожащий от страха», Юй Хуа)).

Заключение. Таким образом, для темпорально-пространственной симметрии в китайском языке характерно наличие следующих признаков.

Прежде всего, следует отметить ряд директивов, участвующих в образовании темпоратива как средства передачи темпоральной ориентации индивида в китайском языке. Директивы 内 («внутри»), 里 («внутри»), 间 («среди») и 中 («посередине») передают темпоральную семантику «в процессе», «в течение». Антонимические пары 前 «вперед» / 后 «позади» и 上 «вверх» / 下 «вниз» обладают высокой степенью продуктивности при образовании темпоративных сочетаний. Редко употребляются директивы 外 («внешний») и 旁 («сбоку»). Однако при передаче временных отношений в китайском языке нами не были обнаружены такие директивы, как 东 («восток»), 南 («юг»), 西 («запад») и 北 («север»); 左 («слева») и 右 («справа»); 对 («напротив»), передающие исключительно ориентацию индивида в пространстве.

При создании темпоратива допускается использование не только односложных директивов (单纯方位词), но и сложных директивов (合成方位词), образованных по модели: морфема 之 или 以 + директив. Однако директив, участвующий в образовании темпоратива, не может сочетаться с «локативными суффиксами» 边 («бок»), 面 («поверхность»), 头 («оконечность»).

Наибольшей активностью при образовании темпоративов обладают две антонимические пары: 前 «вперед» и 后 «позади»; 上 «вверх» и 下 «вниз». Употребление вышеуказанных пар директивов при обозначении временных отношений является следствием вторичной метафоризации. Существует определенная градация в обозначении последовательности временного промежутка: антонимическая пара 前 «вперед» / 后 «позади» употребляется при образовании темпоративов со значением «позапрошлый» / «следующий за следующим», соответственно; а антонимическая пара 上 «вверх» / 下 «вниз» употребляется при образовании темпоративов со значением «прошлый» / «следующий», соответственно.

Для выражения расстояния во временных и пространственных отношениях применяется предлог 离, произошедший от глагола 离 «держаться в отдалении», «отстоять далеко от».

В процессе образования темпоратива и локатива, выступающего в качестве динамического обстоятельства времени и динамического обстоятельства места, наблюдается явная симметрия в употреблении пары директивов: 从...到... «с ... до...» (указание на времен-

ные отношения) / «от ... до...» (указание на пространственные отношения).

Сложный (составной) темпоратив и сложный (составной) локатив одинаково подчиняются принципу построения от большего к меньшему.

Темпорально-пространственная симметрия китайского языка также характеризуется схожестью моделей построения придаточных времени и места, а именно при помощи структур ...的时候 и ...的地方, которые ставятся в конце подчиненного предложения.

Литература

1. Алжеева, М.М. Модель времени в китайском языке / М.М. Алжеева // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: Политические науки. Востоковедение. – 2013. – № 23(314). – С. 131–133.
2. Лян, С. Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода (на фоне китайского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сюань Лян; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет. – М., 2008. – 40 с.
3. Синкевич, Д.А. Категория темпоральности в лингвофилософском освещении / Д.А. Синкевич // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 7(188). – С. 148–152.
4. Тань, А. О модели времени в китайской языковой картине мира / Аошун Тань // Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Аошун Тань. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 31–42.
5. Шатравка, А.В. Грамматические способы выражения места в современном китайском языке / А.В. Шатравка // Общество и государство в Китае: сб. ст. / Институт востоковедения РАН; редкол.: А.И. Кобзев [и др.]. – М., 2014. – С. 850–854.
6. Бортников, В.И. Категория времени в китайских учебных текстах и их переводах на русский язык / В.И. Бортников, Х.Д. Гасымзаде // Лингвистика: от теории к практике: сб. ст. II Межвуз. науч.-практ. конф., Екатеринбург, апр. 2015 г. / Уральский федеральный университет; отв. ред. М.О. Гузикова. – Екатеринбург, 2015. – С. 30–34.
7. Яо, Цзяжу. Средства выражения пространственных значений в русском и китайском языках / Цзяжу Яо // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2016. – № 4. – С. 150–155.
8. Цюй, Ж. Сопоставление языковых средств выражения категории времени в русском и китайском языках / Жуй Цюй // Грамота. Серия: Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 11. – С. 427–432.
9. Ван, С. Учет аспектуальных и темпоральных различий китайских и русских глаголов при обучении видам глагола в китайской аудитории / Сюемэй Ван // Преподаватель XXI век. Языкознание и литературоведение. – 2017. – № 4. – С. 207–213.
10. Готлиб, О.М. Практическая грамматика современного китайского языка: учеб. пособие для вузов / О.М. Готлиб. – Изд. 3-е, испр. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 288 с.
11. Курдюмов, В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов. – М.: Цитатель-трейд : Лада, 2005. – 576 с.
12. Чекулаева, А.С. Обстоятельство места в китайском языке: виды, способы выражения и позиции в предложении / А.С. Чекулаева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – С. 137–145.

Поступила в редакцию 26.05.2020

С ЮБИЛЕЕМ!

В августе этого года свой юбилей отмечает Зифа Какбаевна Темиргазина, доктор филологических наук, профессор, профессор Павлодарского государственного педагогического университета (Республика Казахстан).

Об этом Ученом можно говорить бесконечно, восхищаться смелостью ее научных идей, отстаиванием собственных позиций и искусством предугадывать новые лингвистические явления и проблемы. Так, за период научной деятельности этого принципиального и всестороннего исследователя была сформирована павлодарская научная лингвистическая школа, известная в Республике Казахстан и далеко за ее пределами: в России, Беларуси, Украине, Польше, Германии и др., – научная актуальность и перспективность которой обращены к самым современным и сложным направлениям лингвистики: лингвистической аксиологии, прагматике, гендерной лингвистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, теории речевых актов, этнолингвистике, сопоставительному языкознанию. Профессор З.К. Темиргазина одной из первых оценила

перспективность и необходимость полиязычного образования в средних школах. Ученый, обладающий уникальным педагогическим даром, приглашалась в качестве профессора для чтения лекций в Российский университет дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация) в 2013 и 2019 гг., в Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь) в 2013 и 2014 гг. Одной из первых ученых Казахстана ввела в практику чтение онлайн-лекций для зарубежной аудитории. З.К. Темиргазина поддерживает активные и регулярные научные связи с ведущими российскими и белорусскими языковедами.

Заслуженное уважение и известность ей принесли оригинальные научные идеи в таких направлениях современного языкознания, как лингвистическая аксиология, прагматика, получившие разработку в ее трудах и трудах учеников ее лингвистической школы. В последние годы профессор З.К. Темиргазина активно занимается гендерными аспектами языка, политической лингвистикой, семиотическими проблемами языка и литературы.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
 - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
 - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
 - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
 - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masharov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is *nauka@rsu.by*).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВГУ имени П.М. Машерова

Сборник научных трудов

Том 31

Компьютерный дизайн Е.В. Крайло

Корректор А.Н. Фенченко

Подписано в печать 28.07.2020. Формат 60х84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,41. Уч.-изд. л. 24,03. Тираж 100 экз. Заказ 88.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.